Зарницы.

Сборникъ

беллетристики,
стихотворенiй,
художественной критики,
философскихъ,
соцiальныхъ,
политическихъ,
экономическихъ и
общественныхъ
статей.

№ 1.

1908.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяч., № 39.

„Свадьба“ разсказъ—А. КУПРИНА.

„Весною“ изъ тюремныхъ преданій—А. ЯБЛОНОВСКАГО.

„Тетя Ларя“ разсказъ—В. БАШКИНА.

„Амнистія“ разсказъ—В. ТАНА.

Стихотворенія: Н. МОРОЗОВА, И. БУНИНА, А. РОСЛАВЛЕВА и Д. ЦЕНЗОРА.

Свадьба.

I.

Вапнярскій пѣхотный армейскій полкъ расквартированъ въ жалкомъ уѣздномъ юго-западномъ городишкѣ и по окрестнымъ деревнямъ, но одинъ изъ его четырехъ баталіоновъ, поочередно, отправляется съ начала осени за шестьдесятъ верстъ въ отдѣлъ, въ пограничное еврейское мѣстечко, котораго не найти на географической картѣ, и стоитъ тамъ всю зиму и весну, вплоть до лагернаго времени. Командиры ротъ ежегодно смѣняются вмѣстѣ со смѣною батальоновъ, но младшіе офицеры остаются почти одни и тѣ же. Строгій полковникъ ссылаетъ туда все, что въ полку поплоше: игроковъ, скандалистовъ, пьющихъ, слабыхъ строевиковъ, замухрышекъ, лѣнтяевъ, тѣхъ, что вовсе не умѣютъ танцовать, и просто офицеровъ, отличающихся непредставительной наружностью, „наводящей унынiе на фронтъ“, — благо, высшее начальство никогда не заглядываетъ въ отдѣлъ. Командуетъ же ссыльными баталіонами изъ зимы въ зиму уже много лѣтъ подрядъ старый, запойный, безтолковый, болтливый, но добродушный подполковникъ Окишъ.

Рождество. Послѣ долгихъ метелей установилась прекрасная погода. На улицахъ пропасть молодого, свѣжаго, вкусно пахнущаго снѣга, едва взрытаго полозьями. Солнечные дни ослѣпительно ярки и веселы. По ночамъ сіяетъ полная луна, дѣлая снѣгъ голубымъ. Къ полночи слегка морозитъ, и тогда изъ края на край мѣстечка слышно, какъ звонко скрипятъ шаги ночного сторожа.

Занятій въ ротахъ нѣтъ, вотъ уже третій день. Большинство офицеровъ отпросилось въ штабъ полка, другіе уѣхали тайкомъ. Тамъ теперь веселье: въ офицерскомъ собраніи балъ и любительскій спектакль—ставятъ „Лѣсъ“ и „Не спросясь броду, не суйся въ воду“—маскарадъ въ гражданскомъ клубѣ, пріѣхала драматическая труппа, которая ставитъ вперемежку мелодрамы, малорусскія комедіи съ гопакомъ, колбасой, горилкой и плясками, а также и легкую оперетку. У семейныхъ офицеровъ устраиваются поочередно „балки“ съ катаньемъ на извозчикахъ, съ винтомъ и ужиномъ. Изъ всего четвертаго баталіона остались только три офицера: командиръ 16-ой роты капитанъ Бутвиловичъ, болѣзненный поручикъ Штейнъ и подпрапорщикъ Слёзкинъ.

Вечеръ. Темно. Подпрапорщикъ сидитъ на кровати, положивъ нога на ногу и сгорбившись. Въ рукахъ у него гитара, въ углу открытаго толстаго рта виситъ потухшая и прилипшая къ губѣ папироска. Тоскливая тьма ползетъ въ комнату, но Слёзкину лѣнь крикнуть вѣстового, чтобы тотъ пришелъ и зажегъ лампу. За окномъ, на дворѣ, смутно торчатъ какіе-то черные, отягощенные снѣгомъ прутья, и сквозь нихъ слабо рисуются далекія крыши, нахлобучившіяся, точно бѣлыя, толстыя шапки надъ низенькими синими домишками, а еще дальше, за желѣзнодорожнымъ мостомъ, густо алѣетъ между бѣлымъ снѣгомъ и темнымъ небомъ тоненькая полоска зари.

Праздники выбили подпрапорщика изъ привычной наладившейся колеи и отуманили его мозгъ своей свѣтлой, тихой, задумчивой грустью. Утромъ онъ спалъ до одинадцати часовъ, спалъ насильно, спалъ въ счетъ будущихъ и прошедшихъ буденъ, спалъ до тѣхъ поръ, пока у него не распухла голова, не осипъ голосъ, и вѣки сдѣлались красными и тяжелыми. Ему даже казалось, что онъ видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни—какой-то сонъ, но припомнить его не смогъ, какъ ни старался.

Послѣ чаю онъ надѣлъ праздничные сапоги французскаго лака и безцѣльно гулялъ по городу, заложивши руки въ карманы. Зашелъ для чего-то въ отворенный костелъ и посидѣлъ немного на

скамейкѣ. Тамъ было пусто, просторно, холодно и гулко. Органъ протяжно повторялъ однѣ и тѣ же три густыя ноты, точно онъ все собирался и никакъ не могъ окончить финалъ мелодіи. Пять-шесть стариковъ и десятокъ старухъ, всѣ похожіе на нищихъ, уткнувшись въ молитвенники, тянули въ унисонъ дребезжащими голосами какой-то безконечно длинный хоралъ. „Панна Марія, Панна Марія, Кру-у-ле-е-ва“, разслышалъ подпрапорщикъ слова и про себя, внутренно, усмѣхнулся съ пренебреженіемъ. Слова чужого языка всегда казались ему такими нелѣпыми и смѣшными, точно ихъ произносятъ такъ себѣ, нарочно, для баловства, вродѣ того, какъ семилѣтнія дѣти иногда ломаютъ языкъ, выдумывая диковинныя созвучія: каляля-маляля, паляля. И обстановка чужого храма—кисейныя занавѣски на открытомъ алтарѣ, дубовая рѣзная каѳедра, скамейки, органы, раскрашенныя статуи, бритый ксендзъ, звонки, исповѣдальня—все это не возбуждало въ немъ никакого уваженія, и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы зашелъ въ никому не принадлежащій большой и холодный каменный сарай. „Молятся, а сидятъ!—подумалъ онъ презрительно.—Сволочь!“

Онъ презиралъ все, что не входило въ обиходъ его узкой жизни, или чего онъ не понималъ. Онъ презиралъ науку, литературу, всѣ искусства и культуру, презиралъ столичную жизнь, а еще больше заграницу, хотя не имѣлъ о нихъ никакого представленія, презиралъ безповоротно всѣхъ штатскихъ, презиралъ прапорщиковъ запаса съ высшимъ образованіемъ, гвардію и генеральный штабъ, чужія религіи и народности, хорошее воспитаніе и даже простую опрятность, глубоко презиралъ трезвость, вѣжливость и цѣломудренность. Онъ былъ изъ семинаристовъ, но семинаріи не окончилъ, и, такъ какъ ему не удалось занять псаломщичью вакансію въ большомъ городѣ, то онъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ полкъ и, съ трудомъ окончивъ юнкерское училище, сдѣлался подпрапорщикомъ. Теперь ему было 26 лѣтъ. Онъ былъ высокого роста, лысъ, голубоглазъ, прыщавъ и носилъ длинные, свѣтлые, прямые усы.

Изъ костела онъ зашелъ къ поручику Штейну, поигралъ съ нимъ въ шашки и выпилъ водки. У Штейна все лицо было изуродовано давнишней запущенной болѣзнью. Старыя зажившія язвы бѣлѣли лоснящимися, рубцоватыми пятнами, на новыхъ были приклеены черные кружочки изъ ртутнаго пластыря; никого изъ молодыхъ офицеровъ не удивляло и не коробило, когда Штейнъ вслухъ называлъ эти украшенія миѳологическими прозвищами: поцѣлуй Венеры, ударъ шпоры Марса, туфельки Діаны и т. д. Прежде, только что выйдя изъ военнаго училища, онъ былъ очень красивъ—милой, бѣлокурой, розовой, стройной красотой холенаго мальчика изъ хорошаго дома. Но и теперь онъ продолжалъ считать себя красавцемъ: длительное, ежедневное разрушеніе лица было ему такъ же незамѣтно, какъ влюбленнымъ супругамъ новыя черты постепенной старости другъ въ другѣ.

Штейнъ, поминутно подходя къ зеркалу, оправлялъ заклейки на лицѣ и ожесточенно бранилъ командира полка, который надняхъ посовѣтовалъ ему или лечиться серьезно, или уходить изъ полка. Штейнъ находилъ это подлостью и несправедливостью со стороны полковника. Весь полкъ боленъ этой же самой болѣзнью. Развѣ Штейнъ виноватъ въ томъ, что она бросилась ему именно въ лицо, а не въ ноги, или не на мозгъ, какъ другимъ? Это свинство! Въ третичномъ періодѣ болѣзнь вовсе не заразительна—это всякій дуракъ знаетъ. А службу онъ несетъ не хуже любого въ полку.

Онъ долго, все повторяясь, говорилъ объ этомъ. Потомъ сталъ жаловаться Слёзкинъ на свою участь: на нищенское подпрапорщичье содержаніе, на то, что его привлекаютъ къ суду за разбитіе барабанной перепонки у рядового Греченки, на то, что его, вотъ уже четвертый годъ маринуютъ въ званіи подпрапорщика, и на то, что къ нему придирается ротный командиръ, капитанъ Бутвиловичъ. При этомъ оба пили водку и закусывали поджареннымъ прозрачнымъ свинымъ саломъ.

II.

Къ двумъ часамъ подпрапорщикъ вернулся домой. Вѣстовой принесъ ему обѣдъ изъ ротнаго котла: горшокъ жирныхъ щей, крѣпко заправленныхъ лавровымъ листомъ и цѣльнымъ перцемъ и пшенной каши въ деревянной мискѣ. Подавая на столъ, вѣстовой уронилъ хлѣбъ, и Слёзкинъ дважды ударилъ его по лицу. Деньщикъ же таращилъ на него большіе свѣтлые глаза и старался не моргать и не мотать головой при ударахъ.

Изъ носу у него потекла кровь.

— Поди умойся, болванъ!—сердито крикнулъ на него подпрапорщикъ.

За обѣдомъ Слезкинъ выпилъ въ одиночку очень много водки и потомъ, уже совершенно насытившись, все еще продолжалъ черезъ силу, медленно и упорно ѣсть, чтобы хоть этимъ убить время. Послѣ обѣда онъ легъ спать съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто бы его животъ былъ туго, по самое горло, набитъ крупнымъ тяжелымъ пескомъ.

Спалъ онъ до сумерекъ. Онъ и теперь еще чувствуетъ отъ сна легкій ознобъ, вмѣстѣ съ тупой, мутной тяжестью во всемъ тѣлѣ, и каждую минуту зѣваетъ судорожно, съ дрожью.

Аристотель о, о, о, о—ный
Мудрый философъ,
Мудрый философъ,
Продалъ пантало, о, о, о—ны.

Поетъ подпрапорщикъ старинную семинарскую пѣсню и лѣниво, двумя аккордами вторитъ себѣ на гитарѣ, которую онъ выпросилъ на время праздниковъ у батальоннаго адъютанта, уѣхавшаго въ городъ. Равнодушная терпѣливая скука окутала его душу. Ни одна мысль не проносится въ его головѣ, и нечѣмъ занять ему пустого времени, и некуда итти, и жаль безтолково уходящихъ праздниковъ, за которыми опять потянется опротивѣвшая служба, и хочется, чтобы ужъ поскорѣе прошло это длительное праздничное томленіе.

Читать Слезкинъ не любитъ. Все, что пишутъ въ книгахъ—неправда, и никогда ничего подобнаго не бываетъ въ жизни. Особенно то, что пишутъ о любви, кажется ему наивной и слащавой ложью, достойной всякаго, самого срамнаго издѣвательства. Да онъ и не помнитъ ровно ничего изъ того, что онъ пробовалъ читать, не помнитъ ни заглавія, ни сути, развѣ только смутно вспоминаетъ иногда военные разсказы Лавра Короленко, да кое-что изъ сборника армянскихъ и еврейскихъ анекдотовъ. Въ свободное время онъ охотнѣе перечитываетъ Строевой Уставъ и Наставленіе къ обученію стрѣльбѣ.

Прродалъ пантало, о, о, оны
За сивухи штофъ
За сивухи што—о—офъ.

— Напрасно я завалился послѣ обѣда — думаетъ подпрапорщикъ и зѣваетъ. Лучше бы мнѣ было пройтись по воздуху, а сейчасъ бы лечь—вотъ время бы и прошло незамѣтно. Господи, ночи какія длинныя! Хорошо теперь въ городѣ, въ собраніи. Бильярдъ... Карты... Свѣтло... Пиво пьютъ, всегда ужъ кто нибудь угоститъ... Арчаковскій анекдоты разсказываетъ и представляетъ жидовъ... Эхъ!

— Пойти бы къ кому нибудь? Нанести визитъ?—соображаетъ подпрапорщикъ и опять, глядя въ снѣжное окно, зѣваетъ, дрожа головой и плечами. Но пойти не къ кому, и онъ самъ это хорошо знаетъ. Во всемъ мѣстечкѣ только и общества, кромѣ офицеровъ, что ксендзъ, два священника мѣстной церкви, становой приставъ и нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ. Но ни у кого изъ нихъ Слезкинъ не бываетъ: чиновниковъ онъ считаетъ гораздо ниже себя, а у пристава онъ въ прошломъ году на Пасхѣ сдѣлалъ скандалъ. Правда въ третьемъ году подпрапорщикъ Уховъ уговорилъ его сдѣлать визиты окрестнымъ попамъ и помѣщикамъ, но сразу же вышло нехорошо. Пріѣхали они въ незнакомый польскій домъ, засыпанные снѣгомъ, и прямо ввалились въ гостиную и тутъ же стали раскутывать башлыки, натаявъ вокругъ себя лужи. Потомъ пошли ко всѣмъ поочереди представляться, суя лопаточкой мокрыя,

синія, холодныя руки. Потомъ сѣли и долго молчали, а хозяева и другіе гости, также молча, разглядывали ихъ съ изумленіемъ. Уховъ наконецъ крякнулъ, покосился на піанино и сказалъ:

— А мы больше туда, гдѣ, знаете, фортепьяно...

Опять всѣ замолчали и молчали чрезвычайно долго. Вдругъ Слезкинъ, самъ не зная зачѣмъ, выпалилъ:

— А я психопатъ. — И умолкъ.

Тогда хозяинъ дома, породистый полякъ высокаго роста съ орлинымъ носомъ и пушистыми сѣдыми усами, подошелъ къ нимъ и преувеличенно любезно спросилъ:

— Може, панове хотятъ закусить съ дороги?

И онъ проводилъ ихъ во флигель къ своему управляющему, а тотъ—крѣпкій какъ быкъ, узколобый, коренастый мужчина—въ полчаса напоилъ подпрапорщиковъ до потери сознанія и бережно доставилъ на помѣщичьихъ лошадяхъ въ мѣстечко.

Да и непереносно тягостно для Слезкина сидѣть въ многолюдномъ обществѣ и молчать въ ожиданіи, пока позовутъ къ закускѣ. Ему совершенно непостижимо, какъ это люди цѣлый часъ говорятъ, говорятъ—и все про разное, и такъ легко перебѣгаютъ съ мысли на мысль. Слезкинъ, если и говоритъ когда, то только о себѣ: о томъ какъ заколодило ему съ производствомъ, о томъ, что онъ сшилъ себѣ новый мундиръ, о подломъ отношеніи къ нему ротнаго командира—да и этотъ разговоръ онъ ведетъ только за водкой. Чужой смѣхъ ему не смѣшонъ, а досаденъ, и всегда онъ подозрѣваетъ, что смѣются надъ нимъ. Онъ и самъ понимаетъ, что его унылое и презрительное молчаніе въ обществѣ тяготитъ и раздражаетъ всѣхъ присутствующихъ и потому, какъ дико-застѣнчивый, самолюбивый и, несмотря на внѣшнюю грубость, внутренне-трусливый человѣкъ, онъ не ходитъ въ гости, не дѣлаетъ визитовъ и знается только съ двумя-тремя холостыми, пьющими офицерами.

Цезарь сынъ отва, а, а, аги
И Помпей герой
И Помпей герой

Продавали шпа, а, а, аги
Тою же цѣной
Тою же цѣно—о—о—ой.

Въ сѣняхъ хлопаетъ дверь и что то грохочетъ, падая. Входитъ деньщикъ съ лампой. Онъ воротитъ голову отъ свѣта и жмурится.

— Это ты тамъ что уронилъ? — сердито спрашиваетъ Слезкинъ.

Деньщикъ испуганно вытягивается.

— Такъ что тибаретка упала.

— А что еще надо прибавить? — грозно напоминаетъ подпрапорщикъ.

— Виноватъ, ваше благородіе... Тибаретка упала, ваше благородіе.

Лицо деньщика выражаетъ животный страхъ и напряженную готовность къ побоямъ. Отъ удара за обѣдомъ и кровотеченія, носъ у него посинѣлъ и распухъ. Слёзкинъ смотритъ на деньщика съ холодной ненавистью.

— Тибаретка!—хрипло передразниваетъ онъ его.—Ссволлочь! Неси самоваръ, протоплазма.

Отъ тоски ему хочется ударить деньщика сзади, по затылку, но лѣнь вставать. И онъ безъ всякаго удовольствія тянетъ все тотъ же, давно надоѣвшій мотивъ:

Папа Пій девя, я, я, ятый
И десятый Левъ
И десятый Левъ...

Деньщикъ приноситъ самоваръ. Подпрапорщикъ пьетъ чай въ прикуску до тѣхъ поръ, пока въ чайникѣ не остается лишь свѣтлая теплая водица. Тогда онъ запираетъ сахаръ и осьмушку чая въ шкатулку, на ключъ, и говоритъ деньщику:

— Тутъ еще осталось. Можешь допить.

Деньщикъ молчитъ.

— Ты! Хамъ!—рявкаетъ на него Слёзкинъ—что надо сказать?

— Покорно благодарю, ваше благородіе!—торопливо лепечетъ солдатъ, помогая подпрапорщику надѣть шинель.

— Забылъ? Свиннія! Я т-тебя выучу. Подыми перчатку, халуй.

По его званію, его надо бы величать всего только „г. подпрапорщикъ“, но онъ разъ навсегда приказалъ вѣстовому называть себя „ваше благородіе“. Въ этомъ самовозвеличеніи есть для Слёзкина какая-то тайная прелесть.

III.

Онъ выходитъ на улицу. Круглая, зеркальная луна стоитъ надъ мѣстечкомъ. Изъ-за темныхъ плетней лаютъ собаки. Гдѣ-то далеко на дорогѣ звенятъ бубенчики. Видно, какъ на желѣзнодорожномъ мосту ходитъ часовой.

„Чтобы бы такое сдѣлать“? — думаетъ Слёзкинъ. Ему вспоминается, какъ три года тому назадъ пьяный поручикъ Тиктинъ добрался вбродъ до полосатаго пограничнаго столба, на которомъ съ одной стороны написано „Россія“, а на другомъ „Oesterreich“, зачеркнулъ мѣломъ, несмотря на протесты часового, нѣмецкую надпись и надписалъ сверху „Россія“. „Да, вотъ это было, что называется здорово пущена пуля! — улыбается съ удовольствіемъ Слёзкинъ. Взялъ и однимъ почеркомъ пера завоевалъ цѣлое государство. Двадцать сутокъ за это просидѣлъ на гауптвахтѣ въ Кіевѣ. Молодчага. Самъ начальникъ дивизіи хохоталъ.

„А то бы еще хорошо взять, придти въ роту и скомандовать: въ ружье! „Братцы, вашего подпрапорщика обидѣли жиды. Тѣ жиды, которые распяли Христа и причащаются на Пасху кровью христіанскихъ мальчиковъ! Неужели вы, русскіе солдаты, потерпите подобное надругательство надъ честью офицерскаго мундира? За мной! Не оставимъ камня на камнѣ отъ проклятаго жидовскаго кагала.

— Эхъ!—глубоко и жалостно вздыхаетъ Слёзкинъ.

Онъ поворачиваетъ на главную улицу, Густая черная толпа

съ веселыми криками и смѣхомъ валитъ ему навстрѣчу. „Ишь, чертова жидова! — думаетъ съ ненавистью подпрапорщикъ. Слышатся звуки нестройной музыки и глухіе удары бубна. Что-то вродѣ балдахина на четырехъ палкахъ колышется надъ толпой, постепенно приближаясь. Впереди, стѣсненные людьми, идутъ музыканты. Кларнетистъ такъ смѣшно засунулъ себѣ въ ротъ пищикъ, точно онъ его насасываетъ, щеки его толстаго лица надуваются и опадаютъ, голова неподвижна, но глаза съ достоинствомъ вращаются налѣво и направо. Долговязый скрипачъ, изогнувъ на бокъ свою худую, обмотанную шарфомъ шею, прижался подбородкомъ къ скрипкѣ и на ходу широко взмахиваетъ смычкомъ. Тотъ же, который играетъ на бубнѣ, высоко поднялъ кверху свой инструментъ и приплясываетъ, и вертится, и дѣлаетъ смѣющимся зрителямъ забавные гримасы.

Подпрапорщикъ останавливается. Мимо него быстро пробѣгаютъ, освѣщаемые на секунду свѣтомъ фонаря, женщины, мужчины, дѣти, старики и старухи. Молодые женщины всѣ до одной смѣются и часто, проносясь мгновенно мимо Слёзкина, прекрасное лицо съ блестящими бѣлыми зубами и радостно смѣющими глазами, поворачивается къ нему ласково и весело, точно эта милая женская улыбка предназначается именно ему, Слёзкину.

— А-а, и вы, пане, пришли посмотрѣть на свадьбу — слышитъ подпрапорщикъ знакомый голосъ.

Это Дризнеръ, подрядчикъ, поставляющій для баталіона мясо и дрова, маленькій толстенькій, подслѣповатый, но очень юркій и живой старикашка. Онъ выбирается изъ толпы, подходитъ къ Слёзкину и здоровается съ нимъ. Но подпрапорщикъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ протянутой руки Дризнера, Для человѣка, который не сегодня-завтра можетъ стать оберъ-офицеромъ, унизительно подавать руку еврею.

— Ну, неправда ли, какой веселый шлюбъ? — говоритъ нѣсколько смущенно, но все-таки восторженно подрядчикъ. — Шлюбъ, это по нашему называется свадьба. Молодой Фридманъ — знаете галантерейный и посудный магазинъ? Такъ онъ беретъ за себя

вторую дочку Эпштейна. Шестьсотъ рублей приданаго! Накажи меня Богъ, шестьсотъ рублей наличными!

Подпрапорщикъ презрительно кривитъ губы. Шестьсотъ рублей! Въ полку офицеру нельзя до 28-ми лѣтъ жениться иначе, какъ не внеся реверсъ въ пять тысячъ. А если онъ, Слёзкинъ, захочетъ, онъ и всѣ десять тысячъ возьметъ, когда будетъ подпоручикомъ. Офицеру всякая на шею бросится.

Свадебное шествіе переходитъ черезъ площадь и суживается кольцомъ около какого-то дома, ярко и подвижно чернѣя на голубомъ снѣгѣ. Слёзкинъ съ подрядчикомъ машинально идутъ туда же, пропустивъ далеко впередъ всѣхъ провожатыхъ.

— А можетъ пану любопытно поглятѣть на самый шлюбъ?— заискивающе спрашиваетъ Дризнеръ, заглядывая сбоку и снизу въ лицо подпрапорщика.

Гордость борется въ душѣ Слёзкина со скукой. И онъ спрашиваетъ неувѣренно.

— А это... можно?

— Охъ, да сколькі заугодно. Вы прямо доставите имъ удовольствіе. Пойдемте, я васъ проведу.

— Неловко... незнакомъ... мямлитъ Слёзкинъ.

— Пожалуйста, пожалуйста. Безъ всякихъ церемоніевъ. Эпштейнъ—такъ онъ даже швагеръ моему брату. Прошу васъ, идите только за мной. Постойте трошки вотъ тутечки. Я тольки пройду на минуточку въ домъ и заразъ вернусь.

Черезъ небольшое время онъ выдирается изъ толпы въ сопровожденіи отца невѣсты — полнаго румянаго сѣдобородаго старика, который привѣтливо кланяется и дружески улыбается Слёзкину.

— Пожалуйста, господинъ офицеръ. Очень, очень пріятно. Вы не повѣрите, какая это для насъ честь. Когда у насъ такое событіе, мы рады всякому порядочному гостю. Позвольте, я пройду впередъ.

Онъ бокомъ буравитъ толпу, крича что-то по-еврейски на публику и не переставая время отъ времени издали улыбаться и дѣлать пригласительные жесты Слёзкину.

Дризнеръ, очень довольный тѣмъ, что онъ входитъ на свадьбу съ такой видной особой, какъ подпрапорщикъ, почти офицеръ, тянетъ Слёзкина за рукавъ и шепчетъ ему на ухо.

— А у пана есть деньги?

Слёзкинъ морщится.

— Развѣ тутъ надо платить за входъ?

— Ой, пане — какое же за входъ! Но вы знаете... Тамъ вамъ вина поднесутъ на подносѣ... потомъ музыкантамъ... и тамъ еще что... Позвольте вамъ предложить три рубля? Мы потомъ разсчитаемся. Я нарочно даю вамъ мелкими. Ну что подѣлаешь, если ужъ такой у насъ глупый обычай... Проходите впередъ, пане.

IV.

Свадебный балъ происходилъ въ большомъ пустомъ сараѣ, раздѣленномъ перегородкой на двѣ половины. Раньше здѣсь помѣщался складъ яицъ, отправляемыхъ заграницу.

Вдоль стѣнъ, вымазанныхъ синей известкой, стояли скамейки, въ передней комнатѣ нѣсколько стульевъ и столъ для музыкантовъ, въ задней десятокъ столовъ, составленныхъ въ длинный рядъ, для ужина—вотъ и вся обстановка. Земляной полъ былъ плотно утрамбованъ. По стѣнамъ горѣли лампы. Было очень свѣтло и тепло, и черныя стекла оконъ покрылись испариной.

Дризнеръ подбѣжалъ къ музыкантамъ и что-то шепнулъ имъ. Дирижеръ съ флейтой въ рукахъ всталъ, шлепнулъ ладонью по столу и крикнулъ „Ша“! Музыканты изготовились, кося на него глазами. Ейнъ, цвей—дрей! скомандовалъ дирижеръ. И вотъ, приложивъ флейту ко рту, онъ одновременно взмахнулъ и головой и флейтой. Музыка грянула какую-то первобытную польку.

Но, проигравъ восемь тактовъ, музыканты вдругъ опустили свои инструменты, и всѣ хоромъ запѣли тотъ же мотивъ въ унисонъ, козлиными фальшивыми голосами, какъ умѣютъ пѣть только одни музыканты:

Па—анъ Слёзкинъ добрый панъ,
Добрый панъ, добрый панъ.
Музыкантамъ гроши далъ,
Гроши далъ, гроши далъ...

— Ну вы имъ дайте что нибудь, пане—шепнулъ Дризнеръ, хитро и просительно прищуривая глазъ.

— Сколько же?—спросилъ угрюмо Слезкинъ.

— Пятьдесятъ... ну тридцать копѣкъ... Сколько ужъ сами захочете.

Подпрапорщикъ великодушно швырнулъ на столъ три серебряныя монеты по гривеннику.

Уже много было народа въ обѣихъ комнатахъ, но все прибывали новые гости. Почетныхъ и богатыхъ людей встрѣчали тѣмъ же тушемъ, что и Слезкина. Между прочимъ пришелъ шапочно знакомый Слезкину почтовый чиновникъ Миткевичъ постоянный посѣтитель всѣхъ свадебъ, „балковъ“ и „складковыхъ“ вечеринокъ въ окрестностяхъ, отчаянный танцоръ и ухаживатель, свѣтскій молодой человѣкъ. Онъ былъ въ рыжей барашковой папахѣ набекрень, въ николаевской шинели съ капюшономъ и съ собачьимъ воротникомъ, съ дымчатымъ пенснэ на носу. Выслушавъ хвалебный тушъ, онъ вручилъ дирижеру рубль и тотчасъ же подошелъ къ подпрапорщику.

— Какъ единственно здѣсь съ вами интеллигентные люди, позвольте представиться: мѣстный почтово-телеграфный чиновникъ Иванъ Максимовичъ Миткевичъ.

Слезкинъ великодушно подалъ ему руку.

— Мы ужъ вмѣстѣ и сядемъ за ужиномъ—продолжалъ Миткевичъ.

— А-а! А развѣ будетъ и ужинъ?

— Охъ, и что вы говорите?—запаясничалъ чиновникъ.— И еще какой ужинъ. Фаршированная рыба фишъ по жидовски, жареный гусь и со смальцемъ. О-охъ, это что нибудь ошобенаго!..

Музыка начала играть танцы. Въ распредѣленіи ихъ не было никакого порядка. Каждый, по желанію, подходилъ къ музыкан-

тамъ и заказывалъ, что нибудь, причемъ за легкій танецъ платилъ двадцать копѣекъ, а за кадриль тридцать, и любезно приглашалъ танцовать своихъ пріятелей. Иногда же нѣсколько человѣкъ заказывали танецъ въ складчину.

— Посмотрите, пане—сказалъ Дризнеръ—вотъ тамъ въ углу сидитъ невѣста. Подойдите и скажите ей „мазельтофъ“.

— Какъ?

— Ма-зель-тофъ. Вы только подите и скажите.

— Это зачѣмъ же?

— Да ужъ вы повѣрьте мнѣ. Это самое пріятное поздравленіе у насъ, у евреевъ. Скажите только—мазельтофъ. Увидите, какъ ей будетъ пріятно.

Придерживая лѣвой рукой шашку, подпрапорщикъ пробрался между танцующихъ къ невѣстѣ. Она была очень мила въ своемъ бѣломъ платьѣ, розовая блондинка съ золотистыми рыжеватыми волосами, со свѣтлымъ пушкомъ около ушей и на щекахъ, съ тонкой краснинкой вдоль темныхъ бровей.

— Мазельтофъ—басомъ сказалъ подпрапорщикъ шаркая ногой.

— Мазельтофъ, мазельтофъ—одобрительно, съ улыбками и съ дружелюбнымъ изумленіемъ зашептали вокругъ.

Она встала, вся покраснѣла, разцвѣла улыбкой и, потупивъ счастливые глаза, отвѣтила.

— Мазельтофъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она розыскала подпрапорщика въ толпѣ и подошла къ нему съ подносомъ, на которомъ стояла серебряная чарка съ виноградной водкой и блюдечко со сладкими печеньями.

— Прошу васъ—сказала она ласково.

Слезкинъ выпилъ и крякнулъ. Водка была необыкновенна крѣпка и ароматична.

— Положите что нибудь на подносъ—шепталъ сзади Дризнеръ.—Это ужъ такой обычай.

Подпрапорщикъ положилъ двугривенный.

— Благодарю васъ,—сказала тихо невѣста и взглянула на него сіяющими глазами.

„Чертъ знаетъ, какое свинство,—думалъ подпрапорщикъ презрительно.—Сами приглашаютъ, и сами заставляютъ платить.— Онъ заранѣе зналъ, что не отдастъ Дризнеру его трехъ рублей, но ему всетаки было жалко денегъ.

Было уже около 11-ти часовъ вечера. Въ другой комнатѣ, предназначенной для ужина, тоже начали танцовать но исключительно старики и старухи. Тѣ трое музыкантовъ, что шли впереди свадебной процессіи, кларнетъ, скрипка и бубенъ, играли маюфесъ—старинный свадебный еврейскій танецъ. Почтенныя толстыя хозяйки въ бѣлыхъ и желтыхъ шелковыхъ платкахъ, гладко повязанныхъ на головѣ, но оставлявшихъ открытыми оттопыренные уши, и сѣдобородые, солидные коммерсанты образовали кружокъ и подпѣвали задорному лукавому мотиву, хлопая въ такъ въ ладоши. Двое пожилыхъ мужчинъ танцовали въ серединѣ круга. Держа руки у подмышекъ, съ вывернутыми въ наружу ладонями и сложенными бубликомъ указательными и большими пальцами, выпятивъ впередъ кругленькіе животы, они осторожно съ жеманной и комической важностью ходили по кругу и, наступали другъ на друга, и точно въ недоумѣніи пятились назадъ. Ихъ преувеличенныя ужимки и манерныя ухватки напоминали отдаленно движеніе кошки, идущей по льду. Молодежь, столпившаяся сзади, смѣялась отъ всей души, но безъ малѣйшей тѣни издѣвательства. „Чортъ знаетъ, что за безобразіе—подумалъ подпрапорщикъ.

Въ полночь накрыли на столъ. Подавали, какъ и предсказывалъ Миткевичъ—фаршированную щуку и жаренаго гуся—жирнаго, румянаго, со сладкимъ соусомъ. Подпрапорщикъ передъ каждымъ кускомъ пищи глоталъ безъ счета крѣпкую фруктовую водку и къ концу ужина совершенно опьянѣлъ. Онъ безсмысленно водилъ мутными мокрыми, упорно-злыми глазами и рыгалъ. Какой то худенькій сѣденькій старичекъ съ ласковыми темными глазами табачнаго цвѣта, любитель пофилософствовать, говорилъ ему, наклоняясь черезъ столъ.

— Вы же, какъ человѣкъ образованный сами понимаете: Богъ одинъ для всѣхъ людей. Зачѣмъ людямъ ссориться, если Богъ одинъ? Бываютъ разныя вѣры, но Богъ одинъ.

— У васъ Богъ Макарка—сказалъ вдругъ Слезкинъ съ мрачною серьезностью.

Старичекъ захихикалъ угодливо и напряженно, не зная какъ выйти изъ неловкаго положенія, и дѣлая видъ, что онъ не понялъ пьяныхъ словъ Слезкина.

— Хе-хе-хе... И библія у насъ одинакова... Моисей, Авраамъ, царь Давидъ... Какъ у васъ, такъ и у насъ.

— Убирайся въ... А Христа зачѣмъ вы распяли?..—крикнулъ подпрапорщикъ, и старикъ умолкъ, испуганно моргая вѣками.

Слѣпое бѣшенство накипало въ мозгу Слезкина. Его безсознательно раздражало это чуждое для него, дружное, согласное веселье, то, почти дѣтское веселое, которому умѣютъ предаваться только евреи на своихъ праздникахъ... Какимъ то завистливымъ враждебнымъ инстинктомъ онъ чуялъ вокругъ себя многовѣковую, освященную обычаемъ и религіей спайку, ненавистную его расхлябанной, изломанной, мелочной натурѣ попа-неудачника. Сердила его недоступная, непонятная ему, яркая красота еврейскихъ женщинъ и независимая, на этотъ разъ, манера мужчинъ держать себя—тѣхъ мужчинъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть на улицахъ, на базарахъ и въ лавкахъ приниженными и заискивающими. И, по мѣрѣ того, какъ онъ пьянѣлъ—ноздри его раздувались, стискивались крѣпко зубы и сжимались кулаки.

Послѣ ужина столы очистили отъ посуды и остатковъ кушанья. Какой то человѣкъ вскочилъ съ ногами на столъ и что то затянулъ на распѣвъ по еврейски. Когда онъ кончилъ—сѣдобородый, раскраснѣвшійся отъ ужина, красивый старикъ Эпштейнъ поставилъ на столъ серебряную вазу и серебряный праздничный шандалъ о семи свѣчахъ. Кругомъ заплодировали, Глашатай опять запѣлъ что то. На этотъ разъ отецъ жениха выставилъ нѣсколько серебряныхъ предметовъ и положилъ на столъ пачку кредитныхъ билетовъ. И такъ постепенно дѣлали всѣ приглашенные на свадьбу,

АКАДЕМ

начиная съ самыхъ почетныхъ гостей и ближайшихъ родственниковъ. Такимъ образомъ собиралось приданое молодымъ, а какой то юркій молодой юноша, сидѣвшій у края, стола записывалъ дары въ записную книжку.

Слезкинъ протиснулся впередъ, тронулъ пишущаго за плечи и хрипло спросилъ, указывая на столъ:

— Это что еще за свинство?

Онъ съ трудомъ держался на ногахъ, перекачиваясь съ носковъ на каблуки, и то выпячивалъ животъ, то вдругъ рѣзко ломался впередъ всѣмъ туловищемъ. Вѣки его отяжелѣли и полузакрывали мутные, напряженные глаза.

Кругомъ замолчали на минуту, всѣ съ тревогой обернулись на Слезкина, и это неожиданно взорвало его. Красный горячій туманъ хлынулъ ему въ голову и заволокъ всѣ предметы передъ глазами.

— Лавочку открыли? А? Жжыды! А зачѣмъ вы распяли Господа Іисуса Христа? Подождите сволочи, дайте срокъ, мы еще вамъ покажемъ кузькину мать. Мы вамъ покажемъ, какъ ѣсть мацу съ христіанской кровью. Теперь ужъ не пухъ изъ перинъ, а кишки изъ васъ выпустимъ. Пауки подлые! Всю кровь изъ Россіи высосали. Пр-родали Россію.

— Однако вы не смѣйте такъ выражаться!—крикнулъ сзади чей то неувѣренный молодой голосъ.

— Пришли въ чужой домъ и безобразничаете. Хорошъ офицерь!—поддержалъ другой.

— Господинъ Слезкинъ... Я васъ убѣдительно прошу... Я васъ прошу—тянулъ его за рукавъ почтовый чиновникъ.—Да бросьте, плюньте не стоитъ тратить здоровье.

— Пшолъ прочь... сусликъ!—заоралъ на него Слезкинъ.—Морду расшибу.

Онъ грозно ударилъ кулакомъ наотмашь, но Миткевичъ во время отскочилъ, и подпрапорщикъ, чуть не повалившись, сдѣлалъ нѣсколько нелѣпыхъ шаговъ въ бокъ.

— Разговаривать?—кричалъ онъ яростно—разговаривать? Хри-

стопродавцы. Сейчасъ вызову изъ казармы полуроту и всѣхъ васъ вдребезги. Срасшибу-у!—завылъ онъ вдругъ дикимъ, рвущимся голосомъ и, выхвативъ изъ ноженъ шашку, ударилъ ею по столу. Женщины завизжали и бросились въ другую комнату.

Но на рукѣ у Слезкина быстро повисъ, лепеча умоляющія, униженныя слова, полковой подрядчикъ Дризнеръ, а сзади въ это время обхватилъ его вокругъ спины и плечей мѣстный извозчикъ Іоська Шапиро, человѣкъ необычайной физической силы. Подпрапорщикъ барахтался въ ихъ рукахъ, разрывая на себѣ мундиръ и рубашку. Кто то отнялъ у него изъ рукъ шашку и переломилъ ее о колѣно. Другой сорвалъ съ него погоны.

Больше онъ ничего не помнилъ: ни того, какъ явился на свадебный балъ разбуженный кѣмъ то капитанъ Бутвиловичъ съ двумя солдатами, ни того, какъ его перенесли домой безчувственнаго, ни того, конечно, какъ его денщикъ, раздѣвъ своего подпрапорщика, съ искаженнымъ отъ давнишней злобы лицомъ пристально глядѣлъ на Слезкина, и нѣсколько разъ съ наслажденіемъ замахивался кулакомъ, но ударить не рѣшался.

На другой же день, разруганный своимъ ротнымъ командиромъ (кстати тоже испугавшимся отвѣтственности) Слезкинъ бѣгалъ къ Эпштейну, и къ Фридману, и къ Дризнеръ, и къ почтовому чиновнику Миткевичу, умоляя ихъ молчать обо всемъ происшедшемъ. Ему пришлось много унижаться, пока онъ не получилъ символовъ чести мундира—пары погоновъ и сломанной шашки.

Потомъ цѣлый день, до ночи онъ не выходилъ изъ дому, боясь поглядѣть даже въ глаза своему денщику. А поздно ночью, подавленный вчерашнимъ похмѣльемъ, страхомъ и униженіемъ, онъ молился на образокъ Черниговской Божьей Матери, висѣвшей у него въ изголовьи кровати на розовой ленточкѣ, крѣпко прижималъ сложенные пальцы ко лбу, къ животу и къ плечамъ, умиленно сотрясалъ склоненной на бокъ головой и плакалъ.

А. Купринъ.

ВЕСНОЮ.

(Изъ тюремныхъ преданій).

I.

Новая тюрьма помѣщалась за городомъ, среди поля, и весною заключенные слышали, какъ сосѣдніе мужики пахали землю и погоняли своихъ лѣнивыхъ, тяжелыхъ воловъ.

Почти у самыхъ стѣнъ тюрьмы была разбита и свекловичная плантація, гдѣ работали и пѣли пѣсни малороссійскія дѣвушки. Дѣвушки пѣли отъ зари до зари, — пѣли, какъ птицы, потому что на дворѣ была весна, потому что въ голубомъ небѣ смѣялось солнце и наивный вѣтерокъ цѣловалъ ихъ въ загорѣлыя, здоровыя щеки.

Но эти звонкіе, дѣвичьи голоса перелетали за тюремную ограду, и пѣсня, какъ чайка, носилась въ воздухѣ и билась грудью о тюремныя стѣны.

А въ камерахъ слушали эти пѣсни и говорили о родныхъ мѣстахъ, о женахъ, о любовницахъ и, вообще, о бабахъ.

И никто не говорилъ о бабахъ хорошо: всѣ ругали ихъ, ругали скверной, острожной бранью. Но всѣмъ было пріятно ихъ ругать, и хотѣлось ругать побольше и покрѣпче, потому что за этой грязной бранью, какъ голодный звѣрь за кустами, притаилось жадное сладострастіе. Особенное, острожное сладострастіе: изнемогающее, ненасытное, способное раскалить самыя стѣны тюрьмы.

Оно, это сладострастіе, неслось оттуда, съ воли, гдѣ въ жаркой истомѣ, среди аромата цвѣтовъ, раскинулась на солнцѣ зеленая степь, гдѣ уже шумѣлъ распустившійся лѣсъ, и гдѣ каж-

дый день, каждый мигъ совершалось великое, брачное пиршество земли. Тамъ, на волѣ, совсѣмъ по другому свѣтила луна — она разсказывала людямъ тайныя сказки любви; оттуда, съ воли, неслись эти таинственные шорохи ночи, и тамъ каждую ночь свободный мужчина цѣловалъ и бралъ свободныхъ женщинъ.

И чѣмъ яснѣе долетали въ камеры пѣсни дѣвушекъ, тѣмъ трепетнѣе и тѣмъ мучительнѣе слушала ихъ тюрьма. Заключенные слушали эти вольныя пѣсни всѣмъ своимъ тѣломъ, и всѣмъ тѣломъ чувствовали надъ собой женскую власть. Никто изъ нихъ не видѣлъ поющихъ дѣвушекъ, но свѣжіе, дѣвичьи голоса врывались въ сердце, какъ ароматъ полей и будили въ памяти знакомый образъ—образъ женщины. Презрѣнная, милая, развратная, любимая и проклятая, женщина прошла сквозь тюремныя стѣны, наполнила собой всѣ душныя камеры и, какъ царица среди рабовъ, утвердила свою неотвратимую, вѣчную власть.

А рабы ругали ее—ругали скверной острожной бранью...

Но когда заходило солнце и тюрьма медленно и тихо погружалась въ лунныя туманы ночи, скверная брань потухала сама собой и, на смѣну ей, какъ воръ съ ножемъ, тихо подкрадывалась ревность—лютая, острожная ревность. Стиснувъ зубы, темными отъ гнѣва глазами, заключенные долго глядѣли въ окна и оттуда, издалека, гдѣ была воля, къ нимъ, какъ злыя птицы, слетались призраки измѣнившихъ имъ женщинъ.

И чѣмъ краше были весеннія ночи, тѣмъ грязнѣе были ревнивыя видѣнья. И чѣмъ выше поднималось надъ землей мертвое лицо луны, тѣмъ мучительнѣе были кошмары долгой тюремной ночи.

Тамъ, за острожнымъ окномъ, заключеннымъ грезилось счастье. Это счастье было украдено у нихъ, эти поцѣлуи и эти женскія тѣла принадлежали имъ... Но какъ давно это было! Это было въ золотые дни свободы... А теперь, вокругъ тюрьмы, бродятъ по росистымъ полямъ туманы, и кажется, что эти туманы временами принимаютъ обликъ женщины и слышится даже ея развратный смѣхъ. И такъ ясно звучитъ въ ушахъ этотъ наглый смѣхъ измѣнившей женщины, что перехватываетъ духъ отъ ревнивой злобы.

II.

Въ душныя, лунныя ночи, заключенные ревновали даже тѣхъ женщинъ, которыя томились съ ними въ одной тюрьмѣ. Ревновали и старыхъ и молодыхъ—ревновали всѣхъ, потому что въ этой ревности таились злыя слезы одинокаго рабства и слышался крикъ бунтующаго тѣла.

Но больше другихъ ревновали заключенные свою тюремную героиню—какую-то статную, но никому невѣдомую дѣвушку съ золотистыми волосами.

Дѣвушка была молода, и красива, и тюремная фантазія сплетала вокругъ нея цѣлыя легенды. И было въ этихъ легендахъ столько восторга и столько грязи, столько обожанія и столько разврата—сколько можетъ создать озлобленная тюрьма, не знающая иныхъ женщинъ, кромѣ блудницъ.

Никто не могъ бы сказать, откуда привели эту дѣвушку и за что лишили ее свободы. Но всѣ знали, что она любитъ одного изъ заключенныхъ, что она вѣрна ему и что у нихъ бываютъ даже свиданія. И всѣ ревновали ее. Когда заключенныхъ женщинъ водили купаться въ тюремныя бани и вся мужская тюрьма сбѣгалась къ окнамъ и гоготала, какъ стадо одичалыхъ самцовъ,—всѣ видѣли и всѣ отмѣчали дѣвушку съ золотистой косой. Въ эти купальные часы вся тюрьма сходила съ ума. Какъ буря летѣла съ мужскихъ оконъ свирѣпая брань и какъ вой вѣтра проносился по тюрьмѣ страшный, разбойничій свистъ—свистъ большой дороги, темныхъ ночей и легендарныхъ овраговъ. Казалось, это большой, сильный, обезумѣвшій звѣрь умиралъ отъ сладострастія за оконной рѣшеткой.

И половина этихъ свистковъ и этой брани предназначалась ей—дѣвушкѣ съ золотистыми волосами. Ее выдѣляли изъ толпы и какъ камнями забрасывали грязными, злыми словами. А она шла по двору со своими товарками, спокойная и гордая. Она чуяла звѣря, притаившагося за рѣшеткой, чуяла эту массу разго-

ряченныхъ, здоровыхъ мужскихъ тѣлъ и знала свою власть надъ ними. Но она любила и потому взъерошенный, потный звѣрь за рѣшеткой вызывалъ въ ней презрѣніе и злобу. И гордый гнѣвъ горѣлъ на ея лицѣ, когда, закинувъ голову, она спокойно, какъ госпожа, оглядывала эти страшныя мужскія окна, откуда все летѣлъ разбойничій свистъ и сыпалась гнусная, острожная брань.

Съ такой же ревнивой, завистливой злобой глядѣли заключенные и на того, кто считался избранникомъ сердца ихъ героини и раздѣлялъ съ ними неволю.

Тюрьма не прощала ему его острожнаго счастья, она завидовала и не мстила ему только потому, что онъ жилъ въ отдѣльной камерѣ, чуждый для всѣхъ и всегда одинокій. Никто въ тюрьмѣ не зналъ этого человѣка. Заключенные только слышали его пѣсни и знали его голосъ—грустный и нѣжный, какъ шумъ далекаго, горнаго потока.

Онъ пѣлъ свои пѣсни возлюбленной—ей одной, и каждый вечеръ раскрывалось ея окно, чтобы впустить его пѣсню и чтобы вмѣстѣ съ пѣсней прилетѣла къ ней его душа и обнялась съ ея душой.

Ихъ окна были напротивъ—окна одиночныхъ камеръ. И всего только шесть саженъ тюремнаго двора раздѣлили ихъ на долгіе годы. Они плакали, но никогда ихъ слезы не смѣшивались вмѣстѣ.

Они глядѣли другъ другу въ глаза, но никогда не соединялись ихъ руки и ихъ уста.

Шесть саженъ мертваго тюремнаго двора легли между ними, какъ пропасть.

Шесть саженъ...

А тамъ, за стѣнами тюрьмы, осталось ихъ прошлое счастье—такое яркое, такое бурное, такое незабвенное...

Какъ костеръ, горѣло это счастье въ ихъ памяти и, какъ золотыя нити, тянулись къ нему жадныя мечты.

Но теперь между ними лежалъ унылый тюремный дворъ и за каждымъ шагомъ ихъ слѣдила тюремная ревность. Не солдаты и не тюремщики сторожили ихъ острожную любовь, а сторожила стоглазая тюрьма, отравленная ядомъ безбрачнаго рабства.

III.

Уже давно прозвучали вечерніе тюремные сигналы и давно полетѣла къ Богу разноголосая тюремная молитва:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...

Спустились сумерки и въ небѣ задрожала звѣзда. Поднялась изъ-за лѣса желтая огромная луна и отъ тюремныхъ стѣнъ поползли легкія сѣрыя тѣни. Кругомъ тишина—звонкая тишина весенней ночи.

На поляхъ уже умолкли работы и слышенъ только далекій лай деревенскихъ собакъ да вѣтерокъ гдѣ-то подхватилъ обрывокъ дѣвичьей пѣсни и помчалъ его. Но не донесъ и уронилъ у самыхъ воротъ тюрьмы. Постепенно гаснутъ одинокіе желтые огоньки въ окнахъ. Тюрьма отходитъ ко сну. И опять надвигаются на нее кошмары долгой удушливой ночи.

Не спятъ только въ общей камерѣ. Здѣсь, въ темномъ, открытомъ окнѣ сгрудилась цѣлая толпа заключенныхъ и жадно смотритъ, какъ насупротивъ, но выше этажемъ, горитъ отъ луны то завѣтное окно, гдѣ жила она—дѣвушка съ золотыми волосами. Это окно всѣхъ измучило. Уже вторую ночь его караулятъ, вторую ночь цѣлая толпа взрослыхъ мужчинъ стоитъ какъ завороженная, чтобы подглядѣть, какъ люди любятъ другъ друга, чтобы подслушать ихъ любовныя рѣчи. Но въ первую ночь ея окно не растворялось, и тюрьма не слышала, какъ говоритъ она со своимъ возлюбленнымъ. Зато теперь всѣ ждутъ и надѣются. Еще съ утра въ ея камерѣ все слышалась пѣсня и ревнивое сердце тюрьмы чуяло, какъ дрожитъ въ этой пѣснѣ любовь. Эта пѣсня и сейчасъ все еще звенитъ въ ушахъ заключенныхъ и они ждутъ...

Не говорятъ. Почти не дышатъ. И кажется, что вся эта масса здоровыхъ мужскихъ тѣлъ слилась въ одно тѣло: одни глаза, блестящіе и жадные; одно лицо, потное, взъерошенное, звѣриное; одно горячее, свистящее дыханіе...

Смотрятъ и ждутъ.

А луна уже взошла совсѣмъ высоко и погасила въ небѣ всѣ звѣзды. Спустилась ночь. Стали чернѣе и короче тѣни и напряженная, чуткая тишина повисла надъ полемъ. Только вѣтерокъ, едва замѣтный и нѣжный, все подхватывалъ гдѣ-то обрывокъ дѣвичьей пѣсни и все ронялъ его у самыхъ воротъ тюрьмы, какъ будто не хватало у него силъ, чтобы перебросить пѣсню за тюремныя стѣны.

Уже погасли въ камерахъ послѣдніе огни. Тюрьма заснула. А завѣтное окно дѣвушки все горитъ отъ луннаго свѣта и все стережетъ его косматый взъерошенный звѣрь, притаившійся въ темномъ окнѣ общей камеры. Медленно и мучительно тянутся минуты ожиданія. Потныя тѣла сбились въ кучу; горятъ жадные глаза и колотится въ груди одно общее ревнивое сердце.

Но вотъ сердце точно остановилось и сразу оборвалось свистящее дыханіе. Горячее тѣло толпы вздрогнуло и глаза, какъ длинные раскаленные гвозди, вонзились въ завѣтное окно. Оно раскрылось, наконецъ, это окно, раскрылось медленно и тихо и на подоконникѣ, во весь ростъ, какъ статуя, отлитая изъ серебра, показалась фигура дѣвушки. Вся въ бѣломъ, вся облитая яркимъ свѣтомъ луны, она стояла и расплетала свою золотистую косу, какъ будто хотѣла закрыть волосами убожество острожнаго наряда. И когда золотыя волны волосъ заструились по всему ея тѣлу и повисли надъ колѣнями, она просунула сквозь рѣшетку свои блѣдныя руки, сильно сжала ихъ и сказала:

— Милый, здравствуй!..

И тотчасъ же съ противоположнаго окна раздался голосъ ея возлюбленнаго:

— Здравствуй!..

Но такая затаенная грусть, такая глубокая тоска прозвучала въ его голосѣ, что дѣвушка всѣмъ тѣломъ прижалась къ рѣшеткѣ, какъ будто хотѣла прыгнуть къ нему, чтобы обнять его и утѣшить.

— Милый, ты опять? Опять тоскуешь?

— Опять, родная...

— Не надо... Не надо, мой единственный...

— Уже пятьсотъ ночей я прожилъ безъ тебя. Пятьсотъ ночей я вижу тебя, я говорю съ тобой сквозь эти рѣшетки, и пятьсотъ ночей между нами лежитъ этотъ проклятый тюремный дворъ...

— Милый, не надо... Не говори...

— Не могу я, мочи больше нѣтъ... Лучше смерть...

— Не говори... Посмотри, какая ночь, какъ ярко свѣтитъ намъ мѣсяцъ...

— Не могу... Ты такъ хороша, какъ царица изъ сказки... Твои волосы, какъ золото, бѣгутъ по плечамъ, по *твоимъ* плечамъ...

— А помнишь, какъ ты цѣловалъ ихъ, эти волосы, какъ я укутывала ими твою голову?..

— Да, я помню... Я все помню и оттого я не хочу жить...

— Милый, не надо... Не говори такъ... Смотри, я цѣлую тебя...

И она прижалась лицомъ къ рѣшеткѣ и видно было, какъ закрылись ея глаза и какъ тянулась она губами къ возлюбленному. И такъ прекрасно, такъ нѣжно было ея лицо, что вздрогнулъ звѣрь, притаившійся въ окнѣ общей камеры. Судорогой пробѣжала по его тѣлу горячая волна и заколотилось, затрепыхало въ груди сердце. Даже больно было отъ этихъ бурныхъ, отъ этихъ острыхъ, какъ гвозди, сердечныхъ содроганій.

А дѣвушка все тянулась губами къ возлюбленному и все посылала ему свои ласки:

— Милый, поцѣлуй меня, приласкай меня...

И такъ тянулись они другъ къ другу—каждый изъ-за своей рѣшетки. А между ними, какъ пропасть, лежалъ глубокій и темный дворъ тюрьмы. Тамъ было пусто и тихо, и сонно на этомъ дворѣ и весь онъ глядѣлъ своимъ чернымъ зѣвомъ какъ раскрытая пасть, обращенная къ небу.

— Милый, цѣлуй меня, еще цѣлуй... Помнишь, какъ цѣловалъ прежде?..

При лунѣ блѣдное лицо дѣвушки съ закрытыми глазами казалось мистически прекраснымъ. И счастье, и нѣга, и страсть пробѣгали по немъ, какъ тѣни, и видно было, какъ жадно слушаетъ она горячія любовныя рѣчи.

— Помнишь ли, милая, наши прежнія ночи? Помнишь ли?..

Въ гулкомъ тюремномъ дворѣ его тихая рѣчь была слышна отъ слова до слова. И даже тогда, когда его голосъ переходилъ въ трепещущій шопотъ, она слышала все и пьянѣла, и задыхалась отъ его страстныхъ рѣчей.

— Говори еще... Еще говори о нашемъ прежнемъ...

И онъ говорилъ. Какъ вино, кипѣла въ его рѣчахъ страсть и отъ этого темнаго вина любви пьянѣло все: пьянѣлъ онъ самъ, пьянѣла дѣвушка, пьянѣлъ многоголовый звѣрь, притаившійся въ открытомъ окнѣ.

Но больше всѣхъ пьянѣлъ звѣрь: ревность обжигала его и въ темнотѣ, какъ свѣчи, горѣли его блестящіе глаза—глаза дикой кошки, затаившей дыханіе передъ послѣднимъ прыжкомъ. Эти глаза были прикованы къ дѣвушкѣ, къ ея лицу, къ ея тѣлу, и когда на лицѣ ея горѣла страсть, глаза вспыхивали какъ огни—злые, ревнивые, ненасытно-жадные.

А голосъ возлюбленнаго все говорилъ дѣвушкѣ:

— Помнишь ли ты наши безумныя ласки? Помнишь, какъ я обнималъ тебя, какъ оба мы проваливались въ темную бездну страсти? Помнишь ли?

— О, говори! Говори еще!

Дѣвушка слушала съ закрытыми глазами. Всѣмъ тѣломъ она припала къ рѣшеткѣ и тянулась жадными губами туда, къ нему, откуда неслись эти безумныя рѣчи. И видно было, какъ высоко поднимается ея грудь, какъ судорожно обхватываютъ ея пальцы желѣзную рѣшетку. Страсть обжигала ее, губы искривлялись, ожидая отвѣтныхъ поцѣлуевъ и трепетали нѣжныя ноздри. Вся хмѣльная, вся отдающаяся, она дышала короткимъ, частымъ дыханіемъ, но

воздуху не хватало и она со злостью сильно рванула свои одежды и распахнула шею и грудь.

— Цѣлуй меня! милый, цѣлуй!

Она навалилась горячей грудью на холодное желѣзо рѣшетки и тянулась туда, къ нему—тянулась своими блѣдными руками и всѣмъ своимъ изнемогающимъ, любящимъ тѣломъ...

Но какъ только ея руки высунулись за рѣшетку и остановились въ воздухѣ, какъ руки статуи,—многоголовый звѣрь, притаившійся въ открытомъ окнѣ, не выдержалъ и вздрогнулъ. Онъ увидѣлъ тѣло, увидѣлъ молодую круглую грудь, въ которую впилось желѣзо рѣшетки и застоналъ, какъ раненый. Болѣзненный, слабый стонъ, какъ крикъ умирающаго, упалъ въ тишину тюремнаго двора... Упалъ и замеръ, никѣмъ не услышанный и никого не разбудившій. Даже дѣвушка на своемъ окнѣ не услышала этого стона. Она все стояла и все тянулась руками къ возлюбленному. И только самъ многоголовый звѣрь услышалъ свой стонъ и проснулся. Проснулся отъ любовныхъ чаръ весенней ночи. Полный ярости, онъ вздрогнулъ всѣми своими тѣлами и всѣми глотками сразу испустилъ бѣшеный, отчаянный крикъ... Какъ ураганъ, со свистомъ и съ грохотомъ пронесся этотъ крикъ по тюрьмѣ и, какъ ружейные выстрѣлы, трещали въ этомъ ураганѣ отдѣльныя, бранныя слова, полныя дикаго острожнаго разврата.

Пьяныя отъ страсти и ярости, тѣла вскакивали на подоконникъ, бѣшено трясли желѣзную рѣшетку, обрывались, падали и снова вскакивали и снова, какъ камнями, швыряли бранью въ окно дѣвушки.

И не было конца ихъ злобѣ и гнѣву. Казалось, эта буря налетѣла на тюрьму и потрясла ее отъ верху до низу.

Окно дѣвушки уже давно закрылось, но буря все росла, все разгоралась. Уже появились тѣла и на другихъ окнахъ и скоро вся мужская тюрьма ревѣла какъ взбѣсившій звѣрь и тянулась кулаками къ закрытому окну дѣвушки. Ее проклинали, на нее выливали всю острожную злобу и всѣ развратныя, грязныя слова, какія только были въ тюрьмѣ, бросали ей въ окно вмѣстѣ со страшнымъ, разбойничьимъ свистомъ.

*

Тюрьма словно упивалась своей яростью, словно подхлестывалась собственнымъ крикомъ, и буря бѣшенства кружилась какъ смерчъ изъ брани и свистковъ...

А на тюремномъ дворѣ уже гремѣли барабаны и блестѣли при свѣтѣ луны холодныя, длинныя жала штыковъ...

А. Яблоновскій.

Тетя Даря.

I.

Весна давно уже ушла и ушла не только изъ города, но и изъ окрестныхъ садовъ и полей... Только золотистые слѣды ея маленькихъ ножекъ, остались на влажномъ пескѣ по берегамъ рѣчекъ... Вѣтеръ цѣловалъ эти слѣды, шумно несся въ кудрявую рощу березъ и разсказывалъ тамъ, какъ прекрасна и недоступна весна... „Мы знаемъ... мы знаемъ...“ шумѣли важными вершинами кудрявыя березы... „Ничего вы не знаете... вы думаете только о себѣ...“ бросалъ имъ на лету веселый вѣтеръ... И мчался дальше... Такъ хорошо было разсказывать, какъ красива и нарядна ушедшая весна въ своемъ длинномъ платьѣ изъ лепестковъ сирени и черемухи... И весело было жить веселому вѣтру, каждый день котораго былъ полонъ шумными радостными разсказами.

Я гостилъ на дачѣ у сестры, погружался въ пѣвучую семейную атмосферу, отъ которой давно отвыкъ... Утренними гостями моими были: солнце и дѣтскіе голоса. Изъ сада входилъ свѣтоносный воздухъ... Шумно и весело скидывалось одѣяло. По тѣлу проходили упругія, бодрыя волны... И было такое ощущеніе, точно я только что искупался въ живой водѣ.

Послѣ чая я торопилъ, чтобы прибрали мою комнату. Мнѣ казалось, что въ головѣ у меня много свѣжихъ утреннихъ мыслей. Манили широкіе листы бѣлой бумаги. Хорошо было работать среди смолистыхъ сосновыхъ бревенъ, чувствуя, какъ кровь очищается и какъ жадно впитываютъ мозговыя ткани чистую пьянящую кровь...

Сестрины дѣти—мои племянникъ и племянница—играли, обыкновенно, въ желѣзную дорогу... Два поѣзда ходили другъ другу на встрѣчу по рельсамъ, начерченнымъ на площадкѣ изъ краснаго песка прямо противъ моего окна. Двухлѣтняя Катя надувала загорѣлыя темно-красненькія щечки, вертѣла пухлыми ручонками и возбужденно катилась по дуговой линіи, время отъ времени приходя въ безпричинный восторгъ и испуская пронзительный визгъ. Степа, который былъ на два съ половиною года старше, умѣлъ продѣлывать болѣе сложныя махинаціи... Иногда онъ ходилъ, какъ паровикъ, прицѣпленный задомъ на передъ. Тогда онъ пыхтѣлъ особенно старательно, сходилъ съ рельсъ и, набѣгая на сестренку, торопливо кричалъ: „Катя... Катя, пусти... Лаздавлю"! Ему думалось, что онъ испускаетъ клочковатые бѣлые пары, можетъ кого то раздавить, и онъ мечталъ, когда выростетъ большимъ, поступить въ кондукторы или машинисты.

Мнѣ захотѣлось познакомиться съ маленькими дикарями поближе. Для этой цѣли я вышелъ въ садъ и сѣлъ около площадки, гдѣ бѣгали жизнерадостные поѣзда. На меня испытующе поглядѣли четыре недовѣрчивыхъ глаза, но, вѣроятно, экзаменъ былъ сданъ мной удовлетворительно... Скоро меня превратили въ станцію „Петербургъ"... Къ моимъ колѣнамъ съ размаху стали налетать катившаяся крошечнымъ мячикомъ Катя и отдувавшійся, вертѣвшій ручонками Степа... Катя что-то весело щебетала, но усвоить ея птичій языкъ я не могъ и понималъ одно: когда поѣздъ вытягивалъ сочныя пунцовыя губки, надо было брать его за плечи, подносить къ своимъ губамъ и шумно чмокать... Иначе звонки и свистки не дѣйствовали... Степа, увидѣвъ наши нѣжныя изліянія, сначала надулся и недовольно крикнулъ...

— Какая ты станція... Станціи не цѣлуются...

Но потомъ въ немъ заговорила ревность и, нарушая правильность движенія, онъ то и дѣло налеталъ на меня требовать своей доли. Онъ просилъ чмокнуть то пассажирскій, то товарный, то царскій. Приходилось цѣловать всѣ вплоть до царскаго... Однако, Степина мысль хотѣла меня поразить и побѣдить окон-

чательно. Неожиданно онъ испустилъ вопль восторга отбѣжалъ отъ меня на площадку и подперъ рученками бока. Прыгнулъ и присѣлъ... Крикнулъ мнѣ...

— Смотри, дядя, царскій поѣздъ танцуетъ...

— Хорошо...—похвалилъ я.

Теперь ревновать стала Катя... Самолюбіе не позволяло ей отстать отъ брата Попросила, чтобы я посмотрѣлъ и на нее. Попробовала прыгнуть... Не вышло... Двѣ ноженки поднять сразу не удалось... Она остановилась въ раздумьи, уставилась на сапожки и выбранила какую-то изъ своихъ ноженокъ...

— У... ты глупая... Потяпа...

Я разсмѣялся... Катя исподлобья взглянула темнымя лукавыми глазенками и поднесла палецъ къ губамъ... Еще не знала: смѣяться ей то-же или расплакаться. Постарался убѣдить глазами, что лучше смѣяться. Катя взвизгнула, всплеснула ручками и, путаясь въ юбченкѣ, побѣжала ко мнѣ... Большой дядя, курившій папиросу, пришелся ей очевидно по вкусу...

Но пора было уходить... Я прибѣгъ къ хитрости, а то боялся, что будутъ недоразумѣнія и слезы. Громко чтобы слышалъ Степа, сказалъ Катѣ:

— Катя, посмотри... Вонъ лужокъ и на немъ ромашки и колокольчики... Правда, какіе красивые цвѣты?

Степа прислушался и прекратилъ танецъ царскаго поѣзда. Но я не подалъ виду, что замѣчаю перемѣну его поведенія, и продолжалъ...

— Очень хорошенькія бѣлыя ромашки. Изъ нихъ можно сплести вѣнокъ.

— Цвѣти... дядя... цвѣти... догадалась Катя и указала рученкой на лужайку, пестрѣвшую отъ цвѣтовъ...

Степа всталъ около меня и ласково и просительно терся о плечо... Я не удержался отъ искушенія потрепать его по щекамъ... Это было ошибкой, потому что Степа сразу же спросилъ:

— Скажи, гдѣ цвѣты? Мы съ тобой и Катей будемъ плести вѣнокъ...

Новое занятіе заполонило Степинъ мозгъ, и на его лобикѣ появились дѣловитыя складки... Мнѣ стало совѣстно, что я долженъ буду его огорчить... Но характеръ я все таки выдержалъ...

— Вѣнокъ мы будемъ плести послѣ обѣда... Сейчасъ мнѣ некогда...

Катя сошла съ колѣнъ и, неуклюже ковыляя ножонками, побѣжала на лужайку, гдѣ присѣла надъ первой ромашкой. Оторвать цвѣтокъ для нея было нелегко... Она напрягала силенки, кряхтѣла и удерживалась, чтобы не упасть... Степа слѣдилъ за ней, но отъ меня не отходилъ... Поднялъ головку съ льняными кудряшками и голубенькими глазенками, искалъ моихъ глазъ, желая доказать, что вѣнокъ непремѣнно надо плести сейчасъ...

— Я послѣ обѣда не хочу,—бормоталъ онъ, чуть не плача...

Тонкая ножка капризно разрывала песокъ... Я придумывалъ, какъ бы разъяснить ему, что теперь время моей работы и что нарушать порядокъ дня не стоитъ: послѣ обѣда безъ укоровъ совѣсти я могу быть много изобрѣтательнѣе, и дѣтямъ будетъ со мною интереснѣе, чѣмъ сейчасъ... Но Катя уже неслась съ оторванной ромашкой, крѣпко зажатой въ кулачекъ. Красная кепка и красное платьице ярко оттѣнялись на густой зелени... Моему взрослому сердцу стало тепло, что новое крохотное созданіе бѣжитъ подѣлиться съ нимъ своимъ успѣхомъ... Катя разжала кулачекъ...

— Цвѣты... дядя.

На ладони, покрытой отъ напряженія капельками пота, лежалъ смятый и изуродованный въ конецъ вѣнчикъ ромашки безъ всякаго признака стебелька.

Степа разсердился, что я занятъ Катей, а ему на просьбу плести вѣнокъ ничего не отвѣчаю... Онъ порывисто выхватилъ съ Катиной ладони смятую головку ромашки, ни слова не говоря, побѣжалъ къ забору и закинулъ ее въ канаву... Потомъ вернулся, всталъ въ прежней позѣ и угрюмо сказалъ:

— Вотъ вамъ, если вы не хотите со мною играть...

Катя была поражена и стояла съ раскрытымъ ртомъ; поглядѣла на меня и на брата глазенками полными слезъ; потомъ со-

образила, что имѣла право обидѣться на насъ обоихъ: на Степу, что онъ отнялъ у нея цвѣтокъ, и на меня, что я во время не заступился... Необходимо было пожаловаться мамѣ и, на ходу размахивая рученками, она покатилась къ лицевой сторонѣ дачи... Я, разсчитавъ, что успѣю ее перехватить, холоднымъ тономъ выразилъ Степѣ свое недовольство:

— Ты нехорошій мальчикъ... Не любишь свою сестренку и ее обижаешь... Ты никогда не будешь машинистомъ... Помни это... Такихъ худыхъ мальчиковъ въ машинисты не берутъ...

Я зналъ, что причиняю Степѣ большое огорченіе... самое большое изъ тѣхъ, сдѣлать которыя рѣшился бы, помня его четырехлѣтній возрастъ... Но наказать его, какъ я разсуждалъ въ ту минуту, слѣдовало... Кулаченки племянника поднялись къ глазамъ Сдаваться сразу онъ не хотѣлъ... Можетъ быть, я его обманываю пугаю, какъ пугаютъ дѣтей... Это обыкновеніе взрослыхъ, Степа зналъ, и глухимъ отъ слезъ голосомъ, онъ вступилъ со мной въ пререканія.

— Ты говоришь неправду... Меня въ машинисты возьмутъ.

— Не возьмутъ—раздѣльно и ясно отвѣтилъ я и разсчитанно спокойнымъ движеніемъ руки отстранилъ его отъ себя... Пусти... Я пойду къ Катѣ...

Степа, подпрыгивая, побѣжалъ за мной и старался не выпускать моего рукава... Я прибавилъ шагу...

— Говорю: пусти меня... Ты одинъ можешь рвать цвѣты и плести вѣнокъ... Мы тебѣ не мѣшаемъ...

— Не пущу... Ты мой дядя...

Степа сдался... Это я видѣлъ... Личико сморщилось, стало некрасивымъ, и жалость кольнула меня въ сердце... Но утѣшать Степу въ эту минуту было опасно... Катя, услышавъ голосъ брата и увидѣвъ, что мы ее догоняемъ, покатилась стремглавъ и залилась во всю... Не замедляя движеніе, я сорвалъ съ клумбы маргаритку и у террассы перехватилъ Катю, забившуюся въ моихъ рукахъ съ самымъ отчаяннымъ видомъ. Отъ порывистаго движенія у нее сбилось платьице, спустились подвязки и чулки сползли на

башмаки... Шепнулъ ей на ухо, что у меня въ карманѣ маргаритка, и сталъ приводить въ порядокъ ея пострадавшій костюмъ...

Степа стоялъ виноватый и уныло теребилъ меня за рукавъ... Имѣть маргаритку для него было также соблазнительно, какъ для Кати... Лобикъ у него хмурился, и, отыскивая своей ручонкой ладонь моей, онъ тихо спросилъ.

— Дядя... Ты мнѣ тоже дашь маргаритку?..

Я выдержалъ приличную паузу...

— Дамъ, только если ты будешь умнымъ мальчикомъ...

— Буду... пообѣщался Степа...—Это я въ послѣдній лазъ...

Голубенькіе глазенки весело вспыхнули, и черезъ минуту мы трое сидѣли на скамейкѣ за калиткой счастливые и примиренные: я въ серединѣ, а Катя и Степа по бокамъ, тѣсно ко мнѣ прижавшись, оба съ розовыми маргаритками.

Съ этого дня мы стали друзьями...

II.

Пришлось встать позднѣе обычнаго... На это были свои причины... Съ вечера собиралась гроза; по небу ползли мохнатыя грозовыя тучи, и дѣтское оживленіе было нарушено окликомъ матери, что пора идти домой, а то убьетъ молнія... Потомъ сестра моя обошла всю дачу и закрыла окна... Она боялась грозы... Грозы не случилось... Только пошумѣли особеннымъ своеобразнымъ гуломъ березы, низко полетали испуганныя ласточки, да по дорогѣ за кѣмъ-то убѣгающимъ стремительно проносилась поднятая вѣтромъ пыль... Тучи разрѣзались надъ крышей дачи и ушли въ разныя стороны недовольныя и темныя... Но нервное настроеніе сестры передалось дѣтямъ; ночью они просыпались и принимались плакать... Я слышалъ, какъ Степа разсказывалъ будто ему приснилась большая зеленая лягушка и сказала: „Я тебя съѣмъ“... „Я ударилъ ее палкой“... въ ужасѣ передавалъ подробности сна Степа и долго вылъ страннымъ недѣтскимъ голосомъ...

Это было мое первое пробужденіе... Потомъ, только я заснулъ

вторично, начала плакать Катя... Она всхлипывала тоненько, безпрерывно, и рѣжущій голосокъ глубоко забирался въ душу, такъ что минутами казалось, что онъ не внѣ меня а во мнѣ самомъ и останется такъ на всю жизнь... Приходилось ворочаться съ боку на бокъ и терять насчетъ сна надежду за надеждою... „Вотъ безпокойная дѣвочка... думалъ я про себя, прибавилъ спустя минуту, что нашла время, и сердито чиркнулъ спичкой... Почти одновременно со мной въ дѣтской то же чиркнули спичкой...

— Это ее обезпокоилъ клопъ... вотъ видишь укусы... говорила мужу сестра... Ну, дѣвчурка, спи, спи... Видишь, мама съ тобою.

И она принялась ходить изъ угла въ уголъ, приговаривая дочку ласкательными именами... Скрипѣли половицы... Мужъ сестры грузно ворочался...

Заснулъ я поздно, отчаявшись вообще спать въ эту ночь, и сонъ у меня былъ чуткій и безпокойный... Смутно донеслось, какъ по коридору пронесли самоваръ и говорили на террасѣ, что идетъ дождь... Смутно думалось о большой зеленой лягушкѣ, приснившейся Степѣ.. Голова лежала на подушкѣ неудобно... И въ сердцѣ поднималась глухая тревога, что рядомъ за стѣной зрѣетъ противъ меня таинственный заговоръ... Разъ даже почудилось, что у двери кто-то стоитъ и прислушивается...

— Я сплю...—громко вырвалось у меня, и сердце возбужденно заколотилось...

Ждалъ, что раздадутся шаги, но все было тихо... Голоса дѣтей звучали далеко. Сестра торговалась съ зеленщикомъ; на террасѣ шелестѣли газетой... Тревога оказалась напрасной... Часы сколько-то пробили... Сколько,—не считалъ... Боялся, если сосчитаю, не заснуть... Начинало грезиться что-то спокойное и баюкающее. Березы шумѣли въ саду...

Времени прошло по моему расчету мало... совсѣмъ мало и потому я возмутился, когда дверь распахнулась... Въ дремотѣ мнѣ показалось, что это приводится въ исполненіе таинственный заговоръ... Я приготовился отстаивать свое право на сонъ... Оглядѣлся...

Было и смѣшно и досадно... Въ дверяхъ въ новенькой синенькой рубашонкѣ стоялъ Степа и жался обратно въ коридоръ... Онъ испугался моего отчаяннаго прыжка подъ одѣяло, торопливыхъ судорожныхъ попытокъ, не вставая, прикрыть голыя ноги и недовольные глаза... Инстинктъ подсказывалъ, что лучше бѣжать, но искушеніе побыть въ дядиной комнатѣ преодолѣвало страхъ.

— Закрой двери... сухо проговорилъ я.

Степа дѣловито взялся за дверную ручку и потащилъ дверь за собой такимъ образомъ, что она его выталкивала... Сначала это его смутило... Но онъ быстро сообразилъ, какъ выпутаться изъ такого положенія; оставилъ себѣ узкую щель, опять проникъ въ комнату и налегъ на дверь спиной... Замокъ хлопнулъ... Степа, показавъ мнѣ, что дверь заперта крѣпко, подошелъ къ кровати и сладкимъ, притворнымъ голоскомъ сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ, дядичка...

Провѣрилъ этимъ: сержусь или нѣтъ, и когда нашелъ, что, пожалуй, не сержусь, положилъ головенку на подушки и ногами уперся въ коммодъ...

— А мама купила много ягодъ...

Это не было заданнымъ урокомъ, и голосъ сталъ естественнымъ... Степина самостоятельность пришлась мнѣ по вкусу, и я рѣшилъ быть съ нимъ на дружеской ногѣ...

— А ты дашь мнѣ ягодъ?

Степа все еще перебиралъ ногами ящики комода и такъ увлекся восхожденіемъ по отвѣсной воображаемой лѣстницѣ, что отвѣтилъ не сразу.

Пришлось спросить вторично.

— Тебѣ дамъ, а Катѣ нѣтъ...

— Почему же ты не дашь Катѣ, а мнѣ дашь?—продолжалъ я прежнимъ товарищескимъ тономъ, приготовляясь сойти съ кровати.

Степа принялъ загадочно-веселый видъ—копію съ маминаго вида, когда она говорила дѣтямъ что нибудь для нихъ неожиданное, чему трудно вѣрить... Но нѣкоторая самостоятельность проскользнула у него и сейчасъ... Онъ глубоко засунулъ палецъ

въ ротъ и пробовалъ на ощупь языкъ: мягкій онъ или нѣтъ... Опять отвѣта пришлось ждать, пока новое занятіе не наскучило... Степа поманилъ мое лицо къ своему и шепнулъ на ухо, точно передалъ исключительную тайну...

— Потому что она кулитъ папины окулки...

Я сразу не понялъ и переспросилъ шопотомъ, что такое дѣлаетъ Катя... Тогда онъ началъ звонко кричать...

— Кулитъ, кулитъ... Какъ ты, кулитъ...

Разговоръ на этомъ кончился... Я предупредилъ Степу, чтобы безъ меня онъ ничего не трогалъ, и пошелъ умываться... Постоялъ у окна, пока въ умывальникъ наливали воду, и посмотрѣлъ на сѣрую погоду... Нехотя моросилъ дождикъ и также нехотя сырѣли дорожки... Дождикъ, точно понимая, что дачники могутъ быть на него въ претензіи, уныло оправдывался, что не его воля: „видишь—я дѣлаю только видъ, будто порчу ваши дорожки, на самомъ дѣлѣ я ничего не дѣлаю, и вы можете идти гулять".

„Ладно"... иронически подумалъ я... „Тамъ посмотримъ".

Въ комнату ко мнѣ забралась и Катя... Степа не пускалъ ее дальше средины и, наклоняясь, объяснилъ:

— Дядя не позволяетъ... У дяди игрушекъ нѣтъ... Уходи...

Катя махала на брата рученками и готовилась заплакать... Я взялъ ея правую руку, а лѣвую подалъ Степѣ, и мы пошли на террасу пить чай и читать газету.

Черезъ полчаса пришла прислуга сказать, что комната готова... Степа посмотрѣлъ на меня и, замѣтивъ, что я ухожу, сбросилъ газету со стола...

— Я думалъ, что сегодня ты будешь играть съ нами...

Пришлось убѣждать его, что я не маленькій, и у меня есть собственныя дѣла, какъ и у мамы... Степа что-то соображалъ, потомъ согласился отпустить... Но когда мы стали шутливо прощаться до обѣда, онъ задержалъ мою руку въ своей и рѣшительно сказалъ...

— Если хочешь уходить, попроси маму, чтобы она пустила меня и Катю на улицу... Мы не будемъ пачкаться въ лужахъ...

— Вы никуда не пойдете... Сегодня дождикъ и надо играть дома... Вездѣ прыгаютъ лягушки... Помнишь, что ты видѣлъ во снѣ!..

Степа все равно хотѣлъ на улицу... Лягушекъ онъ прогонитъ палкой... На выручку мнѣ пришла сестра и заняла ребятишекъ игрой въ кубики... Степа строилъ дачу съ большимъ балкономъ, какъ у исправника... Катя щебетала на птичьемъ языкѣ... Дождикъ стучалъ по стекламъ...

Въ окно ко мнѣ смотрѣла свѣжая, только что умытая зелень и съ широкихъ листьевъ сирени на подоконникъ капали тяжелыя серебряныя брызги. Потомъ дождику надоѣло лѣниться... Онъ пошелъ густо и часто, забарабанивъ, какъ лихой барабанщикъ... Безжалостно мѣсилась дорожная пыль, торопившаяся укрыться отъ бьющаго ее дождя въ канаву, куда она потекла мутными струями... Застигнутый врасплохъ пѣтухъ съ опущеннымъ хвостомъ понесся со всѣхъ силъ по направленію къ сараю, гдѣ столпились куры...

Изъ окна дождевыя капли стали долетать и до моей бумаги... Пришлось запахнуть... На минуту я выставилъ за окно голову... Пріятно было освѣжиться подъ проливнымъ лѣтнимъ дождемъ...

Потомъ мысли перестали отвлекаться... Скоро я забылъ и про дождь, и про то, что я на дачѣ у сестры, и что каждую минуту меня могутъ потревожить маленькіе пріятели... Какъ разъ въ это время ихъ щебетанье прекратилось...

Герой моего разсказа находился въ исключительномъ положеніи, я переживалъ вмѣстѣ съ нимъ сложную гамму ощущеній, которую старался передать возможно правдивѣе и выпуклѣе... Дождикъ сердился, что кромѣ моей спины, онъ ничего ни видитъ и шумно стучалъ... Хотѣлъ видѣть, чѣмъ занимается дачникъ въ дурную погоду...

Осторожно пріотворилась дверь... Такъ и зналъ... Степина головка... Хорошо, я ничего не буду замѣчать... Съ моей стороны, слѣдовательно, было большой ошибкой принимать его утромъ у себя такъ любезно, какъ я его принялъ... Надо было дать понять, что я человѣкъ зрѣлый, а онъ мальчуганъ четырехъ лѣтъ... Ну,

что-же можно исправить ошибку сейчасъ... Я перевернулъ листъ и упорно склонилъ голову надъ слѣдующимъ...

— Дядя... тихо сказалъ Степа.

Конечно, промолчалъ... Можетъ думать, что не слышу или не хочу слышать... За Степиной спиной раздалось Катино кряхтѣніе... Потомъ оба они завертѣлись сбоку... На меня не дѣйствовали ни ихъ относительная робость—всетаки не рѣшались со мной заговорить, — ни металическій карандашъ, блиставшій въ Степинахъ рукахъ...

— Дядя, давай мы привьемъ тебѣ оспу...

Ни слова не говоря, я протянулъ лѣвую руку... Степа кольнулъ меня карандашемъ и заботливо положилъ руку обратно... Онъ ясно видѣлъ, что я не хочу съ ними играть, и потому былъ такъ предупредителенъ... Но не удержался, чтобы не объяснить.

— Это мы играемъ въ доктора.

Съ моей стороны прежнее упорное молчаніе, а то можно подпасть подъ дѣтскую власть навсегда... Но перо остановилось, и я нервно закусалъ кончикъ вставочки... Опять выручила сестра...

— Степа...—строго крикнула она изъ сосѣдней комнаты...

Степа нерѣшительно замялся... Потомъ взялъ Катю за руку...

— Катя, пойдемъ... Видишь: дядя занимается...

Очевидно, это были мамины слова, потому что онъ сказалъ ихъ чужимъ голосомъ. Сообразилъ таки, хоть съ чужой помощью, что дѣлаетъ незаконное нашествіе... Не совсѣмъ еще глупый мальчикъ...

И я плотно прикрылъ дверь за непрошенными гостями.

Въ дѣтской оспа прививалась коту, на кухнѣ — прислугѣ... Топотъ ножекъ хлопотливо раздавался въ разныхъ концахъ дачи, но около моихъ дверей онъ замиралъ... Легче отъ этого мнѣ не было... Предчувствіе говорило, что попытки завлечь въ игры повторятся еще не одинъ разъ... Я помнилъ, что о моихъ занятіяхъ Степа сказалъ чужимъ голосомъ...

Сердце только отчасти продолжало развивать переживанія героя разсказа; оно невольно входило въ положеніе дѣтей, сидѣв-

шихъ въ дурную погоду дома и искавшихъ себѣ развлеченія... Мысленно я сталъ осуждать сестру, что она не можетъ найти время занять своихъ дѣтей, напирая на слово „своихъ“...

— Ну, конечно...

Задвигалась дверная ручка, и Степа изъ коридора сказалъ:

— Дядя, къ тебѣ почтальонъ...

Осталось пожать плечами, что въ неудачѣ сегодняшней работы я нисколько не виноватъ... Я пошелъ открыть двери... Черезъ Степино плечо была перекинута голубенькая ленточка и на ней держалась коробка изъ подъ конфекктъ... Рука протягивала мнѣ квадратный картонъ... По сосѣдству вертѣлась Катя и скалила мелкія зубки... Картонъ я взялъ...

— Письмо... Хорошо... Вотъ тебѣ, почтальонъ, на чай...

Степа получилъ уголокъ своего картона и сдѣлалъ мнѣ подъ козырекъ... Катя весело закивала черненькой головенкой...

Мелькомъ пробѣжали глаза по картону... На лицевой сторонѣ были неизбѣжны два цѣлующіеся бѣлые голубка и подъ ними подпись: „Христосъ Воскресе!“ На оборотѣ письмо, такого содержанія:

„Милая Ларя! поздравляю тебя съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и желаю быть здоровой и хорошо учиться... Поклонись отъ меня всѣмъ вашимъ. Николай Морозовъ...

Сердце нѣжно всколыхнулось... Я вспомнилъ тетю Ларю, тихую и степенную, съ пѣвучимъ голосомъ...

— Почтальонъ! нѣтъ ли у тебя еще писемъ... позвалъ я Степу... Мнѣ казалось, что какая-то тайна у меня подъ руками, и я торопился, чтобы ее не затерять... Вѣдь тетя Ларя самая типичная представительница нашей семьи...

Степа несся со всѣхъ ногъ... Милый мальчикъ! какъ онъ радъ со мною поиграть... Катя далеко отстала... Но отъ избытка непонятнаго радостнаго волненія я подбѣжалъ сначала къ ней и высоко ее подбросилъ... Степа протягивалъ мнѣ новый картонъ и, входя въ роль почтальона, показывалъ, что ему некогда...

— Бери... А то я уйду...

Но одного письма мнѣ было мало—нужны были всѣ письма... Только бы Степа не подумалъ, что я изобрѣлъ новую интересную игру... А то онъ отъ меня не отстанетъ... Я погладилъ его по головкѣ...

— Подари мнѣ твою сумочку... Мнѣ она очень нужна...

— А ты подбросишь меня, какъ Катю?—недовѣрчиво спросилъ Степа и сталъ снимать голубенькую ленту...

— Вотъ, бери—и сумочка была въ моихъ рукахъ.

Степу я подбросилъ еще выше, чѣмъ Катю, и онъ побѣжалъ похвастаться мамѣ. Сестра сдѣлала ему выговоръ, что онъ, несмотря на запрещеніе, мѣшаетъ мнѣ заниматься.

Степа гордо и независимо заявилъ:

— Дядя самъ захотѣлъ съ нами играть...

Я подтвердилъ, что это вѣрно, и съ коробкой изъ-подъ конфектъ, ушелъ къ себѣ въ комнату. Надо было разсмотрѣть, какіе документы жизни тети Лари она сохранила.

Ихъ оказалось немного.

III.

Тетю Ларю я люблю вспоминать такой: высокая полная женщина въ шелестящемъ черномъ платьѣ, застегнутомъ на мелкія блестящія пуговицы. Хорошо помню: мягкія, пахучія щеки, розовыя морщинки около глазъ и умныя, но не сердитыя брови. Къ намъ она приходила почти каждый вечеръ и долго сидѣла съ моей матерью въ столовой, разговаривая о знакомыхъ... Онѣ разсуждали, чья жизнь складывалась удачно и чья неудачно, говорили о свадьбахъ и похоронахъ, о богатствѣ и бѣдности, о хорошихъ и плохихъ квартирахъ... Нервныя пальцы перебирали красную бахрому скатерти. Вздыхали пожилыя груди. Жалѣлось о чемъ-то неизвѣстномъ, что могло быть и чего не было. И странныя картины волновали мое дѣтское сердце: сырая маленькая квартирка, и въ ней кто-то плачетъ и ломаетъ руки; церковь, гдѣ молятся несчастныя женщины о своей неудачной судьбѣ, о мужьяхъ—

пьяницахъ, о сытныхъ обѣдахъ и о хорошей одеждѣ; Богъ, никому не могущій помочь и наказывающій слабыхъ и безвольныхъ; трактиры съ гамомъ и крикомъ, и въ нихъ пропиваются состоянія, о которыхъ вздыхаютъ мама и тетя Ларя...

— Ты хорошо сдѣлала, что не вышла замужъ,—говорила мама,—и жалѣть тебѣ нечего.

— Я и не жалѣю,—соглашалась тетя Ларя...

Пожилыя женщины сидѣли другъ противъ друга, и итоги ихъ собственныхъ жизней и жизней ихъ родныхъ и знакомыхъ слѣдовали одинъ за другимъ... Свадьба, крестины, богатство, похороны... Кто-то считалъ на счетахъ... Глухо били стѣнные часы... „И вы вѣрите, вѣрите?“—спрашивала темная столовая... И женщины покорно вѣрили въ обманувшаго ихъ Бога, въ ничего не давшій старозавѣтный укладъ жизни... И кому-то было горько и смѣшно, что онъ еще вѣритъ...

— Я не жалѣю, что не вышла замужъ...—грустно-нѣвучимъ голосомъ подтвердила тетя Ларя и говорила,—какъ несчастны вышедшія замужъ...

Черное платье на груди взволнованно поднималось... О комъ оно жалѣло? О не вышедшей замужъ тетѣ Ларѣ или о ея подругахъ, вышедшихъ замужъ... Томила неопредѣленная грусть, и медленно шли мѣрные вечерніе часы, и съ ними сплетались вздохи пожилыхъ женщинъ... Весь воздухъ въ столовой состоялъ изъ однихъ вздоховъ... И было уныло и тревожно...

Для насъ, дѣтей, вопросъ о замужествѣ тети Лари не существовалъ... Правда, въ старомъ кожаномъ альбомѣ съ мѣдными застежками, очень солидномъ и тяжеломъ, была выцвѣтшая карточка, болѣзненно тревожившая мое воображеніе... На этой карточкѣ тетя Ларя, тоненькая, гладко причесанная, съ руками сложенными на животѣ, стояла рядомъ съ сидѣвшимъ въ креслѣ господиномъ въ сюртукѣ, у котораго была большая черная борода, глаза, рѣшительно устремленные впередъ, и некрасивыя, жилистыя руки... Разсматривая альбомъ, я часто останавливался на этой карточкѣ; почему-то было грустно; хотѣлось разсказать тетѣ Ларѣ,

что я всегда ее любилъ и буду любить, хотѣлось забраться къ ней на колѣни и дотрагиваться до ея пухлыхъ рукъ своими худенькими, безсильными... Но я никогда ни маму, ни тетю Ларю о господинѣ въ черномъ сюртукѣ не спрашивалъ, и только разъ сообщилъ по секрету младшей сестренкѣ—теперь Степиной и Катиной матери,—что черный господинъ погубилъ тетю Ларю.

— Откуда ты это знаешь?—недовѣрчиво спросила сестренка и, несмотря на выразительно сжатыя губы, разочарованно прибавила:—Ты вѣчно что нибудь придумываешь... Вотъ тоже человѣкъ...

Мнѣ было обидно, что она меня не поняла, больше подѣлиться было не съ кѣмъ; но острая жалость въ сердцѣ осталась, и слушая мамины съ тетей Ларей разговоры въ столовой, я только дѣлалъ видъ, что учу уроки, а на самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы запоминать названіе большихъ Зондскихъ острововъ, готовилъ себя, когда буду взрослымъ, любить однихъ людей и не любить другихъ, и люди въ моемъ представленіи дѣлились на несчастныхъ женщинъ и на неизвѣстныхъ, почему-то несимпатичныхъ мнѣ мужчинъ... Это былъ зародышъ моего будущаго душевнаго склада, и я замиралъ и трепеталъ, точно передо мной развертывалась недѣтская, жуткая область жизни.

По временамъ я отрывался отъ руководства по географіи—Борнео, Ява, Целебесъ, Суматра, казалось, были подсунуты мнѣ чернымъ, снятымъ на карточкѣ, господиномъ, нарочно для того, чтобы я чего-то важнаго и горькаго не зналъ и не помѣшалъ какому-то обману, что мама, по непонятымъ мнѣ соображеніямъ, на сторонѣ этого господина, и глаза мои искали сочувствія у тети Лари... Я не смѣлъ ей ничего сказать—перебивать разговоры старшихъ намъ строго запрещалось—и только думалъ про себя, что, пусть, если они хотятъ,—буду дѣлать видъ, будто ничего не понимаю, буду учить то, что учить мнѣ не интересно; но это все равно имъ не поможетъ, и я никогда въ жизни не приму сторону чернаго господина... Да, не приму... И глаза мои уходили отъ тети Лари... Я самъ разобрался въ томъ, что мнѣ

слѣдуетъ дѣлать... Голова низко склонялась надъ учебникомъ, и я упорно запоминалъ названіе острововъ, уже твердо убѣжденный, что черный господинъ отъ моего послушанія ничего не выиграетъ... Былъ дѣтскій методъ борьбы съ чѣмъ-то предчувствуемымъ, но не уясненнымъ, и сердце билось упрямой рѣшимостью, готовое разбиться, но все-таки поставить на своемъ...

Тетя Ларя хвалила меня за прилежаніе, подзывала къ себѣ и гладила по головѣ. Потомъ начинала разспрашивать, какіе предметы проходятъ въ моемъ классѣ. Я приносилъ книжки, географическій атласъ и тетради... Она все подробно разсматривала... И мнѣ казалось, что моя дѣтская жизнь провѣряется кѣмъ-то добрымъ и ласковымъ, кому бы я самъ далъ ее провѣрить... Сердце билось сладко и часто... Оно торопливо разсказывало свой разсказъ—тотъ, слушать который тетя Ларя могла, а мама не могла, потому что не сумѣла бы понять его, какъ слѣдуетъ...

— Шелъ бы лучше въ дѣтскую... посылала меня мама...

Но тетя Ларя заступалась...

— Пусть побудетъ съ нами...

Я оставался. И обѣ онѣ сохранились въ моей памяти: мама съ глазами, устремленными на руки, перебиравшія красную бахрому скатерти, и думавшая, какъ мнѣ представлялось, о неудачахъ и удачахъ жизни родственниковъ съ точки зрѣнія господина въ сюртукѣ, побѣдившаго ея умъ практической моралью; и тетя Ларя, напротивъ мамы, тихая и степенная, покорная этой морали и отъ нея пострадавшая.

Такъ проходило много вечеровъ...

А вотъ день, стоящій въ памяти обособленно отъ другихъ... Въ связкѣ книгъ я несъ домой балльникъ съ припиской воспитателя, что за дерзость, сказанную мной учителю танцевъ, буду посаженъ въ карцеръ въ ближайшій праздничный день на время отъ двѣнадцати до четырехъ...

Карцеръ самъ по себѣ представлялся мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, а къ этому прибавлялись тяжелыя душевныя муки... Учитель танцевъ, чтобы надо мной поиздѣваться, зная, что я не умѣю тан-

цовать, расшаркиваясь, пригласилъ меня на вальсъ, а потомъ передразнилъ передъ всѣмъ классомъ, какъ я танцую... Ученики смѣялись... И я впалъ отъ оскорбленія въ такое состояніе, что затопалъ ногами, закричалъ одноклассникамъ, что они скоты, а учителя назвалъ жестокимъ человѣкомъ. Надо было все это разсказать дома по порядку... Горѣло лицо, и по лѣстницѣ я шагалъ сразу черезъ нѣсколько ступенекъ... Хотѣлось просить защиты отъ нанесеннаго оскорбленія, отъ несправедливаго наказанія, и, кромѣ того, упросить, чтобы меня перевели въ другое училище...

Дома у меня перехватило голосъ. Приготовленный разсказъ сразу улетучился, и только одно безпощадное слово „карцеръ“ сорвалось съ языка...

— Ну, натворилъ хорошія дѣла, такъ и расплачивайся—сухо сказала мама.—Въ жизни всегда такъ бываетъ... А ты дѣлаешь большіе успѣхи...

Меня тянуло броситься къ ея ногамъ — не для того, чтобы просить прощенія, а чтобы заставить пережить жгучую ненависть къ училищу... Я хотѣлъ вымолить эту ненависть своими слезами и отчаяньемъ...

— Мамочка! погоди!—бросился я слѣдомъ за ною... Постой я тебѣ все объясню...

Она съ балльной книжкой въ рукахъ повернулась ко мнѣ... Глаза рѣзала эта книжка, говорившая обо мнѣ ложь и мной-же принесенная. Офиціальная ложь о моей дѣтской душѣ... Порывало кричать и топать ногами...

— Смотри—и мама провела дрожащимъ пальцемъ по воспитательской записи... Тутъ чернымъ по бѣлому написано, что ты сказалъ дерзость учителю танцевъ... Воспитателю нѣтъ никакой цѣли врать...,. Плакат нечего...

Да, плакать было нечего... Это я понялъ, какъ понялъ и то, что объясненіе наше кончено... Въ груди похолодѣло... Захватило духъ... Мама на ихъ сторонѣ... Но все равно такимъ, какимъ они хотятъ, я не буду... Нарочно отняли маму... Пусть... Останусь одинъ... И, какъ дикій злой звѣрекъ, я засѣлъ въ уголъ,

рѣшивъ не обращать вниманія на ласки сестеръ, если онѣ будутъ подарены мнѣ секретно отъ мамы, какъ это случалось обыкновенно...

Притаившись въ углу, я не замѣтилъ, какъ пришла тетя Ларя... Она подсѣла рядомъ, положила мою голову къ себѣ на колѣни и спросила.

— Тебѣ больно, мой мальчикъ, тебя обидѣли, а ты не виноватъ?—и ласковыя руки стали перебирать мои волосы. —Ну что-жъ, мы заставимъ, чтобы мама тебѣ повѣрила...

— Я сказалъ дерзость и въ воскресенье буду сидѣть въ карцерѣ,—мрачнымъ голосомъ заявилъ я тетѣ Ларѣ, чтобы она знала, съ какимъ мальчикомъ имѣетъ дѣло...

Думалось, что она испугается и уйдетъ... Но на нее ни „карцеръ“, ни „дерзость“ не подѣйствовали... Тогда искоса взглянулъ я на тетино лицо, почему это такъ, почему она не такая, какъ мама... Тетино лицо о чемъ то раздумывало, доброе, съ розовыми морщинками около глазъ... И вмѣсто того, чтобы жалѣть себя, мнѣ до боли стало жаль тетю Ларю, безшумно ходящую по чужимъ комнатамъ, какъ черный призракъ непонятной грусти... грусти, можетъ быть, о томъ, что сердце позволило взять себя въ плѣнъ господину въ черномъ сюртукѣ... Я взобрался къ ней на колѣни и обнялъ ее за шею.

— Бѣдные мы съ тобой, тетя Ларя!.. оби-жен-ны-е...—растянулъ я плачущимъ голосомъ, чувствуя, что буду плакать долго, тепло и хорошо...

Мягкія, пахучія щеки прикоснулись къ моимъ щекамъ, и наши слезы смѣшались...

Потомъ тетя Ларя спросила...

— А откуда ты знаешь, что я обижена?

— Ужъ знаю... повѣрь...

— Ты, вѣрно, что нибудь подслушалъ, что мы говорили съ мамой... Это нехорошо...

Она оправила мнѣ сбившіеся волосы...

— Нѣтъ... не подслушивалъ... Я самъ знаю...

Но она не слушала... Сидѣла задумчивая и степенная, и круглые сѣрые глаза, затуманенные отъ сдержанныхъ слезъ, далеко ушли отъ моего карцера, отъ моей дерзости и сегодняшняго дня... Я понималъ, что ей не до меня, и старался не шелохнуться. Тетя Ларя, все еще думая о чемъ-то, смахнула мизинцемъ одну изъ моихъ слезинокъ, встала и безшумно пошла...

Въ нашемъ домѣ былъ призракъ непонятной грусти... Я его видѣлъ, и ласковыя руки призрака тихо перебирали мои волосы... Туманная загадка волновала меня... И слезы лились неудержимо, лились тепло и хорошо...

IV.

Милая, бѣдная тетя Ларя!

Вотъ передо мной лежитъ, старенькая коробка изъ подъ конфектъ, съ налѣпленной на нее картинкой, гдѣ въ зелени сидитъ около гнѣзда большая желтая птичка съ тупымъ, толстымъ клювомъ... Это было давно... Насталъ день именинъ тети Лари, тогда еще просто Лари... Заботливая дѣвочка старательно умылась, надѣла самое парадное платье и сходила помолиться въ церковь... Колокольный звонъ шумѣлъ по праздничному, когда маленькая именинница шла обратно домой... Жизнь обѣщала ей много свѣтлыхъ дней за то, что она послушная и довѣрчивая, и подъ новенькимъ коричневымъ платьицемъ пѣло маленькое сердце... Дома поздравляли съ днемъ ангела папа, мама и сестры... И на столѣ, закрытомъ свѣжей скатертью, лежала коробка съ желтой птичкой подарокъ богатой бабушки... Тетя Ларя, когда конфекты всѣ были съѣдены, унесла ее въ дѣтскую... Золотой пчелкѣ, подумавшей, что пришла весна, захотѣлось собирать медъ своей жизни... Она помнила, что для нея сегодня гудѣлъ колокольный звонъ, и въ церкви служилась пѣвучая обѣдня... Такъ начинается каждая дѣтская весна...

Первой въ коробку изъ подъ именинныхъ конфектъ попала книжка съ синимъ корешкомъ, синими уголками и бумажнымъ

матовымъ переплетомъ съ причудливо запутанными черными и синими жилками... На заглавной страницѣ, боясь испортить чистенькую книжку, затаивъ дыханіе, тетя Ларя вывела робкими буквами: „Записная книжка Ларисы Шубиной“. Поглядѣла на только-что сдѣланную надпись, дѣловито откипувъ хорошенькую фарфоровую головку. Показалось бѣдно и просто... Тогда она провела по линейкѣ двѣ тонкія линіи: одну посвѣтлѣе, другую потемнѣе... Теперь тетя Ларя осталась довольна. Она не испортила книжки и сдѣлала все, что надо...

Прошло нѣсколько дней... Книжка все еще лежала съ потронутыми бѣлыми страничками... Ларина жизнь не давала ничего интереснаго, чтобы стоило записать... Но у подругъ она видѣла записныя книжки съ исписанными страничками... Развѣ у нея не такая же жизнь? Маленькая головка задумалась, и острыя зубки стали кусать кончикъ карандаша... Надо было что-нибудь придумать... Въ этотъ день на верху первой страницы появился заголовокъ, написанный обмусленнымъ карандашомъ: „Что надо сдѣлать“... А подъ нимъ выросъ цѣлый столбикъ записей: „попросить у папы гривенникъ на чернильную резинку“, „дать Балясниковой на память налѣпную картинку“, „попросить у Феди чтобы онъ рѣшилъ задачи №№ 164, 168 и 173“, „сходить съ мамой въ баню“ и „купить въ косу розовую ленточку съ отливомъ, какъ у Лизы Шулятниковой“... Была попытка прибавить что-то еще, но послѣ раздумья карандашъ зачернилъ начатое... Остальныя странички остались неиспользованными... Бѣлая бумага состарилась, стала желтовато-сѣрой и пыльной, точно грустящей о томъ далекомъ времени, когда она и тетя Ларя были кому-то нужны, когда близко надъ нею склонилась Ларина головка, и у нея съ этой головкой было что-то интимное: надежды на большое содержаніе Лариной жизни, сознаніе своей нужности и, Богъ знаетъ, что еще...

Къ этому же времени, вѣроятно, относятся: карточка, изображающая пожатіе мужской и женской рукъ, происходящее въ гирляндѣ изъ незабудокъ съ букетомъ розъ на верху и съ над-

писью на оборотѣ: „на память отъ любящей подруги А. Балясниковой“ и письмо, написанное крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ... Содержаніе письма: „Дорогая Ларя! Кланяюсь я тебѣ и поздравляю съ благополучно выдержанными экзаменами и желаю быть здоровой... Мы уже на дачѣ въ Парголовѣ... У насъ очень превесело... Каждый день ходимъ гулять въ большой паркъ. Въ саду у насъ есть двѣ яблони и кусты черной и красной смородины... Пріѣзжай, пожалуйста... Я буду тебѣ рада... А то у меня нѣтъ подходящихъ подругъ. Кланяется тебѣ Зина... Папа и мама выражаютъ желаніе, чтобы ты пріѣхала и кланяются твоимъ папѣ и мамѣ. Твоя двоюродная сестра Лена Галченкова“.

Зимой въ этотъ учебный годъ тетя Ларя, какъ можно предполагать сдружилась съ А. Балясниковой, подарившей ей на память гирлянду изъ незабудокъ. Двѣ дѣвочки, немного постарше десяти лѣтъ, обѣ въ одинаковыхъ форменныхъ платьицахъ, сидѣли въ классѣ на одной скамейкѣ, отличались примѣрнымъ поведеніемъ, получали пятерки и за что-то любили одна другую... Во время перемѣнъ, какъ и въ классѣ, онѣ держались рядомъ, ходили, обнявшись, по длинному коридору съ блестящимъ паркетомъ, и, одинаково почтительно сложивъ руки на черныхъ передникахъ, дѣлали реверансы проходившимъ мимо учителямъ и класснымъ дамамъ. Тетя Ларя предупреждала Балясникову, что идетъ Ольга Константиновна, и Балясникова предупреждала тетю Ларю, что идетъ Елизавета Ивановна. Онѣ торопливо оправляли платьица, отходили къ стѣнѣ и благоговѣйно смотрѣли вслѣдъ класснымъ дамамъ—существамъ высшаго порядка, сочиненнымъ человѣческой жизнью, какъ она сочинила иконы съ ликами святыхъ, начальницу въ гимназіи и городовыхъ на улицѣ. Послѣ окончанія уроковъ тетя Ларя и Балясникова помогали другъ другу одѣваться и вмѣстѣ шли на улицу, гдѣ низко склоняли глаза подъ перекрестнымъ огнемъ взоровъ гимназистовъ и реалистовъ, выстроившихся около подъѣзда женской гимназіи... Обѣ онѣ были очень серьезныя дѣвочки, считали всѣхъ незнакомыхъ мальчиковъ нахалами и, когда за ними разъ поплелась пара кадетовъ, онѣ не

на шутку перепугались... Сердечко тети Лари трепетало тогда, какъ птенецъ, выпутый изъ гнѣзда; дома она подавилась хлѣбомъ и получила отъ мамы замѣчаніе, что никогда не нужно спѣшить. Такъ тянулись дни, приближалась весна, а вмѣстѣ съ нею и лѣтнія каникулы. Тетя Ларя и Балясникова должны были разстаться на длинное четырехъ-мѣсячное лѣто, и въ это лѣто одна изъ нихъ могла измѣнить другой и сойтись съ новой подругой. Онѣ торжественно грустили, обмѣнялись на память трогательными картинками, и вотъ въ коробку тети Лари попала гирлянда изъ незабудокъ.

Тетѣ Ларѣ было скучно безъ Ольги Константиновны и безъ Елизаветы Ивановны, безъ уроковъ, хорошихъ отмѣтокъ, почтительныхъ реверансовъ, блестящаго паркета и Балясниковой. Никому не нужно стало примѣрное поведеніе и чтеніе молитвъ наразпѣвъ... Дома она была только дѣвочкой, и о ней вспоминали лишь для того, чтобы поцѣловать утромъ, когда здоровались, накормить за обѣдомъ, и посмотрѣть: хорошо ли она причесана передъ отходомъ въ церковь. У взрослыхъ была своя жизнь, бравшая ихъ цѣликомъ со своими Елизаветами Ивановнами и реверансами. Но для той жизни тетя Ларя была мала. И она очень скучала. Какой восторгъ овладѣлъ ею въ минуту, когда подали письмо отъ двоюродной сестры Лены Галченковой. Даже не вѣрилось—до того это было хорошо и неожиданно... Во-первыхъ тамъ превесело, считала тетя Ларя по пальцамъ, во-вторыхъ каждый день будутъ ходить въ большой паркъ, въ третьихъ въ саду смородина и яблони—значитъ, скоро поспѣютъ ягоды и яблоки... Потомъ мама стала собирать ее въ дорогу, дала ей рубль денегъ, чтобы доѣхать туда и обратно, и еще немного на всякій случай, крѣпко поцѣловала и перекрестила. Въ вагонѣ тетя Ларя выбрала укромное мѣстечко въ уголкѣ, рядомъ положила вещи и ревниво слѣдила, чтобы ихъ не унесъ кто-нибудь посторонній. Вагонъ тронулся. Мысли побѣжали подъ кривыя сосны, подъ голубое небо, къ рѣчкѣ, сверкнувшей свѣтло и приманчиво, и къ уютнымъ деревяннымъ дачамъ... Тетя Ларя попро-

сила кондуктора открыть окно и, придерживая рукой круглую соломенную шляпу съ бѣдными цвѣтами, подставила свое лицо навстрѣчу вѣтру. Ноздри жадно вбирали свѣжій воздухъ, и глаза искали конецъ солнечнаго горизонта. Конца не было. Какое радостное лѣто! какая милая, добрая жизнь!..

Больше ничего о дѣтствѣ тети Лари не сохранилось... Или радостныхъ моментовъ, кромѣ перечисленныхъ, не было, или ихъ слѣды случайно затерялись... Не было также никакихъ документовъ, которые я бы могъ отнести ко времени, когда тетя Ларя изъ дѣвочки превращалась въ дѣвушку... На днѣ коробки лежала блѣдная покрытая пятнами отъ сырости голубая муаровая лента... Но это, можетъ быть, тоже память о Балясниковой.

Пришлось разсудить такъ: мысль тети Лари стала взрослой раньше, чѣмъ сформировалось ея тѣло, но въ той средѣ, гдѣ она росла, за мыслью не слѣдили... Ее продолжали считать за дѣвочку и обращались съ ней, какъ съ маленькой... Меда жизни, какого ей хотѣлось, поэтому не было... Отъ многаго удерживалъ и собственный отроческій стыдъ... И неуклюжій подростокъ, предоставленный самъ себѣ, на время замкнулся, чуждаясь людей и событій, шедшихъ мимо...

Потомъ пошли визитныя и фотографическія карточки молодыхъ людей; нѣкоторыя простыя, бѣлыя, другія изъ мраморной бумаги или матовыя съ золотыми обрѣзами и франтоватымъ шрифтомъ... Вотъ о комъ мечтала тетя Ларя, когда сдѣлалась барышней: о Христофорѣ Ивановичѣ Семеновѣ, объ Евгеніи Михайловичѣ Соколовѣ, о поручикѣ Енисейскаго полка Федорѣ Петровичѣ Колышко и объ университетскомъ студентѣ Димитріи Яковлевичѣ Лизогубѣ... Кто изъ нихъ былъ господиномъ съ черной бородой? Вѣроятно Христофоръ Ивановичъ Семеновъ, потому что карточка съ его именемъ была самой увѣсистой и солидной, напоминавшей о тяжести и прочности практической морали... Должно быть, тетя Ларя положила эту карточку среди другихъ, скрѣпя сердце, считая такой поступокъ своей обязанностью... И мнѣ казалось, что университетскій студентъ Лизогубъ

и поручикъ Енисейскаго полка Колышко неодобрительно смотрятъ на солидное для нихъ непріятное сосѣдство... Веселые молодые люди, одинъ съ блестящими эполетами, другой съ красивой шевелюрой вьющихся волосъ и лихими усами, не любили практическихъ соображеній и разговоровъ о будничной жизни... А тутъ имъ подсунули какого-то Семенова... И мнѣ трудно было отдѣлаться, когда я смотрѣлъ на студенческую и офицерскую карточки, отъ чувства, будто я вижу брезгливыя усмѣшки и ироническіе кивки головами; „Что братъ, каково“? „Да, таково, братъ“... Я входилъ въ положеніе тети Лари, входилъ въ положеніе Лизогуба и Колышки, и для меня смутно намѣчалась отдаленная дѣвичья драма...

Послѣ карточекъ я остановился на смятой программѣ оперы „Пиковая дама“ и двухъ потрепанныхъ еле-живыхъ билетахъ въ галлерею пятаго яруса съ сосѣдними номерами. Въ большомъ ярко-освѣщенномъ театрѣ тетя Ларя была на верху, держала въ рукѣ маленькій женскій бинокль, взятый у знакомыхъ, и внимательными глазами жадно слѣдила, какъ мучилась графинина воспитанница Лиза, какъ Германъ ночью прокрался въ спальню страшной старухи, и какъ она явилась къ нему послѣ смерти назвать три волшебныя карты. Впечатлѣніе было потрясающее, и хотѣлось имѣть близкаго своего человѣка, совсѣмъ своего, что бы вручить ему подъ защиту испуганное и взволнованное сердце. Потомъ дома тетя Ларя бралась за колоду, закрывала глаза, вынимала одну изъ картъ и, дрожа, говорила: тройка. Но яркихъ сказокъ въ будничной жизни нѣтъ, оттого ее не любили Колышко и Лизогубъ, и тройка не открывалась. Тетя Ларя вздыхала, подходила къ окну и прижималась разгоряченнымъ лбомъ къ холодному стеклу. Все равно близкій человѣкъ ей нуженъ, нуженъ. Плакать было не о чемъ, не о томъ же, что не открылась тройка, но плакать хотѣлось, и жадно билось сердце, и пылали щеки, и высоко поднималась молодая грудь, не вѣрившая, что сказокъ нѣтъ. Въ веселыя минуты тетя Ларя напѣвала вполголоса: „барышнямъ вашего круга надо приличіе знать“. Сѣрые глаза ста-

новились тогда смѣлыми и задорными, въ нихъ вспыхивали загадочные огоньки, и думалось, что жизнь можно взять однимъ мановеніемъ руки, стоитъ только запѣть ухарскій цыганскій романсъ, накинуть на себя шубку, вскочить на подкатившую къ подъѣзду тройку съ болтливыми бубенцами и унестись на ней далеко на вѣтеръ и снѣгъ съ поручикомъ Колышкой или еще лучше съ Лизогубомъ. А когда находило грустное раздумье, что этой тройки нѣтъ и не будетъ, тетя Ларя вспоминала драматическій теноръ Германа и слова: „Что вѣрно?—Смерть одна“. И она соглашалась, что вѣрна одна смерть, нащупывала переставшее биться сердце и искала въ углу черной иконы. Темнѣли комнаты, безшумны были шаги по коврамъ и страннымъ, казалось, что въ спальнѣ у матери горитъ жалобная лампадка горитъ и плачетъ. „Неудачная судьба у меня“... ныла душа въ душѣ у тети Лари, и она не знала, отчего неудачная. Не спала ночью. Подушка становилась противной и не вѣрилось, что рядомъ въ комнатахъ другіе спятъ. „Притворяются“... шептала тетя Ларя, кусала кончикъ подушки, и слезы падали на молодое обиженное тѣло, которому жаловалась обиженная душа.

Складной свадебный билетъ изъ мраморной бумаги съ золотыми иниціалами жениха и невѣсты на раскрывающихся верхнихъ половинкахъ. „Вѣра Григорьевна Галченкова покорнѣйше просятъ васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ея Елены Алексѣевны съ Александромъ Ивановичемъ Мурашовымъ въ церковь С.-Петербургскаго Ремесленнаго училища, а оттуда къ обѣденному столу и на балъ къ кухмистеру Ильину“. Цѣлая женская исторія. Частые приходы портнихи и шелкъ цвѣта кремъ, мучительно пріятный на ощупь. Наконецъ платье готово, и на ногахъ бальныя туфли тоже цвѣта кремъ. Мама смотритъ, сестры смотрятъ, портниха съ сознаніемъ исполненнаго долга стоитъ въ отдаленіи и увѣренно ждетъ, что скажутъ чуть поддергивая нервной верхней губой съ маленькими усиками... Тетя Ларя замерла и не дышитъ. Но она не прежняя стройная, тоненькая дѣвочка, даже не та, что снималась съ господиномъ въ сюртукѣ;

лицо погрубѣло, родинка на правой щекѣ утратила прежнюю привлекательность и не такъ ласково и заботливо облекаютъ бальныя туфли окрѣпшія сильныя ноги... „Хорошо“... говоритъ мама и отступаетъ назадъ къ портнихѣ... Сестры тоже находятъ, что хорошо... Портниха разсказываетъ, что ей приходилось работать на супругу и дочерей генералъ-майора Крылова... Но тетя Ларя чуть не плачетъ... Развѣ у нея такая некрасивая талія, такія широкія мужскія плечи, такіе крутые бока?.. „Ты сама не знаешь, чего хочешь“... замѣчаетъ мама... Портниха закуриваетъ папироску и иронически бросаетъ: „Онѣ капризничаютъ“... Звенятъ монеты и шуршатъ бумажки... Тетя Лари дрожитъ бровями... Потомъ уходитъ къ себѣ, садится въ новомъ платкѣ на стулъ къ столу и ломаетъ руки... Лена Галченкова выходитъ замужъ, а ей Ларѣ двадцать шесть лѣтъ, и она не выходитъ... „Я старая дѣва“... трепеща отъ ужаса, краснѣя отъ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго ей жизнью... шепчетъ тетя Лари и смотрится въ зеркало, чтобы разгадать загадку своей судьбы... Наканунѣ свадьбы, передъ тѣмъ, какъ лечь въ кровать, тетя Лари строго и любовно оглядываетъ шелковое платье цвѣта кремъ, вѣеръ съ перламутровыми пластинками и бальныя туфли—своихъ завтрашнихъ союзниковъ на балу у кухмистера Ильина... Долго моетъ дорогимъ мыломъ шею и плечи... И не знаетъ, надѣяться ей или нѣтъ... Лежитъ съ открытыми глазами, заглядывая въ будущую жизнь и не понимая, куда ушли Колышко и Лизогубъ... „Неужели я не умѣю любить, какъ другія“?.. И тетѣ Ларѣ кажется, что она можетъ любить лучше другихъ, только объ этомъ надо кому-то сказать, а то такъ не повѣрятъ... И оттого, что она чувствуетъ въ себѣ нетронутое богатство ласки, заботливости и нѣжности, ей дѣлается спокойнѣе... Она засыпаетъ, широко разметавшись по кровати, и во снѣ улыбается... На балу шумно и безтолково... Много фраковъ и форменныхъ мундировъ... Тетя Ларя ѣстъ мороженное и пьетъ шампанское... Она чокается съ своимъ сосѣдомъ за любовь — нужды нѣтъ, что сосѣдъ съ плаксивымъ лицомъ и убогими запонками на манжетахъ... И горько и непонятно, что

куда-то подъ стремительную музыку мазурки уносятся дѣвичья грація, молодость, фраки и мундиры... „Я хочу еще шампанскаго“... „Удивительно вкусное вино... говоритъ сосѣдъ... А вы будете танцовать кадриль“?.. Тетѣ Ларѣ нехорошо... Въ толпѣ вертлявый фракъ шепчетъ, что вонъ та высокая барышня напилась пьяной... „Дорвалась“... угодливо соглашается плаксивое лицо... Тетю Ларю уводятъ подъ руки въ темную комнату, гдѣ открыта форточка... Она глотаетъ воздухъ и смотритъ широко-раскрытыми глазами... Пришла жизнь, настоящая, невыдуманная... Здравствуй, жизнь!..

Послѣдняя дѣвичья ставка—билетъ для входа на балъ цвѣтовъ, цѣною пять рублей... Огромныя дворцовыя залы съ лѣпнымъ потолкомъ и бѣлыми колоннами... Тетя Ларя сразу поняла, что пришла напрасно... Видъ у нея унылый и скучающій... Она не будетъ сегодня танцовать; она пришла только посмотрѣть... Говорили, что очень красиво... Ничего особеннаго... Костюмы, какъ костюмы... Вездѣ одно и то же... Тетя Ларя, чтобы быть незамѣченной, сѣла за колонну... Она истратила пять рублей, и ей скучно... И въ первый разъ зоветъ и манитъ своя маленькая комнатка, гдѣ все такое бѣдное, но зато родное и близкое... Сердце съ чѣмъ-то примиряется... Тетя Ларя запоминаетъ бросающіеся въ глаза туалеты, спрашиваетъ у сосѣдей, какъ фамилія балерины съ неестественно-блестящими глазами, которая кокетничаетъ съ уланскимъ адъютантомъ... „Вонъ... смотрите... она ударяетъ его вѣеромъ... Да... да... эта самая“... Но тетя Ларя узнаетъ фамилію балерины не для себя, а для домашнихъ... Завтра ее будутъ спрашивать: „весело ли было на балу цвѣтовъ въ Таврическомъ дворцѣ“?.. „Шикарно было“... скажетъ тетя Ларя, потомъ прибавитъ, что у ее разболѣлась голова, и она не могла танцовать... И тетя Ларя хочетъ, чтобы балъ цвѣтовъ скорѣе кончился.

V.

Бѣдная, милая тетя Ларя!..

Весенній разливъ ея жизни кончился... Дни потекли по узкому

руслу... Она поступила на службу, завелись свои небольшія деньги и пришлось стать дѣловой особой... Вотъ письмо въ синемъ конвертѣ съ такимъ адресомъ: Госпожѣ Ларисѣ Сергѣевнѣ Шубиной, Контора Лѣсопильнаго завода „Крестовыхъ и К°“...

Читаю письмо: „Многоуважаемая!.. Лариса Сергѣевна... простите, пожалуйста... что я Васъ безпокою своею просьбою... Не можете ли Вы мнѣ одолжить восемь рублей денегъ до начала будущаго мѣсяца ввиду того, что мнѣ нужно ѣхать на Валаамъ на богомолье, но такими деньгами не располагаю, хотя есть, но я должна оставить, чтобы уплатить мужикамъ, которые косятъ... Они какъ разъ кончаютъ въ четвергъ... Буду Вами очень благодарна... Уважающая Васъ М. Манькова“...

Тетя Ларя послала эти восемь рублей... Надо помочь человѣку, когда онъ хочетъ ѣхать на богомолье... Потомъ перечитала письмо, подумала о мужикахъ и сѣнокосѣ и спрятала синій конвертъ въ коробку съ птичкой... Вѣроятно, Манькова не внушала ей довѣрія, и нужно было сохранить доказательство, что денежныя отношенія между ними завязались... А, можетъ быть, тетѣ Ларѣ было пріятно сознаніе, что она кому-то нужна и кого-то выручаетъ... Пока она не привыкла оказывать денежныя услуги, пока получать просительныя письма было вновѣ, — каждое доказательство своей нужности людямъ явилось дорогимъ... И рука тети Лари не дрожала когда она опускала это скучное письмо въ коробку изъ подъ конфектъ, хранившую воспоминанія о дѣтствѣ и молодости... Колода ея дней раскрылась, и первой взятой картой оказалась не когда-то ожидаемая съ сердечнымъ трепетомъ загадочная тройка, а самая обыкновенная карта... Что жъ, и это было нѣчто... Потомъ тетя Ларя ждала начала будущаго мѣсяца, щелкала въ конторѣ счетами и записывала торговые обороты въ разграфленныя бухгалтерскія книги... Передъ глазами было зеленое сукно конторки, чернильница изъ толстаго граненнаго стекла и металлическая чашечка со счеткой, куда втыкались вставочки... И какъ раньше тетя Ларя вошла въ гимназическую жизнь съ ея Ольгами Константиновнами, реверансами и Балясниковыми, а не-

много позже въ дѣвичью съ Лизогубами, Колышко, Христофорами, Ивановичами, операми „Пиковая дама“ и „Евгеній Онѣгинъ“, свадьбами и балами цвѣтовъ, такъ и теперь погрузилась она въ дни, полные приходовъ и расходовъ, протестованныхъ векселей и выдачей жалованій машинисту, пилоставамъ, возчикамъ и чернорабочимъ... Понемногу она заинтересовалась работой и, въ свободное время приходя домой, разсказывала про высокіе штабеля досокъ, про Рабиновича, отказавшагося уплатить Крестовымъ и К° и пропустившемъ всѣ сроки уплаты, хотя онъ имѣлъ нѣсколькихъ содержанокъ и каждое лѣто отправлялъ жену за границу;—упрекала жену Рабиновича, что она носитъ тысячныя брилліантовыя ожерелья, а дочерямъ не даетъ образованія... И дома слушали разсказы тети Лари, поддакивали ей и находили, что тетя Ларя умная и разсудительная, Рабиновичъ — нечестный человѣкъ и большой плутъ, а жена Рабиновича — расточительная особа, которую бы надо держать въ ежовыхъ рукавицахъ... Къ слѣдующему приходу тети Лари домашніе приготовляли много новыхъ вопросовъ и, когда она входила въ столовую, гдѣ всѣ сидѣли,— ее сразу начинали осаждать: кто нибудь говорилъ про высокіе штабеля; кто нибудь спрашивалъ, заплатилъ ли Рабиновичъ; интересовались, когда уѣдетъ жена Рабиновича, и любятъ ли ее дочери... Надо протестовать векселя... Что стѣсняться съ плутомъ... „Надо“... соглашалась тетя Ларя... И никто не удивлялся, что не было Балясниковой, а были штабеля, что не было „Пиковой дамы“ и „Евгенія Онѣгина“, а были супруги Рабиновичи... Тетя Ларя сама не удивлялась... Къ этому времени она стала носить черныя платья, рѣже подходила къ зеркалу и не училась больше танцовать модные танцы.

Разъ она явилась домой возбужденнѣе обыкновеннаго... Темная краска выступила пятнами на мягкихъ щекахъ, и умныя брови пытались сдѣлаться сердитыми... Совѣстно было начинать разсказывать, что съ нею случилось... Она шумѣла чернымъ шелковымъ платьемъ и не могла осилить волненіе. Потомъ сорвалось одно слово и за нимъ отрывисто второе... Покупатель Яблоч-

кинъ, старый человѣкъ, осмѣлился... Губы тети Лари дрожали. Она смотрѣла на маму и замужнихъ сестеръ, чтобы онѣ отдали себѣ отчетъ въ томъ, какой нахалъ этотъ Яблочкинъ. Онъ пригласилъ ее ужинать въ ресторанъ... „Думаетъ, что я такая дура“... И тетя Ларя взволнованно поводила полными плечами... А мама и замужнія сестры учили ее, какъ надо было отвѣтить Яблочкину... Мама говорила, что надо было сказать ему: можетъ быть, это ваши дочери ходятъ по ресторанамъ... Замужнія сестры находили, что лучше всего сказать было такъ: можетъ быть, это ваша жена ходитъ по ресторанамъ... Тетя Ларя ждала, когда онѣ кончатъ... „Я ему сказала: стыдно вамъ, Афанасій Петровичъ“... И всѣ находили, что она отвѣтила умно... Только самая младшая изъ сестеръ не согласилась... „Я бы сказала ему такую дерзость“... „Онъ думаетъ, что я беззащитная, что мнѣ тридцать четыре года и со мною все можно“... Голосъ тети Лари становился беззащитнымъ, сѣрые глаза тоскливо жаловались, и брови не пытались больше дѣлаться сердитыми. „Испытай...—негодовала мама.—Попробуй, какъ все это можно“... Тетя Ларя смотрѣла на нее съ благодарностью... Разговоръ сталъ тише... „Какъ дѣла Рабиновича?..“—спросила старшая замужняя сестра... Въ душѣ уже назрѣвалъ отвѣтъ: „Я не знаю, какъ дѣла Рабиновича“. Но мама поинтересовалась узнать, поѣдетъ ли его жена этимъ лѣтомъ за границу... Тетѣ Ларѣ было горько до слезъ... Ей хотѣлось говорить о себѣ и о Яблочкинѣ... Но она отвѣтила мамѣ... Мамѣ нельзя не отвѣчать... Только младшая сестра повторяла, что она сказала бы такую дерзость... И въ тишинѣ, наступившей послѣ возбужденнаго семейнаго разговора, раздался вздохъ, и этотъ вздохъ не принадлежалъ тетѣ Ларѣ...

На днѣ коробки запрятались двѣ открытки съ картинками и меню поминальнаго обѣда... Меню на твердомъ бѣломъ картонѣ съ двойной траурной каймой. На верху: заглавіе—„Обѣдъ, число и годъ... Потомъ перечисленіе блюдъ: блины съ икрой, супъ пренташеръ—пирожки; форели паровыя—соусъ пиканъ; жаркое: пулярды и цыплята—салатъ; кисель и бламанже...

Тетя Ларя перестала получать приглашеніе на балы и вечера; музыку и танцы замѣнили поминальные обѣды... Траурная карточка была ей дорога, какъ чье-то, мнѣ неизвѣстное, вниманіе.. А можетъ быть, это память о близкомъ покойникѣ... Годъ указанъ такой, что невольно предполагаешь, будто поминки были по Ленѣ Галченковой, на чьей свадьбѣ тетя Ларя пировала... Вспоминаю теперь точно... Да, по Ленѣ Галченковой... Тетя Ларя шла за гробомъ въ глубокомъ траурѣ, а сзади тянулись по-двое и по-трое другіе родственники, знакомые и неизвѣстно какіе люди... Шествіе замыкалось каретами, кузова которыхъ были рабрызганы рыжей грязью... Изъ окошекъ каретъ выглядывали дѣтскія лица и металлическіе вѣнки съ широкими лентами-.. Было немного грустно, немного сѣро... Уныло заплетались ноги... Подолъ платья волочился по грязи, и голова была занята борьбой: поднять его или ужъ пусть себѣ волочится... И думалось, что Лена Галченкова, печальная теперь не по земному, знаетъ, что тетя Ларя боится за свое платье,—улыбается и прощаетъ; прощаетъ, потому что они стали близкими, близкими, какими никогда не были, обѣ далекія отъ обычной людской жизни и кѣмъ-то одинаково обиженныя.. Голова тети Лари наклонилась ниже, и въ грязь скатилась маленькая бѣглая слезинка... „Со святыми упокой новопреставленную рабу Твою Елену“... шепчутъ губы тети Лари... Глаза заволакиваются туманомъ, и въ думахъ другая процессія безъ каретныхъ кузововъ и любопытныхъ дѣтскихъ глазъ... „Да, скоро“... вздыхаетъ тетя Ларя и вспоминаетъ про давно распятаго Христа, и ей кажется, что Христосъ, позволивъ Себя распять, сдѣлалъ большую ошибку... Все бы могло быть иначе, и она смотритъ на небо... Но небо ничего не отвѣчаетъ... „Умерла“... говоритъ тетя Ларя Ленину мужу... Тотъ съ плачущей улыбкой подтверждаетъ, что умерла, и беретъ тетю Ларю подъ руку... Они стараются идти въ ногу... „Мы съ ней были одногодки“... говоритъ тетя Ларя... Гдѣ-то далеко смѣется голубое небо, суетливые поѣзда и парголовскія дачи... Если бы тетя Ларя осталась маленькой дѣвочкой, она побѣжала бы подъ это далекое

*

небо, сѣла бы подъ кривую сосну и тамъ оплакала бы свою подругу Леночку... Ноги плетутся по грязи, на сапогахъ рыжіе комки глины... Впереди гроба вытянулись факельщики... „На много персонъ обѣдъ?“.. спрашиваетъ тетя Ларя... „О-о-о“... удивляется она количеству приглашенныхъ и рѣшаетъ про себя, что звали, кого попало... Холодная кладбищенская церковь, восковая свѣчка въ рукахъ и прозрачное восковое пѣніе соборнаго хора... Поразительно хороши альты и дисканты мальчиковъ, и странное настроеніе овладѣваетъ тетей Ларей... „Дорого обойдутся похороны“... мысленно отмѣчаетъ она... Губы шепчутъ молитву, и остовъ молитвы цѣпко, но нѣжно переплетаетъ жалость къ хрустальнымъ тоненькимъ голосамъ, за которые заплачены большія деньги... Леночка идетъ теперь въ бѣлой одеждѣ и съ бѣлой лиліей въ рукахъ по широкимъ длиннымъ ступенямъ къ престолу Божію... Въ думахъ явь и сонъ: бѣлая одежда, запахъ ладана и молчаливые ангелы съ прекрасными неземными глазами... Голова кружится... У Леночки лилія въ рукахъ... Зачѣмъ эта лилія?.. Восковая свѣчка выпадаетъ изъ рукъ, и тетѣ Лари чудится, что она вскрикиваетъ не своимъ голосомъ...

Въ каретѣ дамы, съ которыми тетя Ларя ѣдетъ къ кухмистеру, заводятъ разговоръ... Вспоминаютъ, что покойница Лена любила брусничное варенье, а, когда была дѣвушкой, купалась такъ долго, что тѣло у нея становилось синимъ, какъ синяя оберточная бумага... „Вотъ, тогда она и захватила болѣзнь“... говоритъ нарядная пожилая дама съ умнымъ лицомъ... Старушка въ углу въ бѣдной шляпкѣ киваетъ головой и шамкаетъ губами: „Сподобилъ, Господь!“ Старушка плохо слышитъ, но ей тоже хочется поговорить о покойницѣ Леночкѣ... Послѣ она пойдетъ въ богадѣльню и тамъ будутъ разспрашивать, что и какъ было „Графья и князья“... думаетъ про себя старушка, а вслухъ разсказываетъ, что она помнитъ, какъ ставили Александровскую колонну... „Народу было видимо-невидимо“... „Скажите“... удивляется дама съ умнымъ лицомъ... Карета дѣлаетъ крупные завороты... Тетю Ларю качаетъ... И она не знаетъ, зачѣмъ рядомъ

съ ней сидитъ старушка, которая видѣла, какъ ставили Александровскую колонну... А память нашептываетъ, что покойница Леночка поздравила ее много лѣтъ назадъ съ благополучно-выдержанными экзаменами... И то, что Леночка когда-то поздравила ее съ переходомъ въ другой классъ; то, что Леночка любила брусничное варенье и купалась до синевы тѣла, кажется тетѣ Ларѣ въ эту минуту разрѣшеніемъ Христа людямъ заниматься земными дѣлами... Христосъ понялъ, что, позволивъ себя распять, сдѣлалъ большую ошибку. Покойница въ бѣломъ платьѣ съ бѣлой лиліей въ рукахъ на минуту остановилась на ступенькѣ широкой лѣстницы, оглянулась на тетю Ларю и сказала ей ласковое слово.

Дымъ въ кухмистерской совсѣмъ не такъ, какъ вечеромъ на свадебномъ пиру... Комнаты озябшія и унылыя и гулъ голосовъ, какъ жужжаніе мухъ, встревоженныхъ искусственнымъ свѣтомъ. Не то день, не то ночь. Ничего разобрать нельзя... Пропѣли вѣчную память и сѣли за столъ... „Лариса Сергѣевна... Обратите вниманіе на икру... Кушайте, все равно деньги заплачены“... говоритъ тетѣ Ларѣ отецъ Ленинаго мужа... Тетя Ларя киваетъ головою... Она попробуетъ и красной и черной икры... Стѣсняться нечего... Что чужимъ оставлять... Но сначала она смотритъ, нѣтъ ли кого изъ дѣтей съ пустой тарелкой, высмотритъ и подходитъ къ дѣтскому столу... „Кушай, Маруся, стѣсняться нечего“... И она накладываетъ на Марусину тарелку всего, что попадется подъ руку... Потомъ садится обратно, не переставая наблюдать за дѣтскимъ столомъ... Мать пробираетъ Марусю, что та пожадничала... „Видишь, въ глотку не идетъ... Что люди про тебя скажутъ... Учила тебя, слава Богу“... Тетя Ларя стучитъ ножикомъ по тарелкѣ и кричитъ черезъ весь столъ: „Это я виновата, Клавдія Михайловна... Я ей положила... Стѣсняться нечего“... И весь столъ начинаетъ говорить о томъ, что стѣсняться нечего... Руки берутся за бутылки... На лицѣ Клавдіи Михайловны появляется дѣланная любезная улыбка... Что-жъ, она женщина бѣдная: не осудите... И громко стучатъ ножи и вилки... И смутно слышитъ

тетя Ларя, какъ одна дама, показывая глазами въ ея сторону, шепчетъ другой: „Какая невоспитанность“... „Стары мы, чтобы быть воспитанными“... мысленно возражаетъ тетя Ларя и смотритъ выдержаннымъ спокойнымъ взглядомъ съ едва замѣтной усмѣшкой... Потомъ она ѣстъ супъ претаньеръ и запоминаетъ вкусовыя ощущенія; долго держитъ во рту первый кусочекъ паровой форели, наблюдая за тѣмъ, таетъ ли паровая форель во рту, какъ сахаръ...

Хорошій человѣкъ была покойница Леночка... Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ... Мухи, кажется, на своемъ вѣку не обидѣла... „Положите мнѣ эту половинку цыпленка“.. говоритъ тетя Ларя официанту... „Надо бы картежъ устроить въ память покойницы“... густо безпокоится чей-то басъ на другомъ концѣ стола... Устроятъ, все устроятъ...

Двѣ открытки... Онѣ получены раньше поминальнаго обѣда... Вѣроятно, тогда, когда Яблочкинъ приглашалъ тетю Ларю ужинать въ ресторанъ... Зачѣмъ тетя Ларя ихъ сохранила? Или это были послѣднія письма, полученныя ею со стороны... Одна открытка первоапрѣльская съ веселой особой въ декольтэ, широко разсѣвшейся на стулѣ и неприлично разставившей ноги... На колѣняхъ у этой особы два франта въ клѣтчатыхъ брюкахъ.. Старичекъ въ форменномъ мундирѣ пытается согнать франта въ пенснэ, чтобы заступить его мѣсто... Мундиръ у старичка зеленаго цвѣта и большая круглая сѣдая борода... Тетя Ларя внимательно разглядывала эту глупую картинку, стараясь отыскать хоть какія-нибудь намеки на свое поведеніе... Губы у нея сложились вопросительно... Она ничего не поняла... Можетъ быть, это дурное, а можетъ быть какой-нибудь незнакомый господинъ ею заинтересованъ на самомъ дѣлѣ... Разобраться трудно... Разные бываютъ люди... И она на всякій случай спрятала картинку въ коробку изъ подъ именинныхъ конфектъ вмѣстѣ съ послѣдними мечтами о замужествѣ...

На другой открыткѣ сморщенное лицо старой нѣмецкой дѣвицы съ нѣмецкими же подъ нимъ стихами... Потомъ раскидистымъ почеркомъ брошенныя слова: „Поздравляю съ сорокалѣтнимъ юби-

леемъ дѣвичества... Ха-ха-ха... Игрэкъ“... Недалекій человѣкъ, вѣроятно, думалъ, что это мефистофельскій хохотъ... Письмо, кинутое въ почтовый ящикъ съ игривой улыбкой... Я его оставляю въ покоѣ, потому что оно больше говоритъ о неизвѣстномъ мнѣ игрэкѣ, чѣмъ о тетѣ Ларѣ.

VI.

Я справляюсь съ сантиментальнымъ настроеніемъ и напрягаю память... Мысли плывутъ назадъ въ полосу молодости, въ полосу отреченія отъ старыхъ боговъ... Закатное солнце въ моей комнатѣ... И мнѣ кажется, что оно тоже вспоминаетъ о далекомъ времени, когда умирали безшумные шаги, стѣны морщились отъ свѣжаго воздуха и было неизвѣстно, что случится...

Чѣмъ заключилась жизнь тети Лари? Смутно припоминается одинъ нашъ разговоръ... Я уже носилъ студенческую форму, а волосы тети Лари были серебряными съ чернымъ блестящимъ отливомъ... Шуршащее черное платье, медлительныя движенія, но все это близкое къ смерти и потому невольно останавливающее на себѣ вниманіе...

Я зналъ, зачѣмъ пришла ко мнѣ тетя Ларя и былъ настроенъ противъ нея полу-шутливо, полу-враждебно... Встрѣтилъ ее съ сухой усмѣшкой, съ иронической вѣжливостью указалъ на стулъ и сѣлъ напротивъ...

— Я васъ слушаю, тетя Ларя...

— Да... Я вижу, что ты меня слушаешь, не спуская съ меня глазъ, растягивая слова, съ какимъ-то непередаваемымъ выжимомъ на каждомъ, произнесла она и, подобравъ платье, сѣла...

— Слушаю и напередъ знаю все то, что вы мнѣ скажете... прежнимъ тономъ продолжалъ я и протянулъ впередъ ноги...

Въ головѣ въ стройномъ и красивомъ порядкѣ, точно увѣренные въ побѣдѣ солдаты передъ сраженіемъ, выстроились передуманныя за ночь думы о томъ, что мнѣ хочется жить по-своему, что я имѣю право на это, и что жизнь, подготовляемая для меня мамой, скучная, неинтересная и трусливо-самолюбивая. Это былъ

парадъ свѣжихъ молодыхъ мыслей, и мнѣ весело было отъ ихъ боевого задора, отъ яркихъ пестрыхъ формъ и оттого, что тетя Ларя не знаетъ, какъ многочисленна моя армія...

— Извини меня... Ты, кажется, собираешься смѣяться надо мною...

Сѣдая голова склонилась на бокъ, и губы обидно сжались... Думы тети Лари—неуклюжіе угловатые солдаты не рѣшались идти на атаку... Я смотрѣлъ на ея серебряные волосы, и веселый задоръ смѣнялся серьезнымъ отношеніемъ. Стараясь передать новымъ тономъ голоса, что буду откровеннымъ и искреннимъ, я сказалъ...

— Вы ошибаетесь, что я смѣюсь. По крайней мѣрѣ сейчасъ я вовсе не смѣюсь...

Но глаза тети Лари поднялись на меня не сразу... И была минута, когда я чуть не вспылилъ на ея медлительность... Къ чему задерживать объясненіе, напередъ каждому изъ насъ извѣстное? Я всталъ...

— Садись...—попросила тетя Ларя.—Садись ближе... Я понимаю по-своему... Ты по-своему... На твоей сторонѣ молодость... На моей ничего нѣтъ...

И она вздохнула... Потомъ обняла меня, и мнѣ вспомнились свѣжія пахучія щеки, которыя я любилъ въ дѣтствѣ...

— Твоя мама пожила... Теперь тебѣ надо жить... Все это я знаю... Знаю хорошо, такъ что лучше этого не знать...

Тетя Ларя достала маленькій батистовый платокъ и мяла его въ рукахъ. Она не рѣшалась заплакать при мнѣ, хотя слезы просились. Подержала платокъ около носа, и опять мяла въ рукахъ...

— Что-жъ... а ты думаешь: я и твоя мама не хотѣли жить хорошо... Нѣтъ! милый... хотѣли... Ой, какъ хотѣли... Слушались, всѣхъ слушались... Можетъ, Богъ знаетъ, что бы случилось, если бы были такими, какъ ты. А все-таки, видишь, какъ трудно ни было, каждая свое назначеніе исполнила... Она дѣтей выростила... А я...

Тетя Ларя не знала, что сказать, и усмѣхнулась...

— Да... ты правъ... я пришла по ея порученію... и мы враги... старая тетка и молодой племянникъ... Вотъ какимъ волкомъ встрѣтилъ?.. Ну, что-жъ... И это терпѣть можно... Все терпѣли... Не привыкать стать...

— Такъ что же... вы хотите, чтобы и я терпѣлъ и этимъ выполнилъ свое назначеніе?—спросилъ я...—Думаете, что хуже того, что съ вами случилось, со мной не будетъ...

— Вотъ... вотъ... не будетъ... По проторенной дорожкѣ—самъ знаешь...

Объясненіе наше кончалось, и мы сошли съ офиціальной почвы... Она рѣшилась поднести платокъ къ глазамъ... Теперь можно было не стѣсняться...

— А, все-таки, признайтесь: плохой вы дипломатъ... пошутилъ я.—Испортили мамино порученіе въ конецъ...

Въ глазахъ тети Лари скользнуло что-то мнѣ недоступное, и нить пониманія между нами утратилась... Вѣроятно, и въ началѣ мы говорили на разныхъ языкахъ... Не знаю... Только на мою шутку она отвѣтила унылымъ голосомъ...

— Съ меня и спрашивать нечего... Стара стала... Взыскивай съ другихъ, коли взыскивать такой охотникъ...

Тетя Ларя насупилась и нижняя губа безсильно отвисла, придавая лицу обиженно-старческое выраженіе... Передо мной сидѣла усталая старая жизнь, и только... И черное платье, которое всегда казалось какимъ-то особеннымъ, печально-пѣвучимъ и навѣвающимъ думы объ одиночествѣ, превратилось въ обыкновенное платье... Мнѣ было больно такъ смотрѣть на тетю Ларю... И что-то сложное совершалось въ моей душѣ, что хотѣлось хотя бы на время отложить... Я чувствовалъ, что разрывъ съ прошлымъ совершается сейчасъ помимо моей воли... И глаза тянулись къ тетѣ Ларѣ, изучали и приносили въ мозгъ свои наблюденія, что она дѣйствительно стара, меня не понимаетъ и никогда не пойметъ... Розовыя морщинки въ углахъ вѣкъ, точно сознавая, что я испытываю, жаловались уныло и апатично на близкую смерть, на скучно про-

житую жизнь, на вѣчное послушаніе... „Это она... она... сама, а не мы...“ И мутные, потухшіе глаза шептали о томъ же.

Тетя Ларя встала, развела руками, потомъ положила ихъ на столъ и, смотря на стѣну прямо передъ собой, выразительно сказала:

— Ну, такъ идеи идеями... Все это хорошо... А своя-то кровь... родная кровь... развѣ она ничего не значитъ?

Много я могъ отвѣтить ей на этотъ вопросъ...

— Тетя Ларя... Не надо объ этомъ...

И только глазами постарался доказать, что знаю огромное значеніе родной крови, что, можетъ быть, всю жизнь придется бороться съ привычкой этой крови къ пассивной покорности... Но, вѣдь, тетѣ Ларѣ не это нужно...

— Ну, хорошо...—И по губамъ ея пробѣжала болѣзненная гримаса.—Не хочешь объ этомъ, такъ и не надо... Прощай... Извини, что пришла по родственному посовѣтовать...

Губы наши холодно и беззвучно встрѣтились...

— Дай Богъ тебѣ счастья,—многозначительно сказала она...

Въ дверяхъ я ей крикнулъ:

— До свиданія, тетя Ларя!

— Прощай!

И теперь, когда прошло много лѣтъ, когда многое приняло другія формы, и отношенія въ семьѣ у насъ переустроились, мнѣ кажется, что я прощался тогда на лѣстницѣ не съ тетей Ларей, а съ усталой состарившейся покорностью, которая думаетъ, что чѣмъ тише и незамѣтнѣе, тѣмъ будетъ лучше: врагъ на что-то не обратитъ вниманія, злой человѣкъ пройдетъ мимо и не замѣтитъ... Но тетя Ларя не знала, что счастье тоже пройдетъ и не замѣтитъ... И я опять готовъ крикнуть:

— До свиданія, тетя Ларя...

Удаляются безшумные шаги, въ послѣдній разъ печально шуршитъ черное платье... На минуту становится пусто и покинуто... Все-таки родная кровь...

Но не надо объ этомъ.

В. Башкинъ.

Амнистія.

(Очеркъ)

I.

Онъ прожилъ почти двадцать лѣтъ въ рыбацкомъ поселкѣ, на берегу полярной рѣки, среди дикарей и инородцевъ и кончилъ тѣмъ, что самъ сталъ дикаремъ и инородцемъ. Онъ по цѣлымъ годамъ не видалъ хлѣба, питался мясомъ и мерзлой сырой рыбой, не носилъ бѣлья, одѣвался въ звѣриныя шкуры. Лѣтомъ онъ собственноручно доилъ коровъ, какъ это дѣлаютъ степные монголы. Въ ужасные январскіе дни, морозные и темные, онъ запирался въ своемъ жилищѣ, вмѣстѣ съ телятами и выдерживалъ осаду стужи.

Лицомъ къ лицу онъ встрѣчался съ дикими звѣрями пустыни. Вспугивалъ лосей на уединенныхъ рѣчныхъ островахъ, мирно собиралъ голубику бокъ о бокъ съ медвѣдемъ на прибрежномъ болотѣ. Съ людьми пустыни, почти столь же дикими и наивными, какъ звѣри, онъ свелъ близкую дружбу.

Мало-по-малу кругъ его интересовъ сузился.

Связь съ человѣчествомъ почти оборвалась. Письма изъ Россіи не приходили и онъ переставалъ думать о человѣчествѣ и о Россіи и думалъ только о сотнѣ якутовъ, жившихъ въ хижинахъ, разбросанныхъ вблизи. Онъ заботился объ нихъ, оберегалъ ихъ отъ лихоимства начальниковъ и отъ жадности торговцевъ, пріобрѣталъ для нихъ всѣ необходимые товары, даже старался оберечь

ихъ отъ ихъ собственнаго легкомыслія и внушить имъ въ обильное время дѣлать запасы пищи, а въ скудное расходовать эти запасы съ большей осмотрительностью.

И наконецъ, когда волѣла природа, онъ нашелъ среди этихъ дикихъ людей семью, жену и дѣтей. Пятидесяти лѣтъ отъ роду, уже сѣдой и беззубый, онъ няньчилъ на рукахъ черномазаго якутенка, своего первенца, и говорилъ съ нимъ странными гортанными звуками, ибо онъ отвыкъ даже отъ родного языка и въ мысляхъ его якутскія фразы и слова мѣшались съ русскими. Онъ пустилъ прочные корни въ полярную почву, покорился власти полярной земли и даже сталъ присматривать себѣ мѣстечко на мѣстномъ погостѣ, въ полуверстѣ отъ поселка.

И вдругъ запѣла труба. Тамъ далеко, за 12.000 верстъ, была великая смута, тамъ совершалась война на два фронта, внутренняя и внѣшняя, что-то кипѣло, клокотало, перестраивалось, мѣнялось сверху до низу и изнутри наружу. До него доходили слухи, смутные и несвязные, какъ будто занесенные вѣтромъ сквозь степи и ущелья. Но онъ старался не думать объ этомъ. Богъ съ ними. Пусть дѣлаютъ тамъ, что хотятъ. Ему нѣтъ ходу отсюда. Онъ—конченный человѣкъ, Лександра Особенный изъ поселка Хамыстахъ. Особеннымъ его звали сосѣди за то, что онъ не походилъ на всѣхъ другихъ людей, туземцевъ или русскихъ поселенцевъ.

Вдругъ прискакалъ нарочный и привезъ бумагу: *Амнистія*. Александръ Петровичъ Ястребовъ, изъ ссыльнопоселенцевъ, можетъ ѣхать, куда угодно, на всѣ четыре стороны.

Цѣлую ночь онъ не спалъ; все ходилъ по своей избѣ и думалъ.

Съ утра онъ сталъ поспѣшно ликвидировать свои дѣла.

Половину скота передалъ женѣ, а другую продалъ. Заключилъ съ десятью сосѣдями десять условій о косьбѣ сѣна. Каждый изъ этихъ сосѣдей обязался въ теченіе одного года косить сѣно для скота жены Ястребова.

Уложилъ свои книги и поручилъ переслать ихъ въ Якутскую

библіотеку. Для себя самого онъ взялъ изъ всѣхъ своихъ вещей только мѣховой треухъ и старенькій полушубокъ, крытый арестантскимъ сукномъ.

Прощаніе его съ женой было коротко и немногосложно.

— Благослови!—сказалъ онъ по мѣстному обычаю, прежде чѣмъ сѣсть на косматаго сѣраго коня.

— Богъ благословитъ.

Они даже не поцѣловали другъ друга. Потомъ конь тронулъ. Дорога завернула за уголъ. Пошла унылая лѣсная тропа и хижины поселка Хамыстахъ исчезли навсегда.

Черезъ двѣ недѣли онъ ѣхалъ въ безлюдной пустынѣ вмѣстѣ съ проводникомъ якутомъ, направляясь на западъ.

Кругомъ него была ужасная горная равнина между Индигиркой и Яной, гдѣ на триста верстъ нѣтъ ни одного человѣческаго жилья, гдѣ даже мыши умираютъ съ голоду, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ камней, мерзлыхъ ручьевъ и затвердѣвшаго снѣга. Но Ястребовъ не глядѣлъ на эти мертвые камни. Онъ думалъ о родинѣ и старался вызвать въ своей памяти ея отдаленныя черты. Старался и не могъ, все забылось, перепуталось.

— Тамъ тепло,—говорилъ онъ себѣ,—тамъ—сады зеленые,—а предъ глазами всплывали только сѣверные тальники, низкіе и жидкіе, какъ будто больные. Лица, которыя представлялись его памяти, были жесткія, скуластыя, съ смуглой кожей, съ прямыми черными волосами.

Вмѣсто каменныхъ и шумныхъ городовъ были какіе-то тусклые образы, похожіе на стертыя олеографіи.

Смута, борьба, революція. Душа его не могла вмѣстить ничего. Здѣсь было тихо и безлюдно.

Быть, можетъ и *тамъ* имъ только кажется...

Впрочемъ на слово „революція“ его душа давала откликъ, ибо въ глубинѣ ея хранилось одно воспоминаніе. Это случилось тридцать два года тому назадъ.

Ихъ было четверо.

Они сидѣли въ бурьянѣ надъ оврагомъ и читали „нелегальщину“.

Это была небольшая газета, въ четверть листа, такого скромнаго вида.

Печать была неровная, съ ошибками, только заголовокъ выдѣлялся, крупный, черный, зовущій: „Впередъ“.

Они читали и сердце ихъ замирало отъ волненія. Потомъ кто нибудь пряталъ газету въ карманъ, и они расходились съ таинственными лицами. И вся ихъ революція была тихая, таинственная, карманная. Но когда онъ проходилъ по улицѣ съ этой опасной газеткой въ боковомъ карманѣ пиджака, онъ глядѣлъ на прохожихъ съ побѣдоноснымъ видомъ и думалъ: „Вотъ рабы, а я . . . я не боюсь“...

Послѣ того была тюрьма, одинъ, два, три года. Въ тюрьмѣ онъ повздорилъ съ смотрителемъ, его посадили въ подземный карцеръ, рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ.

Въ карцерѣ было темно и тѣсно, какъ въ гробу.

Такъ тѣсно, что нельзя было ни встать, ни вытянуться во весь ростъ.

По стѣнамъ текла вонючая жижа.

Съ лѣвой стороны стояла открытая „параша“, а съ правой кружка съ водой, прикрытая кускомъ хлѣба.

Послѣ того была московская пересыльная тюрьма. Ихъ побили въ тюрьмѣ. Этапная дорога. Ихъ побили на второмъ этапѣ, и потомъ на пятомъ. Первый побѣгъ. Волчья нелегальная жизнь, безъ ночлега, безъ паспорта, часто безъ куска хлѣба. Новый арестъ. Крѣпость, цынга. Судъ. Снова пересыльная тюрьма, этапная дорога. Еще побѣгъ, еще тюрьма, избіеніе. Потомъ полярная пустыня.

Эти давнія картины въ памяти Ястребова сжались вмѣстѣ и сократились, но онѣ хранились въ его умѣ, какъ старая святыня. И даже карцеръ, побѣгъ, цынга, какъ будто потеряли свой трагическій ужасъ и стали такими милыми, полными бодрости и внутренняго мира.

И во всей этой прежней революціи была не смута, а жертва, кроткая, безмолвная и почти наивная...

Послѣ Верхоянска дорога повернула на югъ. Горы смѣнились лѣсами и мерзлыми болотами; потомъ поперекъ дороги протянулся послѣдній полярный порогъ, весь изорванный, зубчатый Верхоянскій хребетъ. Они перешли хребетъ по такъ называемой зимней оленьей дорогѣ, крутой, мѣстами почти отвѣсной. Съ ранняго утра они поднимались въ гору по дикому и узкому ущелью, потомъ слѣзли съ саней, сбросили шубы и пошли пѣшкомъ. Былъ конецъ апрѣля.

Весенній день уже тянулся безъ конца и безъ ночи, но на дикомъ перевалѣ вылъ вѣтеръ и крутилась снѣжная мятель. Наконецъ черезъ четыре часа они взобрались на хребетъ. Съ перевала открылся чудный видъ, непривычный для холодныхъ глазъ Кириллова и его полярной памяти. По южную сторону хребта свѣтило яркое весеннее солнце. Пріалданская равнина разстилалась, какъ нарисованная на картѣ. Почти весь снѣгъ сошелъ съ земли. Ручьи звенѣли и пѣли и блестѣли на солнцѣ, извивались и переплетались, какъ влажныя змѣи. Лѣса были гуще и выше. У этого оледенѣлаго порога кончалась пустыня и начиналась живая земля и живая человѣческая жизнь.

Въ полчаса онъ спустился съ высокаго хребта, утопая въ снѣгу, мѣстами скатываясь на спинѣ, по обычаю сѣверныхъ горцевъ и попалъ въ лѣсъ. Лѣсъ былъ давно невиданный, сосновый. Къ сѣверу отъ хребта нѣтъ ни одной сосны. Но здѣсь онѣ стояли прямыя и ровныя, какъ свѣчи, и почва подъ ними была гладкая, плотно убитая, усыпанная хвоей. Послѣ сѣверныхъ болотъ, поросшихъ кочками и корявой лиственницей, эта ровная земля показалась Ястребову паркетомъ, а весь сосновый лѣсъ какимъ-то нарядным танцовальнымъ заломъ.

Онъ продолжалъ спускаться внизъ и попалъ въ другой лѣсъ, тополевый.

Вершины тополей были еще обнажены, но тонкія вѣтви загнулись кудрявою сѣткой и почки уже разбухли, и сладкій запахъ шелъ отъ каждаго дерева.

Ястребовъ присѣлъ на пень на опушкѣ лѣса, сталъ вдыхать свѣжій запахъ и вдругъ заплакалъ. Это было его первое пробужденіе.

Дорога тянулась прямо на югъ.

Съ каждымъ шагомъ весна крѣпла и росла и превращалась въ лѣто.

Черезъ большую рѣку Алданъ переправились на половину вплавь. За Алданомъ потянулись зеленые луга, сытыя якутскія усадьбы, текущія молокомъ и кумысомъ; табуны лошадей. Явилась первая телѣга, варварски неуклюжая, безъ единаго гвоздя, первая соха, борона изъ древеснаго корневища. Но для Ястребова все это были не признаки варварства, а первые вѣстники культуры.

2.

Въ городѣ Якутскѣ встрѣтились первые признаки весны народовъ. Послѣдняя волна освободительнаго движенія докатилась въ это захолустное мѣсто и всколыхнула его. Всѣ „бывшіе люди“, старые ссыльные, которые женились на туземкахъ и отказались отъ возвращенія въ Россію, вдругъ пробудились и какъ будто помолодѣли.

Самые заматорѣлые, ушедшіе съ головой въ хлѣбную службу и обывательскій винтъ по одной двадцатой, теперь собирали митинги и произносили рѣчи. Они походили на лягушекъ, которыя замерзаютъ въ якутскихъ озерахъ вмѣстѣ съ водою, и вростаютъ въ глыбу льда. Но если внести такую глыбу въ домъ, ледъ превращается въ воду, а лягушка оттаиваетъ и начинаетъ прыгать, какъ ни въ чемъ не бывало. Старые ссыльные съ лысыми головами и широкими сѣдыми бородами тоже оттаяли и весело прыгали

...по тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ ссыльными оттаяли и помолодѣли десятка четыре

мѣстной якутской интеллигенціи: мировой судья, два чиновника, три учителя, нѣсколько улусныхъ старшинъ и писарей. Эхо россійскихъ союзовъ долетѣло до якутской земли и она откликнулась областнымъ якутскимъ союзомъ, на той же демократической программѣ, но въ вольномъ переводѣ на мѣстные обычаи и на туземный тюркскій языкъ. Къ союзу стали присоединяться и рядовые якутскіе жители, увлекаемые завѣтной мечтой сбросить лихоимное иго чиновниковъ и поборы уголовныхъ поселенцевъ. И послѣдняя основная принадлежность всероссійской революціи тоже была налицо. Якутская свобода уже попала въ участокъ.

Сорокъ человѣкъ русскихъ и якутовъ сидѣли въ тюрьмѣ. Иные, болѣе дѣятельные, бѣжали на югъ, по дорогѣ въ Иркутскъ и Питеръ. Другихъ начальство послало въ ссылку по той же дорогѣ, за неимѣніемъ другой. Ибо, если Россія высылаетъ своихъ крамольниковъ въ Восточную Сибирь, то и Восточная Сибирь въ свою очередь посылаетъ своихъ ссыльныхъ, за неимѣніемъ другого мѣста, въ Россію и даже въ Петербургъ.

Были уже и жертвы. Старый голова Батурусскаго улуса, не говорившій ни слова по русски, но державшійся тѣмъ болѣе твердо на допросахъ, заболѣлъ въ тюрьмѣ и умеръ. Ему устроили торжественныя похороны съ красными вѣнками и пѣніемъ.

Якуты ѣли конину, пили растопленное масло и произносили политическія рѣчи.

А начальство послало конныхъ стражниковъ съ нагайками.

Не было только экспропріаторовъ и военно-полевыхъ судовъ и все еще тянулась ранняя романтическая полоса.

Въ Иркутскѣ встрѣтилась первая кровь, могилы казненныхъ, память Меллера-Закомельскаго и генерала Ренепкампфа; дальше потянулась Сибирь, усмиренная, разстрѣлянная. Романтическая идиллія свободы въ участкѣ превратилась въ кровавый кошмаръ.

Подъ Красноярскомъ показались первые ссыльные. Ихъ было много, всѣхъ сортовъ и всѣхъ званій, каторжные и административные, срочные и безсрочные; везли ихъ цѣлыми вагонами, даже

цѣлыми поѣздами, на казенный счетъ. А Ястребовъ и нѣсколько его товарищей по слову амнистіи ѣхали тоже на казенный счетъ изъ ссылки въ Россію.

Въ двухъ переѣздахъ отъ Красноярска ихъ пути скрестились.

Они поглядѣли другъ на друга, перекинулись нѣсколькими словами и помѣнялись дорогами. Бывшіе ссыльные поѣхали на волю, бывшіе вольные люди—въ ссылку и на каторгу.

Ястребовъ глядѣлъ на этихъ ссыльныхъ и удивлялся и даже не понималъ. Это были какіе-то другіе, совсѣмъ новые политическіе преступники, все больше рабочіе; крестьяне, въ лаптяхъ и въ лохмотьяхъ, часто съ сѣдиной въ бородѣ и со свитой добровольно слѣдующей семьи; одесскіе черные вороны, гурійскіе дружинники, балтійскіе лѣсные братья, матросы мятежнаго флота, женщины-бомбистки. Партіи тоже были новыя, неизвѣстныя Ястребову, все крайнія лѣвыя, лѣвѣе эс-эровъ: анархисты, максималисты, экспропріаторы, а въ сокращеніи „максы“ и „эксы“, всевозможные „боевики“.

Анархистъ Таратута разсказалъ про манифестъ 17 октября съ своей точки зрѣнія: „Я въ то время сидѣлъ въ крѣпости,— сказалъ онъ,—и случайно узналъ про манифестъ. Думаю: нало сообщить товарищамъ. Когда повели меня назадъ съ прогулки, я крикнулъ въ коридорѣ:—Товарищи, конституція дана!—За эту конституцію меня посадили на двое сутокъ въ карцеръ. Вотъ все, что я получилъ отъ манифеста 17 октября“...

Кошмарное впечатлѣніе усиливалось. Это была не Россія, а девятый кругъ Дантова ада, грѣшники, демоны, свистъ бичей, скрежетъ зубовный, проклятія. На всѣхъ станціяхъ были вооруженные солдаты. Они стерегли крамолу и хватали, кого укажутъ. А сѣрая публика глядѣла на нихъ изъ оконъ проѣзжавшаго поѣзда и ругалась во всю. Доставалось всѣмъ: мелкимъ сошкамъ и самымъ крупнымъ тузамъ недавней манджурской эпопеи.

Въ концѣ мая Ястребовъ пріѣхалъ въ свой родной Молчанскъ. На другой день у него потребовали паспортъ, но у него паспорта

не было. Въ видѣ удостовѣренія личности онъ имѣлъ клочекъ бумажки, выданный отъ якутской полиціи. На этомъ клочкѣ значилось: Предъявитель сего, бывшій ссыльный, лишенный правъ, такой-то, не пожелалъ воспользоваться правомъ приписки къ крестьянскому обществу и уѣхалъ на жительство въ Россію.

Какъ водится, въ Молчанскѣ былъ собственный генералъ-губернаторъ.

Еще черезъ день онъ пригласилъ Ястребова для подлежащихъ разъясненій.

— Кто вы такой?—спросилъ начальникъ города.

— Я обитатель земного шара,—сказалъ Ястребовъ полушутя.

— Какъ это *шара?*—недоумѣвая спросилъ начальникъ.—Развѣ вы иностранный подданный?

— Я не подданный,—живо возразилъ Ястребовъ.—Я хочу быть гражданиномъ.

Такимъ образомъ въ близлежащемъ участкѣ крамольная репутація Ястребова была установлена сразу и незыблемо.

3.

Неожиданно явился вопросъ о хлѣбѣ насущномъ.

— Куда я гожусь?—спросилъ самъ себя Ястребовъ и ему стало страшно. Свою якутскую семью онъ бросилъ далеко въ полярной пустынѣ. А самому ему было нужно до смѣшного мало,—какой нибудь уголъ, хотя бы въ кухнѣ или въ хлѣву, двѣ доски для спанья, миску каши для ѣды, кружку горячей воды съ солью для питья. Такъ жилъ онъ много лѣтъ въ изгнаніи, хижина его была одновременно хлѣвомъ для скота, а кашей онъ питался, ибо не имѣлъ зубовъ и не могъ разжевать ничего твердаго. И тѣмъ не менѣе ему было страшно. Онъ боялся, что не сумѣетъ заработать даже тѣхъ жалкихъ грошей, которые ему нужны для поддержанія старческаго тѣла.

— Что я стану дѣлать?—подумалъ Ястребовъ.—Все забылъ, отъ всего отвыкъ.

Онъ чувствовалъ себя въ этомъ каменномъ городѣ такимъ же безпомощнымъ, какъ настоящій сибирскій дикарь. Онъ сумѣлъ бы развести огонь въ открытомъ полѣ подъ вѣтромъ и дождемъ, накосить сѣна на болотѣ, защитить скотъ отъ сибирскаго „гнуса“, заметать сѣть на рѣкѣ, пожалуй, вырыть погребъ, или сложить хижину, но все это здѣсь было ненужно, невозможно и даже неприлично для Ястребова.

Чѣмъ жить?

Ястребовъ ощупалъ на своей груди длинную стальную булавку, крѣпкую и острую, настоящій стилетъ, который могъ проколоть человѣка насквозь.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ привезъ ее съ собою въ ссылку. Тогда онъ говорилъ себѣ:

— Вотъ средство послѣднее. Если придется не въ терпежъ и ничто не поможетъ, то это поможетъ.

Булавка пролежала 15 лѣтъ безъ употребленія и сильно заржавѣла.

Уѣзжая изъ ссылки, Ястребовъ взялъ ее съ собою, какъ мрачное memento mori. Въ первыя недѣли пути онъ совсѣмъ забылъ объ ней. Но какъ то уже послѣ Иркутска, онъ нашелъ ее на днѣ котомки, отчистилъ отъ ржавчины и спряталъ въ карманъ.

Теперь онъ ее ощупалъ и подумалъ опять, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ:—Вотъ средство послѣднее.

Впрочемъ, на первые дни онъ нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ дальняго родственника и стараго товарища. Они вмѣстѣ учились въ гимназіи и потомъ въ университетѣ и даже нѣкогда сидѣли рядомъ въ тюрьмѣ. Товарища скоро выпустили. Онъ окончилъ университетъ и сталъ служить по юстиціи и теперь былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и членомъ суда. Но онъ не забылъ о своемъ арестѣ, и когда увидѣлъ Ястребова, то все вспомнилъ и встрѣтилъ стараго пріятеля съ распростертыми объятіями. У него была большая квартира съ паркетными полами и мягкой мебелью.

Ястребова помѣстили въ высокой свѣтлой комнатѣ. Тамъ была пружинная кровать, мраморный умывальникъ и рѣзныя орѣховыя кресла. Ястребовъ расположился среди этого великолѣпія со своими грязными котомками, какъ солдатъ на постоѣ. Горничная по утру пыталась чистить его сѣрый зипунъ и кожаные лапти. И онъ чувствовалъ себя, какъ гунскій кочевникъ въ гостяхъ у римскаго патриція, и каждое утро, когда приходила горничная, ему хотѣлось убѣжать куда нибудь въ сарай, или на конюшню.

Къ другу Ястребова постоянно ходили люди, молодые и старые: По субботамъ были „фиксы“ и собиралась цѣлая толпа. Кромѣ того по той же лѣстницѣ этажемъ выше и этажемъ ниже жили адвокатъ и инженеръ. У тѣхъ тоже часто собирались гости приблизительно того же круга. Иные нерѣдко переходили изъ одной квартиры въ другую, въ одномъ мѣстѣ обѣдали, въ другомъ пили чай, или, напримѣръ, шли въ гости къ инженеру, а нечаянно попадали этажемъ выше къ члену суда, и оставались тамъ. Замѣчательнѣе всего было то, что сами хозяева, жившіе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, были мало знакомы между собой, никогда не ходили въ гости другъ къ другу, и только слегка раскланивались, встрѣчаясь у подъѣзда. Тѣмъ не менѣе изъ квартиры въ квартиру переходили не только гости, но даже посуда и мебель.

Черезъ три дня Ястребовъ, увлеченный почти противъ своей воли, побывалъ у адвоката и инженера, перезнакомился съ множествомъ народа, слушалъ рѣчи, и превія. Но въ тоже самое время его стѣсненное чувство не прошло и даже приняло новый оттѣнокъ.

Ястребовъ слушалъ и недоумѣвалъ. Эта была сытая обывательская жизнь, но она имѣла совсѣмъ незнакомый характеръ. Никто не игралъ въ карты, не повторялъ городскихъ сплетенъ, даже о литературѣ не говорили, даже за дамами и за барышнями ухаживали мало. Всѣ съ утра до вечера говорили о политикѣ, притомъ разбивались на партіи и спорили до одурѣнія. Тѣхъ ультра-лѣвыхъ партій, которыя встрѣтились Ястребову по сибирской дорогѣ, здѣсь не было. Здѣсь было только три партіи, кадеты, эс-деки и эс-эры. Кадеты

почти всѣ были старые и солидные. У многихъ были сѣдые волосы, солидное брюшко и деньги въ банкѣ. Между прочимъ всѣ три хозяина квартиръ были изъ кадетовъ, членъ суда былъ лѣвый кадетъ, адвокатъ былъ центровикъ, а инженеръ довольно правый, съ наклономъ къ октябризму. Кадеты говорили о томъ же, о чемъ когда-то мечталъ Ястребовъ, но ихъ рѣчи почему-то раздражали его.

— Зачѣмъ они говорятъ,—думалъ онъ,—молчали бы.

У него было странное напряженное чувство, какъ будто это были манекены или покойники, которымъ по ихъ природѣ не полагалось разговаривать, а они вдругъ ожили и заговорили.

Одинъ разъ онъ не выдержалъ и сказалъ своему товарищу.— И вы тоже полѣзли въ политику.

— А какъ же, живо возразилъ членъ суда,—мы тоже граждане, мы не можемъ равнодушно видѣть, какъ гибнетъ Россія.

Люди помоложе дѣлились пополамъ. Одна половина была эсдеки, другая эс-эры. Они спорили между собой еще ожесточеннѣе, чѣмъ съ кадетами.

Ястребовъ никакъ не могъ понять, почему они такъ горячатся и наскакиваютъ другъ на друга, какъ бойцовые пѣтухи. Когда то тридцать лѣтъ тому назадъ среди товарищей Ястребова тоже были партіи. Были землевольцы, народовольцы, чернопередѣльцы. Теперь Ястребовъ не могъ хорошенько вспомнить, въ чемъ собственно состояла разница. Землевольцы звали въ деревню, народовольцы совершали терроръ. Ну, а чернопередѣльцы? Они тоже звали въ деревню и оставались въ городѣ. Ястребовъ плохо разбирался въ своихъ воспоминаніяхъ. Но онъ былъ увѣренъ, что въ его время спорили совсѣмъ иначе, не такъ свирѣпо, а, напротивъ, вѣжливо, по братски, почти любовно.

Теперь же, когда противники переходили на личную почву и начинали говорить взаимныя рѣзкости, ему хотѣлось вставить свое слово, помирить, остановить.

Однажды онъ вмѣшался почти неожиданно для самого себя.

Спорили двое студентовъ, медикъ и ветеринаръ, оба пятаго

курса, медикъ былъ эс-декъ большевикъ, ветеринаръ эс-эръ. Они скоро стали давать другъ другу имена. Медикъ называлъ ветеринара мелкимъ буржуемъ, ветеринаръ медика хвастливымъ бланкистомъ.

— Зачѣмъ вы бранитесь,—вдругъ сказалъ Ястребовъ—не все ли равно, кто крещенъ по какому обряду, по православному или по католическому—все равно христіане. Также и вы помните лучше, что вы братья соціалисты, а не враги.

Оба спорящіе посмотрѣли на него съ короткимъ недоумѣніемъ, потомъ наскочили на него сразу и съ обѣихъ сторонъ. Эс-декъ заговорилъ о диктатурѣ пролетаріата, эс-эръ о диктатурѣ народа. Оба выговаривали слово: „диктатура“ коротко и увѣсисто, какъ будто кидали булыжникъ на мостовую. Ястребовъ послушалъ, послушалъ, махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

4.

— Сегодня сходимъ въ одинъ домъ,—сказалъ хозяинъ Ястребову.—Къ инженеру Левицкому.

— Хорошо,—согласился Ястребовъ.—Тоже кадетъ?

— Жена у него славная барыня,—продолжалъ хозяинъ.

— Она прежде была ваша знакомая.

Ястребовъ поднялъ голову, вопросительно посмотрѣлъ на товарища: тонъ его голоса былъ какой то необычайный.

— Слишкомъ давно это было—сказалъ онъ равнодушно.—Я не помню.

Левицкіе жили парадно. У подъѣзда стояли сѣрые львы съ тупыми каменными лицами. И дверь отворилъ швейцаръ въ ливреѣ, съ такимъ же каменнымъ лицомъ. И въ передней рядомъ съ вѣшалкой стояла пальма въ кадкѣ и желтая ваза на неуклюжей мраморной колонкѣ.

Хозяйка вышла на встрѣчу: Это была полная, хорошо сохранившаяся женщина съ черными глазами и волосами съ легкой просѣдью.

Глаза ея блестѣли довольно ярко, но еще ярче блестѣли золотые часы, крупные, почти мужскіе, висѣвшіе на ея объемистой груди на самомъ видномъ мѣстѣ.

— Рекомендую; Ястребовъ, Александръ Петровичъ, изъ дальнихъ странствій,—отчетливымъ басомъ выговорилъ товарищъ Ястребова.

— Господи, Саша!

Женщина съ часами сдѣлала шагъ впередъ и остановилась. Губы ея задрожали.

— Александръ Петровичъ!

Она не знала даже, какъ называть его.

Когда то она называла его Сашей, онъ звалъ ее Марусей. Тогда ея фамилія была не Левицкая, а Сокуренко. Это было двадцать восемь лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ они не видѣлись ни разу. У него были тогда кудрявые волосы, ясные синіе глаза, лицо, нѣжное какъ у дѣвушки. Теперь онъ стоялъ передъ ней, какъ привидѣніе, въ своей поношенной одеждѣ. Зубовъ у него не было и складки рта были совсѣмъ старческія и глаза выцвѣли и только въ глубинѣ ихъ свѣтилось что то знакомое; близкое и очень далекое.

Младшаго ея сына звали Сашей. Ей показалось, что у него было такое же выраженіе въ глазахъ.

Ястребовъ молчалъ и крутилъ бороду.

— Гора съ горой не сходится,—сказалъ онъ просто,—свидѣлись, Маруся!

— Откуда вы, — сказала хозяйка и вдругъ всхлипнула и оперлась рукою объ столъ.

— Я хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ—сказалъ товарищъ Ястребова огорченнымъ тономъ.

— Ничего, — сказала хозяйка и разсмѣялась мелкимъ нервнымъ смѣшкомъ.

— А какъ Семенъ Семенычъ радъ будетъ,—прибавила она уже спокойнѣе.—Онъ столько о васъ слышалъ.

Ястребовъ не отвѣчалъ.

Онъ, кажется даже не слышалъ послѣдней фразы.

Двадцать восемь лѣтъ.

Время тогда было жестокое, хуже, чѣмъ теперь, несмотря на всѣ военные суды. Брали за книжку, за перехваченное письмо, слѣдствіе тянулось годами и дорога изъ тюрьмы открывалась только въ ссылку, или на каторгу. Впрочемъ, ее тогда продержали съ полгода, потомъ выслали на родину. Его продержали три года и послали въ Сибирь. Она вышла замужъ, имѣла дѣтей, жила, какъ живутъ всѣ другія дамы. Хозяйство, дѣтскія болѣзни, въ свободное время книжка новаго журнала. Надо перемѣнить прислугу. Васѣ надо сшить курточку. Маруся хочетъ ѣхать въ Петербургъ.

Дѣтей у ней было шестеро и мужъ седьмой. Сердце у ней стало сытое, просторное, на семь гнѣздъ или на семь стойлъ, для каждаго домашняго особо. И вся она стала, какъ сытая корова изъ хорошо содержимаго стойла.

По вечерамъ, когда она приходила въ свою спальню, мысленно дожевывая свою дневную заботу, тѣло ея двигалось чинно и лѣниво и глаза становились круглые, матовые, волоокіе.

— Я изъ Пропадинска—сказалъ Александръ Петровичъ.

— Гдѣ это?

Географія Сибири была ей такъ же мало знакома, какъ географія Китая или Полинезіи.

— Тамъ далеко,—Ястребовъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ — у моря полярнаго.

И голосъ у него теперь былъ другой, глухой и будто надтреснутый. Онъ шамкалъ губами и недоговаривалъ слова.

— Какъ же вы жили тамъ, разсказывайте! Да, господа, что же вы стоите, садитесь, пожалуйста.

Гости покорно сѣли.

— А какъ Семенъ Семенычъ радъ будетъ, — вернулась она къ прежней темѣ.

Александръ Петровичъ вздрогнулъ и десны его сжались, какъ будто кто провелъ пальцемъ по стеклу.

— Какъ же вы жили?

— Такъ и жилъ, — коротко сказалъ Ястребовъ.—Тамъ все другое. Земля и люди. Я жилъ съ людьми...

Мальчикъ въ короткой курточкѣ въ припрыжку пробѣжалъ по комнатѣ.

Онъ былъ свѣтловолосый и смуглый.

Ястребовъ вспомнилъ собственнаго сынишку, который остался гдѣ-то далеко за десять тысячъ верстъ. Вспомнилъ якутку Кахы и всю свою семью. Какая женщина была лучше, эта сытая дама или та худощавая дикарка, непокладавшая рукъ въ работѣ, каждый кусокъ отрывавшая отъ собственнаго рта для гостя или для бѣднаго сосѣда?

Онъ имѣлъ такое чувство, какъ будто ему предстоитъ сдѣлать выборъ, немедленный и безповоротный, между двумя женщинами. Вслѣдъ за этимъ чувствомъ возникло сознаніе, что выборъ сдѣланъ и жизнь давно сложилась. Разница между старымъ и новымъ, которая до сихъ поръ громоздилась въ его душѣ, какъ груда несвязныхъ ощущеній, вдругъ обострилась и вспыхнула яркимъ огнемъ, какъ будто кто повернулъ электрическій рожокъ. Жизнь прожита и дѣлится на двѣ половины, та — дикая тундра и эта—бурная и людная Россія. Ничѣмъ не свяжешь ихъ, между ними пропасть.

Ястребовъ больше не слушалъ, что говорила хозяйка. Черезъ пять минутъ онъ поднялся и собрался уходить, ссылаясь на неотложное дѣло. Онъ обѣщалъ зайти на другой день вечеромъ,— когда Семенъ Семеновичъ будетъ дома.

— Какъ онъ будетъ радъ, — повторила хозяйка въ третій разъ въ видѣ напутствія,—и дѣти, и я. Мы всѣ вамъ рады, отъ всей души.

Это была райская птица, обратившаяся въ обыкновенную курицу.

5.

Выборы въ первую думу уже начинались. Вторая волна митинговъ прошла надъ Россіей. Александръ Петровичъ побывалъ у желѣзнодорожниковъ, потомъ посѣтилъ кадетское собраніе. Послѣ

того онъ зашелъ на большой машиностроительный заводъ, гдѣ по вечерамъ рабочіе стали устраивать импровизированные митинги. Съ тѣхъ поръ онъ не выходилъ изъ рабочаго района. Собранія происходили на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Одинъ разъ на канатной фабрикѣ даже при свѣтѣ факеловъ. Народу бывало много. Часто послѣ работы никто не уходилъ, и вся фабрика превращалась въ митингъ. Рѣчи лились за рѣчами. Говорили партійные агитаторы, студенты, литераторы. Говорили также мѣстные рабочіе просто и грубо, какъ Богъ на душу положитъ. Рѣчи были короткія и рѣзкія, какъ удары кнута. Вещи безбоязненно назывались настоящими именами, высказывались непримиримыя пожеланія. Перечислялись пункты программы minimum, которая была больше похожа на программу maximum. Впрочемъ, въ то время общее настроеніе митинговъ было самое неуступчивое. Даже на кадетскомъ собраніи требованіе отдать подъ судъ преступное министерство было самымъ умѣреннымъ изъ всѣхъ.

Ястребовъ слушалъ молча, потомъ ему тоже захотѣлось говорить. Онъ сначала боялся трибуны, мучительно стѣснялся толпы, но потомъ не вытерпѣлъ. Въ немъ какъ будто проснулись всѣ рѣчи, задушенныя въ тюремномъ безмолвіи и въ уединеніи полярныхъ пустынь. Нерожденныя, онѣ желали родиться и рвались наружу и жгли горло Ястребову. И въ одинъ прекрасный вечеръ онъ заговорилъ. Говорилъ онъ невнятно, шамкалъ беззубыми деснами и съ непривычки торопился и глоталъ слова. Все же толпа понимала его. Онъ говорилъ вещи простыя, наивныя, всѣмъ извѣстныя. О томъ, что всѣ люди братья, что бѣдные должны соединиться и помогать другъ другу, что людямъ нужна свобода, нуженъ свѣтъ, нуженъ кусокъ хлѣба. И толпа принимала съ восторгомъ эти простыя, ни къ чему не ведущія истины. Она инстинктивно чуяла, что этотъ странный старикъ такой же романтикъ, какъ она, и также взываетъ къ идеалу и хочетъ идти впередъ и не знаетъ, куда.

Каждое выступленіе Ястребова сопровождалось оваціей. О немъ заговорили.

Кончилось это тѣмъ, что начальникъ города призвалъ его къ себѣ и предложилъ ему немедленно уѣхать.

— Куда же я поѣду?—сказалъ Ястребовъ съ недоумѣніемъ.— Вездѣ есть генералъ-губернаторы.

— Знаете, что,—предложилъ начальникъ почти дружелюбно.— Поѣзжайте въ Петербургъ. Тамъ жить легче. И въ случаѣ чего департаментъ подъ бокомъ. Скорѣе разберутъ.

И Ястребовъ, недолго думая, собралъ свои пожитки и уѣхалъ въ Петербургъ.

6.

Извѣстный адвокатъ Гизлеръ устраивалъ званый вечеръ для „бывшихъ людей“. Бывшіе люди были теперь въ модѣ. Ихъ называли героями, со всѣхъ сторонъ къ нимъ тѣснились, глядѣли въ глаза, говорили ласковыя слова. Для неимущихъ собирали деньги, болѣе виднымъ дарили цвѣты и даже женскія улыбки. Интеллигенція и общество, всѣ тѣ, кто въ свое время уцѣлѣли и прожили сыто и спокойно, чувствовали себя какъ бы въ долгу у пострадавшихъ и старались хоть чѣмъ-нибудь выразить имъ свое сочувствіе.

Часъ былъ поздній. Всѣ комнаты были полны гостями. Здѣсь перемѣшались вольные и ссыльные, адвокаты и подсудимые, статскіе совѣтники и неизбѣжныя курсистки, одинъ отставной генералъ, старенькій и совсѣмъ безобидный. Ссыльные, впрочемъ, преобладали, они были всѣхъ сортовъ, крѣпостные изъ Шлиссельбурга, каторжане съ Кары и съ Акатуя, романовцы изъ Якутска, старые ссыльно-поселенцы изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи. Многіе изъ нихъ уже успѣли вновь пострадать за крамолу въ недавніе безпокойные дни и еле успѣли убраться вовремя съ опаснаго мѣста. У нихъ были растерянныя лица, ибо неожиданные переходы отъ равнодушія къ надеждѣ и потомъ къ пораженію выбили ихъ изъ колеи, и они не знали, какъ чувствовать себя, по старому или по новому.

Иные совершили часть пути вмѣстѣ съ генераломъ Ренненкампфомъ и на ихъ лицахъ лежала тѣнь отъ „заложничьихъ“ вагоновъ. Были и настоящіе бѣглые, уже успѣвшіе вернуться самовольно изъ новой ссылки. Они жили въ Петербургѣ по фальшивымъ паспортамъ. Они держались нервно, очень подвижно и безпокойно и усиленно говорили о „продолженіи“ и о „новой волнѣ“.

Большая часть публики столпилась въ столовой у длиннаго стола. Хозяинъ еще не садился. Онъ медленно и радушно переходилъ отъ одной группы къ другой и для всѣхъ находилъ новыя любезныя слова.

Гизлеръ былъ видный блондинъ съ золотистой бородой, изящно одѣтый и даже надушенный. Онъ прежде служилъ въ сенатѣ и былъ чиномъ коллежскій совѣтникъ. Всѣ дѣйствія его отличались утонченной вѣжливостью. Даже къ извощикамъ онъ обращался въ такомъ родѣ: „Позвольте узнать, господинъ извощикъ, сколько я долженъ вамъ заплатить“? Онъ ѣздилъ только въ вагонахъ перваго класса и возилъ съ собой портфель съ двумя отдѣленіями. Въ одномъ были бумаги, въ другомъ зеркало, зубная щетка, пилочка для ногтей, одеколонъ, постельное бѣлье. И, укладываясь на ночлегъ на какой-нибудь глухой донецкой вѣткѣ, онъ вытаскивалъ собственную наволочку и надѣвалъ на жесткій казенный валекъ. Гизлеръ спеціально защищалъ по двумъ статьямъ, 126-ой и 129-ой. У него было мягкое сердце и онъ не хотѣлъ идти дальше восьми лѣтъ каторги.

Онъ былъ въ высшей степени благородный защитникъ, глубоко входилъ въ интересы подсудимыхъ и такъ увлекался подъ конецъ, что, ожидая приговора, волновался больше всѣхъ. Судьи любили Гизлера и поддавались его аргументамъ. Онъ всегда прекрасно зналъ и изучалъ дѣло. Рѣчь у него была мягкая, вдумчивая и очень убѣдительная. И подъ конецъ являлись вспышки страсти, которыя дѣйствовали, какъ фейерверкъ, и освѣщали все дѣло бенгальскимъ огнемъ.

Однажды послѣдній абзацъ своей рѣчи онъ началъ такъ: „Я прошу судъ, я умоляю судъ, я заклинаю судъ“. И судъ подчинился заклинанію и вынесъ оправдательный приговоръ.

Иногда въ видѣ компенсаціи Гизлеръ бралъ какое нибудь зловѣщее дѣло, одно изъ такихъ дѣлъ, откуда выходъ бываетъ, какъ изъ мертвецкой, только ногами впередъ, въ готовую могилу. Въ этихъ случаяхъ Гизлеръ сражался съ судьями зубъ за зубъ, оспаривалъ каждый клочокъ территоріи. Онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, обдумывалъ способы, какъ ускорить или, если нужно, затянуть дѣло, выкапывалъ полезныхъ свидѣтелей, какъ будто изъ-подъ земли.

Онъ не отступалъ передъ экстренными средствами и часто самъ рисковалъ не хуже своихъ подзащитныхъ. О немъ говорили шутя, что онъ вывезъ одного изъ своихъ кліентовъ въ бѣльевой корзинѣ и везъ его такимъ образомъ больше тысячи верстъ.

Онъ умѣлъ добиваться смягченій даже въ такихъ судахъ, гдѣ, казалось, ничего не было, кромѣ первозданной адамантовой твердости. Но послѣ каждаго такого процесса онъ становился боленъ и ложился въ постель. Онъ расходовалъ слишкомъ много нервовъ на свои процессы и волей неволей ему приходилось браться за болѣе легкія дѣла.

Другія адвокатскія лица тоже виднѣлись тамъ и сямъ, бритыя, самоувѣренныя, со взглядомъ фехтовальщика, какой пріобрѣтается на безконечныхъ перекрестныхъ допросахъ.

Почти всѣ они посвящали политической защитѣ по крайней мѣрѣ половину своего времени. Раньше политическихъ процессовъ было мало, но теперь они сыпались какъ изъ рога изобилія. Эти адвокаты забросили свои частныя дѣла и проводили время въ разъѣздахъ по всему алфавитному списку населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи: Барнаулъ, Баускъ, Бахмутъ. Половину своей жизни они проводили въ вагонѣ, другую въ тюрьмѣ на свиданіяхъ и въ судѣ передъ скамьей подсудимыхъ. Имъ приходилось принимать исповѣдь осужденныхъ, хранить тайны, исполнять предсмертныя порученія. Это были санитары освободительной войны. День и ночь они ходили по бранному полю, спасали раненыхъ и уносили убитыхъ. Но ихъ самихъ не брали непріятельскія пули.

7.

Самые почетные гости сидѣли на верхнемъ концѣ стола и другіе поглядывали на нихъ съ неутомимымъ любопытствомъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ на старыя иконы, которыя внезапно ожили и заняли мѣсто за ужиномъ, рядомъ съ людьми.

Ихъ было пятеро и каждый изъ нихъ представлялъ какъ бы особый типъ, рельефный, законченный и отличный отъ другихъ.

Больше всѣхъ бросался въ глаза Каплинъ, могучій старикъ съ большой головой, въ тонкихъ сѣдыхъ волосахъ. Въ осанкѣ его было что-то львиное, но глаза у него были бодрые, жизнерадостные, и ни одна складка на лицѣ не говорила о томъ, что это плѣнный левъ. У него были загорѣлыя щеки и просторная одежда. Ближе всего онъ казался небогатымъ помѣщикомъ, который провелъ жизнь на деревенскомъ воздухѣ и только что пріѣхалъ изъ глубины провинціи въ столицу. Старикъ охотно говорилъ и часто перебрасывалъ острое слово на другой конецъ стола въ самую гущу чужого разговора. А рядомъ съ нимъ сидѣлъ человѣкъ съ пергаментнымъ лицомъ и унылыми глазами. Онъ слушалъ чужія рѣчи, но самъ не говорилъ ни слова. Это былъ Андрей Плавскій, тоже изъ недавнихъ плѣнниковъ. Онъ умудрился стать въ заточеніи ученымъ практикомъ прикладного типа, дѣлалъ гербаріи, изготовлялъ тонкіе препараты. Этимъ онъ спасся отъ сумасшествія и смерти, но говорить почти разучился. И поздняя воля не вернула ему этого главнаго дара людской общительности.

Хозяинъ подошелъ сзади и положилъ руку на спинку стула, за спиною Плавскаго.

— Ну, какъ вы себя чувствуете въ новой обстановкѣ? — спросилъ онъ осторожно.

Плавскій не отвѣтилъ. Вмѣсто него отозвался Феровъ, его сосѣдъ слѣва, крѣпкій, какъ дубъ, съ яснымъ лицомъ и пушистыми полусѣдыми волосами, которые удивительно шли къ его моложавому лицу.

— Мнѣ двадцать лѣтъ,—сказалъ онъ со смѣхомъ.—Я наслаждаюсь жизнью.

Другіе разговоры примолкли. Всѣ съ интересомъ смотрѣли на эту небольшую группу. Такъ занимательно было услышать рѣчи людей, которые какъ будто воскресли послѣ долгаго оцѣпенѣнія.

— Двадцать лѣтъ въ крѣпости я не считаю,—сказалъ Феровъ.—Я началъ теперь жить сначала. Чувствую себя студентомъ первокурсникомъ. Мнѣ кажется, я моложе многихъ, — прибавилъ онъ простодушно и посмотрѣлъ кругомъ.

Феровъ былъ человѣкъ съ крѣпкой волей и стальными нервами. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ просидѣлъ два года въ крѣпости подъ угрозой почти неминуемой смертной казни. Товарищи его сошли съ ума, но въ его душѣ не дрогнула ни одна струна. Онъ много читалъ, потомъ сталъ сочинять подробный и причудливый проектъ искусственнаго орошенія пустынь. Отъ казни онъ избавился почти чудомъ и потомъ въ крѣпости за всѣ двадцать лѣтъ былъ очень ровенъ, здоровъ и спокоенъ, даже въ самые тяжелые и испытующіе моменты.

Горе, гнетъ и близкая гибель не могли вывести его изъ равновѣсія, но теперь его опьянила свобода и радость. Онъ велъ себя, какъ юноша, почти какъ выпущенный школьникъ, игралъ съ молодежью въ крокетъ и кегли, бѣгалъ взапуски, волочился за барышнями, пѣлъ. Но двадцатилѣтнее спокойствіе какъ будто въѣлось въ его голубые глаза и румяныя щеки. Пѣнистое веселье свое онъ проявлялъ съ невозмутимымъ, почти торжественнымъ лицомъ. Его задорный громкій смѣхъ какъ будто былъ подернутъ и перевитъ сѣдиною.

Ястребовъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола. Противъ него сидѣли студентъ и молодая барышня.

— Какъ они сохранились,—тихо и восторженно сказалъ студентъ, нагибаясь къ сосѣдкѣ.—Это непостижимо.

Сосѣдка не отвѣчала. Но щеки ея пылали легкимъ румянцемъ и большіе глаза не отрывались ни на минуту отъ страннаго лица, юнаго и спокойнаго, въ пушистой рамкѣ полусѣдыхъ волосъ.

Рядомъ съ Ястребовымъ сидѣли двое мужчинъ и женщина.

Одинъ изъ мужчинъ былъ бѣлокурый, въ курткѣ съ петлицами инженера. Другой былъ приземистый, черный и лысый, съ упрямымъ лицомъ. На лѣвой рукѣ у него не хватало пальца. Женщина и бѣлокурый говорили другъ другу *ты*. Вѣроятно, это были мужъ и жена.

— По чистой совѣсти, я не жалѣю,—говорила женщина.— Мѣсто мы потеряли и попали подъ судъ. И даже изъ Инска насъ опять прогнали. Но я не жалѣю.

— Всѣ деньги прожили. Одинъ остался инвентарь, малыя дѣти. Бери ихъ подъ мышку и ступай, куда хочешь.

Глаза ея смотрѣли ясно и спокойно. Видно было, что она дѣйствительно чувствуетъ, какъ говоритъ.

— Разъ въ жизни мы жили по-человѣчески,—продолжала женщина.—Что на сердцѣ накипѣло, все высказали. Были съ людьми, какъ люди, не какъ рабы. Сколько видѣли сильныхъ, прекрасныхъ, героевъ...

— Пускай судятъ, въ тюрьму сажаютъ. Будетъ подъ старость, что дѣтямъ разсказать.

— Позвольте,—сказалъ человѣкъ безъ пальца.—Я такъ не согласенъ. До старости еще далеко. Дайте срокъ. Мы имъ приготовимъ еще одинъ „дѣтскій разсказъ“.

Инженеръ покачалъ головой.

— Не сули журавля въ небѣ,—сказалъ онъ полушутливо,— поймай синицу въ руки.

— Человѣкъ безъ пальца, видимо, разозлился.

— Да что, они насъ убили?—сказалъ онъ.—Мы, кажется, живые. Въ жизни много мѣста безъ ихнихъ мѣстъ. А мѣста не будетъ, мы въ щели залѣземъ. Корни пустимъ, всей жизнью овладѣемъ. Наша жизнь. Дай срокъ, мы имъ еще покажемъ. Будетъ еще нашего брата, воскресшаго Рокамболя...

— Дай Боже нашему теляти волка поймати,—сказалъ инженеръ.

— Наши телята выростутъ и станутъ быками.

— А поумнѣютъ быки?—лукаво спросилъ инженеръ.

— Зачѣмъ имъ умнѣть?—улыбнулся товарищъ.—Быки затопчутъ волковъ своими твердыми копытами.

— Долго ждать.

— У Бога времени много,—сказалъ товарищъ.—Дольше ждали, теперь меньше осталось.

— Но я дождусь,—такъ же вѣрно, какъ теперь ночь на дворѣ. Дождусь и увижу. Своими глазами увижу, какъ они полетятъ вверхъ тормашками...

Холодный ужинъ шелъ къ концу.

Хозяинъ поднялся съ мѣста.

— Господа,—началъ онъ и быстро поправился,—товарищи!

— Я хочу предложить тостъ. Уже третій годъ идетъ движеніе. А что мы получили, одни слова. Дѣло будетъ, если мы сами сумѣемъ добиться. Но изо всѣхъ обѣщаній есть одно, которое стало дѣломъ — амнистія. Она выпустила изъ каменныхъ мѣшковъ столько страдальцевъ, усталыхъ и полузабытыхъ, и дала имъ возможность дожить на свободѣ.

— Если есть за что благодарить судьбу, то за эту амнистію. Я предлагаю выпить тостъ за амнистію, полную, безъ исключеній, прошедшую, настоящую и будущую.

8.

Куда идти, въ кинематографъ или въ государственную думу? Ястребова одинаково интересовало и то и другое. Тридцать лѣтъ онъ не былъ въ Петербургѣ. Теперь онъ вернулся, какъ ожившій мертвецъ, и не могъ усидѣть дома ни минуты. Его тянуло на улицу, въ толпу, къ конкамъ, на перекрестки, къ витринамъ лавокъ, къ выставкамъ фотографій.

И, проходя по Невскому или по Садовой, онъ любилъ узнавать старое, полузабытое, или замѣчать новое, чего раньше не было.

Новаго, впрочемъ, было не такъ много. Дома стали выше и сошлись плотнѣе, и мясной рынокъ на Сѣнной покрылся стеклянной крышей. На Невскомъ горѣло электричество и въ полночь было такъ же свѣтло, какъ днемъ. Но толпы отрепанныхъ женщинъ, какъ прежде, скитались по панели безъ призора и безъ хлѣба, и мостъ черезъ рѣку у царскаго дворца былъ тотъ же старый, деревянный, съ заплатами на выбоинахъ. Вмѣсто питейныхъ домовъ стали казенки и къ пѣшимъ городовымъ прибавились конные въ странныхъ шапкахъ, съ твердыми, какъ будто деревянными султанами, и, несмотря на вешнее время, съ неба падала та же слякоть и расплывалась туманомъ внизу.

Народу въ городѣ стало много, полтора милліона и вечеромъ или въ праздникъ они не знали, куда идти. Попрежнему въ городѣ даже по воскресеньямъ не было ни искры веселья, ни даже мѣста, куда преклонить голову человѣку, оторванному отъ работы. Ястребовъ заглянулъ какъ-то въ Народный домъ. Онъ былъ полонъ сверху и донизу. Заплативъ свой гривенникъ, люди толпились на лѣстницахъ и переходахъ и тоскливо глядѣли другъ другу въ лицо, какъ бараны въ загородкѣ.

Одно только было новое—кинематографы. Они расплодились, какъ грибы, во всѣхъ концахъ, отъ Гавани до Нарвской заставы. И цѣлый день до поздней ночи во всѣхъ была публика и на всѣхъ хватало доходу.

Ястребовъ тоже полюбилъ это новое зрѣлище. Оно давало отрывки изъ жизни, странные, непосредственные, безъ театральныхъ приготовленій и безъ музыкальныхъ предисловій, если не считать фонографа, хриплаго и веселаго, какъ голосъ пьянаго духа.

Онъ нѣсколько стѣснялся своего вкуса. Знакомые его были интеллигентные люди и еще не удѣляли вниманія такимъ вещамъ. Обычную публику этихъ зрѣлищъ составляли подростки и дѣти, солдаты, по вечерамъ приказчики и рабочіе.

Но все настроеніе Ястребова соотвѣтствовало этимъ страннымъ живымъ картинамъ. Послѣ возвращенія вся душа его была, какъ непрерывный кинематографъ. Онъ мало думалъ и плохо разбирался

въ своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ просто глядѣлъ и видѣлъ и потомъ запоминалъ и также часто забывалъ. Какъ будто живыя декораціи развертывались предъ нимъ безконечнымъ свиткомъ и пробѣгали мимо.

И въ этотъ день прежде, чѣмъ использовать свой думскій билетъ, его потянуло къ живымъ картинамъ и онъ подумалъ почти стыдливо:

„Зайду на полчаса. Въ думу еще успѣю“.

Вывѣска на кинематографѣ была кричащая и довольно безграмотная. Нелѣпыя картины въ окнахъ, и въ передней комнатѣ музей рѣдкостей, какія бываютъ въ балаганахъ: восковыя фигуры королей и казненныхъ преступниковъ; всѣ неподвижныя, съ вытаращенными глазами, очень похожія другъ на друга. Маленькій амуръ съ изломаннымъ лукомъ, страшно засиженный мухами; кожа акулы, набитая сѣномъ, и Клеопатра съ обнаженной грудью и съ змѣей, дышущая при помощи старой часовой пружины. Клеопатра тоже была старая, подержанная, съ усталыми глазами, и можно было подумать, что она только что пришла съ подмостковъ изъ дешеваго „шантана“ послѣ ночного разгула, и заболѣла отъ лишняго пива и отъ прикащичьихъ объятій.

Было еще рано и публики было немного. Два гимназиста съ барышнями. Толстая дама съ нянькой и двумя дѣтьми; какой то маленькій мальчикъ, довольно оборванный и совершенно самостоятельный. Пожилой офицеръ съ сыномъ кадетомъ.

Окна были завѣшены чернымъ и электрическіе рожки горѣли и давали иллюзіи ночи, на-зло сѣрому полудню снаружи.

Потомъ фонографъ прохрипѣлъ обрывокъ увертюры, лампы погасли и стало темно. Только экранъ озарился смутнымъ мигающимъ свѣтомъ, похожимъ на блескъ ночи, облачной и лунной, отраженной въ озерѣ, и начался первый номеръ.

Картины были пестрыя, комическія и мелодраматическія, полныя возни и движенія, и въ то же время загадочныя въ своемъ беззвучномъ теченіи, похожія на сонъ или галлюцинацію;—отрывки живой природы, реальной и незнакомой, улицы чужихъ городовъ,

горные ландшафты, потоки, все какъ будто отраженное въ магическомъ зеркалѣ съ дрожащей, вѣчно зыблющейся поверхностью.

Но эти сѣрые призраки деревьевъ были гуще и краше нашихъ петербургскихъ садовъ; толпа на полотнѣ глядѣла веселѣе, чѣмъ русская толпа; проворно перебѣгали электрическія конки и даже извощики больше походили на людей, экипажи были нарядны и рѣзвыя лошади бѣжали стройно и легко.

Ястребову особенно понравилось состязаніе на лыжахъ въ Норвегіи. Одинъ за другимъ неслись бѣлые юноши съ горы, все внизъ, взлетали на бугры и перелетали черезъ рвы, падали черезъ голову, набѣгали другъ на друга и снова вскакивали и мчались дальше. И въ ушахъ будто звенѣлъ вѣтеръ отъ этого неустаннаго, стремительнаго бѣга.

Но всѣ эти образы чужой жизни были странные, живые и вмѣстѣ призрачные, вызывавшіе вѣру и также сомнѣніе, и смутную зависть.

— Живутъ же люди—думала публика, глядя на экранъ—весело имъ.

И потомъ мысленно прибавляла:—А мы такъ жить не будемъ.

9.

Дума лежала на широкой тихой улицѣ, далеко отъ Невскаго. Ястребовъ пошелъ пѣшкомъ и сталъ узнавать о близости русскаго парламента по участившимся постамъ на безлюдныхъ перекресткахъ. Показались конные патрули и густо населенныя казармы. Вмѣсто городовыхъ повсюду стояли околоточные молодцоватаго вида по двое и даже по трое; потомъ потянулась линія извозчиковъ вплоть до чугунной рѣшетки передъ фасадомъ Таврическаго дворца. На площадкѣ за рѣшеткой было тихо. Справа сидѣла группа щеголеватыхъ гвардейцевъ съ тесаками и ружьями, какъ будто уже готовыхъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Но на крыльцѣ подъ колоннами частная публика вела собственную атаку. Въ полуоткрытыхъ дверяхъ стоялъ высокій жандармъ, очень статный, съ ру-

мяными щеками и тщательно подвитыми усами. Онъ закрывалъ обѣими руками входъ въ думское святилище, но, несмотря на геройскую выправку, на лицѣ его проступило безпомощное выраженіе. Отъ начальства былъ отданъ строгій приказъ: быть мягкимъ и вѣжливымъ. А публика лѣзла впередъ и знать не хотѣла никакихъ уговоровъ. Тутъ было человѣкъ тридцать, все больше молодежь, студенты, барышни, репортеры, нѣсколько рабочихъ, два три мужика. Иные поднимали вверхъ руки, вооруженные билетами, сѣрыми и синими; другіе просто лѣзли, разсчитывая пройдти какъ нибудь въ суматохѣ. Внутри за спиной жандарма тоже была толпа, лѣвые депутаты, репортеры покрупнѣе и поразвязнѣе, думскіе чиновники. Они протягивали наружу входные билеты, свои и чужіе, чтобы поддержать притязанія новыхъ пришельцевъ.

— Ахъ, Боже, не напирайте, господа!

Кто былъ посмѣлѣе, хватали наружныхъ за руки и втаскивали внутрь, несмотря на жандармскіе протесты. Внутри отъ самаго порога начиналась священная думская территорія и соотвѣтственно этому прекращалась власть придверника. Онъ сокрушенно махалъ рукой, потомъ крѣпко хватался за притолоку двери и повторялъ: „Оставьте, не напирайте“!

Въ общемъ двери думы были, какъ двери рая, и казалось, что тамъ за спиною жандарма спрятано великое счастье и каждый входной билетъ есть билетъ на право участія въ новой жизни отечества.

У Ястребова былъ синій билетъ и онъ прошелъ безъ особаго затрудненія. Переднія залы были высокія съ бѣлыми стѣнами и свѣтлоначищеннымъ паркетомъ. Несмотря на ветхость старой постройки, все было поновлено снаружи и казалось чистымъ и свѣжимъ. Вѣшалки были лакированныя, телеграфныя стойки, по правую руку, сверкали надписями.

Главный швейцаръ былъ гигантъ, монументальный, какъ колонна, какъ будто иной нечеловѣческой природы. Другіе тоже были подъ стать, красивые, расторопные не обыкновенно услужливые. По первому слову какой нибудь свитки въ смазныхъ чоботахъ‘

они стремительно бросались къ телефону или въ канцелярію, вызывали курьеровъ, помогали отправлять письма.

Въ общемъ было очевидно, что вся Россія собралась въ этотъ дворецъ въ парадномъ видѣ и прислала все, что у ней было получше. Населеніе избрало излюбленныхъ людей, армія прислала отборныхъ солдатъ, бюрократія дала видныхъ швейцаровъ и курьеровъ въ новенькихъ мундирахъ.

Вліяніе бюрократіи больше ничѣмъ не сказывалось.

Въ залѣ съ колоннами ходили цѣлыя толпы, самаго смѣшаннаго вида, пестрѣе, чѣмъ на ярмаркѣ или въ масляницу у балагановъ. Депутаты-кадеты въ пиджакахъ и депутаты-мужики въ поддевкахъ и киргизы въ тюбетейкахъ, поляки въ расшитыхъ кафтанахъ, деревенскіе ходоки въ армякахъ и даже въ лаптяхъ, татарскіе старосты изъ Симбирска и Казани въ сибиркахъ, съ странными висячими пуговицами, которыя застегивались въ неподвижныя петли, студенты въ мундирахъ и студенты въ косоворотках, барышни всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ званій и всѣхъ партій. Мѣстами мелькалъ чиновничій мундиръ, соболья накидка дамы хорошаго тоиа или золото камергерскаго шитья.

Публика ходила взадъ и впередъ, собиралась группами и жужжала, какъ улей.

Въ лѣвомъ углу была давка и шелъ обычный кулуарный митингъ, какъ будто на уличномъ перекресткѣ. Ястребовъ подошелъ. Два студента посмотрѣли на него значительно и пропустили внутрь. Они приняли его за деревенскаго ходока и хотѣли открыть ему доступъ къ источнику думскихъ впечатлѣній.

Чиновникъ изъ думской канцеляріи, бритый, съ одутловатымъ лицомъ, спорилъ съ цѣлою толпой. Ему помогалъ высокій мужикъ въ поддевкѣ, съ длинной, черной, какъ будто подклеенной бородой.

— Не воображайте,—кричалъ чиновникъ. —Никто вамъ не отдастъ собственную, кровную, купленную...

Кругомъ него такъ и извивались крестьяне, молодые и старые,

жилистые, плохо одѣтые, съ бурыми лицами и загорѣлыми затылками. Они подскакивали не въ очередь и потрясали кулаками.

— Сами возьмемъ, — кричалъ молодой хохликъ, съ лицомъ нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, въ мережанной сорочкѣ, завязанной шелковой ленточкой. И на глазахъ его проступали слезы отъ безсильнаго и неудержимаго гнѣва.

И какъ въ извѣстномъ разсказѣ Успенскаго одно слово звенѣло во всѣхъ рѣчахъ и всѣхъ спорахъ: „земля“!

Это была какая-то стихійная жажда. Огромной Россіи было тѣсно въ ея собственныхъ нѣдрахъ отъ старыхъ граней. И она хотѣла сдвинуть межевые знаки, излиться внутрь и оттиснуться въ новыя формы.

Въ общей толпѣ „бывшіе люди“ занимали не послѣднее мѣсто. Ястребовъ встрѣтилъ знакомыхъ, сибирскихъ и русскихъ. Одни въ свое время успѣли осѣсть на мѣстѣ и обрости обывательскимъ мохомъ. Они стали новыми земцами и рылись въ культурѣ. Эти вошли въ думу сквозь главную дверь избранниками-депутатами. Другіе сохранили прежнія привычки и до старости катались взадъ и впередъ по бездорожью жизни, какъ Перекати Поле. Эти вошли въ думу боковыми ходами, какъ журналисты или какъ свѣдущіе люди, эксперты и юристы, и просто какъ сторонніе наблюдатели въ числѣ публики. Были среди нихъ люди молодые, и пожилые, и совсѣмъ старые и сѣдые, какъ Ястребовъ. Молодые спорили въ общей кучѣ. Старые ходили въ сторонѣ и молча смотрѣли на толпу разнѣженными глазами.

Въ дверяхъ раздался звонокъ, долгій, съ переливами. Колокольчикъ былъ новенькій и самый звонъ былъ веселый, даже безпечный и вмѣстѣ деликатный и что то обѣщающій, первый звонъ россійской законности.

Депутаты хлынули въ залу. Публика стала забираться на верхъ. Ястребовъ усѣлся вмѣстѣ съ другими. У него было мѣсто въ первомъ ряду и было хорошо видно, какъ будто въ театрѣ.

Кресла наполнялись депутатами. Президіумъ уже былъ на своихъ мѣстахъ и предсѣдатель ждалъ за столомъ передъ гра-

финомъ и колокольчикомъ. Въ залѣ было темновато и какъ-то покойно, не смотря на общее возбужденіе, которое чувствовалось вездѣ и заходило даже на хоры къ публикѣ. И вдругъ странное чувство охватило Ястребова. Ему казалось, что онъ все еще сидитъ въ кинемотографѣ, большомъ, перворазрядномъ. Хоры казались райкомъ, а депутатскія кресла внизу театральнымъ партеромъ. И на заднемъ планѣ въ тускломъ свѣтѣ какъ будто мерцалъ экранъ и на немъ проходили другъ за другомъ картины думской жизни, споры, кулуарные митинги, новые законы,—какъ массовая галлюцинація, какъ нѣчто такое, что могло бы быть и должно было бы быть, но что не можетъ быть и не будетъ реальностью.

Онъ тряхнулъ головой, стараясь прогнать это странное чувство миража жизни, но оно не проходило. И вмѣстѣ съ нимъ выросло новое чувство, тоже знакомое и тоже кинематографическое: „Живутъ же люди“. И потомъ сознаніе: „Нѣтъ, мы такъ жить не будемъ“.

Колокольчикъ снова зазвенѣлъ. Очередной ораторъ взошелъ на трибуну и началъ длинную рѣчь, каждое слово которой было обвинительнымъ актомъ противъ стараго строя и стараго правительства. Но Ястребовъ не слушалъ. Онъ закрылъ глаза и опустилъ голову на руки и въ умѣ его безпорядочно мѣшалось былое и текущее; старая Россія, Сибирь и новая Россія; живые призраки и живые люди. И самъ себѣ онъ показался живымъ призракомъ, никому не понятнымъ и никому не нужнымъ.

10.

Уже третій мѣсяцъ Ястребовъ жилъ въ Петербургѣ. Комната его была за Невской заставой, въ шестомъ этажѣ съ окномъ на задній дворъ. Мебель походила на убранство тюремной камеры: кровать, стулъ, узкій столикъ, въ углу глиняный рукомойникъ. Впрочемъ, онъ проводилъ въ ней только ночи. Съ ранняго утра онъ уходилъ изъ дому и шелъ пѣшкомъ черезъ весь Невскій, а

потомъ на Васильевскій островъ, разыскивая знакомыхъ. Даже на конкѣ онъ ѣздилъ мало и все шагалъ по городу своей неторопливой размѣренной походкой.

До сихъ поръ ему не удалось устроиться. Пріятели, къ которымъ онъ обращался за работой, вмѣсто работы предлагали ему деньги. Онъ неизмѣнно отказывался и шелъ дальше.

Неудалось ему приспособиться также къ общественнымъ интересамъ. Событія шли нелѣпымъ, трагическимъ темпомъ. Думу распустили и побѣдители торжествовали побѣду, неожиданно легкую, и страсти ожесточились. Начались слѣпыя убійства и такія же слѣпыя скоропалительныя казни.

Ястребовъ ходилъ между группами и говорилъ о примиреніи. Но никто не хотѣлъ мириться. Духъ партійный не дѣлалъ уступокъ. И даже такъ называемыя мирныя партіи ненавидѣли ядовитой ненавистью именно ближайшаго сосѣда. Шла общая война всѣхъ со всѣми.

Ястребова не понимали и въ свою очередь онъ не понималъ другихъ. Онъ казался имъ какимъ-то ходячимъ анахронизмомъ. Они казались ему то хитрыми и неискренними, то безнадежно сумасшедшими. Мало-по-малу рѣчи его пріобрѣли страстность и споры кончались столкновеніями. Волна всеобщей ненависти подхватила его, и унесла съ собой. Онъ поссорился съ одной партіей, потомъ съ другой, потомъ со всѣми.

Теперь ему казалось, что вся неурядица происходитъ отъ ограниченной узости этихъ партійныхъ людей. И онъ ненавидѣлъ ихъ безпартійной ненавистью, которая была нисколько не лучше партійной. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ чувствовать усталость и петербургская жизнь пробудила въ его старыхъ костяхъ недуги, до того незнакомые. По утрамъ ему было трудно вставать съ постели. Высокія лѣстницы его пугали и онъ поднимался на нихъ медленно и трудно, какъ на новую Голгофу. Одинъ разъ, сидя въ гостяхъ, онъ неожиданно упалъ въ обморокъ и потомъ долженъ былъ уѣхать на извозчикѣ домой.

Черезъ недѣлю послѣ обморока у него былъ обыскъ, полуслу-

чайный, въ пылу массовой облавы. У него, впрочемъ, ничего не нашли и оставили его въ покоѣ.

Въ одинъ сентябрьскій вечеръ, когда онъ вернулся домой, хозяйка сказала ему, что его дожидается барышня. Онъ вошелъ съ слабымъ любопытствомъ. Навстрѣчу ему поднялась женская фигура и яркій лучъ зажженной лампы упалъ на ея молодое свѣжее лицо.

— Маруся,—воскликнулъ Ястребовъ почти въ ужасѣ. Это былъ какъ будто новый призракъ, образъ его невѣсты, Маруси Сокуренко, точь-въ-точь такой, какой она была тридцать лѣтъ назадъ.

— Да, Маруся,—подтвердила дѣвушка,—Левицкая. Мы только что съ каникулъ пріѣхали, изъ Молчанска. И мама сказала...

Она неожиданно замялась и даже покраснѣла.

Ястребовъ молчалъ.

— Александръ Петровичъ,—снова заговорила дѣвушка.— Вы не должны жить въ этой трущобѣ. Поѣдемъ къ намъ. Вы будете жить вмѣстѣ съ нами.

— Какъ я поѣду?—тихо возразилъ Ястребовъ.

— Милый, родной,—просила дѣвушка,—поѣдемъ къ намъ. Мы три барышни, вмѣстѣ живемъ. У насъ и комната лишняя есть.

Ястребовъ нахмурился.

Маруся неожиданно заплакала.

— У насъ свое хозяйство есть,—всхлипывала она.—Мы каждый день дома обѣдаемъ. А вы здѣсь въ грязи, въ бѣдности. Я не могу...

— Другіе люди живутъ въ бѣдности,—сказалъ Ястребовъ,— не я одинъ.

Дѣвушка перестала плакать.

— То другіе люди,—сказала она наивно,—а то вы.

Она была до странности похожа на свою мать. Такъ же слегка оттопыривала нижнюю губу. И подъ глазами у нея были такія

же крошечныя бѣлыя пятнышки, которыя теперь проступили яснѣе, какъ будто омытыя слезами.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, — сказалъ Ястребовъ. — А теперь вамъ надо идти домой. Поздно будетъ.

— Я посижу немножко, — попросилась Маруся. — Скажите, Александръ Петровичъ, какой вы партіи? Мы всѣ три эсдечки, твердокаменныя.

Ястребовъ невольно усмѣхнулся, потомъ вздохнулъ. — Я партіи ссыльной, — сказалъ онъ. — Той, которой приходится терпѣть пуще всѣхъ.

— Александръ Петровичъ, — сказала опять Маруся, — позвольте мнѣ придти завтра. И всѣмъ намъ. Вы лучше знаете. Вы намъ разскажете. Мы хотимъ быть одной партіи съ вами.

— Ну, приходите, — просто сказалъ Ястребовъ.

Въ эту ночь Ястребовъ долго не могъ заснуть. По старой привычкѣ онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ.

Онъ думалъ о Марусѣ, о той, которая была прежде, и о той, которая есть теперь. И обѣ сливались въ одну.

— Глупая дѣвочка, — говорилъ онъ себѣ. — Какъ она будетъ на свѣтѣ жить? — Если бы у меня сынъ былъ такой, какъ я, и такой, какъ она, — они могли бы жить снова вмѣстѣ съ Марусей.

Онъ соображалъ медленно и уныло и какъ будто старался что-то увидѣть своими безсонными глазами въ темнотѣ ночи и въ темнотѣ будущаго.

Онъ увидѣлъ тюремную камеру, потомъ этапную дорогу.

— Такъ будетъ, какъ у насъ, — подумалъ онъ грустно и покорно.

— Тюрьма будетъ и ссылка будетъ. И будутъ ждать избавленія, и вѣрить, и надѣяться. Потомъ, когда устанутъ и перестанутъ надѣяться, — подъ черную старость придетъ желанная гостья, Амнистія Вторая. И они вернутся назадъ безсильные, опустошенные.

— Пусть такъ, — думалъ Ястребовъ, — ничего не подѣлаешь. Такая дорога тернистая.

Глаза его сомкнулись крѣпче. И ему представилась дорога длинная, почти безконечная, усыпанная острымъ камнемъ и ярко освѣ-

щенная солнцемъ. По дорогѣ босыми ногами шли мужчины и женщины. И самая ближняя пара были Марія Сокуренко и онъ, Ястребовъ. По дорогѣ попадались верстовые столбы, на равныхъ промежуткахъ, маленькіе, съ номерами и надписью: Амнистія Первая, Амнистія Вторая, Амнистія Третья. Много было такихъ столбовъ и послѣдній чуть маячилъ на краю горизонта.

— Идемъ,—сказалъ Ястребовъ.—Всѣ надо пройти, до самаго конца.

Солнце шло на закатъ и било ему въ глаза. Въ рукѣ его былъ длинный посохъ, посохъ странника.

— Впередъ,—сказалъ Ястребовъ снова.

Онъ взялъ за руку Марусю Сокуренко и медленно побрелъ впередъ, тщательно выбирая дорогу и обходя самые острые камни.

Танъ.

Стихотворенія.

Н. МОРОЗОВА,
И. БУНИНА,
А. РОСЛАВЛЕВА,
Д. ЦЕНЗОРА.

Сонъ.

Мнѣ снилось: со мною умчалася ты
Въ бездонное море Эѳира.
И были такъ странны всѣ наши мечты,
И были кругомъ такъ полны красоты—
Свѣтила безбрежнаго міра.

И мы далеко полетѣли съ тобой,
Изъ мглистыхъ пространствъ Оріона,
Туда, гдѣ въ Плеядахъ, изъ тьмы вѣковой,
Горитъ новымъ солнцемъ надъ дальней землей
Большая звѣзда—Альціона.

Тамъ были лишь крупныя звѣзды кругомъ,
Повсюду сіяли Плеяды,
Онѣ тамъ горѣли—огонь за огнемъ—
Ихъ сонмъ опоясанъ былъ Млечнымъ Путемъ,
Гдѣ плыли міровъ міріады.

Ихъ свѣтъ то терялся, то вспыхивалъ вдругъ,
Мерцая красой неизмѣнной,
Все было такъ странно, такъ дивно вокругъ,
И дивно прекрасна была ты, мой другъ,
Среди безконечной Вселенной!

Николай Морозовъ.

Христя.

Христя угощаетъ куколъ на сговорѣ—
За степною хатой, на сухихъ бахчахъ.
Степь въ горячемъ блескѣ млѣетъ точно море,
Тыквы свѣтятъ мѣдью въ солнечныхъ лучахъ.
Собрались сосѣдки къ старой бабѣ—Христѣ,
Пропиваютъ дочку—чай и водку пьютъ.
Дочка—въ разноцвѣтной плахтѣ и въ монистѣ,
Всѣ ее жалѣютъ—и поютъ, поютъ!
Подъ степною хатой, въ жаркомъ ароматѣ
Спѣлаго укропа, возятся въ золѣ
Желтые цыплята. Мать уснула въ хатѣ,
Бабка—въ темной клунѣ, тыквы—на землѣ.

Иванъ Бунинъ.

На току.

Старикъ у хаты вѣялъ, подкидывалъ лопату,
Какъ разъ къ святому Спасу покончивъ съ молотьбой.
Старуха въ черной плахтѣ бѣлила мѣломъ хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовѣя, въ степную пыль садилось—
И тѣни ногъ столбами ложились на гумно,
А хата молодѣла—зардѣлась, застыдилась—
И празднично блестѣло протертое окно.

Иванъ Бунинъ.

Летаргія.

Въ поляхъ—сухіе стебли кукурузы,
Слѣды колесъ и блеклая ботва.
Въ прозрачныхъ бухтахъ—блѣдныя медузы
И красная подводная трава.
Поля и осень. Море и нагіе
Обрывы скалъ. Вотъ ночь, и мы идемъ
На темный берегъ. Въ морѣ—летаргія
Во всемъ великомъ таинствѣ своемъ.
„Ты видишь воду?“—„Вижу только ртутный
Туманный блескъ. Мы на краю земли...“
И нити звѣздъ висятъ подъ нами въ мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

Иванъ Бунинъ.

Звѣзда морей.

Я въ безднѣ былъ, я жилъ кошмаромъ,
Скитаясь по волнамъ три дня.
Порой закатъ пылалъ пожаромъ—
И красный бредъ томилъ меня.
Порой слѣпила тьма нѣмая—
И я качался въ искрахъ звѣздъ,
Качался въ безднѣ, обнимая
Обломокъ реи, точно крестъ.
Вдругъ—снова пламя на закатѣ...
Ужели смерть?—Но на волнѣ
Звѣзда Морей въ огнѣ и златѣ
Возстала—и предстала мнѣ.
И ницъ упалъ я, ослѣпленный,
Восторгомъ жизни потрясенъ—
И чей-то голосъ отдаленный
Прорѣзалъ мракъ: „Спасенъ! спасенъ!“

Иванъ Бунинъ.

Вдовецъ.

Желѣзный крюкъ скрипитъ надъ колыбелью,
Луна глядитъ въ окно на колыбель:
Луна склоняетъ ликъ—и по ущелью
Сквозь сумракъ тянетъ млечную куделъ.

Въ горахъ свѣтло. На дальнемъ горномъ кряжѣ,
Весь на виду, чернѣетъ скитъ армянъ.
Но встанетъ мгла изъ этой бѣлой пряжи—
Не разглядитъ засады караванъ.

Пора, пора,—ужъ стекла запотѣли...
Разбойникъ я... Да вотъ, на смѣну мнѣ,
Самъ Ангелъ Спа подходитъ къ колыбели,
Чуть серебрясь при меркнущей лунѣ.

Иванъ Бунинъ.

Смерть.

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами,
Пришелъ монахъ, угрюмый францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
Глицинiи, бутоны олеандровъ
И золотое кружево мимозы
Висѣли по оградѣ, а за нею
По мрамору скользили пятна свѣта.
„Кто тамъ“? сказалъ привратникъ изъ-за двери.
—„Братъ во Христѣ“, отвѣтилъ францисканецъ.
„Кого вамъ надо“?—„Брата Габрiэля“.
„Онъ нынче занятъ—пишетъ Воскресенье“.
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ—и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

Иванъ Бунинъ.

Одинъ.

Въ сумракѣ утра проносится призракъ Одина—
Тамъ, гдѣ кончается свѣтъ.
Сѣверный вѣтеръ, Одину во слѣдъ,
На побережьяхъ Лохлина
Гонитъ туманы морей по землѣ,
Свищетъ по вереску... Тѣнь исполина
Вдругъ выростаетъ во мглѣ—
Правитъ коня на прибрежья Лохлина.
Конь по холоднымъ туманамъ идетъ,
Тонетъ, плыветъ и ушами прядетъ,
Бѣлымъ дыханіемъ по вѣтру пышетъ,
Вереска свистъ завывающій слышитъ,
Голову тянетъ къ нему... А взмахнетъ
Вѣтеръ морской—и въ туманахъ Лохлина
Шлемъ золоченый блеснетъ!
Это проносится призракъ Одина.

Иванъ Бунинъ.

Лѣтній садъ.

—

Когда апрѣль, смѣясь, дохнетъ тепломъ,
Люблю я лѣтній садъ, залитый свѣтомъ,
Гдѣ каждый уголокъ мнѣ такъ знакомъ.

—

Встрѣчая тихимъ старческимъ привѣтомъ,
Онъ вѣетъ былью незабвенныхъ лѣтъ—
Невольно становлюсь его поэтомъ...

—

Брожу, слагая трепетный сонетъ.
„Великіе! здѣсь ваши думы рѣютъ,
И сладостно мнѣ знать, что смерти нѣтъ“.

—

Уже кой-гдѣ проталины чернѣютъ
И вдоль аллей положены мостки,
А небеса весенне—голубѣютъ.

—

Блестятъ червонцомъ лужи, ручейки,
Еще со статуй ящики не сняты...
Пора бы снять,—всѣ линіи легки;

—

Корявые стволы зеленоваты,
Разнѣженныя вѣтки, точно дымъ,
А облака надъ ними—клочья ваты.

Все кажется уютнымъ и простымъ,
Вездѣ свѣжо-волнующія пятна
Плѣняютъ взоръ весельемъ золотымъ.

—

Мальчишески-задорно и занятно
Чириканье веселыхъ воробьевъ
И музыка доносится невнятно...

—

По дереву отчетливъ звукъ шаговъ.
Вотъ поворотъ, узорная ограда
И панорама Невскихъ береговъ.

—

Замедливъ шагъ, я выхожу изъ сада,
Гляжу на Петропавловскій соборъ,
И въ сердцѣ созрѣваетъ капля яда.

—

А высь ясна, и радостенъ просторъ.

Александръ Рославлевъ.

Воспоминанье.

Она пришла въ вечерній, смутный часъ
И на плечо мнѣ голову склонила,
И въ цѣломъ мірѣ стало двое насъ...

Облокотясь на бѣлыя перила,
Я слушалъ волны, слушалъ и слѣдилъ,
Какъ черный камень пѣна серебрила.

Вдали маякъ чуть видный ворожилъ
Шелъ пароходъ съ мерцавшими огнями...
Гудокъ тяжелый въ горы покатилъ;

Овѣянный задумчивыми снами,
Распыливая брызги, пѣлъ фонтанъ,
И сонный кипарисъ шепталъ надъ нами...

Отъ розъ и олеандръ былъ воздухъ прянъ,
А съ моря вѣтерокъ, лицо лаская,
Будилъ мечту о даляхъ новыхъ странъ...

Томила сердце сказка золотая,
И руку нѣжно гладила рука,
Такая благодарная, родная.

Къ щекѣ приникла жаркая щека,
Чуть волновало близкое дыханье
И жизнь казалась ясно-глубока.

Молчали мы въ блаженномъ созерцаньи
Земной красы... Хотѣлось вѣчно длить
Прекрасное священное молчанье,

Безъ словъ все понимать, безъ словъ любить.

Александръ Рославлевъ.

Утро.

Опять прелестныя малютки
Дары весны мнѣ принесли,
Цвѣты святыя—незабудки—
Слова молящейся земли.

Дѣвчурки милыя—двѣ птички,
Мой день ихъ радостью зацвѣлъ,
Въ ихъ золотистыя косички
Изъ книги ленточки я вплелъ.

Поцѣловали, убѣжали,
Онѣ какъ все—въ веснѣ, въ мечтѣ,
И лишь одна слезой печали
Дрожитъ росинка на листѣ.

Быть можетъ, ангелъ свѣтлоокій
Въ сіяньи нѣжномъ бѣлыхъ крылъ,
Склонивши долу взоръ глубокій,
Слезу-росинку уронилъ.

О чемъ онъ плакалъ?.. Все смѣется—
Окно, и небо, и заборъ,
И сердце трепетное рвется
Навстрѣчу маю на просторъ.

Александръ Рославлевъ.

Весеннее.

Я ушелъ отъ печали людской,
Отъ борьбы, сожалѣній и плача
И усталый брожу надъ рѣкой,
Гдѣ моя одинокая дача.

Тамъ фіалки въ лѣсу у рѣки
Улыбаются солнечнымъ росамъ,
И шумя, и звеня, ручейки
Зазмѣились по рыхлымъ откосамъ—

Съ косогора къ низинамъ бѣгутъ,
Гдѣ весеннихъ тревогъ отголоски,
Гдѣ луговъ заливныхъ изумрудъ,
И наивно бѣлѣютъ березки.

Ледоходъ прошумѣлъ по утру,
Льдины бились о черныя сваи.
А въ сосѣднемъ прозрачномъ бору
Голосили прилетныя стаи...

Голосили и звали меня
Позабыть, что я боленъ и жалокъ.
Я хмѣлѣлъ отъ веселаго дня,
Собирая букетъ изъ фіалокъ.

Цѣлый день онъ сипѣлъ на столѣ.
И теперь, въ этотъ сумракъ закатный,
Я молюсь пробужденной землѣ,
Расцвѣтаю мечтой непонятной...

Дмитрій Цензоръ.

„Горизонты будущаго и грани прошлаго“—Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.

„Замѣтки о современной литературѣ“—А. ГОРНФЕЛЬДА.

„Въ ожиданіи церковнаго собора“—А. КАРТАШЕВА.

II.

Горизонты будущаго и грани прошлаго.

1.

Въ умственномъ обиходѣ современнаго цивилизованнаго человѣчества есть не мало идей, которыя на первый взглядъ кажутся очевидными истинами, не требующими доказательства, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются наслѣдіемъ старыхъ міровоззрѣній, уже изжитыхъ.

Къ числу архаическихъ идей этого рода принадлежитъ весьма распространенное и глубоко укоренившееся въ умахъ *понятіе о будущемъ*, какъ о чемъ-то такомъ, что не можетъ быть предметомъ познанія, прогноза по указаніямъ науки, а подлежитъ совсѣмъ иному постиженію, основанному на вѣрѣ, надеждѣ и даже любви. Прошлое *изучается*, будущее *созидается*. Прошлымъ завѣдуетъ познающій разумъ, будущимъ распоряжается творческая воля, окрыленная вѣрой и мечтой. Прошлое есть фактъ, нѣчто данное, и мы можемъ изучать его, пользуясь установленными въ наукѣ методами изслѣдованія. Будущее есть нѣчто еще несуществующее, еще не ставшее фактомъ. Оно не подлежитъ научному изученію. И если оно постигается, то не научно, а религіозно или идеологически. Оттуда — уже недалеко отъ подмѣны понятія о будущемъ, какъ о закономѣрномъ всемірно-историческомъ процессѣ, понятіемъ о немъ, какъ объ идеалѣ. Идеалъ можно проповѣдовать, проводить въ жизнь, осуществлять. Такимъ путемъ, будто-бы, и созидается будущее.

На крутыхъ поворотахъ исторіи это архаическое воззрѣніе, сохраненное не въ видѣ мертваго культурнаго пережитка, а въ качествѣ активнаго переживанія, пріобрѣтаетъ особое значеніе и овладѣваетъ умами съ необычной силой. Вѣра въ будущее становится въ своемъ родѣ религіозною: она порабощаетъ мысль че-

ловѣка, ослѣпляетъ умственный взоръ, направляетъ волю, гипнотизируетъ всю психику. Человѣческому произволенію, революціонному творчеству приписывается сверхъестественная мощь. Люди ждутъ чудесъ. Люди хотятъ творить чудеса. Они уже думаютъ, что творятъ ихъ, и ждутъ внезапнаго наступленія „царства правды“ на землѣ...

Недавно мы это пережили, но намъ уже кажется, что это было давно. Есть доля правды въ такой иллюзіи: это было повтореніемъ того, что было давно, что бывало и въ XIX вѣкѣ, и въ XVIII в., и въ XVI в., и въ средніе вѣка, и въ древности... Это старо, какъ человѣчество, и пора бы уже мыслящей и просвѣщенной его части начать строить идею будущаго не на вѣрѣ, всегда въ этомъ случаѣ субъективной, а на объективномъ прогнозѣ, основанномъ на научномъ познаніи.

Глубокое, принципіальное отличіе научнаго прогноза будущаго отъ другихъ, ненаучныхъ формъ его воспріятія не подлежитъ сомнѣнію. Несомнѣнно также, что наука съ ея приложеніями къ жизни (т. е. *техникою* въ обширномъ смыслѣ) таитъ въ себѣ огромную потенціальную силу творчества, освобожденіе которой приводитъ къ тому, что фантастическое и утопическое построеніе будущаго становится все болѣе ненужнымъ, а соотвѣтственныя попытки его созиданія являются напрасною и убыточною тратой энергіи.

Но все это еще далеко не стало прочнымъ достояніемъ мыслящей части общества. Однимъ изъ препятствій къ распространенію и упроченію этого воззрѣнія служитъ невыясненность основныхъ понятій тѣхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь: что такое *будущее?* что такое *прошлое?* что такое *настоящее?*

Само собою разумѣется, дѣло идетъ не о психологическихъ и грамматическихъ категоріяхъ времени. Дѣло идетъ *о формахъ воспріятія историческаго времени, объ ощущеніи человѣческой и соціальной измѣняемости.* Постараемся разобраться въ этомъ вопросѣ.

2.

Это - явленіе соціологическаго (точнѣе, соціально-психологическаго) порядка. Какъ все соціальное, оно подлежитъ закону *эво-*

люціи. Путь его развитія уже опредѣлился съ достаточною ясностью: первобытное человѣчество знало *только настоящее*,—это исходный пунктъ развитія; современное культурное человѣчество *уже очень мало живетъ настоящимъ* и держитъ въ сознаніи идею прошлаго и идею будущаго, которыя, все расширяясь, стремятся свести настоящее къ минимуму, равносильному нулю,—и это—тотъ пунктъ, достиженіемъ котораго обозначилось направленіе и выяснился смыслъ пройденнаго пути развитія.

Прошлое и будущее—величины соотносительныя. Установленіе одной приводитъ къ обнаруженію другой. Въ глубокой древности предки современнаго культурнаго человѣчества, подобно нынѣшнимъ дикарямъ, не знали ни прошлаго, ни будущаго. Они ощущали только настоящее. Дикарь живетъ изо-дня въ день, воспринимая соціальное время, какъ длящееся настоящее, какъ повтореніе все тѣхъ же переживаній. У него нѣтъ никакого интереса къ прошлому и никакого любопытства—заглянуть въ будущее. Онъ слишкомъ поглощенъ настоящимъ, слишкомъ подавленъ борьбою за существованіе въ ея элементарныхъ и грубыхъ формахъ, чтобы задумываться о прошломъ и будущемъ. У него еще нѣтъ воспоминаній, въ смыслѣ историческаго опыта, и нѣтъ мечты, этимъ опытомъ порождаемой.

Намъ чуждо и странно такое состояніе сознанія, такое ощущеніе неподвижности жизни. Культурное человѣчество давнымъ-давно привыкло къ мысли, что tempora mutantur et nos mutamur in illis.

Неясныя контуры прошлаго и смутныя очертанія будущаго начинаютъ вырисовываться въ сознаніи людей только на извѣстной ступени развитія, при первыхъ начаткахъ организованнаго труда. Но долго еще воспріятіе прошлаго и будущаго остается въ гораздо большей мѣрѣ явленіемъ психологическаго и грамматическаго мышленія, чѣмъ формою соціальнаго чувства и сознанія. Въ теченіе многихъ вѣковъ медленно развивавшееся человѣчество, въ своихъ отношеніяхъ къ прошлому, ограничивалось нѣсколькими смутными преданіями старины, двумя-тремя миѳами о предкахъ, о „мудрецахъ“, нѣкогда жившихъ. Съ развитіемъ и осложненіемъ культуры, съ прогрессомъ мысли, этотъ матеріалъ преданій обогащается, расширяется; мало-по-малу слагаются легенды о дѣяніяхъ боговъ и героевъ, эпическія сказанія, генеалогія, космогонія. Очерчивается перспектива прошлаго, конечно, миѳическаго, и это прошлое долго еще останется какъ бы проекціей настоящаго,—оно построяется

по его образу и подобію. Лишь постепенно пробивается смутное представленіе о томъ, что нѣкогда, въ старину, люди жили иначе и были другими. И тутъ впервые, взлелѣянная миоомъ и религіей,—возникаетъ идеализація прошлаго,—и въ свое время это было замѣтнымъ шагомъ впередъ. Явилась легенда о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, — человѣчество, впервые пробуя мыслить прошлое, не могло отнестись къ нему иначе, какъ мечтательно и романтически. Это означало, что наступилъ чередъ мечты, что по мѣрѣ того, какъ грани прошлаго отодвигались въ глубь временъ, начинали вырисовываться и очертанія будущаго. Возникало предчувствіе грядущихъ перемѣнъ, и становилось возможнымъ предположеніе, что времена измѣнятся, и люди станутъ другими. Наступалъ чередъ ожиданій и предсказаній. Миоу прошлаго отвѣчалъ миоъ будущаго. За космогоніей слѣдовала эсхатологія. Возникали великія историческія религіи, въ которыхъ раскрывались человѣчеству новыя перспективы и въ прошлое и въ будущее, и которыя всегда порождались соціальными кризисами, переселеніями, процессомъ образованія націй и т. д.

Прошли вѣка. Культурное человѣчество шло впередъ. Горизонты будущаго развернулись все шире, грани прошлаго отодвигались все дальше и дальше. Въ настоящее время человѣческій разумъ, вооруженный уже не миоемъ, а точной наукой, познаетъ такую даль прошлаго, о какой прежде нельзя было и думать. Раскрываются перспективы первобытнаго человѣчества, и дѣло идетъ уже объ открытіи происхожденія человѣка, о его зоологическомъ предкѣ. Грани прошлаго исчезаютъ въ глубинѣ геологическихъ эпохъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на другомъ концѣ, границы прошлаго раздвигаются и по направленію къ настоящему. Эволюція, въ формѣ историческаго прогресса, пошла ускореннымъ темпомъ, и нынѣ человѣческая и соціальная измѣняемость явственно ощущается на разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ поколѣній. Для насъ не только XVIII-ый вѣкъ, но и добрая половина XIX-го—уже прошлое. Мы чувствуемъ, что измѣняемся, что движемся, и, подъ воздѣйствіемъ этого новаго чувства движенія, воспріятіе настоящаго превращается у насъ изъ постоянной величины въ перемѣнную, въ нѣчто уходящее, исчезающее, трудно-уловимое. Оно какъ бы стиснуто между гранями прошлаго, обращенными къ намъ, и ближайшими, уже видимыми горизонтами будущаго.

Съ этимъ связаны и другія перемѣны въ психикѣ человѣческой.

Для дикаря и первобытнаго человѣка будущее—только проекція настоящаго, преломленная въ вѣчномъ страхѣ, въ постоянной тревогѣ, въ пугливомъ ожиданіи всяческихъ бѣдъ и напастей, уже достаточно знакомыхъ человѣку по прошлому опыту. Этихъ страховъ мы не знаемъ, если не считать того рецидива ихъ, который обнаруживается въ эпохи кризисовъ и потрясеній, вызываемыхъ несовершенствами и варварскими сторонами современной культуры. За вычетомъ такихъ случаевъ, можно сказать, что господствующее мѣсто въ психикѣ цивилизованнаго и прогрессирующаго человѣчества занимаетъ чувство увѣренности въ прочности культурныхъ пріобрѣтеній, въ неотъемлемости завоеваній разума, въ непрерывности развитія. Страхъ и суевѣрныя ожиданія вытѣснены сознаніемъ, что будущее не есть случайность, что оно закономѣрно вытекаетъ изъ прошлаго. Зная это прошлое, мы можемъ познавать и будущее. Между ними нѣтъ затяжного, неопредѣленно-долгаго настоящаго, которое бы ихъ раздѣляло, разрывая причинную связь вещей. Для насъ настоящее, это—только послѣднія мгновенія прошлаго, сливающіяся съ первыми проблесками будущаго, которое начинается. Настоящее есть начало будущаго.

Интересъ къ настоящему исчезаетъ. Истинный консерваторъ—типъ отживающій, архаическій. Онъ уходитъ, и его мѣсто занимаютъ съ одной стороны реакціонеры и романтики, т. е. люди прошлаго, слѣдовательно, своего рода утописты, съ другой—прогрессисты, люди будущаго, между которыми есть также своеобразные утописты.

Такъ или иначе, мы живемъ не настоящимъ, а либо прошлымъ, либо будущимъ.

Передовая часть цивилизованнаго человѣчества, раціонально-мыслящая, живетъ исключительно будущимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересуется прошлымъ, какъ предметомъ изученія, какъ матеріаломъ, изслѣдованіе котораго дастъ отвѣтъ на вопросы: откуда и куда мы идемъ? какъ мы произошли и во что превращаемся?

Для нашихъ созерцаній открыто безконечное прошлое, грани котораго сливаются съ геологической исторіей нашей планеты, да вѣчный космосъ, никакихъ граней не имѣющій.

Для нашихъ прозрѣній есть безконечное будущее, видимый горизонтъ котораго отодвигается все дальше и дальше, и эти прозрѣнія укрѣпляютъ въ насъ увѣренность въ томъ, что человѣчество идетъ закономѣрно впередъ—къ окончательной побѣдѣ, силою науки и техники, не только надъ природой, но и надъ самимъ собой.

3.

Мыслящему уму эти перспективы прошлаго и будущаго, какъ ближайшія, такъ и болѣе отдаленныя, безусловно необходимы,— иначе, смотря въ упоръ на настоящее, онъ рискуетъ запутаться въ его противорѣчіяхъ. Настоящее есть причудливая амальгама изъ элементовъ прошлаго и будущаго. Ихъ нользя разсортировать иначе, какъ держа въ сознаніи научно-обоснованную картину эволюціи человѣчества. Если такой картины въ вашемъ распоряженіи нѣтъ, а есть, вмѣсто нея, какая нибудь другая, миѳологическая, утопическая, романтическая, то вся дѣйствительность представится вамъ въ фантастическомъ свѣтѣ. Отголоски былого вы пріймете за предвѣстіе грядущаго. То, что начинается, покажется вамъ оконченнымъ; вы станете отпѣвать живое; къ мертвецамъ вы обратитесь съ сіяющимъ лицомъ, съ добрыми пожеланіями долгой, счастливой жизни. Все переставится, передвинется и смѣшается въ бѣлесоватомъ туманѣ, и странно, необычно зазвучатъ въ немъ голоса жизни, сливаясь въ какое-то волшебное созвучіе диссонансовъ. Вы можете любоваться этими видѣніями и вслушиваться въ эти созвучія,—это ваше дѣло: никому не возбраняется видѣть то, чего нѣтъ, желать—чего не бываетъ, слышать то, что молчитъ, не слышать самыхъ несомнѣнныхъ голосовъ жизни. Но знайте, что эта фантастика, не лишенная своей прелести,— коварна: она незамѣтно превратитъ васъ самихъ въ одну изъ тѣхъ уходящихъ тѣней прошлаго, которыя, прежде чѣмъ исчезнуть, озаряются заемнымъ, обманчивымъ свѣтомъ, являя грустный видъ чего-то не совсѣмъ умершаго, какой-то воображаемой жизни... Такова участь всякаго *романтизма*—въ исторіи, въ религіи, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ жизни.

Есть много пережитковъ прошлаго. По большей части они остаются безсознательными, въ видѣ стертыхъ слѣдовъ давно угасшей жизни. Но иногда они оживаютъ, переходятъ въ сознаніе, и тогда люди, съ которыми это случилось, начинаютъ бредить на яву и слагаютъ новые миѳы по образу и подобію старыхъ. Разумный, научный интересъ къ прошлому, составляющій необходимую принадлежность современнаго мышленія, превращается у этихъ людей въ болѣзненное пристрастье къ старинѣ, родъ исторической ностальгіи, и они грезятъ о прошломъ, идеализируя его, влюбляются въ средніе вѣка, въ классическую древность, подражаютъ давно-

отжившему, даже его внѣшнимъ формамъ, костюмамъ, правамъ, искусству и т. д. Такъ, на склонѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху великой революціи, реставрировали античныя понятія, доблести, термины. Въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка воскрешали и воспѣвали средніе вѣка и средневѣковой католицизмъ. Съ конца XIX-го вѣка и въ наши дни обнаруживается не менѣе болѣзненный интересъ къ старинѣ, какъ ближайшей, такъ и болѣе отдаленной. Такъ, во Франціи на нашихъ глазахъ воскресала наполеоновская легенда. Въ искусствѣ и литературѣ рѣзко обозначился повышенный интересъ ко всякой старинѣ вообще,—къ эпохѣ возрожденія въ частности.—У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ религіозныхъ мыслителей и поэтовъ, возникла идея „неохристіанства“, и послышались странные голоса, словно эхо давно умолкшихъ проповѣдей начала нашей эры или глухой отзвукъ византійскихъ споровъ. Мы слышали и читали мистическія разсужденія на богословскія и эсхатологическія темы. Типичные русскіе интеллигенты, искушенные въ спорахъ обо всемъ, de omni re scilibi вообще и о задачахъ интеллигенціи, о народничествѣ и марксизмѣ въ частности, вдругъ взяли и заговорили—какъ богословы и пророки.

Пока дѣло ограничивается философскими и литературными упражненіями, такая реставрація или имитація старины остается на поверхности жизни, не пуская корней въ ея глубь. Но есть другія, гораздо болѣе серьезныя, переживанія прошлаго, есть иныя—очень живучія—наслѣдія протекшихъ вѣковъ. Я имѣю въ виду то, что можно назвать „*психологическою религіозностью*“ современнаго человѣка, съ ея нерѣдкими спутниками или, лучше сказать, разновидностями—*фанатизмомъ* и *утопизмомъ*.

4.

Тысячелѣтія религіознаго воспитанія прошли не даромъ для человѣчества.—Въ глубокой древности, которую мы условно называемъ эпохою „первобытной культуры“, люди во всякой вещи, будь это пень или камень, подозрѣвали присутствіе чего-то такого, что они называли „божественнымъ“, что имѣетъ свою *свободную*, то благую (для людей), то злую *волю*, которой люди противопоставляли свою—такую же свободную—волю. Такое понятіе и это противопоставленіе одной воли другой и было началомъ *религіознаго* отношенія человѣка ко всему на свѣтѣ.

Если задаться цѣлью перечислить все, что въ разныя времена люди обоготворяли, къ чему они относились религіозно, то пришлось бы исписать не одну страницу. Сфера обоготворяемаго не ограничивалась реальными вещами; въ нее входили и вещи воображаемыя, и обобщенія вещей, какъ реальныхъ, такъ и воображаемыхъ...

Такъ, въ атмосферѣ на все откликающейся религіозности проходили вѣка культурнаго развитія и умственнаго прогресса. Одни боги смѣняли другихъ; отъ поклоненія видимымъ вещамъ люди переходили къ поклоненію невидимымъ; обоготворенные факты уступали свое мѣсто обоготворенному обобщенію фактовъ. Человѣчество переходило отъ религіозности наивной, такъ сказать, автоматичной, въ силу которой люди безъ дальнихъ разговоровъ обоготворяютъ то, что есть, что дано, къ другой, болѣе интенсивной и болѣе сложной, религіозности, которая ищетъ объектовъ, достойныхъ обоготворенія, которая отъ того, что есть, что дано, переходитъ къ тому, чего нѣтъ, что не дано. Еще шагъ дальше,— и предметомъ религіознаго отношенія станетъ желаемое, предметъ надеждъ, идеалъ.

Религіозная форма мысли и религіозное чувство вточеніе долгихъ вѣковъ, пережитыхъ историческимъ человѣчествомъ, изощрялись, переходя отъ одного культа къ другому, постоянно ища новыхъ точекъ приложенія. Религіозность есть, если можно такъ выразиться, психическій органъ, который въ бездѣйствіи, когда прерывается нить религіозныхъ исканій, атрофируется и, наоборотъ, развивается въ упражненіи, въ новыхъ поискахъ. На этой почвѣ вѣками установился особый человѣческій типъ, характеризующійся стремленіемъ обладать „истиной“,—мы его назовемъ homo religiosus,— типомъ *религіозно-психологическимъ*. Его представителей не ищите среди тѣхъ, которые вѣруютъ не мудрствуя и пріемлютъ религію предковъ, ничто же вопреки глаголя. Конечно, они найдутся и тамъ, но прійдется долго искать. Чтобы сразу найти ихъ, идите туда, гдѣ люди ищутъ, въ какого бога увѣровать, — туда, гдѣ вѣруютъ мудрствуя, гдѣ сперва вопреки глаголютъ, а потомъ ужъ пріемлютъ. Ищите психологически-религіознаго человѣка преимущественно среди еретиковъ, сектантовъ, идеалистовъ, атеистовъ, революціонеровъ, утопистовъ...

Психологическая религіозность, такъ понимаемая, есть особый, явно архаическаго типа, укладъ духа, отличающійся тѣмъ, что мнѣнія или убѣжденія человѣка превращаются въ догматы, что

эти догматы овладѣваютъ сознаніемъ, порабощаютъ волю и объединяютъ всѣ душевные элементы въ стройное цѣлое; другое отличіе типа, это — убыль критической силы мысли и *потеря внутренней свободы*, взамѣнъ чего человѣкъ пріобрѣтаетъ спасительную иллюзію якобы полной свободы воли.

Этотъ типъ — homo religiosus — разнообразится до безконечности, и есть множество разновидностей его. Во-первыхъ, онъ мѣняется отъ человѣка къ человѣку со стороны яркости выраженія или прочности его основныхъ чертъ. Во-вторыхъ, онъ всегда своеобразно преломляется въ психической средѣ, въ индивидуальной душѣ, всегда исполненной всякихъ противорѣчій и способной совмѣщать несовмѣстимое. Психика современнаго культурнаго человѣка слишкомъ сложна, чтобы воплощать религіозно-психологическій типъ во всей его полнотѣ и цѣльности, какъ воплощался онъ въ старину.—Далѣе, можно указать на такія разновидности типа, какъ 1) религіозность пассивная, созерцательная и 2) религіозность активная, волевая, съ ихъ различными видоизмѣненіями и помѣсями.

Но насъ интересуетъ здѣсь другая форма, представляющаяся наиболѣе архаическою. Это — та, которая отмѣчена признаками *психологическаго утопизма*.

Во избѣжаніе недоразумѣній, нужно оговориться, что я различаю понятіе психическаго утопизма отъ понятія утопіи,—примѣрно такъ, какъ различаю психологическую религіозность отъ положительной религіи. Съ моей точки зрѣнія, иной человѣкъ, искренно и глубоко вѣрующій и сознательно исполняющій обряды своей религіи, можетъ оказаться вовсе не принадлежащимъ къ психологически-религіозному типу. И наоборотъ, иной невѣрующій, атеистъ или матеріалистъ, оказывается натурою психологически-религіозною. Такъ и въ области утопизма. Весьма вѣроятно, что иные изъ сочинителей „утопій“, отъ Платона до Уэльса, не были представителями психологическаго утопизма. И наоборотъ: есть несомнѣнные психологическіе утописты, которымъ чужды идеи, обычно называемыя утопическими. Современный западно-европейскій соціалъ-демократическій соціализмъ — не утопія и справедливо противупоставляется такъ называемому утопическому соціализму, но были и есть соціалъ-демократы, проявляющіе въ своемъ мышленіи и дѣйствованіи несомнѣнные признаки психологическаго утопизма. Сіонизмъ представляется утопіей, но есть убѣжденные сіонисты, у которыхъ вы не найдете и слѣда утопизма.

Къ психологическому утопизму, большею частью совмѣщающемуся съ положительною утопіею, иногда же обходящемуся и безъ нея, я отношу слѣдующія явленія: 1) всякаго рода сектантство, силою религіознаго возбужденія и фанатизма осуществляющее *въ настоящемъ* (хотя бы и не всецѣло) идеалъ, противорѣчащій законномѣрному историческому ходу вещей (первыя христіанскія общины, анабаптисты XVI-го вѣка, пуритане, нѣкоторыя нынѣшнія секты въ Америкѣ и у насъ, и т. д.); 2) секты, партіи, ученія, ничего не осуществившія, но проповѣдующія идеалы, которые — въ существенномъ — противорѣчатъ законномѣрной эволюціи человѣчества (наши старые славянофилы, народничество разныхъ оттѣнковъ, во многомъ (далеко не во всемъ) ученіе Л. Н. Толстого и др.); 3) умонастроенія, характеризующіяся несбыточными ожиданіями, иногда являющими видъ чего-то возможнаго, иногда совершенно фантастическими (напр. ожиданіе второго пришествія Христа у первыхъ христіанъ и періодически въ средніе вѣка, вѣра въ пришествіе Антихриста у нашихъ раскольниковъ при Петрѣ В., надежды на „соціальный переворотъ“ въ Россіи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ у нашихъ пропагандистовъ 70-хъ годовъ, упованія на всеобщую „соціальную революцію“ у многихъ соціалистовъ въ Зап. Европѣ и у насъ, и т. д.).

Изъ этихъ примѣровъ читатель ясно видитъ, о чемъ идетъ рѣчь. Всѣ указанныя явленія и имъ подобныя объединяются въ одну группу общими имъ чертами явно-архаическаго характера, указывающими на очень древнее и несомнѣнно-религіозное происхожденіе психологіи этихъ явленій.

Сектантъ, славянофилъ, толстовецъ, революціонеръ—утопистъ,— всѣ они считаютъ себя обладателями безусловной „истины“ и дѣлятъ человѣчество на двѣ части: признающую эту „истину“ и не признающую, — на „правовѣрныхъ“ и „еретиковъ“. Понятіе прогресса они замѣняютъ понятіемъ спасенія рода человѣческаго, которое воспослѣдуетъ силою обращенія „невѣрныхъ“ на путь истины. Нѣкогда господствовавшая вѣра въ магическую силу слова еще чувствуется и нынѣ въ широко-распространенномъ предразсудкѣ, будто можно обновить міръ силою пропаганды идей. Это— черта въ высокой степени архаическая. Столь же архаично и почти мистическое понятіе о государственной власти, какъ о какомъ-то волшебномъ рулѣ, овладѣвъ которымъ можно повернуть въ ту или другую сторону жизнь милліоновъ. Этотъ отголосокъ первобытной древности, это переживаніе архаическаго миѳа, населявшаго міръ

существами, одаренными свободною волею, и приписывавшаго самой человѣческой волѣ сверхчеловѣческую силу, пронеслось, не умирая, черезъ всю исторію человѣчества и, очевидно, умретъ еще очень не скоро, питаясь иллюзіей свободы воли, глубоко укорененною въ нашемъ сознаніи.

Въ ряду идей или воззрѣній, которыя я называю утопическими, найдутся и такія, которыя, по существу своему, не заключаютъ въ себѣ ничего невозможнаго, ничего неосуществимаго. И самые трезвые умы иной разъ поддаются соблазну—принять такую идею. Сюда относятся, напр., наши славянофильскія, народническія и соціалистическія упованія на великолѣпное будущее русской крестьянской общины. *Въ идеѣ* это будущее вполнѣ осуществимо. Но бѣда въ томъ, что оно не согласуется съ объективнымъ ходомъ вещей, что община есть явленіе прошлаго, а не будущаго.—Другой примѣръ. Буржуазные экономисты и идеологи капитализма увѣрены въ томъ, что основы капиталистическаго строя есть послѣднее слово экономическаго развитія человѣчества и останутся нерушимыми навсегда. *Въ идеѣ* это можно представить себѣ, но это явная утопія, ибо объективный ходъ вещей ясно обнаруживаетъ непрочность капиталистическаго строя и государственности, на немъ основанной, ихъ быструю измѣняемость и то направленіе, въ какомъ они измѣняются. Непредубѣжденный наблюдатель не можетъ не видѣть, что развитіе идетъ въ направленіи соціализаціи производительныхъ силъ культуры, и что, соотвѣтственно этому, современная западно-европейская государственность постепенно демократизируется. Это—не вопросъ „вѣры“ въ будущее (оно же и не Богъ, чтобы въ него вѣрить или не вѣрить) и не идеологіи, всегда болѣе или менѣе субъективной, это—объективная „логика“ фактовъ, это—процессъ экономической эволюціи, ни отъ какой идеологіи и ни отъ ни чьей воли независящій. Борьба классовъ—только симптомъ этой эволюціи. И все равно, каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы,—развитіе культуры будетъ идти дальше, все въ томъ же направленіи—силою вещей, „логикою“ всеобщихъ интересовъ, настоятельностью назрѣвающихъ потребностей, накопленіемъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Всякая попытка дать этому закономѣрному движенію другое направленіе заранѣе обречена на неудачу, и всякая идея, ему противорѣчащая,—утопична, хотя бы гдѣ-нибудь она и могла бы осуществиться или осуществлялась въ прежнее время.—Въ ряду наиболѣе утопическихъ идей есть и такія, которыя имѣютъ

многовѣковую давность, оправдывающую ихъ въ глазахъ ихъ адептовъ. Съ точки зрѣнія, здѣсь проводимой, давность представляется скорѣе поводомъ заподозрить такую идею въ утопичности. Архаизмъ идеи и есть то, что дѣлаетъ ее утопическою, хотя бы она и могла быть проведена въ жизнь. Есть несомнѣнныя утопіи, которыя, однако, осуществлялись, но только всегда въ тѣсномъ кругу; никогда не оказывали онѣ вліянія на общій ходъ вещей и не являлись выраженіемъ закономѣрнаго развитія культуры и мысли. Были (и есть) религіозныя секты, которыя осуществляли у себя, въ своей тѣсной средѣ, идеалъ общности имуществъ и даже женъ; мормоны возстановили многоженство. Отъ этихъ опытовъ вѣетъ чѣмъ-то въ высокой степени архаическимъ; всѣ они, не исключая наиболѣе симпатичныхъ сектъ, стоятъ въ сторонѣ отъ большой дороги прогресса. Одно ужъ отгораживаніе себя отъ остального міра есть черта одинаково и архаическая и утопическая.

Не умножая примѣровъ, подведемъ вышесказанному общій итогъ въ слѣдующей общей формулѣ:

Архаично и утопично все, что противорѣчитъ поступательному движенію человѣчества, развивающагося въ направленіи къ всемірному единенію на почвѣ общности экономическихъ связей, жизненныхъ интересовъ и культурныхъ задачъ. Въ области мысли архаичны и утопичны тѣ пріемы, которые идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ раціональнаго и критическаго мышленія и превращаютъ мнѣнія и убѣжденія въ „абсолютныя истины“ и догматы. Въ воспріятіи прошлаго архаична и утопична всякая идеализація отжившихъ формъ и всякая попытка ихъ реставраціи, хотя бы только въ идеѣ. Наконецъ, въ воспріятіи будущаго архаично и утопично религіозное отношеніе къ нему, замѣна научнаго прогноза „вѣрою“ въ будущее, мечтательное ожиданіе и фанатическое отношеніе къ идеалу, хотя бы и вполнѣ раціональному.

Религіозное отношеніе къ идеямъ, фанатизмъ и склонность къ утопизму существуютъ вездѣ, но въ передовыхъ странахъ они замѣтно идутъ на убыль. Вѣковые навыки, выросшіе новой культурою и воспитаніемъ въ духѣ раціональнаго, критическаго мышленія, въ извѣстной мѣрѣ подтачиваютъ психологическую религіозность, являясь психическимъ тормозомъ въ отношеніи къ ней.—На западѣ (въ особенности въ Англіи и Сѣверной Америкѣ) положительная религія укоренена въ умахъ гораздо прочнѣе, чѣмъ психологическая религіозность. Напротивъ, въ странахъ

отсталыхъ психологическая религіозность беретъ перевѣсъ надъ положительной религіей, захватывая въ свою сферу все, что приносятъ смѣняющія другъ друга умственныя теченія.

Два-три воспоминанія будутъ здѣсь нелишними.

Когда, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, у насъ распространялись идеи матеріализма и позитивизма, тогда у многихъ онѣ моментально превращались въ какую-то новую религію. Молешотъ и Бюхнеръ были ея апостолами. Классификація наукъ Ог. Конта была какъ бы догматомъ...

Когда—въ 70-хъ годахъ—экономическое ученіе Карла Маркса стало овладѣвать умами, то оно овладѣвало ими на подобіе нѣкоего откровенія и было воспринято *народнически и утопически*. И былъ, кажется, въ рядахъ передовой интеллигенціи только одинъ человѣкъ, понимавшій коренное принципіальное противорѣчіе между марксизмомъ съ одной стороны и народничествомъ и утопіей съ другой. Читатель догадывается, что я говорю о Н. И. Зиберѣ, которому принадлежитъ столь видное мѣсто въ нашей экономической литературѣ, и котораго по праву можно назвать основателемъ школы русскаго марксизма.

Въ 90-хъ годахъ „неомарксисты“ съ Г. В. Плехановымъ во главѣ, занялись, между прочимъ, труднымъ дѣломъ очищенія понашему, по-русски понятаго Маркса отъ народническихъ толкованій и утопическихъ примѣсей. Нельзя было не привѣтствовать (за вычетомъ рѣзкостей въ полемикѣ) этого почина, который, несомнѣнно, былъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ установленія у насъ критическихъ и раціональныхъ пріемовъ мышленія въ вопросахъ, обычно вызывающихъ въ русскомъ интеллигентѣ настроеніе, похожее на религіозную эмоцію. Къ сожалѣнію, эта эмоція не замедлила появиться въ средѣ самихъ марксистовъ, и многіе изъ нихъ моментально превратили теорію „экономическаго матеріализма“, очень удобную, какъ методъ изслѣдованія, въ непререкаемый догматъ. А практическая дѣятельность, для которой марксизмъ является идеологіей, вылилась все въ ту же „сектантскую“ форму съ фантастическими ожиданіями и утопическимъ настроеніемъ, какую въ большинствѣ случаевъ принимали у насъ революціонныя партіи. Въ ряду основателей и лидеровъ русскаго марксизма были лица съ рѣзко-выраженной психологической религіозностью; они замѣтно содѣйствовали тому, что нашъ марксизмъ превратился такъ скоро въ „вѣроученіе“. Но это „вѣроученіе“, ими же созданное, оказалось для нихъ слишкомъ грубымъ,—они стали

искать другой, болѣе возвышенной религіи и скоро обрѣли ее въ идеализмѣ, метафизикѣ, даже въ мистикѣ.

Увлеченіе—въ дни свободы—идеей „диктатуры пролетаріата“ (въ г. Санктъ-Петербургѣ!) было однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій живучести тѣхъ психологическихъ переживаній, въ силу которыхъ любая идея, по содержанію своему не имѣющая никакого отношенія къ религіи, воспринимается религіозно и превращается въ утопію.

У насъ, въ Россіи, такія переживанія особливо живучи, и ими-то и обусловливается тотъ идеологическій пошибъ мысли, которымъ отличается наша интеллигенція. Ея психологическая религіозность есть фактъ, давно уже отмѣченный—какъ ея великое преимущество. Съ моей точки зрѣнія, это—вовсе не преимущество, а только необходимое до поры до времени орудіе самосохраненія, которымъ интеллигенція обороняется отъ уныпія, отъ одиночества, отъ страха, отъ распада въ пустынѣ всероссійской некультурности...

Тутъ невольно вспоминается многое... Нѣкогда, въ глубокой древности, племена человѣческія, разсѣянныя на огромныхъ пространствахъ, среди дикой природы, небольшими, но тѣсно-сплоченными группами, спасались отъ ужасовъ, реальныхъ и фантастическихъ, силою религіозныхъ настроеній и эмоцій, очарованіемъ утопическихъ надеждъ и стремленій... Вспоминаются древніе евреи, спасавшіеся отъ страховъ пустыни утопіей земли обѣтованной. Вспоминается и средне-вѣковое еврейство, замкнутое въ душныхъ гетто, окруженное со всѣхъ сторонъ враждебною стихіей и выжившее силою не только положительной религіи, но, еще больше, силою психологической религіозности и утопическихъ упованій на обѣтованнаго Мессію...

Психологическая религіозность интеллигенціи есть явленіе того же порядка, повторявшееся вездѣ, гдѣ интеллигенція была обособлена отъ остальной массы и поставлена въ такое положеніе при которомъ она не могла развиваться, свободно и правильно, развертывая свои силы и прилагая ихъ къ дѣлу. И тутъ своего рода блужданіе въ пустынѣ и своего рода искусственная скученность, безпріютность въ нелюдимомъ просторѣ, тѣснота и духота кружковъ и „подполья“...

Съ развитіемъ культуры, съ подъемомъ благосостоянія и просвѣщенія массъ, съ успѣхами свободы, интеллигенція, силою вещей, перестаетъ быть столь одинокою и безпріютною; она встрѣ-

чаетъ въ широкихъ кругахъ населенія спросъ на свой трудъ и сочувствіе одушевляющимъ ее идеямъ. Возникаютъ посредствующіе слои между интеллигенціей и массой. Происходитъ разслоеніе самой интеллигенціи. Все это—условія, способствующія переходу отъ психологической религіозности къ другому, ей противоположному, укладу психики.

Въ передовыхъ странахъ Европы этотъ переходъ уже совершился. Не трудно предвидѣть, что дальнѣйшее развитіе пойдетъ тамъ въ томъ же направленіи—все большей убыли психологической религіозности. Возможно, что она никогда не исчезнетъ; но она будетъ сведена къ минимуму и сойдетъ со сцены — какъ форма воспріятія идеала и какъ дѣйствующая сила прогресса. Уже теперь утопія отступаетъ передъ критическою мыслью и научнымъ прогнозомъ будущаго, основаннымъ на изученіи прошлаго. На мѣсто субъективной вѣры въ будущее выдвигается объективное познаніе путей прогрессивной эволюціи. Научная постановка и разработка великой проблемы человѣческаго развитія дадутъ прямой отвѣтъ на многіе „проклятые вопросы“ жизни. Техника будущаго (не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть ея огромные успѣхи) въ высокой степени облегчитъ трудности жизни и борьбу за существованіе.

6.

Становясь цивилизованнѣе, человѣчество становится человѣчнѣе. Въ этомъ смыслѣ за истекшее столѣтіе сдѣланы значительные успѣхи. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что это движеніе остановится или приметъ другое направленіе. Путь развитія обозначился съ достаточною ясностью: передовое человѣчество идетъ къ побѣдѣ не только надъ природой, но и надъ своей собственной культурой. Путь ясенъ, но ясны также и тѣ трудности и препятствія, какія предстоятъ человѣчеству на этомъ пути. Онѣ сводятся главнымъ образомъ къ печальному наслѣдію былого варварства и дикости. Въ учрежденіяхъ, въ нравахъ, въ психологіи современнаго человѣка есть еще много варварскаго и звѣрскаго, не мало навыковъ старой некультурности, лѣни, темноты. Къ нимъ присоединяются и благопріобрѣтемные изъяны, порожденные дефектами новой цивилизаціи. Въ ряду этихъ благопріобрѣтенныхъ тормазовъ прогресса одно изъ самыхъ видныхъ принадлежитъ неврастеніи и алкоголизму. Противъ этихъ язвъ современной цивили-

зацiи безсильна самая яркая психологическая религiозность и самая лучшая изъ утопiй... Неврастенiя, различные психозы, алкоголизмъ, все это—зло не столько настоящаго времени, сколько будущаго: ихъ результаты скажутся въ грядущихъ поколѣнiяхъ. Борьба съ ними есть, поэтому, одинъ изъ тѣхъ процессовъ, которыми уготовляется будущее.

Благоустройство городовъ, улучшенiе жилищъ рабочаго класса, общественная гигiена оставляютъ еще желать многаго. Но если сравнить теперешнiя условiя жизни въ большихъ городахъ и даже въ маленькихъ городкахъ и деревняхъ передовыхъ странъ Европы (въ особенности въ Германiи) съ тѣмъ, что было въ началѣ XIX-го вѣка, то придется признать фактъ огромнаго прогресса. Это значитъ, что за послѣднiе сто лѣтъ люди стали лучше, цивилизованнѣе, прозорливѣе, умнѣе, что они думаютъ не только о себѣ и о настоящемъ, но и о своихъ дѣтяхъ и о будущемъ. Всѣ улучшенiя въ области *матерiальной культуры*, это — работа для будущаго, и эта работа важнѣе всѣхъ утопiй, вмѣстѣ взятыхъ.

Подъемъ матерiальной культуры это—первая, насущная потребность прогресса, это для него—conditio sine qua non. И—въ цивилизованной части человѣчества—это условiе уже осуществляется. Поскольку оно осуществляется, постольку уже наступаетъ и будущее, и ясно очерчиваются его ближайшiе горизонты. И нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, прежде всего, трехъ обозначившихся цѣлей, къ которымъ идетъ совершающееся развитiе: 1) *упраздненiя войнъ* (по крайней мѣрѣ, между цивилизованными народами); 2) *упраздненiя внутренней войны, т. е. борьбы классовъ*—черезъ рядъ смягченныхъ формъ классоваго антагонизма; движенiе въ этомъ направленiи намѣтилось уже съ достаточною ясностью; въ передовыхъ странахъ Европы уже невозможно возвращенiе къ старымъ формамъ классовой борьбы, къ бунтамъ, жакерiямъ, гражданскимъ войнамъ; 3) *превращенiя государственности изъ формы военныхъ и нацiональныхъ державъ съ ихъ нацiональнымъ эгоизмомъ въ форму экономической и культурной органи зацiи власти въ каждой странѣ*, при всемiрной солидарности матерiальныхъ и духовныхъ интересовъ. Всюду совершающаяся нынѣ демократизацiя государства и культуры показываетъ, что въ этомъ именно направленiи и идетъ прогрессирующее человѣчество. Войны, къ сожалѣнiю, еще будутъ, и много милльярдовъ будетъ потрачено на вооруженiе, но каждый шагъ впередъ въ направле-

ніи демократизма является симптомомъ приближающагося конца варварства въ человѣчествѣ. Вспомнимъ: не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ возможны были эпическія войны и римскія утопіи Наполеона. За эти сто лѣтъ человѣчество ушло такъ далеко, что подобный кровавый эпосъ уже невозможенъ...

Человѣчество хочетъ жить по-человѣчески. Въ этомъ стремленіи роль движущей силы, безспорно, принадлежитъ *усложненію и повышенію потребностей*, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, при чемъ онѣ пріобрѣтаютъ ту степень интенсивности, которая дѣлаетъ ихъ удовлетвореніе *неотложнымъ*. А удовлетворить имъ можетъ *только государство* (въ обширномъ смыслѣ, включая сюда и органы мѣстнаго самоуправленія). Оттуда—ускоренный ходъ эволюціи государства, переходящаго отъ стараго типа къ новому,—къ типу государства, могущаго обезпечивать всѣмъ безъ исключенія гражданамъ пользованіе полнотою культурныхъ благъ, въ данное время имѣющихся въ инвентарѣ всемірной цивилизаціи.

Таковы видимые горизонты будущаго. „Вѣрить“ въ нихъ нѣтъ надобности тому, кто ихъ видитъ. Незачѣмъ ему также идеализировать ихъ, воображая, что это будетъ рай земной... Обладаніе полнотою культурныхъ благъ и свободы влечетъ за собою великую отвѣтственность и суровыя обязательства — созидать новыя культурныя блага и пользоваться свободою не для свободы, а для высшаго умственнаго и нравственнаго творчества, которое въ будущемъ, безспорно, будетъ и отвѣтственнѣе, и труднѣе, чѣмъ когда либо...

Ближайшіе горизонты будущаго, уже видные цивилизованному и прогрессирующему человѣчеству, еще не видны у насъ, въ Россіи,—и потому они и являются у насъ предметомъ вѣры.

Наши ближайшіе горизонты опредѣляются отвѣтомъ на вопросъ: находимся ли мы уже на пути прогрессивнаго развитія (что въ Зап. Европѣ—фактъ несомнѣнный, фактъ совершившійся), или же только собираемся вступить на этотъ путь и — пока что — топчемся на одномъ мѣстѣ и—вырождаемся?

„Въ Россію можно только вѣрить“, сказалъ Тютчевъ... Мы думаемъ однако, что и у насъ возможенъ раціональный прогнозъ. Основаніемъ прогноза является тотъ несомнѣнный фактъ, что наше прошлое—въ самомъ дѣлѣ прошлое, которое вернуться не можетъ. Настоящаго у насъ ни въ какомъ смыслѣ нѣтъ: все въ броженіи, въ процессѣ разложенія въ попыткахъ созиданія. Если что либо есть у насъ, то это—только будущее. Со временъ Петра В. мы вошли въ семью

*

европейскихъ народовъ. Ихъ будущее—наше будущее. Но вслѣдствіе нашей отсталости намъ долго еще суждено пробавляться вѣрой, надеждой и утопіей,—пока наконецъ мы почувствуемъ подъ ногами твердую почву несомнѣннаго и ускореннаго прогресса, и горизонты будущаго выступятъ въ туманѣ, застилающемъ нашъ путь...

Д. Овсянико-Куликовскій.

Замѣтки о современной литературѣ.

Жажда итога — вотъ, кажется, самая замѣтная черта современной русской мысли. Мы такъ много пережили, мы такъ потрясены только-что происшедшимъ, что не можемъ жить безъ попытокъ опредѣлить свое новое положеніе въ исторіи. Что произошло — и, стало быть, что произойдетъ: вотъ вопросы, рѣшенія которыхъ напряженно требуетъ мысль индивидуальная и общественная, и которые предъявляются теперь съ небывалой настоятельностью всякому — экономисту и художнику, философу-историку и газетному публицисту, литературному критику и практическому политику. Нѣтъ нужды разъяснять всю трудность этой задачи, поставленной жизнью всякому, кто думаетъ о ней. Невозможно быть историкомъ современности, невозможно въ потокѣ событій уяснить себѣ ихъ направленіе, ихъ относительное значеніе, смыслъ ихъ сплетенія; между тѣмъ невозможно не отдавать себѣ отчета въ томъ, что переживаешь.

Въ литературѣ это, казалось бы, не такъ настоятельно необходимо. Въ политикѣ я долженъ предвидѣть, ибо это предвидѣніе опредѣляетъ мои практическіе шаги, то есть общую тенденцію политической жизни. Въ литературѣ — принято думать — отъ читателя ничего не зависитъ; ея жизнь въ творчествѣ тѣхъ избранниковъ, которыхъ мы можемъ боготворить или отвергать, но не можемъ направлять; ея развитіе въ созданіи новыхъ формъ мысли, которыя не поддаются сознательной переработкѣ. Какъ бы ни былъ ясенъ для насъ путь, который прошла въ недавнемъ прошломъ наша литература, на который она должна ступить въ ближайшемъ будущемъ, мы не измѣнимъ этого пути ни на іоту.

Это общепринятое мнѣніе должно претерпѣть нѣкоторыя существенныя поправки. Читатель не только пассивно воспринимаетъ литературу: онъ участвуетъ въ ея созданіи посредствомъ того или

иного пониманія готовыхъ произведеній, посредствомъ того или иного спроса на сюжеты и образы, формы и настроенія. Когда говорятъ, что русская литература есть достойное созданіе русскаго народа, то это имѣетъ не метафорическое значеніе; литература не потому есть созданіе націи, что въ ней, въ этой націи, родились великіе избранники, геніально оформившіе то, что „смутно бродило“ въ народѣ, а потому, что при этомъ „смутномъ броженіи“ они не могли не родиться. Русская литература не потому есть созданіе русскаго народа, что онъ далъ Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевскаго, но потому, что онъ создалъ языкъ, достойный этихъ писателей, создалъ духовные запросы, на которые они должны были отвѣтить въ національныхъ—не ими созданныхъ—формахъ. Ихъ вкладъ въ эту общую работу громаденъ, но все-таки: мы не только читаемъ нашу литературу; мы ее и диктуемъ; и наша мысль запечатлѣна на ея судьбахъ.

Но не для того, чтобы вліять на судьбы литературы, такъ жадно хотимъ мы знать ея путь. Ориентируются, — то есть опредѣляютъ, откуда взойдетъ солнце, — вообще не затѣмъ, чтобы измѣнить его предустановленный восходъ,—солнце все равно взойдетъ—но чтобы къ его восходу быть тамъ, гдѣ быть надлежитъ. Не только идейная литература есть учительница жизни, но всякая: и въ этомъ ея оправданіе. Нѣтъ границы между формой и содержаніемъ — и въ томъ, что однимъ представляется чистой формой, внѣшней красотой, другой можетъ найти высокое поученіе, жизненное указаніе, практическій совѣтъ. Не для эстетически безцѣльной оцѣнки намъ надо вдумываться въ свои литературныя переживанія, но для самыхъ реальныхъ шаговъ, для нашего житейскаго завтра.

И, кажется, никогда еще эта необходимая оцѣнка литературнаго дня не была такъ тяжела, какъ теперь. Сплетенія литературной жизни сложнѣе чѣмъ когда либо; изжитыя формы продолжаютъ свое ненужное существованіе; въ созданіи новыхъ не чувствуется творчества—и кажется, только вѣра въ то, что жизнь продолжается, что мысль не изсякаетъ, можетъ оградить насъ отъ отчаянія.

I.

„*Растерянность* — вотъ, о кажется, главный и почти единственный итогъ, къ которому приводитъ попытка уловить основныя-

черты современнаго художества", — сознается одинъ искренній критикъ. Онъ былъ бы больше правъ и больше проявилъ бы свою смѣлость, если бы въ этомъ итогѣ охватилъ основныя черты не только современнаго художества, но и современной художественной критики. Разногласія были всегда. Къ крупнымъ явленіямъ всегда относились различно. И это законно, ибо мы знаемъ, что „когда критики несогласны другъ съ другомъ, это значитъ, что художникъ согласенъ съ собой". Разногласія были всегда. У насъ отрицали Фета, у насъ косились на Чехова, у насъ Стахѣева ставили выше Успенскаго. У насъ и Пушкина отвергали, и Лермонтова называли поэтомъ чахоточныхъ барышень. Но теперь дѣло не въ критическихъ разногласіяхъ, не въ томъ, что противорѣчія индивидуальныхъ оцѣнокъ острѣе и глубже. Теперь эти оцѣнки не просто непримиримы, какъ было когда-то: теперь онѣ въ разныхъ плоскостяхъ. Когда-то обыватель, если ему не нравилась картина, романъ или стихотвореніе, говорилъ: это бездарно, это скучно, это не прогрессивно. Теперь онъ говоритъ: „мерзавецъ!" Онъ не недоволенъ, онъ взбѣшенъ. Онъ чувствуетъ что-то злое, непріемлемое, внѣ его строя стоящее, а, главное, надъ нимъ издѣвающееся. Художники бывали высокомѣрны, но простое высокомѣріе художниковъ было еще переносимо; можно было съ нимъ спорить, можно было имъ возмущаться, но въ концѣ концовъ можно было признавать его законнымъ. Все-таки художники въ самомъ дѣлѣ бываютъ высшими натурами, они все-таки рождены не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ, но—мы видимъ его плоды — для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Они бываютъ непонятны, но, понатужившись ихъ можно какъ-никакъ понять: невразумительными они бываютъ очень рѣдко; на худой конецъ есть критика, которая обязана объяснять и объяснитъ. И Скабичевскій объяснялъ. Теперь не то. Художники самомнительнѣе, чѣмъ когда либо, а читатель менѣе, чѣмъ когда либо склоненъ признавать чей либо авторитетъ. Въ современной литературѣ — какъ въ современной политикѣ — онъ никому не вѣритъ, и сердится, когда отъ него требуютъ вѣры.

Не знаю, какъ въ политикѣ, — въ литературѣ онъ имѣетъ на это право. Современная литература кишитъ „загадочными натурами", настоящими и поддѣльными: и читатель не въ силахъ отличить однихъ отъ другихъ. Прежде онъ чувствовалъ, что зазнавшійся художникъ его игнорируетъ; это было тяжко, но переносно; теперь онъ подозрѣваетъ, что писатель надъ нимъ издѣвается. Онъ не знаетъ, что эти несчастные въ большинствѣ случаевъ издѣваются не

только надъ нимъ, но и надъ самими собой: ему до этого нѣтъ дѣла. Онъ читаетъ эти произведенія, порвавшія со всѣмъ — съ формами стиха и съ формами благопристойности, съ формами рѣчи и формами мысли,—и недоумѣваетъ: недоумѣваетъ не только растерянно, но и злобно. Эти люди, провозглашающіе новое слово, уже не кажутся ему—какъ когда-то—дерзкими попирателями священныхъ основъ, буйными врагами, съ которыми надо бороться, то есть надо считаться. Онъ видитъ въ нихъ только нѣчто ничтожное, изломанное, выродившееся, безпредѣльной развязностью подмѣнившее творческую мысль и неизмѣнно спекулирующее на успѣхъ скандала. Когда-то „ошарашить буржуя“ — épater le bourgeois — было боевымъ пріемомъ, печальной необходимостью, формой выступленія; теперь это единственный жизненный мотивъ молодого „творчества“, его оправданіе и его содержаніе. Злополучный читатель готовъ примириться съ тѣмъ, что старыя формы изжиты,—но то, что новыя формы являются въ столь несообразномъ видѣ, съ такой нарочитой уродливостью и такой грубой свистопляской, кажется ему оскорбительной насмѣшкой. И онъ ищетъ поддержки, онъ хочетъ знать, кто собственно сошелъ съ ума—онъ или Потемкинъ.

Книжка Потемкина вышла только-что. Въ манерности внѣшняго убранства она дѣлаетъ новый шагъ впередъ. На обложкѣ ея не только воспроизведенъ архаически-наивничающій шрифтъ, изъ новинки обратившійся уже въ пошленькій шаблонъ, но и издательскій слогъ начала прошлаго вѣка: книга—изображено на обложкѣ затѣйливымъ курсивомъ — издана „иждивеніемъ книгопродавца Г. М. Попова“. Строчки стихотвореній, напечатанныхъ въ книгѣ, подровнены типографской линейкой не въ началѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а въ концѣ: всѣ стихи кончаются по одной линіи. Это по части внѣшности; что касается содержанія, то для него типичны стихотворенія, которыя въ прошломъ году, перенесенныя изъ сенсаціоннаго засѣданія студенческаго „кружка молодыхъ“ на столбцы газетъ, произвели нѣчто вродѣ общественнаго движенія. Таково, напримѣръ, въ своемъ родѣ знаменитое „Ночью“:

Ночью сѣрая улица...
Слѣпые дома...
Папироска моя не курится,
не знаю сама.
Съ кѣмъ мнѣ сегодня амуриться?

Въ другомъ, не менѣе извѣстномъ стихотвореніи авторъ сообщаетъ, какъ вечеромъ, когда будутъ „витрины яркимъ свѣтомъ осіянны“, онъ пойдетъ—„своей Паулины поискать у Квисисаны“.

Укачу съ моей подругой—
задымится лошаденка,
подъ затянутой подпругой
запграетъ селезенка...

За этимъ поэтическимъ изображеніемъ, коему высокій реализмъ подробностей не мѣшаетъ быть глубоко идеалистическимъ, слѣдуетъ рядъ весьма импрессіонистскихъ намековъ на занятія, коимъ предадутся авторъ съ Паулиной:

будутъ ласки... руки... плечи...
Я уйду поутру сонный.

Дворникъ откроетъ ему ворота, будетъ слышенъ стукъ засова. И—точно просвѣтомъ въ лучезарное будущее—заканчиваетъ нѣжная поэтическая картинка радостнымъ вздохомъ:

Нынче пятница—во вторникъ
Я приду къ Паулинѣ снова.

Потемкинъ плаваетъ въ предвкушеніи вторичнаго блаженства, а русскій читатель рветъ и мечетъ. Онъ привыкъ чтить свою литературу, онъ привыкъ видѣть въ писателѣ учителя жизни; это было установлено, узаконено, и потому было удобно, ясно и просто. Правда, у Достоевскаго, напримѣръ, онъ вычиталъ только жалость къ „бѣднымъ людямъ“ и инымъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, а самое главное проглядѣлъ; правда, онъ и Тютчева проглядѣлъ, и у Фета зналъ только „Шепотъ, робкое дыханье“ и съ неподражаемымъ презрѣніемъ отвергалъ это „искусство для искусства“. Теперь онъ уже готовъ принять и Фета, чтобы хоть Фетомъ прикрыться отъ этой лѣзущей на него наглости, отъ этого издѣвательства надъ нимъ и надъ здравымъ смысломъ. Но Фетъ не спасаетъ его — и въ этомъ есть историческая Немезида, то есть историческая логика.

Обыватель жалокъ, однако онъ достоенъ не только жалости, но и защиты. За нимъ есть грѣхъ, но онъ расплачивается за этотъ грѣхъ слишкомъ дорогой цѣной. Было время— онъ чуть не свергъ съ Олимпа Пушкина, — неужто за это онъ долженъ принять въ свой пантеонъ даже Потемкина? Грѣхъ обывателя—тяжелое наслѣдіе минувшаго—его некультурность. Если бы онъ былъ образованнѣе, если бы онъ умѣлъ брать изъ изящной литературы самое главное, если бы онъ былъ самостоятельнѣе въ оцѣнкѣ, его невозможно было бы ни ошарашить, ни соблазнить, ни обозлить амурами дешевой Паулины. Онъ обозленъ, потому что онъ запуганъ, потому что всегда плылъ по теченію, всегда преклонялся предъ словечками, всегда больше всего боялся оказаться

не на высотѣ культурнаго развитія. Онъ былъ правъ, когда бралъ послѣднее слово, но онъ не умѣлъ впитать его въ себя, не умѣлъ его—за рѣдкими исключеніями—ассимилировать. Послѣднее слово было для него рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ именно потому, что оно послѣднее. Много испытаній прошелъ онъ въ этой школѣ, много ошибался и много терпѣлъ. И только когда это желанное, творческое, освободительное послѣднее слово оказалось Потемкинымъ, то есть издѣвательствомъ, читатель усомнился; усомнился по русски: во всемъ; усомнился въ своемъ существованіи, усомнился въ своемъ сомнѣніи, обозлился—и предъявилъ къ „руководящей“ критикѣ требованіе: изъясни и разрѣши.

Читатель хочетъ знать, гдѣ онъ находится: что владѣетъ его литературой, что въ ней представляется событіемъ и что мыльнымъ пузыремъ, куда она идетъ и что обѣщаетъ. Критика отвѣчаетъ,—но сама чувствуетъ безсиліе своихъ отвѣтовъ и безплодность предсказаній. И ея настроеніе не выше безпомощной тоски ея читателя. Она пускаетъ въ ходъ людей и словечки, но не вѣритъ ни тѣмъ, ни другимъ. Много этихъ словечекъ, но, когда присмотришься къ нимъ, то становится очевиднымъ, что они лишены содержанія.

Ходячія формулы исходятъ изъ мысли, что литературный переворотъ уже совершился. Говорятъ о побѣдѣ декадентовъ надъ реалистами, о побѣдѣ сборника надъ журналомъ, о смерти быта въ жизни и литературѣ, о внѣдреніи эстетизма въ литературныя формы и эротизма въ литературные сюжеты, о популярности пріемовъ стилизаціи. Намъ представляется, что эти лозунги больше говорятъ о жаждѣ перелома, о сознаніи его необходимости, можетъ быть, о его близости, чѣмъ о томъ, что мы его дѣйствительно пережили. Къ великому сожалѣнію, никто никого не побѣдилъ, ничто изъ прошлаго не пришлось преодолѣть до конца, ибо не было того могучаго напряженія творчества, которое необходимо для этого преодолѣнія.

О такъ называемой побѣдѣ сборника надъ журналомъ просто не стоитъ говорить. На появленіе сборниковъ указывали, какъ на интересный симптомъ пробуждающагося индивидуализма, какъ на освобожденіе отъ тяжелой руки журнальныхъ редакторовъ, тяготѣвшей надъ писателями. Но, разумѣется, безъ редакторовъ не могли обойтись и сборники, и ихъ вкусъ, образованіе и общественно-политическая позиція также опредѣляютъ составъ сборниковъ какъ опредѣляли составъ журналовъ. Правда, есть сборники, въ которыхъ

не видно редакторской руки. Но въ нихъ не видно и лица; эти безформенныя собранія беллетристическихъ произведеній не могутъ никого побѣдить, никого не могутъ вытѣснить, потому что до скуки похожи другъ на друга, а побѣждаетъ только индивидуальное. Печатаются ли Андреевъ и Купринъ въ „Сборникѣ Знанія“, „Альманахѣ Шиповника“ или „Современномъ Мірѣ“,—литературы не касается; это вопросъ книжной техники. Другое дѣло, если бы оказалось, что художники слова съ естественной необходимостью отказались отъ участія въ журналахъ и стали искать иной формы выступленій. Это значило бы, что къ хоровой работѣ они потеряли способность, что она гнететъ ихъ, что они боятся даже быть заподозрѣнными въ томъ, что характеризуютъ не только свою, но и нѣкоторую иную коллективную индивидуальность: индивидуальность журнала. Этого нѣтъ, да и не было никогда. Литературная идеологія сборника, какъ чего-то показательнаго, просто выдумана искателями новыхъ шумныхъ словъ. Наши великіе писатели прошли сплошь черезъ журналы, даже Достоевскій, кажется, достаточно развитой индивидуально, чтобы возмутиться игомъ литературной собирательности. Даже символисты, объединенные—согласно ихъ утвержденію—міровоззрѣніемъ крайняго индивидуализма, весьма охотно пошли въ журналы, когда ихъ туда позвали, да и сами группируются вокругъ журнала, который носитъ полное единство, имѣетъ опредѣленную физіономію—и, полагаемъ, не мѣшаетъ Бальмонту быть самимъ собой.

II.

Расцвѣтъ эротической литературы условленъ у насъ очень сложными причинами, а объемъ ея широкъ. Внутри ея надо провести рѣзкую границу. Она захватываетъ и серьезныя произведенія, въ которыхъ писатели со всей честностью и пытливостью старались если не рѣшить, то хоть поставить страшные вопросы половой жизни, и легковѣсные и легкомысленные беллетристическіе прыжки вокругъ этихъ роковыхъ вопросовъ; здѣсь есть трагедіи и бутады, уродливыя ненормальности и здоровая жажда свободы; здѣсь есть спекуляція на дешевый успѣхъ и философское нежеланіе считаться съ условностями; здѣсь есть шарлатанство и самоотверженіе; здѣсь и „Мальва“ Горькаго, и „Бездна“ Леонида Андреева, и лирика Брюсова, Бальмонта и З. Гиппіусъ, и Потемкинъ, и С. Маковскій, и „Четыре“ Анатолія Каменскаго, и

„Санинъ“ Арцыбашева, и Ѳедоръ Сологубъ, и Купринъ, и Борисъ Лазаревскій, и Кузьминъ, и Зиновьева-Аннибалъ, и громадная переводная литература, отъ которой до сихъ поръ охранялъ русскаго читателя цензурный запретъ. Уже по этому поверхностному перечисленію литературныхъ явленій, такъ или иначе прикосновенныхъ къ эротикѣ, можно судить о безконечномъ многообразіи причинъ ее вызвавшихъ. Вызвавшихъ—надо прибавить—на поверхность литературы. Въ глубинѣ ея всегда таился жадный интересъ къ вопросамъ пола; у насъ всегда были и непристойности, и порнографія, и смѣлое—но чистое, ибо серьезное—изображеніе физической любви. Но въ художественномъ вниманіи читателя физическая сторона любви отступала на второй планъ. Онъ былъ стыдливъ, русскій читатель, и съ нимъ была стыдлива русская литература. Онъ опускалъ глаза предъ изображеніями, которыхъ не боялись его писатели; онъ съ боязливой неловкостью пробѣгалъ даже мимо извѣстныхъ сценъ у Пушкина или Тургенева, онъ безъ тѣни лицемѣрія возмущался Ясинскимъ; эротическія карикатуры Щедрина и Лѣскова, рѣдкія, эпизодическія, но весьма національныя, слегка дразнили своей непристойностью и не останавливали на себѣ вниманія. Послѣднія десятилѣтія многое измѣнили въ этомъ. Общія проблемы встали рѣшительнѣе и настоятельнѣе передъ нами, и среди нихъ половая заняла новое мѣсто и потребовала новаго, углубленнаго пониманія. Это пониманіе требовало свободы отъ тѣхъ элементарныхъ педагогическихъ требованій, которыми оправдывается общественная цензура. Формулы, данныя классиками, требовали раскрытія, и тѣ выдающіеся писатели, которые приступали къ обновленной мучительной загадкѣ Эроса, не могли оставаться въ предѣлахъ традиціонной условности. Ни Андреевъ, ни Горькій, ни Купринъ не могли преклониться предъ старой пристойностью, когда имъ такъ много надо было сказать своими образами, такъ важно было сказать—и подчасъ невозможно было сказать безъ грубаго и рѣшительнаго подчеркиванія физическихъ моментовъ половой любви. Аналогичныя явленія въ современныхъ западныхъ—особенно нѣмецкой и скандинавскихъ литературахъ показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чѣмъ то далеко не случайнымъ, широкимъ, основаннымъ на общей психологической подпочвѣ. У насъ къ этому присоединился еще одинъ моментъ, временный, можно сказать, случайный, но чрезвычайно значительный. Это общественно-политическая буря, пронесшаяся надъ Россіей. Ея впечатлѣнія были такъ сильны, вос-

пріимчивость читателя такъ притуплена, что—въ связи съ естественнымъ спросомъ—возросла и сила предлагаемыхъ литературой раздраженій. Читатель хочетъ сильнаго, необычайнаго; ни правда, ни глубина не въ силахъ произвести на него былое впечатлѣніе—и литература охотно черпаетъ возбуждающіе истощенное чувство мотивы изъ области въ этомъ отношеніи почти неизсякаемой. У серьезныхъ писателей это не злостное намѣреніе, не спекуляція на легкій успѣхъ: это естественный исходъ, часто печальный, но къ индивидуальной винѣ несводимый.

Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ писателями менѣе чуткими къ послѣдствіямъ ихъ произведеній, менѣе нормальными въ своихъ переживаніяхъ, менѣе скрупулезными, тамъ этотъ мотивъ отчетливѣе. Тамъ ясна руководящая тенденція: при прочихъ равныхъ условіяхъ половые мотивы производятъ впечатлѣніе безконечно болѣе сильное—и чѣмъ они изысканнѣе, чѣмъ неожиданнѣе для читателя, тѣмъ больше надеждъ вызвать въ немъ интересъ. Окраска этого интереса—второе дѣло: пусть возмущается, пусть проклинаетъ, лишь бы не оставался равнодушенъ. Едва ли кто нибудь сомнѣвается въ томъ, что послѣдніе разсказы Короленка переживутъ „Леду“ Каменскаго и многое другое въ современной литературѣ,—но этихъ разсказовъ не замѣтили въ то время, какъ „Леду“ обсуждали со всей энергіей русской пытливости. Иначе и быть не могло, ибо тенденціозная литература всегда вызываетъ болѣе активное и страстное отношеніе, а наша эротическая беллетристика—особенно тамъ гдѣ она охотно ссылается на „чистое искусство“ сплошь тенденціозна. Она не изучаетъ жизнь, она руководитъ, она раскрываетъ запретныя области, чтобы вести въ нихъ. Съ огнемъ убѣжденія и яркостью таланта она доказываетъ, что одежда культуры, прикрывающая человѣка есть лишь уродующій могучаго звѣря покровъ, который надлежитъ сбросить всякому, ищущему подлинной свободы. Культуру эротическая беллетристика пріемлетъ лишь постольку, поскольку она оправдываетъ извращеніе; въ остальномъ—все добытое вѣками развитія въ половой жизни есть зло, уродство, лицемѣріе. Оправдывая любовь, не могущую принести плода—любовь однополую—герой „Крыльевъ“ Кузмина говоритъ: „Законъ природы—не то, что данное дерево должно принести свой плодъ, но что при извѣстныхъ условіяхъ онъ принесетъ плодъ, а при другихъ не принесетъ и даже погибнетъ само такъ же справедливо и просто, какъ принесло бы плодъ. Что при введеніи въ сердце

ножа, оно можетъ перестать биться, тутъ нѣтъ ни финальности, ни добра, ни зла. И нарушить законъ природы можетъ только тотъ, кто сможетъ лобзать свои глаза, не вырванными изъ орбитъ, и безъ зеркала видѣть собственный затылокъ. И когда вамъ скажутъ: „противоестественно“,—вы только посмотрите на сказавшаго слѣпца и проходите мимо. И всѣ культурные, всѣ образованные люди разсказа Кузмина—и петербургскій англичанинъ Штрупъ, эстетъ и гомосексуалистъ, и флорентинскій каноникъ Мори, ученый историкъ и археологъ, и греческій учитель Даніилъ Ивановичъ всѣ только тѣмъ и заняты, что всякими доводами отъ чистаго разума и отъ науки доказываютъ юному герою естественность, законность, необходимость однополой любви. И когда онъ становится... Антиноемъ при Штрупѣ, это означаетъ, что у него выросли крылья.

Одно время литературу призывали къ борьбѣ противъ эротиковъ; едва ли однако непосредственные полемическіе выпады могли имѣть успѣхъ не только у этихъ писателей, но и у ихъ читателей. Здѣсь безсильны указанія на мораль, ибо мораль въ такой же степени мѣрка для художественныхъ произведеній, какъ для математики; здѣсь безсильны ссылки на соціальную гигіену, такъ какъ ею не проймешь „крайнихъ индивидуалистовъ“ здѣсь безсильны напоминанія о *людяхъ*. Здѣсь возможенъ только художественный критерій: только указаніе, что грубая тенденція не есть искусство, не ведетъ къ познанію жизни, что искусство есть познаніе, а половое возбужденіе не есть возбужденіе мысли. Здѣсь возможно общее оздоровленіе, идущее не по избитымъ путямъ анти-эстетическаго пуризма, но по широкой дорогѣ духовнаго одушевленія. Возможно и нужно такое общественное настроеніе, при которомъ просто незамѣченной прошла бы всякая срамная бутада. Для нашего времени, увы, характерно то вниманіе, которое она вызываетъ. И если нуженъ примѣръ этого распада мысли, то нѣтъ ничего лучше „народной пѣсни“, вкрапленной тѣмъ же г. Кузминымъ въ „стилизованный“ разсказъ г. Ауслендера, появившійся въ изданіи не рыночномъ, но изъявляющемъ притязанія на серьезность: въ сборникѣ такъ называемыхъ „мистическихъ анархистовъ“ „Факелы“. Карикатурны по злостному безстыдству, но неподражаемо выразительны эти строфы, въ которыхъ сжато и выразительно, точно въ сосредоточенномъ символѣ, отражено отношеніе нашей новой поэзіи къ загадкѣ пола.

Соколъ, лебедь, быкъ, оселъ —
Ищутъ всѣ прекрасный полъ.
Для чего же намъ даны
Лицемѣрные штаны?

Эти великолѣпные „лицемѣрные штаны“ — точно знаменемъ развѣваются надъ эротической литературой.

Не страшны намъ,
Не страшны намъ,
Добродѣтели изъяны,

—припѣваетъ рефренъ этой „народной“ пѣсни. Инстинкты и логика въ равной мѣрѣ протестуютъ противъ этой опостылѣвшей добродѣтели. Логика особенно сильно.

Какъ разнообразны причины, породившія эротику въ литературѣ, какъ различны писатели, давшіе въ послѣдніе годы то или иное освѣщеніе физической стороны любви въ художественныхъ— или антихудожественныхъ—образахъ, такъ сложна, думается намъ, и судьба самой эротики. Всѣхъ поразила смѣлость, съ которой подошелъ Левъ Толстой къ вопросамъ полового сожительства въ „Крейцеровой сонатѣ“; и эта смѣлость, эта высота нравственнаго подъема оправдываетъ ту грубость правды, съ которой великій писатель называетъ вещи ихъ именами. И, несмотря на ненужный призывъ къ пристойности, раздавшійся изъ Ясной Поляны послѣ „Въ туманѣ“ Леонида Андреева, изъ этого произведенія нельзя вычеркнуть ни слова въ угоду пристойности. Оно никого не портитъ, никого не соблазняетъ: оно серьезно относится къ жизни и серьезность внушаетъ. То, что Толстой и Чеховъ, Горькій и Андреевъ, Купринъ и Сологубъ внесли въ изображеніе физической подпочвы любви, то останется въ русской литературѣ. Останутся и широкіе слои любителей литературной клубнички, и ихъ выгодный спросъ на соотвѣтственную литературу будетъ удовлетворяться съ обычной энергіей. Но мода на клубничку пройдетъ—она уже проходитъ. Русскій читатель сумѣетъ разобраться въ ядовитыхъ дарахъ, которые несетъ ему эта фальсифицированная литература; молодежь пойметъ, какъ мало исканія правды въ этомъ легкомысленномъ и, въ сущности, глубоко-шаблонномъ отношеніи къ тѣмъ вопросамъ, которые захватываютъ ее съ такой силой. Пройдетъ эротика, уживутся шумливые сборники съ журналами, которые, не отступая даже предъ газетами, останутся необходимымъ выраженіемъ идейныхъ направленій. Пройдутъ и декаденты— „отверженные поэты“ минувшихъ десятилѣтій.

III

Разумѣется, нельзя сравнивать положеніе, занимаемое въ общественномъ вниманіи такъ называемыми декадентами теперь, съ тѣмъ отношеніемъ, которымъ встрѣчены были ихъ первые опыты. Декаденты торжествуютъ побѣду. Пусть другимъ она совсѣмъ не кажется побѣдой,—имъ она вскружила голову до той степени, которая въ наукѣ медицины совершенно опредѣленно именуется маніей величія. Въ одной изъ книжекъ „Вѣсовъ“ за прошлый годъ г. Бакулинъ съ спокойной увѣренностью чудака, вообразившаго себя подлиннымъ Наполеономъ, заявляетъ: „Декадентство ждетъ, чтобы передать свой скипетръ въ мірѣ искусства, новой, преемственно съ ней связанной группѣ художниковъ, а если ему суждено будетъ закрыть глаза раньше ея возникновенія, отвѣтитъ, какъ Александръ Великій, на вопросъ, кому оставляетъ царство: „Достойнѣйшему“.

Объ этомъ торжествѣ побѣдителей трубятъ и иные герольды. Одни указываютъ на то, что распространенныя газеты и толстые журналы „признали“ новыхъ поэтовъ, печатаютъ ихъ и пишутъ о нихъ; по ихъ словамъ, поэты для немногихъ стали поэтами для всѣхъ: это есть гибель школы, гибель движенія, но и безсмертіе ея участниковъ. Другіе отрѣняютъ то, что „декаденты“ дифференцируются, что школа ихъ настолько окрѣпла, внѣдрилась въ жизнь и въ литературу, что она распадается на отдѣльныя теченія, иногда идейно-враждебныя другъ другу, но связанныя общностью происхожденія.

Своевременно въ литературѣ эти притязанія получили должную оцѣнку. Декадентамъ указали, что ихъ раздоры—ихъ семейныя дѣла, съ литературной дифференціаціей не имѣющія ничего общаго. Кривляются ли они подъ знаменемъ „крайняго индивидуализма“ или берутся въ высокомъ синтезѣ примирять начало личное и начало общественное, проповѣдуютъ ли они аскетизмъ или противоестественные пороки, идутъ за одно съ политической реакціей или повадливо подпѣваютъ освободительному движенію,—до этого поэзіи нѣтъ дѣла. Поэзія хочетъ красоты и правды, поэзія хочетъ искренности и глубины, поэзіи нужны не только таланты, но и характеры. Чувствомъ отвѣтственности не страдаетъ русскій декадансъ.

Чтобы отстоять свою позицію, умные теоретики „модернизма“

въ послѣднее время стараются незамѣтно внѣдрить въ общественное сознаніе совершенно новыя воззрѣнія на объемъ русскаго модернизма. Съ одной стороны „Вѣсы“ и ихъ участники усиленно отграничиваютъ себя отъ многихъ—которыхъ нѣтъ никакого основанія отдѣлять отъ нихъ. Нигдѣ не обрабатываютъ „декадентскую чернь“, „низы группы“, болѣе ядовито, а подчасъ и яростно, чѣмъ въ критическихъ писаніяхъ подлинныхъ декадентовъ. Слово „хулиганъ“—съ разными опредѣляющими эпитетами: „мистическій,“ „анархическій“ и т. п.—не сходитъ у нихъ съ языка. О томъ, что имъ, вчерашнимъ poetes maudits, отверженцамъ русской литературы, не пристало такъ расточительно раздавать этотъ почетный титулъ, они забываютъ. Они хотятъ увѣрить, что не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, кого не отличишь отъ нихъ. Они выбираютъ для себя болѣе талантливыхъ, болѣе культурныхъ, болѣе умѣренныхъ и хотятъ заставить забыть, что эксцессы бездарныхъ и безграмотныхъ характернѣе для ихъ „движенія“, чѣмъ умѣренныя и обыкновенныя произведенія „признанныхъ“ представителей школы. Декадентовъ печатаютъ въ „Образованіи“ и даже въ „Нивѣ“,—совершенно вѣрно; но прочтите эти произведенія: вы увидите, что здѣсь есть признаніе Брюсова, признаніе Бальмонта, но совсѣмъ не признаніе декаданса, какъ школы, какъ движенія.

Много лѣтъ назадъ, когда Владиміръ Соловьевъ, на страницахъ „Вѣстника Европы“, весело и остроумно издѣвался надъ первымъ сборникомъ русскихъ символистовъ, они отвѣтили ему въ новомъ своемъ сборникѣ, между прочимъ, указаніемъ, что, въ сущности, и онъ символистъ, что и въ его лирикѣ есть символистскія стихотворенія. Не знаю, чувствуетъ ли г. Валерій Брюсовъ теперь, какъ бьетъ его это возраженіе. Да, Владиміръ Соловьевъ былъ символистъ, но до „блѣдныхъ ногъ“ не дописался. Да, символистами—въ принятомъ здѣсь смыслѣ, ибо вообще-то всякая поэзія символична — символистами были и Тютчевъ, и Фетъ. Въ чемъ же вкладъ символистовъ, какъ таковыхъ, какъ нсваго теченія? На какомъ основаніи декаденты изображали свое дѣло, какъ нѣкую поэтическую революцію, когда въ лучшемъ случаѣ—и по ихъ признанію—была только эволюція. Въ одномъ новомъ справочномъ изданіи, посвященномъ декадентской литературѣ, во многомъ сумбурномъ, но во многомъ любопытномъ, такъ прямо и говорится: „Предшественниками ихъ (русскихъ „модернистовъ“) слѣдуетъ считать И. С. Тургенева въ послѣдній періодъ

его творчества, когда онъ создалъ свои замѣчательныя „Стихотворенія въ прозѣ“—шедеврь символической поэзіи, и „Клару Миличъ“, Ѳ. И. Достоевскаго, съ изумительной силой раскрывшаго міръ душевныхъ переживаній и оказавшаго громадное вліяніе не только на русскихъ, но и западныхъ писателей, Ѳ. И. Тютчева, глубоко-философская поэзія котораго весьма родственна модернистамъ, А. А. Фета, геніальнаго лирика и мастера въ области стиха и ритма, К. К. Случевскаго и Фофанова“. Не будемъ спорить съ этой родословной, напоминающей тѣ феодальныя списки предковъ, по которымъ англійскіе бароны вели свой родъ отъ Улисса и Энея. Примемъ ее,—въ ней есть крупицы истины; но, вѣдь, надо же признать, что, поскольку она основательна, постольку о нее разбиваются притязанія модернистовъ. Если они происходятъ отъ Тургенева, отъ „Клары Миличъ“,—къ слову сказать, раціональнѣйшее изъ произведеній Тургенева,—то почему эта традиція была выставлена, какъ разрывъ традицій? Почему этотъ разрывъ традиціи былъ выставленъ, какъ единственный законный путь?

Намъ случалось уже указывать всю ограниченность значенія новыхъ поэтовъ въ душевной жизни современности, несмотря на ихъ шумную извѣстность. Даже поклонники Брюсова,—конечно, не тѣ непристойно-неумѣренные, которые печатаются въ „Вѣсахъ“,—ставятъ его наравнѣ съ Баратынскимъ—не больше: это даже обидно для лидера поэтической школы, но это опредѣляетъ сдѣланный имъ вкладъ въ литературное развитіе. Нѣтъ нужды отрицать этотъ вкладъ. У нашихъ „модернистовъ“ есть заслуги, индивидуальныя и цѣнныя: литературѣ нужны второстепенные. Но въ послѣднее время объ этихъ заслугахъ говорятъ—и говорятъ не только на страницахъ „Вѣсовъ“—въ такихъ преувеличенныхъ терминахъ, которые можно объяснить только недавнимъ буйнымъ отрицаніемъ интимной лирики новыхъ поэтовъ. Съ величайшимъ удивленіемъ прочли мы, напримѣръ, въ началѣ этого года слѣдующіе строки въ отзывѣ „Вѣстника Европы“ о разсказахъ Бунина, Куприна и Серафимовича, появившихся въ третьемъ альманахѣ „Шиповника“: „Если по содержательности наша современная беллетристика, за немногими исключеніями, съ Л. Андреевымъ во главѣ, стоитъ не слишкомъ высоко, то ея художественная техника, несомнѣнно, достигла теперь небывалаго совершенства. Десять лѣтъ назадъ любая страница этихъ трехъ разсказовъ показалась бы какимъ-то откровеніемъ; мастерство, съ какимъ здѣсь подмѣчены и выражены самыя смутныя, самыя тонкія ощущенія и тѣ общія впечатлѣнія будничъ-

ной жизни' которыя переживаются органически, направляютъ волю, но почти не доходятъ до сознанія, это мастерство есть завоеваніе послѣднихъ лѣтъ и въ значительной мѣрѣ добыто исканіями и ошибками такъ называемыхъ декадентовъ. Великіе художники владѣли имъ и раньше, но теперь оно стало у насъ общимъ достояніемъ".

Не станемъ уже останавливаться на томъ, что самая значительность новаго мастерства, сила выразительности новыхъ пріемовъ здѣсь преувеличены до чрезвычайности; повѣривъ автору, можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что въ разсказахъ Серафимовича русское искусство слово дошло до предѣловъ совершенства, за которыми уже ничего не остается искать. Не будемъ спорить о томъ, могла ли десять лѣтъ назадъ „любая страница этихъ трехъ разсказовъ показаться откровеніемъ". Гораздо важнѣе то, что всѣ пріобрѣтенія художественной прозы, всѣ завоеванія поэтической выразительности сводятся за послѣдніе годы „въ значительной мѣрѣ" къ „исканіямъ и ошибкамъ такъ называемыхъ декадентовъ". Другими словами: были Тургеневъ, Достоевскій, потомъ былъ Чеховъ; теперь есть Бунинъ, есть Купринъ; въ техникѣ Бунина и Куприна есть громадный шагъ впередъ сравнительно съ техникой классиковъ и Чехова; кому мы обязаны этимъ шагомъ впередъ? Бунину и Куприну?—нѣтъ: „исканіямъ и ошибкамъ такъ называемыхъ декадентовъ". Не сомнѣваемся, что самъ г. М. Г.—вдумчивый авторъ отзывовъ „Вѣстника Европы" о новой русской беллетристикѣ,—самъ отказался бы отъ этого неизбѣжнаго вывода изъ его словъ, еслибы созналъ его неизбѣжность. Къ тому же его заключительное замѣчаніе отнимаетъ значеніе у предыдущаго. Онъ говоритъ, что наши великіе художники владѣли охарактеризованнымъ выше высокимъ мастерствомъ, теперь-же это мастерство—уже, стало быть, завоеванное — стало только—благодаря „такъ называемымъ декадентамъ" — общимъ достояніемъ. Получаются странныя противорѣчія. Если высокое искусство тончайшей выразительности было достояніемъ нашихъ великихъ художниковъ, то его новыя проявленія не могли быть откровеніемъ; если заслуги декадентовъ въ томъ, что они только сдѣлали достояніе классиковъ общимъ достояніемъ, только популяризовали ихъ технику, то причемъ ихъ завоеванія, исканія и ошибки.

Какъ и всегда бываетъ при противорѣчіяхъ, авторъ правъ лишь въ одной части своихъ утвержденій. Классики, дѣйствительно, владѣли высокимъ мастерствомъ, но литературное развитіе ими

не кончилось. Не ихъ завоеваніе сдѣлала „общимъ достояніемъ“ позднѣйшая литература, но, исходя изъ нихъ, шла впередъ, дѣлала свои завоеванія. Громадный шагъ впередъ она сдѣлала въ лицѣ Чехова. Никакихъ „откровеній“ въ дальнѣйшемъ не было; была молекулярная работа, были значительные работники, были Горькій и Андреевъ, были Купринъ и Бунинъ, были Ѳедоръ Сологубъ и Борисъ Зайцевъ, были индивидуалисты и соціалисты, были идеалисты и реалисты, были второстепенные, работа которыхъ очень существенна въ литературномъ движеніи. Но водружать, надъ всей этой массой разнообразныхъ, часто противоположныхъ исканій декадентское знамя, приписывать результаты этихъ исканій декадентамъ значитъ совершенно произвольно перетасовать перспективу литературной жизни.

Стремленіе захватить въ область побѣдоноснаго модернизма все признанное, хотя бы ничѣмъ съ нимъ не связанное, объявить своей „сферой вліянія“ то, что обязано своимъ происхожденіемъ совсѣмъ другимъ вліяніямъ, въ особенно любопытной формѣ сказывается въ отмѣченномъ нами справочномъ изданіи. Это книжка „Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ“—каталогъ библіотеки общества взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ-евреевъ въ Одессѣ. Можно со многимъ не соглашаться въ этой книжкѣ, можно отмѣтить многія погрѣшности въ ней, но нельзя не считать ее въ высокой степени показательной. Характеренъ этотъ спросъ въ широкихъ читательскихъ слояхъ на модернистскую литературу, потребовавшій такого руководящаго указателя, характеренъ и этотъ отвѣтъ на спросъ: отвѣтъ достойный и культурный. Въ каталогѣ, составленномъ не вполнѣ свѣдущими людьми, не мало промаховъ, на которыхъ мы здѣсь не остановимся; насъ интересуетъ та разнообразная масса литературныхъ явленій и индивидуальностей, которыя здѣсь связываются безъ всякаго основанія съ „модернизмомъ“. Опредѣленія „Вѣсовъ“ и здѣсь имѣетъ силу. „Модернистами—говоритъ предисловіе—мы называемъ тѣхъ писателей, которые, отличаясь глубокимъ индивидуализмомъ и непримиримой ненавистью къ старой эстетикѣ и традиціонной поэтикѣ, стремятся разрушить ихъ, провозглашаютъ полную свободу творчества и неустанно ищутъ новыхъ путей и литературныхъ формъ“. Не мудрено, что при этой широтѣ захвата рѣдкій талантливый художникъ—и то больше по недосмотру составителей—не окажется „модернистомъ“. Такъ, напримѣръ, оказывается, что у французовъ не только Гонкуры,

по Флоберъ и Мопассанъ „непосредственно примыкаютъ къ модернистамъ и составляютъ среднее звено между ними и реалистами". Съ такимъ же правомъ, конечно, сюда могли бы быть причислены и Зола, и Додэ, и вся предшествующая модернистамъ литература. Съ такимъ же правомъ „модернистами" сдѣланы и Гергартъ Гауптманъ, и Шницлеръ, и Сельма Лагерлефъ и Кнутъ Гамсунъ, для которыхъ далеко не такъ характеренъ „индивидуализмъ" модернистовъ. „Въ музыкѣ замѣчательнѣйшимъ своимъ представителемъ польскіе модернисты считаютъ Шопена". О, конечно: еще проще было сказать, что всѣ великіе музыканты—модернисты, и всѣ крупные писатели—тоже.

Намъ эта двойственная тенденція — съ одной стороны отмежеваться отъ своихъ ублюдковъ, а съ другой расширить предѣлы модернизма такъ, что онъ охватываетъ чуть не всю литературу, представляется симптомомъ не столько побѣды, сколько умѣренности. Валерій Брюсовъ не только печатается въ общихъ журналахъ; вопросъ кто къ кому подошелъ, гора къ Магомету или Магометъ къ горѣ, рѣшается между прочимъ и тѣмъ, что, переиздавая теперь свои начальные опыты („Пути и перепутья". М. 1908), умный вожакъ русскихъ „крайнихъ индивидуалистовъ" выкинулъ изъ сборника какъ разъ тѣ свои стихотворенія, которыя имѣли наиболѣе громкій „успѣхъ скандала" — вродѣ знаменитыхъ „блѣдныхъ ногъ". Очевидно, онъ хочетъ, чтобы даже при историческомъ взглядѣ, при сужденіи о развитіи его творчества, забыли о его декадентскихъ бутадахъ. Намъ кажется, этимъ кончаются препирательства о сегодняшнемъ декадентствѣ: можно спорить о значительности его прошлаго, но несомнѣнно то, что оно—прошлое. Оно выставило трехъ значительныхъ поэтовъ: Сологуба, Бальмонта и Брюсова. Первый, настоящій декадентъ нутра, а не теоріи—самъ по себѣ. Риторика долго — особенно въ послѣднемъ—скрывала въ Бальмонтѣ и Брюсовѣ поэтовъ; теперь Бальмонтъ какъ будто остановился—въ его послѣднихъ книгахъ изъ-за раціональнаго сочинительства слишкомъ рѣдко сквозитъ вдохновеніе. Брюсовъ становится все увѣреннѣе въ себѣ; онъ добивается признанія у тѣхъ кто еще недавно—я въ ихъ числѣ—склоненъ былъ видѣть въ немъ по преимуществу умнаго ритора. Но его новыя стихотворенія—напримѣръ, нѣкоторыя изъ напечатаннаго въ январьско йкнижкѣ „Вѣсовъ" цикла „Обреченный", ничего не говорятъ уже о былой манерности: это просто хорошая лирика безъ грубой печати школы. Можно за этими стихами видѣть традицію Лермон-

това или Тютчева, но въ нихъ нѣтъ ничего, специфически созданнаго декадентствомъ. Если бы полтора десятилѣтія назадъ появились эти стихи, а не „ледянныя аллеи въ атласномъ саду“, ихъ бы поняли и приняли спокойно, безъ недоумѣнія и негодованія. Тогда — какъ всегда — нужно было новое. Но если и были силы дать его, то въ манерѣ выступленія и даже въ пріемахъ созданія были сдѣланы роковыя ошибки, которыя загубили не мало силъ и которыя не легко исправить. Теперь модернисты ведутъ себя отъ всего, что есть здороваго и сильнаго въ русской литературѣ до нихъ; тогда они выступали, какъ отрицаніе этого здороваго и сильнаго. Теперь они Тургенева записываютъ въ свои предки,—и даже теперь эти притязанія кажутся юмористическими,— а тогда съ какимъ безшабашнымъ пренебреженіемъ къ тургеневской ясности и чистотѣ выступали наши модернисты. Они рвали традицію, когда въ этомъ не было ни малѣйшей нужды. Теперь они стараются создать иллюзію этой традиціи. Вотъ въ этомъ возвращеніи, въ этомъ примиреніи есть побѣда, — побѣда надъ собой.

Между тѣмъ широкая дорога литературы шла въ сторонѣ, и на этой дорогѣ было движеніе. Это движеніе настолько выразительно, что, кажется, теперь можно сказать безъ сомнѣній: если изъ исторіи русской литературы за послѣднюю четверть вѣка вычеркнуть школьныхъ декадентовъ, то изъ нея уйдетъ два-три недурныхъ лирика— и больше ничего; въ общемъ ея конструкція останется неизмѣнной.

IV.

Русская литература, конечно, не должна была застыть на формахъ, данныхъ великими мастерами русскаго романа и выдающимися лириками второй половины прошлаго вѣка. Но для этого былъ одинъ путь: путь творчества, путь, принятый Чеховымъ,— именемъ котораго когда нибудь будетъ названъ цѣлый періодъ нашего литературнаго развитія. Теперь говорятъ о Чеховщинѣ, какъ о сумеречномъ общественномъ настроеніи восьмидесятыхъ годовъ: пониманіе, можно сказать, расплющивающее толщу чеховскаго творчества, опошляющее въ коротенькой связи съ моментомъ то, что имѣетъ связь съ вѣчностью. Но „чеховское“ въ нашей литературѣ есть не только опредѣленіе сѣренькой дѣйствительности тоскливой эпохи: это прежде всего—новая форма литературнаго

изображенія. Чеховъ есть шагъ впередъ отъ Тургенева и Достоевскаго, Чеховъ—создатель новаго художественнаго взгляда. Какъ характерно, что справочная книжка о модернистахъ его позабыла; Лохвицкую отмѣтила, Миропольскаго упомянула, а Чехова обошла. Оно и понятно: Чеховъ былъ модернистомъ avant la lettre,—до модернистскихъ манифестовъ и курбетовъ; онъ силой своего творчества, а не безсильныхъ теорій дѣйствительно внесъ новую энергію, новую сжатость и новую красоту въ русскія литературныя формы: но какая разница въ стилѣ выступленія; сколько вкуса, сдержанности, правды. Какъ застыдился бы Чеховъ, если бы ему сказали о скипетрѣ, который онъ получилъ по наслѣдію и долженъ передать „достойнѣйшему“...

Начало дѣятельности Чехова еще застало Гаршина; одновременно съ нимъ прославился Короленко. Но Гаршинъ и Короленко были—я бы сказалъ эпигонами, если бы въ этомъ выраженіи не было оттѣнка слабости, почти вырожденія. Гаршинъ и Короленко были достойными завершителями славнаго литературнаго періода, но завершителями. Они внесли свое, они осложнили прошлое какой-то особенной красочностью и теплотой: точно лучистой фотосферой окружаютъ ихъ разсказы раскаленную твердь творчества нашихъ классиковъ. Ихъ индивидуальность чувствуется во всемъ: и въ настроеніяхъ, и въ дѣйственной любви къ людямъ, но не въ формѣ. А исторія литературы есть исторія формы.

Въ пріемахъ Чехова, въ его манерѣ брать сюжеты и ставить образы было нѣчто совершенно новое. Съ первыхъ словъ онъ вовлекаетъ читателя въ центръ событій, въ потокъ интересовъ дѣйствующихъ лицъ; онъ нашелъ новыхъ людей, больше дрянныхъ, но страшно для насъ важныхъ, ибо онъ нашелъ ихъ въ насъ; онъ замѣтилъ новое и научилъ литературу видѣть это новое. И литературѣ крайне важны и необходимы были эти новые пріемы. Они пробивали толщу обыденности, они вели ее къ новому познанію міра сквозь мелочи быта, сквозь незамѣчаемыя подробности настроеній. Это было важно для литературы, потому что она была подъ властью Достоевскаго, котораго читали и цѣнили и раньше, но который только послѣ своей смерти раскрылъ содержаніе своихъ произведеній и могучей рукой повернулъ русскую литературу къ новому міру. Ибо разнообразны сплетенія идейныхъ струй въ нашей новой литературѣ, разнообразны ея пріемы и настроенія, но чѣмъ дальше, тѣмъ глубже въ ней вліяніе Достоевскаго. Мало того: тѣмъ явственнѣе виденъ Достоевскій въ тѣхъ

крупныхъ ея представителяхъ, которые поверхностному взгляду могли казаться его противоположностью.

Намъ приходится не въ первый разъ указывать на эту характерную черту новой русской литературы. Въ ней какъ будто умерла тургеневская традиція, умерла тургеневскаи точка зрѣнія. Въ деталяхъ живы тургеневскіе пріемы, въ цѣломъ его стиль ясенъ, законченъ, доступенъ и ненуженъ. У Тургенева уже не учатся, не могутъ, не умѣютъ учиться: другое хотятъ видѣть въ жизни, другимъ поглощены художники, и это другое они могутъ увидѣть и изобразить только при посредствѣ пріемовъ Достоевскаго, при посредствѣ его красочной гаммы. Если искусство есть жизнь, разсматриваемая сквозь темпераментъ, то теперь смотрятъ сквозь призму Достоевскаго, смотрятъ всѣ, не только Ѳедоръ Сологубъ или Леонидъ Андреевъ, въ которыхъ это вліяніе выражается часто въ наглядныхъ формахъ, но и иные. Иррацiональное выдвинулось на первый планъ, художественное произведеніе съузилось и углубилось. Широкія жанровыя картины все рѣже становятся той формой, въ которой художникъ выражаетъ свой взглядъ на жизнь; его интересуетъ больше отдѣльная душа въ ея сложныхъ сплетеніяхъ, въ ея безсознательной подпочвѣ, въ роковомъ размахѣ ея чудовищныхъ возможностей. „Бездна“ Леонида Андреева есть какъ бы символъ той бездны души человѣческой, въ которую тянетъ заглянуть художника. Простой органическій реализмъ, столь естественный, столь сродный нашей мысли, столь богатый художественными просвѣтами въ безконечное, какъ бы замеръ, окаменѣлъ въ шаблонѣ, никого не радуетъ.

Въ связи съ новыми художественными тенденціями столько же, сколько, въ виду бурныхъ общественныхъ политическихъ событій послѣднихъ годовъ, явилась теорія смерти быта. Предполагается, что „бытъ умеръ“, и не только въ литературѣ, но и въ жизни. Послѣднее—совершенно пустое слово. Въ критическую эпоху виднѣе, какъ рушатся традиціонныя формы быта, но онѣ, конечно, замѣщаются новыми. Консервативныя тенденціи жизни также неизбѣжны, какъ ея творчество. Бытъ не умираетъ уже потому, что мысль человѣческая умѣетъ творить только въ формахъ, данныхъ ей традиціей. „Умеръ бытъ“—это значило бы: умерло все типичное, характерное для человѣческихъ группъ, умерла способность художественнаго обобщенія. Смѣняются формы быта то медленно, то быстро, но взглядъ мыслящаго наблюдателя схватываетъ ихъ и въ ихъ статикѣ, и въ ихъ динамикѣ. Онъ познаетъ жизнь

сквозь формы быта всегда, схватываетъ ли онъ поверхностную типичность или старается спуститься къ первоосновамъ бытія. Какъ извѣстно, даже Леонидъ Андреевъ въ высушенной, какъ препаратъ, нарочито схематизированной, условной, абстрактной „Жизни человѣка“, изображающей эту жизнь внѣ всѣхъ рамокъ времени и пространства, не добился полной отрѣшенности отъ быта. А о такомъ художникѣ, какъ Купринъ и говорить нечего: онъ переполненъ бытовыми наблюденіями, онъ просто жаденъ къ бытовымъ деталямъ, которыя схватываетъ съ удивительной наблюдательностью и ставитъ предъ читателемъ во всей ихъ жизненной конкретности. Сюжетъ, движеніе разсказа, психологическая структура для него—второе; главное это правда бытовыхъ наблюденій. Онъ познаетъ людей только чрезъ бытъ и въ быту. Прямой антитезой здороваго, яснаго, стихійно-наивнаго Куприна могутъ представиться Сологубъ и Ремизовъ съ ихъ условной манерой и условнымъ міромъ, но и въ „Мелкомъ бѣсѣ“ перваго и въ „Прудѣ“ второго изображеніе полно бытовыхъ чертъ, правда, въ ужасающей карикатурѣ, но убѣдительныхъ и достовѣрныхъ при всемъ уродствѣ издѣвающагося преувеличенія. Не только психологически ихъ герои—люди нашего времени, но создавшая и выражающая этихъ героевъ бытовая обстановка интересуетъ авторовъ и составляетъ необходимую форму ихъ творчества.

Конечно, бытъ, какъ единственная цѣль изображенія, какъ этнографія, какъ фольклоръ — не интересуетъ нашу современную литературу. Она больше занята анализомъ отъединенной души, въ которой охотно видитъ пребываніе и рѣшеніе всѣхъ міровыхъ проблемъ. Но мы видѣли, что даже въ этомъ теченіи отъ быта отказаться невозможно. А дальше бытъ долженъ привлечь вниманіе художника въ еще большей степени. Новыя задачи встаютъ предъ русскимъ писателемъ—и эти задачи связаны съ бытомъ.

V.

Мы, несомнѣнно, на поворотѣ, потому что мы у стѣны. Достаточно всмотрѣться въ послѣднія произведенія нашихъ беллетристовъ, чтобы видѣть, что русское искусство снова—въ тупикѣ. Нѣтъ не только дѣйствительно цѣнныхъ и нужныхъ результатовъ исканій: нѣтъ пути, нѣтъ направленія. Есть судорога,—судорога не бываетъ творчествомъ. Чувствуется напряженность исканій,

бѣдныхъ, фрагментарныхъ, безсильныхъ; можно кой-что принять въ современной литературѣ, можно подчасъ кой-чему порадоваться, но ясно одно: у нея нѣтъ центра, нѣтъ сознаннаго пути, нѣтъ большихъ представителей, которые оформили бы ея разрозненныя исканія. Всѣ сравнялись,—всѣ пишутъ недурно, всѣ равно талантливы и равно ненужны.

Съ этой стороны невыразимо удручающее впечатлѣніе производятъ новые сборники „Земля“ и „Жизнь“. Въ нихъ собраны всѣ имена, всѣ направленія, всѣ жанры,—хотѣлось бы сказать, кромѣ жанра скучнаго, но именно этого нельзя сказать. „Скучный“—это слабо, это блѣдно: отъ всего дышетъ такой глубокой тоской, такимъ безсиліемъ отчаянія, что начинаешь бояться, не индивидуальное ли это только настроеніе, спрашиваешь, каковы впечатлѣнія другихъ, провѣряешь себя и приходишь къ тому же выводу.

Двадцать, десять, пять лѣтъ назадъ, годъ тому назадъ разсказы, представленные сборниками, показались бы умѣстными, значительными, содержательными. Теперь печать какой-то трагической безжизненности лежитъ на всѣхъ этихъ образахъ, жанровыхъ и абстрактныхъ, философскихъ и историческихъ, идеализованныхъ и реальныхъ.

Мы говоримъ не объ отдѣльныхъ произведеніяхъ сборниковъ; правда, „Проклятіе звѣря“ Леонида Андреева безпримѣрно слабо, Купринъ въ „Суламиѳи“ показалъ только, что онъ напрасно взялъ несвойственную ему манеру; Айзману тоже было бы лучше оставаться въ предѣлахъ своего жанра. Но дѣло не въ отдѣльныхъ ошибкахъ и неудачахъ: здѣсь общая неудача, общій промахъ; здѣсь стѣна. Вздернуто ли все, какъ у Андреева, или дѣловито, какъ въ „Морской болѣзни“ Куприна, непосредственно ли, какъ у Муйжеля, или схематично, какъ у Айзмана, просто ли, какъ у Арцыбашева, или манерно, какъ у Крачковскаго,—все одинаково сѣро, одинаково ненужно. Невозможно представить себѣ читателя, на котораго это произвело бы устойчивое, глубокое, значительное впечатлѣніе, невозможно представить себѣ человѣка, котораго все это научило въ жизни чему-нибудь важному, нужному. Нѣтъ свѣжести, нѣтъ силы, нѣтъ впечатлѣнія: шагъ на мѣстѣ, тупикъ.

И писатели это сами чувствуютъ. Это видно по средствамъ, которыя они употребляютъ. Эти средства не злой умыселъ, не низкая жажда эффекта: это борьба за впечатлѣніе, борьба жалкая, безсильная, крикливая, скучная: не борьба, а возня.

Мы упоминали уже о томъ, что не только жажда познанія, а въ гораздо большей степени жажда впечатлѣнія, инымъ путемъ недостижимаго, ведетъ въ наши дни литературу къ конкретности сексуальныхъ положеній тамъ, гдѣ прежняя литература показывала ихъ подъ флеромъ,—и право, ничего оттого не теряла.

Нѣтъ нужды обвинять кого-либо изъ названныхъ писателей въ спекуляціи на успѣхъ, чтобы цѣлью ихъ пріемовъ считать успѣхъ,—то есть впечатлѣніе. Они всѣ достаточно честны, чтобы не добиваться успѣха посредствомъ эротическихъ изображеній. Правда, здѣсь не только Купринъ, Муйжель, Айзманъ, но и Арцыбашевъ, „Санинъ“ котораго, можно сказать, загубленный половой тенденціей, доставилъ печальную извѣстность автору, вполнѣ достойному лучшей доли. Но именно въ „Милліонахъ“, напечатанныхъ въ „Жизни“, Арцыбашевъ показалъ, что можетъ отвести половому элементу надлежащее мѣсто и почти не дразнить читателя деталями, дѣйствующими не столько на головной, сколько на спинной мозгъ.

Такимъ образомъ, въ „Жизни“ и „Землѣ“ собраны серьезные писатели, не ищущіе славы эротиковъ. И однако во всѣхъ оригинальныхъ разсказахъ обоихъ сборниковъ половая жизнь, физическая сторона половыхъ отношеній занимаетъ видное мѣсто. Изображеніе ихъ рѣзко, открыто, грубо. Взято не обычное, взяты исключительныя, острыя положенія: писатели какъ будто боятся, что безъ этихъ героическихъ средствъ они не войдутъ въ дѣйственное общеніе съ читателемъ. Посему въ „Проклятіи звѣря“ Андреева—половой психопатъ—„одинъ изъ тѣхъ отвратительныхъ, жалкихъ, полусумасшедшихъ эротомановъ, которыхъ всюду и всегда, днемъ и ночью, преслѣдуютъ грязные, сладострастные образы“. Въ „Суламиѳи“ Куприна—страшная и отвратительная сцена культа Изиды, съ оргійными самоистязаніями, кровавымъ развратомъ и усѣкновеніемъ фаллуса. Въ „Грѣхѣ“ Муйжеля—изнасилованіе, даже два; въ „Морской болѣзни“ Куприна—изнасилованіе; въ „Милліонахъ“ Арцыбашева—изнасилованіе; обстановка для сего изысканная: въ „Грѣхѣ“ больной венерической болѣзнью солдатъ насилуетъ въ банѣ голую дѣвушку, религіозно настроенную; въ „Морской болѣзни“ помощникъ капитана насилуетъ идейную молодую женщину, партійную работницу, которую тутъ же рветъ отъ морской болѣзни; казалось бы, женщина въ эти минуты должна вызывать скорѣе половое отвращеніе; несмотря на это, моряки продолжаютъ забавляться ею до утра. Въ „Милліо-

нахъ“ Арцыбашева герой разсказа, душевно опустошенный своими богатствами, насилуетъ въ садикѣ предъ домомъ купленную имъ кокотку, не дойдя двухъ шаговъ до ея комнаты, гдѣ все могло произойти какъ всегда происходитъ. Но „какъ всегда“—кого этимъ возьмешь! Въ первой части „Любви“ Айзмана изображено любовное соединеніе, здоровое и даже чистое въ его стихійной наивности; но зато въ противопоставленномъ „Бѣлому“—„Черномъ романѣ“ такой смрадъ отратительныхъ сплетеній, предъ которымъ и грубѣйшее изнасилованіе покажется нѣжнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ лирика: одно изъ двухъ стихотвореній Валерія Брюсова посвящено „Уличной“, то есть уличной дѣвушкѣ; въ другомъ—„Весенней пѣснѣ дѣвушкѣ“, отдѣльныя строфы кончаются призывными вздыханіями дѣвушекъ:

Скоро-ль закачается
Дѣвичья постель?
. . . . . .
Ахъ! когда-жъ подъ ласками
Побѣдитъ грудь!
. . . . . .
Ахъ! когда-жъ любовника
Встрѣчу я въ потьмахъ!

Яковъ Годинъ останавливается на уличной встрѣчѣ:

И ты подойдешь устало.
Скажешь: пойдемъ...

„Возлюбленная солнца“ Вл. Ленскаго изображаетъ, какъ она обнажается подъ лучами солнца:

Я падаю... мое нагое тѣло
Межъ грудей жалятъ жаркія уста...
И льется золотая страсть по венамъ...
И кто-то вихритъ знойные пески...
И разжимаетъ огненнымъ колѣномъ
Моихъ колѣнъ упругіе тиски...

Александръ Рославлевъ разсказываетъ объ ангелѣ, котораго стыдъ чистоты привелъ его въ домъ разврата,—разсказываетъ съ деталями, которыя кажутся отвратительно-кощунственными и невѣрующему человѣку. У Алексѣя Толстого—не стараго, а новаго—читаешь:

— Пусти!..—Бросаю на диванъ.
Глухое солнце—взоръ упорный...
— Люби, цѣлуй...—Дѣвичій станъ,
Горя, роняетъ бархатъ черный.

И такъ далѣе. Чертовщина сплетается съ обнаженіями, въ похотливыхъ комбинаціяхъ которыхъ есть все, кромѣ необходимости. Захлопываешь сборникъ „Жизнь“ и съ грустью думаешь,

что, въ концѣ концовъ, заглавіе „Половая жизнь“ шло бы къ нему больше, чѣмъ просто „Жизнь“.

Конечно, лирика Ленскаго, Рославлева и Толстого не то, что разсказы Куприна и Арцыбашева. Отъ безсильнаго и потому крикливаго сладострастничанія мелкихъ лириковъ должно рѣзительно отграничить названные выше разсказы. Въ нихъ все-таки половые эпизоды достаточно трагичны, чтобы захватить нашу мысль, чтобы казаться необходимыми. Разсказъ Куприна все-таки ставитъ психологическую проблему, завязанную страшнымъ и гнуснымъ испытаніемъ, постигшимъ его несчастную героиню. Безобразный поступокъ героя Арцыбашева все-таки чрезвычайно яркая страничка въ душевной исторіи этого милліонера съ его больной совѣстью и истерическимъ безудержемъ разнузданной натуры. Бытовая правда разсказа Муйжеля требуетъ, чтобы солдатъ Осипъ растлилъ и обратилъ въ пьяную проститутку и кликушу чистую и религіозно настроенную дѣвушку. И однако—повторяемъ—не только исканіемъ жизненной правды опредѣлилось здѣсь приподнятое вниманіе къ конкретностямъ половыхъ отношеній, но и душевнымъ состояніемъ читателя, требующимъ острой приправы.

VI.

Въ этомъ отношеніи ничто не можетъ быть показательнѣе послѣднихъ произведеній Леонида Андреева. Наша беллетристика послѣднихъ лѣтъ полна этихъ истерическихъ криковъ, этого надрыва безсилія. У насъ есть Скиталецъ, есть „Городъ“ Юшкевича—который, къ счастью, потомъ написалъ „Короля“—есть ужасающіе американскіе очерки Горькаго. Но Леонидъ Андреевъ всѣхъ перекричалъ. И это понятно. Онъ всегда кричалъ, всегда былъ исполненъ мрачнаго ужаса передъ жизнью. Но прежде онъ справлялся съ этимъ ужасомъ; въ его крикѣ чувствовалась размѣренность, то есть сила. Онъ владѣлъ крикомъ, а не крикъ имъ. Теперь онъ страшенъ: онъ кричитъ, какъ побѣжденный, какъ безсильный.

„И вотъ тутъ онъ снова закричалъ, сразу, всею полнотой и и силой этого дикаго, неслыханнаго крика. И также сразу весь похолодѣлъ отъ чувства непередаваемаго ужаса, я понялъ, что онъ—проклинаетъ... Было бы безуміемъ пытаться передать всю

упорную силу проклятій несчастнаго звѣря. Всѣ ядовитыя слова, какими обмѣниваемся мы, люди, когда хотимъ выразить наше неудовольствіе другъ другу или небу, кажутся комариными укусами, сравнительно съ этой рѣчью, гдѣ каждый напряженно трепещущій звукъ былъ налитъ смертоноснымъ ядомъ. Я знаю благородный гнѣвъ библейскаго Іова; я помню гнѣвные упреки Каина; въ моихъ ушахъ еще звучатъ проклятія пророковъ, какія посылали они на голову нечестивыхъ городовъ и народовъ, но что значатъ они всѣ передъ этимъ простымъ, какъ голосъ самой оскорбленной земли, проклятіемъ умирающаго звѣря! Онъ не ждалъ отвѣта; одинокій, умирающій, онъ не искалъ пониманія; онъ проклиналъ въ вѣка и пространства, бросалъ свой голосъ въ ихъ чудовищную, безумную пустоту. И почудилось мнѣ: вмѣстѣ съ проклятіемъ его встаютъ изъ гроба гигантскія тѣни умершихъ столѣтій; и идутъ торжественно въ кровавой мглѣ; и повыя встаютъ за ними; и безконечной вереницей огромныхъ, блѣдныхъ, окровавленныхъ тѣней онѣ беззвучно облегаютъ землю и въ пространство направляютъ свой страшный путь"...

Это не изъ Скитальца, увы,—это изъ Леонида Андрева. И онъ кричитъ, какъ его проклинающій звѣрь.

Отчего кричитъ берлинскій тюлень? Отъ безсилія, отъ рабства. У него нѣтъ возможности не только сломить цѣпи этого рабства, но нѣтъ и силы понять его, осмыслить, овладѣть имъ въ своей мысли. Оттого онъ можетъ только кричать въ изступленіи безсилія. И Андрееву тоже ничего другого не остается какъ присоединиться къ этому рабскому ненужному, безтолковому вою. „Послушай, старикъ! Выходи сюда, я буду рядомъ съ тобою. *Мы будемъ проклинать вмѣстѣ.* Кричи, громче кричи! Пусть услышитъ тебя городъ, и земля, и небо! Громче кричи, старикъ. Тебѣ не долго осталось жить, кричи объ опасности, кричи объ ужасѣ этой жизни, кричи о смерти! И проклинай, проклинай, и къ твоему проклятію звѣря я присоединю мое послѣднее проклятіе человѣка. Городъ! Городъ!"

Сколько словъ—сколько страшныхъ, жалкихъ, безсильныхъ словъ. Не даромъ критикъ, который такъ высоко ставитъ драму „Царь-голодъ", что обѣщаетъ ей „вѣчное мѣсто" въ европейской литературѣ, говоритъ о ней: „въ самомъ замыслѣ чувствуется душевный мракъ, близкій къ отчаянію". Мы чувствуемъ этотъ мракъ не только въ замыслѣ, но—въ гораздо большей степени—въ выполненіи. Дѣло не въ подробностяхъ, которыя часто противорѣчивы,

непонятны, иногда нелѣпы, дѣло не въ схематизирующей манерѣ, которая на этотъ разъ меньше удалась Андрееву, чѣмъ въ „Жизни человѣка“, но всегда имѣетъ право на существованіе. Дѣло въ томъ, что здѣсь не чувствуешь ничего изъ живой жизни: все вѣрно, все извѣстно, все ненужно. Все хочетъ быть страшнымъ, но не страшно, потому что скучно.

Не одинъ Андреевъ кричитъ отъ безсилія: всѣ кричатъ. Къ литературѣ предъявляются все новыя требованія; она хочетъ быть вліятельной, дѣйственной, хочетъ разбудить истощенную мысль, хочетъ ударить по истрепаннымъ нервамъ; она забрала для этого у много испытавшаго Запада все, что можно было забрать вплоть до чудовищныхъ противоестественностей; она выдумываетъ необычайныя формы, необычайные сюжеты; не умѣя наполнить ихъ жизненнымъ содержаніемъ, она бросаетъ ихъ въ ихъ отталкивающей пустотѣ. Она сочувственно повторяетъ ядовитое словечко Л. Н. Толстого о Леонидѣ Андреевѣ: „Онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно“. Но оно относится къ всей ея массѣ, за рѣдкими исключеніями, къ ея господствующему настроенію, къ ея пріемамъ и ея силамъ. То, что Куприна и Брюсова теперь производятъ въ геніи, это не случайность, не мелкая ошибка, не реклама кружковой критики: это тотъ же Андреевскій крикъ, то же отсутствіе точки опоры, та же растерянность.

Мы, несомнѣнно, на поворотѣ. Едва ли кто либо смогъ бы теперь конкретно намѣтить путь, предлежащій нашей общественности, нашей художественной и публицистической мысли. Но, поскольку рѣчь идетъ о ближайшихъ формахъ изящной литературы, намъ представляется весьма вѣроятной одна изъ линій ея развитія. Литература обратится къ быту—обратится не потому, что истерическіе крики индивидуальной души, симулирующіе самопознаніе, никого не задѣваютъ, но и потому, что познаніе быта, органическихъ, консервативныхъ формъ жизни диктуется намъ общей тенденціей нашего ближайшаго будущаго. Разумѣется, здѣсь будутъ обрѣтены и новые источники художественнаго впечатлѣнія. Не далеко время, когда простой бытовой романъ, быть можетъ, даже идиллія подѣйствуетъ на насъ не только глубже, но и неизмѣримо сильнѣе андреевскихъ ужасовъ. Онѣгинъ и Капитанская дочка уже смѣнили разъ Сбогаровъ и Мельмотовъ—и смѣнятъ еще разъ. Бытовая правда снова выразится въ рядѣ художественныхъ цѣнностей, такъ какъ болѣе чѣмъ когда либо намъ нужно знать бытъ.

Грознѣе, чѣмъ когда либо стоитъ предъ нами соціальная про-

блемма. Она давно—даже въ теоріи—перестала быть вопросомъ о другихъ, вопросомъ объ угнетенномъ большинствѣ, вопросомъ состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Это вопросъ самоосвобожденія, вопросъ о насъ самихъ, котораго не рѣшимъ мы сами. Соціальная проблема есть индивидуальный вопросъ, рѣшаемый коллективно. Это коллективное рѣшеніе, эта необходимость не только дѣйствовать, но и мыслить вмѣстѣ съ необозримыми народными массами непосредственно ведетъ къ необходимости знать ихъ. Мы стоимъ предъ новой народной беллетристикой:—на этотъ разъ уже всенародной, предъ новымъ погруженіемъ нашей литературы въ міръ собирательной души. Этотъ міръ познается по преимуществу въ бытѣ, въ традиціи, въ статикѣ, въ законченныхъ формахъ, въ торныхъ колеяхъ, по которымъ идетъ мысль даже тогда, когда создаетъ новое. Намъ необходимо познать эти пути—и никто не откроетъ ихъ намъ кромѣ творческаго наблюденія. Тѣ народныя массы, въ которыхъ мы должны раствориться, не отказываясь ни отъ одного изъ драгоцѣнныхъ достояній нашей культуры, продолжаютъ быть сфинксомъ, о которомъ говоритъ Тургеневъ, и недавняя полемика о томъ, кто кого обманулъ, народъ интеллигенцію или интеллигенція народъ, показываетъ только, что этотъ народъ былъ до ужаса, до позора неизвѣстенъ тѣмъ, которые вмѣстѣ съ нимъ собирались дѣлать общую исторію. Его надо знать, это чувствуется во всѣхъ нынѣшнихъ прогнозахъ и теоріяхъ, соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ: и на этотъ спросъ, на эту жажду узнать свою душу въ душѣ народа, русская литература неизбѣжно отвѣтитъ съ той чуткостью, которая такъ долго ставила ее въ центрѣ русской культурной жизни.

А. Горнфельдъ.

Въ ожиданіи церковнаго собора.

Недавно пришлось мнѣ быть въ одномъ частномъ собраніи преимущественно членовъ Гос. Думы и думскихъ священниковъ, гдѣ подымались вопросы о религіозной свободѣ, о роли въ ея достиженіи Думы и церковнаго собора, о характерѣ и цѣнности самаго собора и надеждахъ на реформу церкви. Все было характерно и на своихъ мѣстахъ. Истолкователемъ юридическихъ формулъ свободы совѣсти для батюшекъ явился, какъ и слѣдовало ожидать, интеллигентъ въ пиджакѣ. Съ образцовой педагогической ясностью онъ указалъ рясофорнымъ депутатамъ на самые, такъ сказать, центральные нервные узлы этого вопроса и умолялъ ихъ при дебатахъ и голосованіяхъ нажимать именно на эти рѣшающіе пункты. Видно было, что проблемма религіозной свободы во всей ея широтѣ далека отъ привычнаго кругозора священства, очень мало ему понятна, ибо мало его задѣваетъ. Убѣжденные въ основной непогрѣшительности своего исповѣданія, священники, если они либерально настроены, идутъ навстрѣчу освобожденію религіозной совѣсти просто отъ доброты сердечной, а не отъ боли личной трагедіи. Имъ незнакомы муки автономной совѣсти, скованной въ своихъ проявленіяхъ заточеніемъ и ссылкой. Имъ, наконецъ, даже не естественно желать развязывать руки всѣмъ своимъ догматическимъ противникамъ. Широкая, всеобъемлющая религіозная свобода для нихъ въ значительной мѣрѣ дѣло чужое. Не вздыхаютъ носящіе рясу и о свободѣ религіозной литературы и даже богословской науки. И здѣсь имъ въ массѣ удобно, жгучихъ желаній выйти изъ рамокъ ортодоксіи нѣтъ. Но священники начинаютъ живо понимать, волноваться и говорить, когда вопросъ обращается лицомъ къ ихъ собственному сословному положенію, когда онъ суживается до вопроса объ ослабленіи кабальныхъ узъ, прикрѣпляющихъ приход-

скіе причты вмѣстѣ съ приходами къ ихъ „владыкамъ“. Тогда свѣтскіе интеллигенты, хотя и внѣрелигіозные, охотно сходятся съ духовенствомъ на этой почвѣ и готовы идти къ широкой цѣли и черезъ этотъ этапъ, цѣня каждую завоеванную позицію, каждое ведущее къ цѣли средство: думское законодательство, соборъ, приходскую реформу, священническое движеніе, мысли о реформаціи. Все взвѣшивается и обсуждается съ точки зрѣнія интересовъ свободы. Предѣлы думскихъ полномочій въ данной области собравшимся представлялись наиболѣе ясными. Но духовныхъ забрасывали вопросами: чего можно ждать для религіозной свободы, ближайшимъ образомъ для внутренняго раскрѣпощенія самой господствующей церкви, не отъ Думы, а отъ церковнаго собора, каковъ будетъ этотъ соборъ и будетъ-ли онъ, нужно-ли и какъ содѣйствовать ускоренію его созыва, гдѣ и въ чемъ преобразующія силы церкви, чѣмъ увѣнчается церковное движеніе, не назрѣваетъ-ли религіозная реформація? Вопросы, отвѣчать на которые съ опредѣленностью столь же мудрено, сколько и рискованно, какъ вообще ставить прогнозъ въ отношеніяхъ соціально-политическихъ.

— Соборъ, можетъ быть, и будетъ, говорилъ одинъ крайній пессимистъ, но я не жду отъ него добра. По всѣмъ видимостямъ онъ только закрѣпитъ наличное положеніе вещей, придастъ ему усиленную санкцію, и тогда придется, оставивъ всякія надежды на улучшеніе, или снять рясу или, быть можетъ, искать исхода въ реформаціонномъ движеніи.

— Никакихъ данныхъ для реформаціи у насъ—горячо возражалъ ему другой—въ настоящемъ я не вижу. Вотъ показатели. Синодъ извергаетъ двѣ выдающіяся церковныя величины: архим. Михаила и о. Г. Петрова. И что же? Обратился ли къ нимъ хоть десятокъ лицъ съ просьбой принять ихъ подъ свое духовное руководство и образовать съ ними автономную церковную группу? Ничего подобнаго нѣтъ. Остается возлагать надежды на медленный путь оффиціальныхъ реформъ черезъ соборъ. Пусть первый соборъ будетъ реакціоннымъ. Но съ нимъ дѣло соборовъ не кончится. Онъ создастъ вокругъ себя напряженную атмосферу критики и споровъ, привлечетъ вниманіе общественныхъ силъ церкви къ ея специфическимъ вопросамъ, неизбѣжно поведетъ къ подготовкѣ другого собора и такимъ путемъ внесетъ собираніе соборовъ въ обычную практику церковной жизни. А это уже большое завоеваніе.

— Собора надо не только желать, но и стараться всѣми спо-

собами ускорить его созывъ—подтверждалъ типичный великорусскій батюшка изъ „башковитыхъ“, здравомыслящихъ семинаристовъ трезвой, практической складки, полный скепсиса ко всему фантастическому и далекому. При одномъ словѣ реформація онъ нетерпѣливо жестикулировалъ, выражая почти брезгливое отрицаніе этой „безпочвенной, ненародной“ идеи. Соборъ, какой бы онъ ни былъ—доказывалъ онъ—никоимъ образомъ не обойдется безъ обсужденія очередныхъ вопросовъ на мѣстахъ. Оффиціально намѣченный порядокъ созванія собора прямо требуетъ по всѣмъ епархіямъ многостепенныхъ пастырско-мірянскихъ собраній. А мы знаемъ изъ практики послѣднихъ лѣтъ, что такое пастырско-мірянскія собранія. Это настоящіе очаги внутренняго преобразованія мелкой церковной единицы—прихода. Кромѣ того, работы предсоборнаго присутствія даютъ основанія быть увѣреннымъ, что и соборъ обязательно, такъ или иначе, задѣнетъ и рѣшитъ приходскій вопросъ и неизбѣжно въ сторону хотя бы минимальной автономіи прихода, а въ этомъ основной камень для обновленнаго церковнаго строя.

Кто же изъ собесѣдниковъ въ самомъ дѣлѣ ближе къ истинѣ? Позволимъ себѣ также погадать о будущемъ и привлечь для этого нѣкоторые матеріалы изъ далекой и близкой къ намъ исторіи.

Прежде всего, будетъ-ли, наконецъ, когда-нибудь созванъ этотъ пресловутый церковный соборъ? Еще въ 1905 г., въ разгаръ самыхъ оптимистическихъ и широковѣщательныхъ разговоровъ о соборѣ и церковной реформѣ мнѣ приходилось одергивать безъ заботныхъ и довѣрчивыхъ прожектеровъ скептическимъ вопросомъ: уже ли вы въ самомъ дѣлѣ такъ-таки и вѣрите, что въ отвѣтъ на ваши столь одушевленныя пожеланія церковная власть возьметъ да и озаботится устроить дѣловой соборъ, котораго она, кстати сказать, весьма предусмотрительно ни разу не обѣщала оффиціально, ех cathedra? Это не то, что манифестъ 17 октября и созывъ Думы — два неразрывныхъ близнеца. Здѣсь нѣтъ и тѣни подобія. Здѣсь просто ничего твердаго нѣтъ. Одни разговоры, да двусмысленная „предсоборная“ (вѣрнѣе бы сказать „вмѣстособорная“) подготовка, оріентировка въ дѣйствительно трудныхъ вопросахъ на случай ихъ увѣреннаго и быстраго рѣшенія въ желательномъ для церковнаго правительства смыслѣ. Скепсисъ не достигалъ до сердца моихъ собесѣдниковъ, отуманенныхъ весенними надеждами, между тѣмъ данныя для него, кажется, были на лицо.

Достаточно взять во вниманіе самый основной законъ бытія

„господствующей“ церкви въ русскомъ государствѣ. Вѣдь извѣстно, что хваленое превосходство нашего церковнаго строя надъ папскимъ сводится на дѣлѣ главнымъ образомъ къ тому, что наши духовныя власти пальцемъ не двинутъ ни вправо ни влѣво, ежели начальство не прикажетъ. А начальство—опять таки нельзя этого не знать—никакой „освободительной затѣи“ само начинать не станетъ. И если только соборъ дѣйствительно таковъ, или, по крайней мѣрѣ, желается подъ такимъ угломъ зрѣнія—починъ сверху просто немыслимъ. Никакая власть добровольно сама себя умалять не станетъ. Болѣе чѣмъ понятно, что наши церковныя учрежденія не 225 только лѣтъ (со времени послѣдняго московскаго собора 1682 г.), а цѣлую вѣчность существовали бы безъ соборовъ во всей своей канонической кривизнѣ, если бы не обстоятельства, давшія намъ 17-е октября и снявшія запретъ по крайней мѣрѣ съ открытыхъ толковъ о соборѣ. За свѣтской властью въ неблагосклонности къ собору конечно должна слѣдовать и высшая іерархія, ибо у нихъ интересы общіе.

Если іерархи заговорили въ началѣ 1905 г. о соборѣ, то, такъ сказать, по недоразумѣнію и въ особомъ смыслѣ. Ихъ завѣтная мечта—ослабить надъ собой тяжкій гнетъ оберъ-прокурорской руки и стать еще болѣе самодержавными подъ стягомъ патріарха. А патріарха было бы неприлично (хотя нѣтъ ничего невозможнаго) назначить безъ собора. Вотъ ради чего послѣдній и понадобился въ свое время членамъ синода. Не столь близорукіе въ выборѣ средствъ и болѣе смѣтливые въ политикѣ „ревнители вѣры“ изъ „Моск. Вѣд.“, „Рус. Дѣла“, „Гражданина“ и „Зари“, какъ только узнали о мартовскихъ засѣданіяхъ членовъ синода, быстро перевели стрѣлку барометра на „бурю“ и этимъ ясно показали, каково должно быть „истинное“ отношеніе къ собору. Въ шумной полемикѣ проекты іерарховъ о патріархѣ и соборѣ окрещены были именемъ переворота, церковной революціи. Полемика оказалась на руку Побѣдоносцеву, и онъ исходатайствовалъ на докладъ синода Высочайшую резолюцію отъ 31 марта, отодвигавшую дѣло преобразованія церкви въ неопредѣленное будущее, а своего товарища Саблера, неосторожно перешедшаго на сторону іерарховъ, отрѣшилъ отъ должности. Такъ соборныя вожделѣнія отъ колыбели взяты были на подозрѣніе и съ тѣхъ поръ не могутъ исхлопотать себѣ свидѣтельства о благонадежности, хотя стороннему наблюдателю могло казаться, что были къ тому благопріятные моменты,

Разумѣется въ 1905—6 гг. нельзя было молчать о соборѣ. Лѣтомъ 1905 г. Булыгинъ сочинялъ конституцію. Скрѣпя свое гордое сердце, и желѣзный канцлеръ православной церкви долженъ былъ повести параллельную линію. 28 іюня, изъ мрачнаго кабинета съ Литейной вышелъ sui generis „реформаціонный“ актъ. Это *секретная* записка Константина Петровича къ членамъ синода съ указаніемъ на необходимость заблаговременно приступить къ подготовительнымъ трудамъ для предстоящаго собора. Любопытный документъ для личности покойнаго „папы“ русской церкви! Глубокимъ скепсисомъ проникнуты его замѣчанія на пункты мартовскаго доклада синода, и блѣдною немочью вѣетъ отъ его немногихъ и скудныхъ мыслей о реформѣ церкви. Но едва ли не гвоздемъ этого документа былъ его секретный характеръ съ незабвеннымъ канцелярскимъ эпиграфомъ: „Распубликованію не подлежитъ“. Это дѣло-то всецерковное, соборное, всенародное! Ни много, ни мало, какъ если бы „не подлежалъ распубликованію“, напр., указъ о выборахъ въ Г. Думу!.. Какъ бы то ни было, синодъ послѣ этого началъ готовиться къ собору. Подъ покровомъ заповѣданной тайны синодъ 27 іюля поручилъ епархіальнымъ епископамъ обсудить предложенные оберъ-прокуроромъ вопросы при помощи комиссій изъ лицъ, близкихъ властямъ, съ обязательствомъ представить заключенія къ 1 декабря. 17 октября унесло и самого Побѣдоносцева и заставило „распубликовать“ многое, что, по его мнѣнію, „сему не подлежало“. Московское вооруженное возстаніе побудило правящія сферы взглянуть иначе на скромныя реформаціонныя начинанія. Предъ кошмаромъ маузеровъ и браунинговъ мирная соборная канитель являлась трогательной идилліей. Склонны были „пустить“ соборъ „въ противовѣсъ“, и этимъ казалось реальность его была обезпечена. 17 декабря члены синода вызывались въ Царское Село для объявленія имъ Высочайшей воли о благовременности созванія церковнаго собора. Но паспортъ соборной идеи всетаки представлялся не настолько безукоризненнымъ, чтобы предъ ней радушно и настежъ были распахнуты всѣ двери. Въ рескриптѣ на имя первенствующаго члена синода, данномъ черезъ десять дней, 27 декабря, о собраніи собора говорится очень глухо, вѣрнѣе ничего не говорится. Текстъ рескрипта гласитъ: „Церковная власть заявила Мнѣ о небходимости созвать, для устроенія дѣлъ церковныхъ, чрезвычайный всероссійскій помѣстный соборъ. Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ не дали Мнѣ возможности тогда при-

вести въ исполненіе это благое намѣреніе. Нынѣ же Я признаю вполнѣ благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной Церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ для вящшаго утвержденія православія".

Правильно понявъ ноту рескрипта, синодъ, выждавъ предварительно исхода выборовъ въ первую Г. Думу, въ мартѣ 1906 г. созвалъ *не* соборъ, а предсоборное присутствіе. Оно работало до лѣта, пока не задуманъ былъ роспускъ перваго народнаго собранія. Тогда присутствіе попросили прервать свои работы и разъѣхаться. Зимой оно собралось снова и закончило свою дѣятельность къ концу 1906 г. Въ началѣ 1907 г. были Высочайше утверждены основныя положенія о созывѣ и составѣ собора. Но объ ихъ примѣненіи къ дѣлу крѣпко замолчали. Насталъ праздникъ на улицѣ Пуришкевичей, Иліодоровъ, Дубровиныхъ, Восторговыхъ. Соборная затѣя стала явно не ко двору. Синодъ украсился присутствіемъ Серафима и Гермогена, вставшихъ на стражѣ „истиннаго" православія. И вотъ когда недавно просто-православная часть думской церковной комиссіи напомнила при своемъ представленіи митрополиту Антонію о желательности выполненія проекта о соборѣ, другая, „истинно-православная" часть комиссіи, во главѣ съ еп. Митрофаномъ, поспѣшила къ петербургскому владыкѣ съ протестомъ противъ подобнаго ходатайства, какъ противорѣчащаго волѣ Государя. Митрополитъ, ничего не обѣщавшій и первой группѣ депутатовъ, вполнѣ успокоилъ и облагонадежилъ вторыхъ въ томъ смыслѣ, что онъ и не собирается ничѣмъ содѣйствовать ускоренію собора, кромѣ молитвы. А такъ какъ по грѣхамъ нашимъ, молитвы рѣдко бываютъ услышаны, то вѣроятнѣе всего, что долго еще господствующей въ Россіи церкви прійдется жить по указкѣ истинно-православныхъ людей, которымъ соборъ совершенно не нуженъ. Развѣ не характерно, что ни одинъ изъ черносотенныхъ съѣздовъ, до послѣдняго петербургскаго включительно, не заикнулся о соборѣ и устроеніи дѣлъ будто бы столь любезнаго имъ православія. Даже болѣе — одинъ слухъ о томъ, что м. Антоній не прочь начать въ синодѣ какія-то подготовительныя работы къ собору, тотчасъ же вызвалъ положительный протестъ въ лагерѣ „союзниковъ". Рѣшено настоять на снятіи съ очереди вопроса о соборѣ, ибо онъ, по мнѣнію г. Дубровина, вызоветъ смуту въ народныхъ массахъ. Итакъ пока надъ русской землей будетъ распяливаться стягъ „главноначальствующаго" Дубровина—несвоевременно ждать собора и церковныхъ реформъ.

Вся исторія соборныхъ обѣщаній ясно говоритъ за то, что соборъ самъ по себѣ правительству не нуженъ, но что его служебная цѣнность начисто не отрицается, а на всякій случай сберегается про запасъ. О, конечно, соборъ въ нужную минуту охотно соберутъ, но ни въ какомъ случаѣ не въ параллель и не по аналогіи съ нынѣшнимъ народнымъ представительствомъ, какъ о томъ мечтаютъ священники-реформаторы, а скорѣе въ духѣ того представительства, котораго добивались себѣ въ послѣднемъ адресѣ „союзники“. Болѣе „лѣвыя“, чѣмъ „Рус. Знамя“, „Московск. Вѣд.“ (№ 45), напр., желаютъ собора, но именно потому, что видятъ въ немъ могучее, даже „божественное (!) средство успокоенія мятущихся умовъ“.

Въ особенности соборъ не нуженъ высшей іерархіи. По связи съ нимъ приходится поднимать вопросъ о введеніи хотя нѣкоторыхъ каноническихъ приличій въ строй нашей церкви. А ревность нашихъ архипастырей о церковныхъ канонахъ, какъ извѣстно, простирается не многимъ далѣе произнесенія клятвеннаго обѣщанія слѣдовать имъ при посвященіи въ епископскій санъ. Послѣ этой церемоніи будто бы дѣйствующая книга церковныхъ законовъ простодушно откладывается въ сторону, и епископъ начинаетъ управлять епархіей на основаніи Духовнаго Регламента, Устава духовныхъ консисторій и „постановленій и распоряженій по В. П. И.“, ни мало не смущаясь тѣмъ, что кодексъ, на вѣрность которому онъ присягалъ, основными своими положеніями прямо отрицаетъ безсоборный и безприходный синодально-консисторскій строй церкви. Впрочемъ, черной іерархіи этотъ скользкій путь не въ диковину. На этотъ путь она становится, такъ сказать, со станціи отправленія. Вотъ послуживши, неженатый академистъ надумалъ сдѣлать карьеру. Облеченный въ одежду смиренія и вдвое согбенный, подъ покровомъ монашескихъ мантій онъ ведется къ алтарю и даетъ клятвенный обѣтъ отреченія отъ міра, отъ собственности, отъ своей личной воли и обѣтъ „неисходнаго“ пребыванія въ монастырскомъ заключеніи до смерти, а черезъ нѣсколько дней назначается на мѣсто ректора семинаріи съ приличнымъ окладомъ, готовой квартирой, съ лошадьми и каретой и не только съ правомъ, но и съ обязанностью пребывать внѣ монастыря и всячески проявлять свою собственную волю, по долгу администратора. Люди, способные такъ легко относиться къ одному изъ торжественныхъ и, казалось бы, религіозно-потрясающихъ моментовъ своей жизни, уже не смущаются въ дальнѣйшей своей карьерѣ ничѣмъ подоб-

нымъ. А еще хотятъ, чтобы духовно-академическая молодежь, въ большинствѣ идеально-настроенная и юношески-честная, не презирала своихъ товарищей, идущихъ ad summas ecclesiae honores такимъ некрасивымъ путемъ! Такимъ образомъ получается, что у насъ нѣтъ болѣе упорныхъ противниковъ проведенія въ жизнь основныхъ началъ „Книги правилъ“, именемъ которой клянутся наши владыки, какъ именно эти послѣдніе.

И такъ это у насъ повелось изстари, отъ основанія русской церкви. Благодаря неслыханной обширности русскихъ епархій, епископы сразу же, въ отличіе отъ своихъ греческихъ коллегъ, заняли вельможное положеніе, сдѣлались болѣе рѣдкою птицей, чѣмъ удѣльный князь и власть свою территоріально простирали зачастую на нѣсколько удѣловъ. Всякая соборность и приходское самоуправленіе—всѣ эти каноническіе принципы—при укорененіи такого „владычняго“ сознанія въ нашей іерархіи, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе казались ей нежеланными и, въ концѣ концовъ, сведены были на нѣтъ. Не захотѣли наши владыки подчиниться и еще одному внѣшнему принципу канонической схемы:—окружной централизаціи около митрополичьихъ каѳедръ въ цѣляхъ двукратнаго каждый годъ собиранія провинціальныхъ соборовъ, что само собой предполагаетъ многочисленность епископскихъ каѳедръ, скромность размѣровъ епархій и епископскаго положенія вообще. Сколько ни зазирали русскихъ архіереевъ ихъ восточные собратья въ малочисленности каѳедръ и отсутствіи митрополичьихъ округовъ, сколько ни пытались въ этомъ направленіи вносить предложенія, особенно на соборахъ конца XVII в.—всѣ эти попытки, въ томъ числѣ даже самимъ царемъ одобренный планъ умноженія епархій и введенія митрополичьихъ округовъ на соборѣ 1682 г., разбились о глухое сопротивленіе нашей іерархіи. Духовные владыки, конечно, предпочли сохранить границы своихъ владѣній и свою полную автономію съ подчиненіемъ лишь единому центру, чѣмъ умалять свое достоинство черезъ двухстепенную субординацію; они продолжаютъ это дѣлать и до нашихъ дней, понимая, къ какому опрощенію епископскаго сана поведетъ выполненіе этого каноническаго „приличія“. Еще въ половинѣ XIV в. Стефанъ Новгородецъ, привыкшій къ русскому взгляду на архіерейскую честь, былъ пораженъ простотой самого цареградскаго патріарха Исидора, который, увидѣвъ русскихъ путешественниковъ въ храмѣ св. Софіи, запросто подошелъ и поговорилъ съ ними: „О великое чудо!“, восклицаетъ Стефанъ въ

своемъ „Странникѣ“, „колико смиренія бысть ему, ижъ бесѣдова съ странники, ны грѣшніи: не нашъ бо обычай имѣетъ“. Вотъ этому-то „нашему обычаю“, точнѣе—„нашему ндраву„ и учинило бы „препятствіе“ приведеніе русской церкви въ канонически приличный видъ. Сдѣлать маленькіе шаги въ данномъ направленіи можетъ прійти въ голову только собору. Ergo—не нуженъ онъ черной іерархіи.

Право же, кромѣ церемоніи посвященія патріарха, развѣ можно придумать какой-нибудь другой мотивъ для пріемлемости собора нашимъ епископатомъ? Развѣ на что-нибудь другое онъ нуженъ ему? Развѣ есть у нашей іерархіи какіе-нибудь жгучіе обще-церковные вопросы, которыхъ она не могла бы рѣшить привычнымъ канцелярскимъ путемъ или при помощи экстренныхъ комиссій изъ „свѣдущихъ лицъ?“ Развѣ у русской оффиціальной церкви вообще есть какіе-нибудь волнующіе вопросы, напримѣръ: отстаиваніе своего собственнаго существованія, вопросы борьбы за свою жизнь съ какими-нибудь серьезными противниками, или вопросы вѣры, догматическія броженія, спорные вопросы культа и благочестія, или религіозно-соціальныя задачи, затрудненія на поприщѣ морально-общественнаго подвига? Ничего этого нѣтъ и не бывало. Основанная великимъ каганомъ земли русской, наша церковь съ тѣхъ поръ неизмѣнно пребываетъ въ благоденственномъ и мирномъ житіи поддъ все успокаивающимъ покровительствомъ. Словомъ, „родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ десятый вѣкъ“. Когда въ 1888 г., во время хронологически-неточно отпразднованнаго 900-лѣтія крещенія Руси въ церквахъ распѣвалась юбилейная кантата: „Девять вѣковъ миновало; въ пѣнѣ девятой волны щитъ нашей вѣры надеженъ, крѣпокъ завѣтъ старины“, то сама истина говорила устами младенцевъ. Дѣйствительно дѣтски-простодушная славянская церковь крѣпко хранила завѣтъ греческой старины, такъ крѣпко, что ни чѣмъ, кромѣ этого, болѣе и не занималась; подъ надежнымъ щитомъ сильнаго и независимаго государства явила чудные типы любовнаго выполненія этого завѣта (вспомнимъ эти милые, родные образы Сергія, Тихона, Серафима), разукрасила врученные ей завѣты всѣмъ, чѣмъ могла—парчами и жемчугами, золотомъ и цвѣтными каменьями, лампадами и красными звонами, свѣчами и чуднымъ, умилительнымъ пѣніемъ, не захотѣла быть лѣнивымъ рабомъ, закопавшимъ въ землю заповѣдное серебро, но... не смогла все-таки уподобиться и тому даровитому, дѣятельному рабу, который удвоилъ врученный ему капиталъ, ибо не имѣла

даннаго ему таланта. Тургеневскаго западника повергалъ въ безнадежность видъ русскихъ овиновъ, все тѣхъ же, какіе были при Рюрикѣ. Не такими ли религіозно-христіанскими овинами пестритъ картина русскаго православія по всему ея полю? Что русская церковь прибавила къ тому архитектурному зданію вѣры и ея діалектическаго постиженія, которое передали ей греки эпохи послѣ 7-го вселенскаго собора? Ничего. И ничего по преимуществу именно въ этой области. Отсутствіе какихъ бы то ни было творческихъ позывовъ по части религіознаго гносиса, отсутствіе дарованія въ этомъ направленіи выступаетъ въ исторіи русскаго православія съ исключительной яркостью. Тутъ дѣвственная невинность русской церкви можетъ быть поставлена рядомъ только со старческой немощью религіозно-выдохшагося православнаго Востока. Къ десятому вѣку своей исторіи русская церковь только что—и то при помощи могучихъ средствъ латинской и протестантской науки—стала богословски грамотной, т. е. сравнялась съ своими крестителями-греками: ученикъ дорось до уровня своего учителя, не въ творчествѣ, конечно, а лишь въ способности понимать преподанное ученіе. Но прошлое нашей церкви печально по своей интеллектуальной скудости.

До того она была не „мудрена“, даже болѣе—прямо анти-философична, анти-гностична. Полный контрастъ діалектическому эллинизму, глубоко-психологическому августинизму, раціональному протестантизму. Едва Русь освоилась съ христіанствомъ, какъ въ XII вѣкѣ уже показала себя „великимъ“ богословскимъ споромъ, о чемъ бы вы думали—о постѣ въ среду и пятокъ! Далѣе подобныхъ „мудрованій“ дѣло не заходило и впослѣдствіи. Раціоналистическія теченія стригольниковъ и жидовствующихъ (XIV—XVI вв.) были представлены небольшой группой передовыхъ интеллигентныхъ русскихъ людей, но и они, благодаря научной темнотѣ, не въ состояніи были возвыситься надъ „доморощеннымъ“ богословствованіемъ. Въ XVII вѣкѣ русская богословствующая душа развернулась во всю ширь. Къ этому времени весь русскій народъ, до тѣхъ поръ на низахъ язычествовавшій и равнодушный къ разнымъ іерархическимъ спорамъ, уже вжился въ церковную жизнь и ея интересы. Только теперь всѣ русскіе, отъ царя и патріарха до послѣдняго черносошнаго мужиченки, могли принять равно близко къ сердцу любую злобу дня въ церковной сферѣ. Тутъ-то и обнаружилось со всею откровенностью, въ чемъ русская церковь, взятая въ цѣломъ, со всѣмъ своимъ всенароднымъ соборнымъ разумомъ, полагала всю глубину

христіанской премудрости... Достойная слезъ по своему смѣхотворному идейному ничтожеству религіозная трагедія раскола старообрядчества полна сугубо-трагическаго смысла, главнымъ образомъ, потому, что вѣдь, въ моментъ произведенія на свѣтъ „истинной, древле-православной вѣры русской, христіанской“ русская церковь находилась на вершинной точкѣ своего религіознаго творчества. Это былъ самый энтузіастическій пунктъ ея мессіаническаго самосознанія, когда, возмнивъ себя единственной въ мірѣ хранительницей подлинной Христовой истины, она спасала ее отъ губительнаго мірового потопа всеобщаго „отступленія“. Ни до, ни послѣ этого момента религіозный пафосъ русскаго христіанства не разгарался даже со сколько-нибудь приблизительной силой. Въ контрастъ съ поражающей пустяшностью религіозныхъ лозунговъ и формулъ, русскій народъ влилъ сюда всю глубину своей христолюбивой, рабски-вѣрной, набожной души. Это былъ самый значительный мигъ русской религіозной исторіи. Его старообрядчество,—это плодъ вѣкового чревоношенія русской церкви, ея посильный вкладъ въ христіанскую исторію. Породивъ это дѣтище, она отдала въ него самые драгоцѣнные живые свои соки. На костры и на плаху, въ лѣса и болота, въ Сибирь и за рубежъ устремилось изъ церкви все глубоко-вѣрующее, все пламенное, все самоотверженное. Въ церкви осталось все равнодушное, все теплохладное, косное, безрелигіозное, безплодное. И русская церковь онѣмѣла, впала въ летаргію. Стало не до творчества—быть бы живу.

Съ той поры вся духовная жизнь народа пошла мимо церкви, безсильной руководить ею. Церковь вяло поплелась въ хвостѣ правительственныхъ начинаній и общественныхъ увлеченій. Петръ безъ сопротивленія обезглавилъ церковь, крѣпче запрягъ ее въ упряжь государственно-административнаго послушанія и заставилъ пѣть панегирики на воздвиженіе фортецій и закладку кораблей. Весь XVIII вѣкъ она была безобидной спутницей официальныхъ парадовъ и напудренныхъ церемоній. Въ видахъ эстетики іерарховъ обучили полатыни и по-французски, церкви убрали въ стилѣ рококо, расписали купидонной французской живописью и огласили оперными концертами Веделя, Сарти, Галуппи. Вплоть до николаевскихъ временъ синодъ in corpore въ своихъ черныхъ клобукахъ долженъ былъ являться на придворные балы и спектакли, гдѣ юнымъ архимандритамъ было довольно конфузно купаться глазами въ морѣ декольтированныхъ дамъ. При Александрѣ I церковь заставили служить интернаціональному

мистицизму и переводить библію на русскій языкъ. При Николаѣ I все это круто оборвали и призвали духовенство на службу реакціи по трехчленной уваровской формулѣ. Воспитанникъ іезуитовъ, оберъ-прокуроръ синода графъ Протасовъ заставилъ церковь низко-низко нагнуть спину передъ католической догматикой. Эпоха великихъ реформъ капитально очистила затхлую атмосферу церковнаго быта и внесла множество живительныхъ перемѣнъ въ обликъ русской церкви; раскрѣпощено было духовенство, реформирована духовная школа, оживилась церковная журналистика, вновь началась богословская наука на дрожжахъ протестантскаго историческаго метода. Дальнѣйшее время—эпоха печальной памяти К. П. Побѣдоносцева. Въ наши дни церковь, какъ всегда, тоже говоритъ лишь о томъ, дѣлаетъ лишь то, о чемъ говорятъ и что дѣлаютъ правительство и общество, чутко слѣдуя за стрѣлкой чужого барометра. Она не допускаетъ даже и мысли о какомъ-нибудь самостоятельномъ творческомъ начинаніи даже въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Прикажутъ—будетъ соборъ, не прикажутъ—и безъ него вполнѣ обойдется.

Еще менѣе можно было бы ожидать отъ церкви инициативы хотя бы въ маломъ, но жизненномъ, исторически-созидательномъ дѣйствіи. Неестественно ждать живого плода и нового творчества отъ организма, уже разъ изнуреннаго болѣзненными родами. Пусть рожденный оказался выкидышемъ, отъ этого не легче надорванному организму матери. Послѣ раздѣленія съ старообрядцами „господствующая“ церковь уже окончательно и въ чистомъ видѣ разорвалась съ исторіей, живетъ внѣ ея и потому внѣ всякой власти надъ ней. Исторія не нужна церкви, и церковь потому стала не нужна исторіи. Я не хочу этимъ сказать, что въ церкви не осталось никакого содержанія, никакой жизни. Ничуть. У церкви есть своя внѣисторическая, вѣчная, подлинная, освящающая жизнь въ культѣ и и таинствахъ, и кто жаждетъ *только* ея, онъ найдетъ тамъ полное удовлетвореніе. Я обсуждаю вопросъ лишь съ точки зрѣнія связи церкви съ историческимъ развитіемъ и роли ея въ этомъ процессѣ. Возлагающіе преувеличенныя надежды на соборъ выходятъ именно изъ предположенія такой связи, какъ безспорнаго факта, и на немъ основываютъ свои разсчеты. Я отрицаю этотъ фактъ и потому соборъ—если даже онъ, вопреки моему скепсису, будетъ когда-нибудь созванъ—считаю явленіемъ исторически, жизненно ничтожнымъ. Разъ въ церкви нѣтъ живыхъ творческихъ задатковъ ни для внутренняго религіознаго развитія, ни для активнаго вліянія на ходъ исторіи, то

странно было бы отъ одного церемоніальнаго скопленія въ Кремлѣ митроносныхъ головъ ждать небывалаго чуда. По жизненному результату это не болѣе, какъ одинъ изъ „освященныхъ соборовъ“, блистающихъ въ столичныхъ храмахъ въ любой изъ табельныхъ дней, только покрупнѣе калибромъ. Церковный парадъ, лишняя церемонія. Какъ вся вообще жизнь церкви протекаетъ теперь внѣ столбовой, торной дороги историческаго развитія, такъ и соборъ не можетъ считаться какимъ-то исключеніемъ. И соборъ есть такое же, такъ сказать провинціальное, внѣобщественное явленіе, могущее волноватъ только профессіонально-заинтересованные круги. Вѣдь на немъ не поставятъ ни одного насущнаго религіознаго вопроса: въ какія отношенія церковь и каждый отдѣльный христіанинъ должны стать къ задачамъ своей земной жизни и дѣятельности—къ любви, къ браку, семьѣ, обществу, имуществу, государству, къ созиданію культуры во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ? Замалчивать эти вопросы и угощать современнаго человѣка патріаршимъ клобукомъ равносильно издѣвательству надъ раздираніями его совѣсти. Хотя бы поставили на очередь одинъ изъ частныхъ, но жизненныхъ вопросовъ! Напримѣръ, если бы церковь, какъ о томъ напрасно мечталъ Вл. Соловьевъ, соборно отреклась отъ насильственной защиты ея вѣроисповѣданія и предоставила государству развязать совѣсть всѣхъ инаковѣрующихъ, или напр., сказала бы свое слово по поводу мукъ богословской совѣсти отъ невозможности соглашенія многихъ старыхъ традицій съ безспорными результатами историческихъ изысканій новѣйшей науки. Такъ вѣдь нѣтъ, все это будетъ обойдено, а при случаѣ будутъ испрошены новыя протекціонныя милости и положена вновь цензурная лапа на богословскую печать. Говоримъ это на основаніи фактическихъ данныхъ послѣдняго времени.

Уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ видно изъ всѣхъ предсоборныхъ подготовленій, что на соборѣ могутъ ставиться только специфически-церковные, профессіонально-бытовые вопросы: о митрополичьихъ округахъ, о приходѣ, о сословномъ духовномъ судѣ, о школахъ и миссіяхъ и т. п. Да и эти вопросы, при реакціонной постановкѣ собора, въ какой опять-таки никто не сомнѣвается, будутъ обернуты наиболѣе благопріятной стороной къ интересамъ епископской власти, а не церковнаго общества. Не спорю, наконецъ, что даже тѣ минимальныя, формально-юридическія преобразованія, на какія рѣшится соборъ, могутъ глубоко обрадовать наше искалѣченное, крайне терпѣливое и нетребовательное приходское духовенство, что

они собьютъ хотя одно кольцо повязокъ, наложенныхъ на приходскую жизнь и ея скромныхъ руководителей. Но до оживленія церкви отсюда еще слишкомъ далеко. Я бы даже сказалъ, что нѣтъ прямого перехода и пути. Жизнь церкви не создаётся минимальными прибавками гражданской свободы, къ каковымъ собственно и сводятся всѣ пожеланія духовенства отъ реформы въ консисторскомъ уставѣ и приходѣ. Жизнь церкви зависитъ отъ ея чисто-религіозныхъ потенцій. Если этотъ глубокій источникъ ослабѣлъ или изсякъ — а зловѣщіе признаки такого изсяканія я старался указать — то „всуе трудятся зиждущіе". Ни къ чему не поведетъ эта обывательская суета около приходскаго вопроса. Слишкомъ она близорука. Вѣдь въ ней капитальнымъ вопросомъ по мнѣнію главнаго трубадура приходскихъ идеаловъ, г. Папкова является завѣдываніе церковнымъ кошелькомъ. Не плохая ли это услуга репутаціи церкви ставить ея оживленіе въ зависимость отъ реформы въ завѣдываніи кошельковыми суммами?

И всѣ эти пастырско-мірянскія собранія и приходскіе совѣты, строго подконтрольныя епископской волѣ, не обѣщаютъ существеннаго плода опять въ силу той же глубокой первопричины, которая раздѣлила въ наше время религію и жизнь, увела воды жизни далеко отъ стѣнъ церковныхъ, оставивъ церковь на мели у сухого русла. Послушайте, что пишетъ не слишкомъ позитивный, откровенный о. Ѳ. Успенскій въ журналѣ „Приходская Жизнь" (декабрь 1907 г.):

„Мы знаемъ такіе приходскіе совѣты и даже пастырскія собранія, когда собираются, долго сидятъ, придумываютъ, чѣмъ бы оживить собраніе, но въ душахъ нѣтъ любви къ дѣлу Божію... и расходятся ни съ чѣмъ. Опять собираются, подготовляютъ даже вопросы, а возу все нѣтъ ходу. Совѣты только форма, можетъ быть прекрасная форма для сближенія и объединенія пастыря и прихожанъ. И это сближеніе желательно и необходимо, но оно само по себѣ еще не ручается за духовное возрожденіе прихода. Сближеніе... объединеніе... прекрасныя слова. Но сойтись вмѣстѣ, встать къ одному дѣлу не всегда значитъ объединяться. Вотъ, повидимому, чего ближе, какъ близко стоять у престола Божіяго священнослужители; но всегда ли есть духовное единеніе въ притчахъ, особенно въ соборныхъ и многолирныхъ? Повидимому, какое крѣпкое духовное единеніе должно бы быть, напримѣръ, въ монастыряхъ, куда сводитъ людей одна святая цѣль, гдѣ живутъ въ однѣхъ стѣнахъ, подъ одной кровлей, молятся въ одномъ храмѣ, кушаютъ за одной трапезой. Но всегда ли и здѣсь въ этомъ святомъ обществѣ, огражденномъ отъ міра и его соблазновъ, всегда ли между братіями есть духовное единеніе? Тамъ, гдѣ нѣтъ искренняго благочестія, гдѣ нѣтъ духа Христова, тамъ внѣшнее сближеніе нисколько не объединяетъ душъ; тамъ совѣты и собранія или пустая форма, или поводъ къ спорамъ и несогласіямъ. Дайте доброе, благочестивое настроеніе, тогда все живетъ. Насъ покрыла тьма отчужденія отъ евангельской вѣры и любви къ Богу и ближнимъ; вуженъ свѣтъ вѣры и огонь любви, а безъ нихъ никакими формами и реформами нельзя выбраться изъ тьмы, насъ подавляющей...

Авторъ уповаетъ только на помощь благодати Божіей. Да, именно эта точка зрѣнія религіозно-правильнѣе, чѣмъ внѣшнія надежды на внѣшнія заплатки къ обветшавшей церковной ризѣ, пришиваніемъ которыхъ предполагаетъ заняться соборъ.

Фактъ, что народъ, поскольку онъ начинаетъ живо захватываться религіозными переживаніями, въ большинствѣ находитъ себѣ выходъ во внѣ-церковныхъ организаціяхъ, въ сектахъ. Еще труднѣе помѣстить въ церкви свои религіозныя запросы и переживанія интеллигентнымъ единицамъ. Церковь такимъ образомъ остается съ однѣми косными массами, стоящими неподвижно на бытѣ и привычкахъ. Живыя силы разбиваются на отдѣльныя, быстро утекающія изъ церкви струи и, не сталкиваясь въ ея лонѣ, отнимаютъ надежду не только на серьезную реформу церкви, но и на реформацію, которая также можетъ возникнуть только на церковной почвѣ и при наличности заинтересованныхъ дѣломъ религіи церковныхъ массъ. Таковыхъ же въ настоящее время не обрѣтается не только въ силу указаннаго омертвѣнія церкви и не благодаря только разрыву между интеллигенціей и народомъ, но главнымъ образомъ потому, что человѣчество уже явно пережило свой прежній религіозный періодъ, періодъ массовыхъ, всенародныхъ религіозныхъ движеній, когда религіи и исповѣданія нераздѣльно сливались съ націями и культурами и когда личность безраздѣльно утопала въ этихъ грандіозныхъ соединеніяхъ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе исчезаетъ матеріалъ для религіозной стадности и возможности однообразныхъ религіозныхъ организацій въ формѣ внѣшнихъ церквей. Человѣчество индивидуализируется, и каждая личность до послѣдней степени борется за свою внутреннюю автономность. Время церквей и исповѣданій повидимому кончилось. Великія океаническія теченія стараго христіанства неудержимо дробятся на самыя разнообразныя потоки, за которыми не успѣваютъ двигаться традиціонныя народныя церкви. Послѣднія окаменѣваютъ и перестаютъ участвовать въ процессѣ религіознаго развитія, которому онѣ прежде служили. Живыя силы передовыми струйками убѣгаютъ изъ нихъ, и, повидимому, христіанству суждено судьбы дальнѣйшаго своего развитія связать не съ прежними исповѣданіями, а съ скромными по своимъ количественнымъ примѣтамъ групповыми движеніями, на плечи которыхъ падаетъ тяжелое и отвѣтственное бремя—пронести залогъ религіозныхъ цѣнностей сквозь полосу религіознаго безвременья вплоть до лучшихъ дней, вѣра въ наступленіе которыхъ не покинетъ вѣрующихъ, не

смотря на всѣ неблагопріятныя для дѣла религіи признаки настоящаго.

Само собою разумѣется, что всякому, кто религіозно не вмѣщается въ тѣсноту исповѣданія русской оффиціальной церкви, за вычетомъ напрасныхъ разсчетовъ на соборъ и наступленіе реформаціи, остается опираться только на самого себя. Время тихаго упокоенія въ лонѣ готовыхъ праотеческихъ вѣрованіе миновало безъ возврата.

А. Карташевъ.

III.

„Третья дума“—И. ПЕТРУНКЕВИЧА.

„Дни испытаній“—Ф. КОКОШКИНА.

„Мѣстное самоуправленіе“—Н. ЩЕПКИНА.

„Нужды деревни и Государственная Дума“—кн. Д. И. ШАХОВСКОГО.

„Еврейскій вопросъ и обновленіе Россіи“—О. ПЕРГАМЕНТА.

„Имперское единство и національный вопросъ“—М. СЛАВИНСКАГО.

Третья Дума.

Событія, пережитыя Россіей въ теченіе послѣдняго пятилѣтія, произвели глубокій переворотъ въ положеніи нашей страны. Мы испытали кровавую и безславную войну съ противникомъ, къ силамъ котораго относились съ полнымъ пренебреженіемъ, и затѣмъ прошли черезъ непрерывную цѣпь внутреннихъ потрясеній на всемъ протяженіи государства отъ Мурмана до Арарата и отъ Варшавы до Владивостока. Подобно тому, какъ японская война никѣмъ не предвидѣлась и захватила врасплохъ и нашу дипломатію, и наши военныя силы, такъ и революціонный потокъ для обычнаго наблюдателя и для руководителей нашихъ судебъ былъ полной неожданностью. Имъ казалось, что онъ возникъ не изъ пробудившагося народнаго сознанія, а подъ преступнымъ вліяніемъ „внутреннихъ враговъ". Поднявшись до высоты, которую никто не могъ ожидать, и прорвавъ старую и прогнившую плотину, онъ, этотъ потокъ, разлился по безконечной равнинѣ и также неожиданно утратилъ свою сокрушающую силу.

Теперь, когда гроза уже пронеслась, а сооруженіе новыхъ плотинъ въ полномъ ходу и еще далеко не закончено, можетъ быть, еще рано подводить итоги и оцѣнивать значеніе протекшихъ событій, но мы полагаемъ, что и теперь и возможно и необходимо разобраться въ положеніи, опредѣляющемъ ближайшія условія, въ которыхъ будетъ протекать многообразная жизнь нашей страны. Въ настоящей статьѣ мы коснемся только части этой сложной проблемы, а именно—политической стороны вопроса, считая это тѣмъ болѣе необходимымъ, что столкновеніе стараго и новаго режима и составляетъ сущность настоящаго момента.

Тотъ порядокъ вещей, въ которомъ теперь пребываетъ Россія, меньше всего можетъ быть сочтенъ за „государственный порядокъ", такъ какъ въ немъ не только отсутствуетъ идея права, но въ равной мѣрѣ отсутствуетъ и идея *единой* силы и *единой* воли, проявляемой одинаково на протяженіи всей имперіи. Единство силы и единство воли замѣнено ихъ множественностью и безконечнымъ разнообразіемъ.

Провинція, губернія, городъ, даже уѣздъ имѣютъ свою главу,

воля которой замѣняетъ законъ и всякое право. Для будущаго историка это мѣстное законодательство представитъ богатый матеріалъ государственной мудрости людей, въ рукахъ которыхъ была жизнь, честь, свобода и имущество гражданъ.

Такой порядокъ, конечно, менѣе всего совмѣстимъ съ новымъ государственнымъ строемъ, провозглашеннымъ 17 октября 1905 г. и съ основными законами, предполагаемая незыблемость которыхъ гарантируетъ и новый строй, и права гражданъ. Еще менѣе такое торжество силы гармонируетъ съ существованіемъ на ряду съ нею народнаго представительства, хотя и измѣненнаго указомъ 3 іюня, но сохранившаго свою законодательную роль. Во всемъ этомъ, однако, мы не находимъ основаній для того пессимизма, который предвидитъ разрушеніе всѣхъ надеждъ, одухотворявшихъ, такъ называемое, освободительное движеніе, не только не осуществимыхъ, но и тѣхъ, которыя заключали въ себѣ вполнѣ назрѣвшее и реально необходимое. Естественно, что люди, принимавшіе въ немъ участіе, переоцѣнившіе его силу и дѣйствительное значеніе, увлеченные его высокой волной и неожиданно выброшенные на берегъ, не чувствуютъ себя побѣдителями. Но такое субъективное чувство не представляетъ особенной цѣнности, ибо освободительное движеніе должно оцѣниваться не по формамъ, въ которыя оно вылилось, не по бурности своего перваго натиска, а по значенію и силѣ тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ глубинахъ народнаго духа, гдѣ образовался первый потокъ и гдѣ таится все содержаніе будущей исторіи Россіи.

Странно было бы думать, что обветшавшіе политическіе и соціальные устои, составляя вѣковую основу быта страны, уступятъ мѣсто новымъ безъ борьбы. Съ ними связано слишкомъ много интересовъ сословныхъ, классовыхъ и личныхъ, интересовъ власти и господства, наконецъ, привычекъ, понятій и вѣрованій. Нельзя одной волной смыть все накопленное вѣками, смыть не только то, что уже превратилось въ совершенный мусоръ, но и то, что еще уцѣлѣло и прочно держится. Историческая эволюція рѣдко идетъ такими скачками и менѣе всего такого полнаго переворота можно было ожидать у насъ, гдѣ народныя массы едва начинаютъ выходить изъ мрака невѣжества и рабства и гдѣ народное движеніе по необходимости принимаетъ стихійный характеръ и не вкладывается въ спокойныя, правомѣрныя, а потому и болѣе упорныя формы борьбы. Какими бы ярлыками и доктринами ни украшали такое стихійное движеніе, оно сохраняетъ свою природу и свою слабость и заранѣе обречено на неудачу, особенно когда встрѣ-

частъ организованное противодѣйствіе. Первое замѣшательство и растерянность власти и всѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ сохраненіи стараго режима, быстро прошло, и стихія встрѣтилась не только съ давно организованной бюрократіей, не пожелавшей капитулировать, но съ цѣлыми слоями общества, корни которыхъ питаются въ той же почвѣ, изъ которой получаетъ свои соки и правящія сферы. Побѣда послѣднихъ въ этомъ столкновеніи силъ была неизбѣжна, точно такъ же какъ неизбѣжно въ концѣ концовъ торжество идей права и новыхъ формъ народной жизни, разъ ихъ необходимость проникла въ сознаніе и чувство народа.

Стихійный натискъ, хотя подрылъ старые устои, но вызвалъ наружу и привелъ въ движеніе всѣ дремавшія силы, всѣ страсти, обострилъ всѣ интересы и бросилъ ихъ другъ на друга въ общую свалку, въ которой страна можетъ погибнуть, но не можетъ ни укрѣпить государственную мощь, ни обезпечить право и свободу гражданъ.

Для торжества права и свободы, одинаково нужныхъ для государства и для общества, необходимо, чтобы борьба измѣнила свои способы, чтобы она отказалась отъ употребленія пріемовъ физическаго состязанія и обратилась къ борьбѣ идей на почвѣ права.

Терроръ снизу, какъ и терроръ сверху, ни на шагъ не приближаетъ насъ къ обновленію государственнаго строя и разрѣшенію политическихъ и соціальныхъ задачъ. Напротивъ, скорѣе онъ отодвигаетъ ихъ рѣшеніе, затемняя ихъ сущность и внося ожесточеніе и животную злобу въ культурную борьбу. Поэтому, намъ представляется одинаково безплодной и правительственная политика голой силы и жестокой репрессіи, и терроръ снизу, направляющій свои удары на отдѣльныхъ лицъ, но совершенно безсильной измѣнить порядокъ вещей. И политика силы и репрессіи сверху, и терроръ снизу подготовляютъ не рѣшеніе политическихъ и соціальныхъ задачъ, не спокойную эволюцію общественной и государственной жизни, а новый катаклизмъ со всѣми его непредвидимыми послѣдствіями.

Если въ этомъ отношеніи были возможны иллюзіи два года назадъ, то теперь и побѣдители и побѣжденные должны были бы понять всю опасность господства силы тамъ, гдѣ должно имѣть мѣсто только право, и если иллюзіи побѣжденныхъ не осуществились, то и увѣренность побѣдителей въ уничтоженіи смуты до сихъ поръ не оправдалась, а страна представляетъ печальное зрѣлище погромовъ, убійствъ, грабежей, смертныхъ казней, словомъ, общей деморализаціи сверху до низу. Развѣ такое состояніе можетъ продолжаться до безконечности? Развѣ деморализація уменьшается, а

не множится? И развѣ факты не кричатъ ежедневно, что путь, которымъ мы идемъ, безсмысленъ, что онъ разрушаетъ и общество, и государство? Хаосъ, въ которомъ мы живемъ, неизбѣжно приведетъ насъ къ маразму и разложенію. Только рѣшительный переходъ на почву права и признаніе безусловной цѣнности человѣческой жизни и личности, господства равнаго для всѣхъ закона и сознанія допустимости лишь закономѣрной борьбы выведетъ насъ изъ той трясины, въ которую мы все болѣе погружаемся.

Поскольку необходимы для этого внѣшнія условія,—онѣ уже имѣются и заключаются въ фактѣ существованія народнаго представительства, не смотря на метаморфозы, какія оно переживаетъ. Манифестъ 17 октября навсегда останется русской освободительной хартіей и отправнымъ пунктомъ преобразованія устоевъ государственнаго строя, краеугольнымъ камнемъ котораго можетъ быть только народное представительство. Это величайшая побѣда, одержанная правосознаніемъ народа, и плоды ея никогда не могутъ быть уничтожены, сколько бы ни пытались влить старое, уже омертвѣвшее, содержаніе въ его жизненныя формы. Точно также никогда не удастся привить къ живому стволу конституціоннаго дерева искусственный „русскій цвѣтокъ“ взамѣнъ европейскаго, но живого цвѣтка, о которомъ съ такимъ пренебреженіемъ говорилъ съ думской трибуны предсѣдатель совѣта министровъ.

Молчаливое отношеніе народныхъ массъ къ роспуску двухъ первыхъ думъ не свидѣтельствуетъ, конечно, объ ихъ равнодушіи къ судьбамъ народнаго представительства, какъ не подтверждаетъ и противуположное мнѣніе. Это загадка народной души. Однако, именно оно легло въ основаніе тѣхъ перемѣнъ въ организаціи представительства, которыя только измѣнили соотношеніе борющихся силъ, но не предрѣшили исхода борьбы, когда она усвоитъ правомѣрные способы.

Хотя указъ 3 іюня умалилъ права народнаго представительства, гарантированныя основными законами, хотя разъясненіями сената и административными мѣрами правительства избирательныя права были сужены, а свобода выборовъ совершенно устранена; несмотря, наконецъ, на то, что составъ третьей Думы представляетъ огромное преобладаніе землевладѣльческаго класса, наскозь пропитаннаго духомъ реакціи и своихъ классовыхъ интересовъ, несмотря на все это и вопреки этому, идея народнаго представительства заключаетъ въ себѣ такую жизненную силу, что выдержитъ всѣ испытанія и проложитъ широкій путь для осуществленія общенародныхъ идеаловъ.

Это хорошо понимали приверженцы и представители стараго режима еще до рожденія первой Думы, и не пѣстовать ее они собрались, а приняли всѣ мѣры, чтобы погубить самый смыслъ народнаго представительства.

Пусть утверждаютъ, что двѣ первыя Думы обнаружили свою полную несостоятельность и безповоротно скомпрометировали себя, исторія разсудитъ иначе и согласится съ тѣмъ, что ихъ широкіе планы и желаніе заложить прочный фундаментъ дѣйствительнаго обновленія Россіи разбились въ столкновеніи съ крѣпко сплотившейся силой интересовъ, связанныхъ съ старымъ порядкомъ, не желавшей безъ отчаяннаго сопротивленія уступить мѣсто новому порядку вещей. Тѣмъ не менѣе, возврата къ прошлому не было и не могло быть, потому что новый порядокъ и существованіе народнаго представительства оказались необходимыми не только въ интересахъ свободы и культурнаго развитія страны, но и въ интересахъ самой государственной власти, международнаго положенія Россіи и болѣе всего въ интересахъ внѣшняго кредита, безъ котораго могуществу государства былъ-бы нанесенъ неотвратимый ударъ. Сочли возможнымъ нарушить основные законы и измѣнить избирательный законъ, но отмѣнить народное представительство оказалось невозможнымъ. И если бы даже революціонному консерватизму когда нибудь удалось осуществить свое безумное желаніе и отнять у Думы ея законодательныя права, то это былъ-бы лишь минутный успѣхъ, такъ какъ идея представительства и участія черезъ него страны въ законодательной власти уже вылилась въ народномъ сознаніи въ конкретный образъ, который никогда не будетъ забытъ.

Третья Дума, благодаря своему узко-сословному составу, не возбуждаетъ въ широкихъ кругахъ населенія ни симпатій, ни надежды, ни даже вниманія, какія возбуждали первыя двѣ Думы. И тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, именно этой Думѣ, съ ея помѣщичьимъ составомъ и реакціоннымъ духомъ, съ ея готовностью принести всѣ жертвы въ интересахъ усиленія исполнительной власти и склонностью жертвовать интересами свободы, съ ея предупредительностью къ желаніямъ правительства и равнодушіемъ къ достоинству народнаго представительства, съ ея дутымъ національнымъ и презрѣніемъ къ своему собственному народу, именно этой самой Думѣ предстоитъ, вопреки ея намѣреніямъ и желаніямъ, выполнить задачу укрѣпленія конституціоннаго строя, самаго упоминанія о которомъ она старалась избѣгнуть въ своемъ адресѣ.

Третья Дума гордится тѣмъ, что непохожа на двухъ своихъ предшественницъ. Тѣ думали, что обновленіе Россіи требуетъ ко-

ренныхъ реформъ. Она думаетъ иначе. По высотѣ своего государственнаго міровоззрѣнія и по свойству представленныхъ ею интересовъ въ ея задачи не входятъ ни политическія, ни соціальныя реформы, которыя могли бы сообщить жизненный импульсъ быстрому возрожденію народныхъ силъ. Да она и не могла бы выполнить такую задачу, если бы даже пожелала: это дума переходнаго состоянія, приспособленія народнаго представительства къ старому бюрократическому порядку. Послѣднее могло бы представлять опасность для дальнѣйшаго развитія конституціоннаго строя, еслибы ходъ вещей зависѣлъ только отъ намѣреній мелкихъ самолюбій и желанія поддержать естественно разлагающійся патріархально-бюрократическій порядокъ. Между представительнымъ и автократическимъ строемъ существуетъ непримиримый антагонизмъ, заключающійся въ самой ихъ сущности, и конечный исходъ ихъ борьбы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Поэтому, нѣтъ причинъ опасаться за роль третьей Думы въ исторіи нашего политическаго развитія, ибо ея роль зависитъ не отъ ея доброй воли. Жизнь не останавливается и непрерывно выдвигаетъ безконечный рядъ вопросовъ, которые Дума вынуждена рѣшать. Какъ бы Дума ни относилась къ нимъ—положительно или отрицательно,—помимо своей воли она становится лабораторіей, гдѣ на виду у всѣхъ формируется политическая мысль не только самой Думы, но и всей страны, предъ которой обнажаются всѣ язвы, тщательно скрывавшіяся до сихъ поръ и доведшія Россію до тѣхъ бѣдствій, которыя она пережила.

Если Дума въ своей работѣ ничему не научится, и политическое развитіе страны пойдетъ помимо нея, то все-же ея тусклая жизнь не будетъ безплодна, такъ какъ ея трибуна останется очагомъ, на которомъ будетъ поддерживаться тлѣющій жертвенный огонь. Мы думаемъ, однако, что общественное мнѣніе пробьетъ свою дорогу и въ третью Думу, и надъ его вліяніемъ она по меньшей мѣрѣ обезвредитъ революціонный консерватизмъ и создастъ у правительства привычку считаться съ народнымъ представительствомъ. Но она можетъ сдѣлать нѣчто большее, если пожелаетъ опереться на общественное мнѣніе, или же она окончательно скомпрометируетъ не народное представительство, а тѣ слои населенія, которымъ досталось оно въ качествѣ привиллегіи, и такимъ образомъ проложитъ широкую дорогу демократіи.

Ив. Петрункевичъ.

Дни испытаній.

Въ горы уводятъ дороги.
Трупы лежатъ на пути.
Гдѣ же вы, старые боги?
Мы ужъ устали итти!

Не знаю, думалъ ли поэтъ, написавшій эти строки, о современномъ политическомъ положеніи, о томъ настроеніи, которое, зародившись послѣ первыхъ разочарованій освободительнаго движенія, съ тѣхъ поръ постоянно росло и въ послѣднее время захватило широкіе слои русскаго общества, но трудно найти слова, которыя бы такъ ярко и картинно передавали это настроеніе. Они несравненно глубже и вѣрнѣе той поверхностной метафоры о „разбитомъ корытѣ“, которая, съ легкой руки петербургскаго офиціоза, обошла почти всю нашу печать. Да, путь становится все круче и тернистѣе. Безчисленны оставшіяся позади жертвы, и не видно имъ конца впереди. А цѣль, еще недавно казавшаяся столь близкой, исчезаетъ изъ глазъ въ сумракѣ надвинувшагося безвременья. И въ этомъ мракѣ, среди этого мертваго затишья, лишь время отъ времени оглашаемаго воемъ тѣхъ „шакаловъ“ русской общественности, о которыхъ когда-то такъ краснорѣчиво говорилъ покойный князь Трубецкой и которые снова вышли изъ своихъ норъ, сжимается сердце и опускаются руки у самыхъ сильныхъ и стойкихъ. Унынie и безнадежное спокойствіе отчаянія закрадываются въ душу, слабѣетъ вѣра въ „старыхъ боговъ“, въ тѣ великіе идеалы, которые въ теченіе почти цѣлаго столѣтія были путеводными звѣздами для многихъ поколѣній, вѣра въ свободу, въ народъ. Не удивительно, что при такомъ настроеніи бѣгство отъ политики грозитъ стать почти общимъ лозунгомъ времени. Одни бѣгутъ отъ нея къ знакомому, испытанному и въ свое время опостылѣвшему прошлому, къ безбурному и безмятежному, вмѣстѣ съ

тѣмъ безцвѣтному и безотрадному прозябанію русскаго средней руки обывателя 90-хъ годовъ. Другіе ищутъ прибѣжища въ религіозныхъ и эстетическихъ исканіяхъ, въ чистомъ искусствѣ или въ отвлеченной наукѣ. Авторитетные голоса заявляютъ право на свободу отъ политики, протестуютъ противъ ея „гегемоніи“ во имя „культуры“, забывая, что политика есть необходимое отраженіе въ области воли и дѣйствія того, что пріобрѣтается духовной культурой въ области мысли и чувства, что культура безъ политики мертвѣетъ, какъ вѣра безъ дѣлъ, что даже у великаго олимпійца Гете извѣдавшій все доступное человѣку Фаустъ только въ моментъ усилія воли, направленной къ общему благу, ощущаетъ полноту бытія, только въ этотъ моментъ восклицаетъ: „Остановись мгновенье—ты прекрасно“!

1.

Конечно, послѣ той огромной затраты общественныхъ силъ, послѣ тѣхъ напряженныхъ и непривычныхъ для русскаго человѣка порывовъ энергіи, свидѣтелями которыхъ были только что минувшіе годы, и въ особенности, послѣ того крушенія, которое постигло связанныя съ этими порывами надежды, современное настроеніе психологически вполнѣ понятно. Но, если въ преувеличенныхъ надеждахъ и радужныхъ мечтахъ недавняго прошлаго сказывалась наша политическая неопытность, то въ еще большей мѣрѣ она сказывается въ „духѣ праздности и уныніи“, овладѣвшемъ обществомъ въ послѣднее время. И эта вторая ошибка гораздо болѣе пагубна и гораздо менѣе извинительна, чѣмъ первая. Такъ называемыя „увлеченія“ освободительнаго движенія 1904—1905 гг. были не только психологически неизбѣжны, но и исторически необходимы. Тѣ политическіе мудрецы заднимъ числомъ, которые такъ сурово осуждаютъ ихъ теперь, забываютъ, что безъ той горячей вѣры и надежды, которые охватили страну три года тому назадъ, нельзя было бы достигнуть и того, что было достигнуто, нельзя было бы пробудить широкіе слои населенія отъ вѣковой политической спячки и облечь его смутное недовольство и стихійныя, неясныя стремленія въ опредѣленныя политическія формы. Какъ человѣкъ, переплывающій на лодкѣ рѣку, долженъ править къ пункту, лежащему выше того мѣста, къ которому онъ пристанетъ въ дѣйствительности, такъ и широкія общественныя дви-

женія, составляющія поворотные пункты въ исторіи, всегда вдохновляются болѣе широкими цѣлями, нежели тѣ, на осуществленіе которыхъ можно навѣрное разсчитывать въ данный моментъ и потому дѣятелямъ освободительнаго движенія нѣтъ основанія отворачиваться отъ своего недавняго прошлаго и раскаиваться въ томъ, что они не слѣдовали оппортунистической политикѣ маленькихъ шаговъ впередъ, но развернули передъ страной всю свою программу ближайшаго будущаго. Но еще менѣе основанія теперь, когда теченіе реакціи снесло насъ ниже, чѣмъ мы ожидали, бросать въ отчаяніи всесла и отдаваться на волю потока. Лишь крайнимъ недостаткомъ политическаго опыта или перевѣсомъ голоса оскорбленныхъ чувствъ и обманутыхъ надеждъ надъ голосомъ разсудка можно объяснить безнадежный пессимизмъ, царящій теперь среди русской интеллигенціи, пессимизмъ, доходящій до сомнѣнія въ способности русскаго народа къ правильной политической жизни, до возвращенія къ той страшной мысли, которая когда-то терзала Чаадаева: а что, если Россія призвана своей исторіей дать лишь „устрашающій примѣръ народамъ, до чего отчужденье и самовластье довести могутъ?“

Безспорно, трудно подавить въ себѣ голосъ чувства, горечь разбитыхъ надеждъ и несбывшихся стремленій. Но если мы попробуемъ подняться выше непосредственныхъ, личныхъ ощущеній и взглянуть на дѣло глазами холоднаго безстрашнаго историка, то современное положеніе вещей не будетъ насъ поражать и повергать въ отчаяніе. Мы спросимъ тогда себя: „А чего же другого можно было ожидать“? Гдѣ, въ какой странѣ политическія и соціальныя потрясенія, подобныя только что пережитому нами, не сопровождались реакціей? Стоитъ вспомнить Англію при Кромвеллѣ и послѣднихъ Стюартахъ, Францію при Наполеонѣ I и въ эпоху реставраціи, ту же Францію послѣ революціи 1848 года и въ болѣе близкое къ намъ время при Тьерѣ и Макъ-Магонѣ, Германію и Австрію въ 50-хъ годахъ, чтобы убѣдиться, что судьба нашего освободительнаго движенія не представляетъ собой ничего неожиданнаго и своеобразнаго, что ее нельзя объяснять какими-либо специфическими свойствами русскаго народа, что политическое развитіе у насъ идетъ, въ общемъ, тѣми же путями, какими оно шло на западѣ.

Нельзя даже утверждать, чтобы господствующая у насъ нынѣ реакція превосходила подобныя же реакціи на Западѣ своей силой и интенсивностью или отличалась отъ нихъ какими-либо небыва-

лыми формами борьбы съ общественнымъ протестомъ. Ничто не ново подъ луной. Все, что переживаемъ мы теперь, административныя ссылки, безконечные политическіе процессы, военные суды, закрытіе газетъ, воспрещеніе собраній, преслѣдованіе оппозиціонныхъ партій, искусственный составъ парламента, зависимость его отъ правительства,—все это переживали нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и наши западные сосѣди и иногда въ болѣе сильной степени, чѣмъ теперь мы. Многія изъ нынѣшнихъ мѣропріятій противъ „антиправительственнаго направленія“ цѣликомъ заимствованы изъ системы Наполеона III, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шла еще дальше, чѣмъ нашъ современный режимъ. Укажемъ для примѣра одну характерную черту, относящуюся къ положенію печати. Въ 1852—1860 г. г. во Франціи отчеты о засѣданіяхъ палаты совсѣмъ не опубликовывались, съ 1860 г. они стали печататься въ официальномъ органѣ, а въ 1868 г. ихъ было разрѣшено печатать въ частныхъ газетахъ, но безъ всякихъ комментаріевъ. Но нигдѣ контръ-революціи, какъ бы сильны и ожесточенны онѣ ни были, не въ силахъ были повернуть назадъ ходъ исторіи; вездѣ онѣ лишь временно задерживали неизбѣжное и неудержимое развитіе конституціонныхъ и демократическихъ учрежденій. И мы не имѣемъ никакихъ причинъ предполагать, что у насъ въ Россіи эволюція пойдетъ инымъ путемъ. Это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы мы совершенно отказались отъ вѣры въ русскій народъ, признали его, по примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, простымъ племеннымъ матеріаломъ, лишеннымъ всякихъ творческихъ силъ и предназначеннымъ лишь служить удобреніемъ для высшей культуры болѣе одаренныхъ націй. Но кто же рѣшится сказать это, и именно теперь послѣ всего пережитаго нами за послѣдніе годы? Народъ, который послѣ двухъ съ половиной вѣковъ бюрократическаго абсолютизма, находясь въ самыхъ неблагопріятныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ, обнищавшій, разоренный, раскиданный на огромныхъ пространствахъ среди суровой природы, сумѣлъ, несмотря на все это, сознать свое положеніе, поднять огромное политическое движеніе, достигнуть въ теченіе короткаго времени перемѣны формы правленія, сравнить и оцѣнить различныя политическія программы и избрать народное представительство, отвѣчающее его интересамъ,—такой народъ сумѣетъ, конечно, отстоять и развить свою гражданскую и политическую свободу. Пусть лишь тѣ, кто вызвались

быть его вождями, не оставляютъ начатаго дѣла, не отходятъ отъ плуга въ трудныя времена.

Грядущее торжество конституціонныхъ и демократическихъ началъ въ Россіи неизбѣжно, и всѣ противники этихъ началъ, начиная отъ явныхъ абсолютистовъ и кончая защитниками „призрачнаго конституціонализма“, отстаиваютъ безнадежно проигранное дѣло. Быть можетъ, наиболѣе умные изъ нихъ и понимаютъ это и, какъ евангельскіе злые духи, „вѣруютъ, и трепещутъ“. Они спокойны и торжествуютъ теперь только потому, что не вѣрятъ въ близость поворота; ихъ расчеты построены лишь на ближайшемъ будущемъ. „Послѣ насъ хоть потопъ“. А если онъ наступитъ и при насъ, то вѣдь можно своевременно перемѣнить фронтъ. Вѣдь появились же у насъ на другой день послѣ 17 октября „старые конституціоналисты“, о конституціонныхъ убѣжденіяхъ которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ. Будьте покойны, въ будущемъ явятся и „старые парламентаристы“ и „старые демократы“ подобнаго же сорта. Явятся и такіе, которые подобно французскому усмирителю Галифэ скажутъ: „Я служилъ вѣрно тогдашнему большинству, я такъ же вѣрно буду служить и нынѣшнему“.

Конечно, побѣда конституціонныхъ и демократическихъ началъ не упадетъ къ намъ съ неба; для того, чтобы достигнуть ея, потребуется упорный трудъ и тяжелая борьба.

Отъ стойкости, энергіи и мудрости оппозиціи въ эти дни испытанія будетъ зависѣть и срокъ этого испытанія. Трудно, конечно, быть пророкомъ, но многое говоритъ въ пользу того, что при этихъ условіяхъ срокъ будетъ не такъ великъ, какъ кажется многимъ теперь, что періодъ реакціи у насъ будетъ гораздо менѣе, чѣмъ у многихъ европейскихъ народовъ въ аналогичные моменты ихъ исторіи. Чтобы притти къ такимъ предположеніямъ нужно лишь отрѣшиться на минуту отъ тѣхъ чувствъ и воспоминаній, которыя невольно влекутъ насъ къ пессимизму, и взглянуть на положеніе съ точки зрѣнія холоднаго разсудка.

2.

Прежде всего нужно разъ навсегда отказаться отъ сказки „о разбитомъ корытѣ“. Эта метафора взята именно изъ области чувствъ; она вызвана злораднымъ торжествомъ у однихъ, горькой

иронiей разочарованiя у другихъ. Утверждать, что освободительное движенiе не достигло ничего, что теперь приходится „начинать все сызнова“,—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность. Пробужденiе политическаго самосознанiя широкихъ слоевъ населенiя, переворотъ въ его политическомъ міросозерцанiи—вотъ первый огромный результатъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, результатъ, колоссальное значенiе котораго не умаляется тѣмъ, что при настоящихъ условiяхъ политическая мысль народа прячется и уходитъ вглубь. Было бы, конечно, наивно предполагать, что всѣ юридическiя положенiя, изъ которыхъ слагается конституцiонный строй, ясно усвоены народной массой. Этого нѣтъ еще и во многихъ государствахъ западной Европы, уже десятки лѣтъ живущихъ конституцiонной жизнью. Но нѣтъ сомнѣнiя, что самая идея народнаго представительства успѣла прочно войти въ народное правосознанiе. Это—важнѣйшiй результатъ дѣятельности двухъ первыхъ думъ. Если бы первая дума походила по своему составу на третью, она, быть можетъ, существовала бы благополучно по сiе время. Но идея народнаго представительства, какъ органа народныхъ нуждъ и стремленiй, осталась бы тогда чуждой народу. Представительный строй могъ бы тогда, дѣйствительно, получить характеръ „иноземнаго цвѣтка, искусственно привитаго къ русскому стволу“; онъ былъ бы, вѣроятно, надолго обреченъ оставаться тонкимъ налетомъ на поверхности русской жизни, не имѣющимъ корней въ глубинѣ ея. Теперь эти корни есть и, хотя въ настоящiй моментъ они оторваны отъ „цвѣтка“, но при перемѣнѣ условiй, они дадутъ быстрые и сильные побѣги.

Неизбѣжное въ будущемъ введенiе широкаго избирательнаго права встрѣтитъ почву, подготовленную двумя первыми избирательными кампанiями, которыя не могли не оставить глубокаго слѣда въ политическомъ самосознанiи населенiя.

Но не говоря уже объ этомъ, хотя невещественномъ и неосязаемомъ, но безконечно цѣнномъ наслѣдствѣ пережитой нами бурной эпохи, нельзя также серьезно утверждать, что она ничего не оставила намъ въ практической области законодательства и реальныхъ общественныхъ отношенiй. Правда, обѣщанныя въ манифестѣ 17 октября свободы остаются еще въ области пожеланiй, и во многихъ отношенiяхъ граждане благодаря почти повсемѣстному дѣйствiю исключительныхъ законовъ фактически обезпечены противъ произвола даже еще менѣе, чѣмъ въ послѣдне годы абсолютизма, во времена Плеве. Изъ из-

мѣненій, происшедшихъ въ области личныхъ правъ гражданъ, реальное содержаніе имѣютъ лишь расширеніе вѣротерпимости, и уравненіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ низшихъ сословій съ привилегированными указомъ 5 октября 1906 года. Но въ сравненіи со всей массой неудовлетворенныхъ нуждъ въ области гражданской свободы и гражданскаго равенства, практическое значеніе этихъ мѣръ совершенно ничтожно. Я не буду также выдвигать въ качествѣ положительнаго результата освободительнаго движенія частное улучшеніе въ распредѣленіи землевладѣнія въ видѣ массоваго перехода помѣщичьихъ зомель въ руки крестьянства и пониженія арендныхъ цѣнъ на землю, такъ какъ конечный исходъ этого процесса находится въ зависимости отъ обоюдоострой земельной политики, клонящейся къ насильственному уничтоженію крестьянской общины и, въ случаѣ успѣха этой политики, перемѣщеніе земельной собственности можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться исключительно на пользу зажиточнаго меньшинства крестьянскаго населенія и завершиться грандіознымъ обезземеліемъ большинства. Но, рискуя вызвать страстныя возраженія, я считаю несомнѣннымъ, что Основные Законы и учрежденіе Государственной Думы, даже при положеніи о выборахъ 3 іюня, представляютъ огромное пріобрѣтеніе освободительнаго движенія, какъ ни далеко они остаются позади идеаловъ этого движенія. При оцѣнкѣ этого пріобрѣтенія не остывшія еще чувства и воспоминанія недавняго прошлаго берутъ верхъ надъ объективнымъ историческимъ взглядомъ. Основные Законы сравниваютъ съ партійными программами, третью Думу съ первой, положеніе 3 іюня съ закономъ 11 декабря. Иначе говоря, подводя итоги борьбы, сличаютъ ихъ не съ начальнымъ моментомъ этой борьбы, а съ промежуточными ея стадіями или даже съ надеждами и стремленіями ея участниковъ. На этой логической ошибкѣ и основана сказка о „разбитомъ корытѣ“. Но если мы встанемъ на объективно-историческую точку зрѣнія и сравнимъ существующій политическій строй не съ тѣмъ, чего мы желаемъ и добиваемся, и не съ тѣмъ, что мы имѣли временно, въ моменты, наиболѣе благопріятные для освободительнаго движенія, а съ положеніемъ, предшествовавшимъ этому движенію, съ двумя съ половиной вѣками абсолютизма, то мы должны будемъ признать значительный шагъ, сдѣланный впередъ по пути политической эволюціи. Правда, нашъ парламентъ сейчасъ находится въ рукахъ явныхъ враговъ конституціи и ея слишкомъ недавнихъ и слишкомъ сомнительныхъ сторонниковъ,

такъ же какъ это было во Франціи во времена знаменитой chambre introuvable. Выходитъ, какъ будто освободительное движеніе работало для своихъ противниковъ, которые воспользовались его пріобрѣтеніями. Съ этой точки зрѣнія высказывается иногда даже мнѣніе, что для будущаго политической и гражданской свободы временный перерывъ конституціонной жизни былъ бы, можетъ быть, предпочтительнѣе реакціоннаго парламента. Но съ этимъ взглядомъ едва ли можно согласиться. Нельзя забывать, что при всей важности правильной системы выборовъ и широкаго представительства населенія въ законодательномъ собраніи, важенъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый конституціонный принципъ, и что сила и прочность этого принципа зависитъ, между прочимъ, отъ привычки къ нему, отъ продолжительности его дѣйствія, хотя бы даже и формальнаго. И потому при всей скудости содержанія дѣятельности третьей Думы, каждый день ея существованія полезенъ, ибо онъ укрѣпляетъ конституціонную идею. Опасаться того, что нынѣшнее думское большинство своимъ откровеннымъ классовымъ эгоизмомъ скомпрометируетъ эту идею въ глазахъ широкихъ круговъ населенія, едва ли есть основаніе. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени важно, что нынѣшней Думѣ предшествовали двѣ первыя. Населеніе уже знаетъ, чѣмъ можетъ быть народное представительство, и, если партіи, господствующія нынѣ въ парламентѣ, обнаруживаютъ неумѣнье справляться съ законодательной работой, нежеланіе выдвигать коренные вопросы жизни, требующіе настоятельно разрѣшенія, и вмѣсто этого наполняютъ свое время мелочами и безплодными демонстраціями, то всѣмъ этимъ онѣ дискредитируютъ только самихъ себя, но не идею народнаго представительства, знакомую населенію и по другимъ образцамъ. Съ другой стороны, не только „октябристы“, но даже и „правые“, невольно, въ силу самаго своего положенія, вынуждены отстаивать права Думы и даже стремиться къ расширенію ихъ, что выражается, напримѣръ, очень ярко по отношенію къ вопросамъ государственной обороны и иностранной политики. И именно тутъ роли двухъ лагерей, на которые дѣлится русское общество, мѣняются. Если можно сказать, что плоды освободительнаго движенія достались его противникамъ, то съ не меньшимъ правомъ можно утверждать, что нынѣшнее думское большинство, противъ своего желанія, работаетъ для будущаго демократическаго представительства, подобно тому, какъ французскіе *ultras* 1815 года вводили въ практику парламентаризмъ, послужившій позднѣе либераламъ.

Сравнивая нашу контръ-революціонную эпоху съ подобными же періодами въ исторіи западной Европы, нельзя не отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обстоятельства у насъ сложились благопріятнѣе, нежели въ сходные моменты жизни многихъ западныхъ народовъ. Въ Австріи, послѣ подавленія революціи 1848 года, представительныя учрежденія были совершенно уничтожены и наступилъ десятилѣтній періодъ чистаго абсолютизма. Во французской chambre introuvable демократической оппозиціи не было совершенно; подавляющее большинство составляли крайніе реакціонеры, меньшинство—весьма умѣренные либералы. Позднѣе, послѣ декабрьскаго переворота 1851 г., французская парламентская оппозиція начала свое существованіе въ числѣ 5 депутатовъ. У насъ, несмотря на избирательную систему, приспособленную на основаніи опыта прежнихъ выборовъ къ тому, чтобы дать полную побѣду „правымъ“ несмотря на репрессіи и гоненія независимыхъ партій, несмотря на утомленіе и запуганность населенія, несмотря на эксцессы революціоннаго движенія,—оппозиціи принадлежитъ почти треть мѣстъ въ Думѣ.

Я не отрицаю, что дума въ ея современномъ положеніи и составѣ, хотя бы съ нѣсколько лучшими перспективами въ будущемъ, представляется пріобрѣтеніемъ слишкомъ незначительнымъ въ сравненіи съ массой затраченныхъ усилій и понесенныхъ жертвъ, что практическій результатъ освободительнаго движенія купленъ слишкомъ дорогой цѣной. Замѣчу только, что при подобныхъ обстоятельствахъ такъ было вездѣ. Даръ экономіи силъ, умѣніе въ силу сознательнаго разсчета или вѣрнаго инстинкта соразмѣрять ихъ затрату съ достижимыми въ данный моментъ задачами, дается народамъ только политическимъ опытомъ, и этотъ собственный опытъ нельзя замѣнить уроками исторіи и примѣрами другихъ народовъ. Онъ не можетъ быть заимствованъ, онъ долженъ быть пережитъ.

3.

Упоминая о государственной думѣ, какъ о пріобрѣтеніи освободительнаго движенія, я далекъ отъ мысли видѣть въ думѣ весь ключъ современнаго положенія. Напротивъ, я полагаю, что въ настоящее время значеніе ея весьма ограничено. Укрѣпленіе конституціоннаго принципа силою привычки, это, пожалуй даже все, чего можно отъ нея желать и добиваться.

Вопросы, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшій ходъ нашего политическаго и соціальнаго развитія, рѣшаются сейчасъ и будутъ рѣшаться въ ближайшемъ будущемъ внѣ думы. Въ лучшемъ для нея случаѣ, она будетъ служить лишь отраженіемъ этихъ рѣшеній.

Каковы же будутъ эти рѣшенія? По какому пути должна направиться сейчасъ наша политическая жизнь?

Не берясь за рискованную вообще и въ особенности въ данный моментъ роль предсказателя, можно однако съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что современное политическое положеніе, „мертвая зыбь“, наступившая послѣ бури, представляетъ собой состояніе крайне неустойчиваго равновѣсія, которое не можетъ длиться долго. Эта неустойчивость ясно чувствуется всѣми, она, можно сказать, виситъ въ воздухѣ.

Съ легкой руки соціалистической литературы представленіе о политическомъ строѣ, какъ о реальномъ соотношеніи силъ борющихся общественныхъ классовъ, получило широкую популярность въ нашемъ обществѣ и проникло даже въ слои его, казалось бы, менѣе всего склонные къ подобнымъ взглядамъ. Пишущему эти строки нѣсколько лѣтъ тому назадъ довелось лично слышать отъ одного изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ дословное повтореніе опредѣленія конституціи, даннаго Лассалемъ въ его извѣстной рѣчи (кстати сказать, тогда только что появившейся въ дешевомъ русскомъ переводѣ). Съ этой точки зрѣнія недавно у насъ признавали главной, если не единственной „реальной силой“ народныя массы, крестьянство и городской пролетаріатъ. Съ этой же точки зрѣнія господствующая нынѣ реакція объясняется обнаружившейся силой дворянства и крупной буржуазіи, и дѣятелямъ освободительнаго движенія ставится въ вину, что они „просмотрѣли“ эту силу. До извѣстной степени упрекъ этотъ справедливъ. Въ разгарѣ освободительнаго движенія верхніе слои населенія нерѣдко трактовались, какъ quantité négligeable, и въ этой ошибкѣ повинны болѣе всего именно самые ортодоксальные приверженцы теоріи „реальнаго соотношенія силъ“.

Теперь, однако, какъ мнѣ кажется, дѣлаютъ ошибку въ обратномъ направленіи.

Реальная сила реакціонныхъ элементовъ общества чрезмѣрно преувеличивается. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого собственно слагаются эти элементы? Несомнѣнно, главной движущей силой реакціи является помѣстное дворянство, или, вѣрнѣе, та часть его, которая

сплотилась, организовалась и обособилась послѣ выдѣленія изъ нея меньшинства, выставлявшаго ранѣе земскихъ дѣятелей и еще въ эпоху земскихъ съѣздовъ примкнувшаго къ прогрессивнымъ партіямъ. Именно это дворянское большинство дѣйствуетъ теперь въ бюрократіи, въ земскихъ собраніяхъ и въ государственной думѣ, составляетъ главный контингентъ всѣхъ „правыхъ“ партій отъ „союза русскаго народа“ до „октябристовъ“, дробясь на различныя фракціи не столько въ зависимости отъ политическихъ убѣжденій, сколько въ зависимости отъ темперамента и столкновенія честолюбій отдѣльныхъ лицъ. Но представляетъ ли оно собой, дѣйствительно, серьезную общественную силу, которая могла бы служить прочной соціальной опорой для реакціонной политики? Въ этомъ позволительно усомниться. Разложеніе дворянства, какъ общественнаго класса, началось давно, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и, послѣ реставраціонныхъ попытокъ 90-хъ годовъ, пошло впередъ ускореннымъ темпомъ. Всякій, знающій хорошо уѣздную жизнь, можетъ ясно, въ конкретныхъ образахъ представить себѣ эту нынѣ главенствующую соціальную силу. 15—20 помѣщиковъ, большей частью, разоренныхъ и задолжавшихъ, съ заложенными имѣніями, живущихъ жалованіями земскихъ начальниковъ и членовъ управы, собираясь на земскихъ набирательныхъ съѣздахъ или на дворянскихъ собраніяхъ „за уѣзднымъ столомъ“, распредѣляютъ между собой мѣста, дающія вліяніе и матеріальное обезпеченіе. Нѣтъ сомнѣнія, что власть на мѣстахъ въ значительной мѣрѣ находится въ ихъ рукахъ; они—хозяева уѣзда. Но могутъ ли они быть опорой для кого бы то ни было? Въ сущности, они не поддерживаютъ правительство, а сами держатся имъ и находятся въ полной зависимости отъ него.

Одинъ рѣшительный шагъ сверху могъ бы сразу уничтожить и ихъ политическое и экономическое значеніе. Даже и тамъ, гдѣ дворянство наиболѣе богато и численно (нѣкоторыя черноземныя губерніи), соціальная сила его таетъ съ каждымъ днемъ.

Выгодныя условія ликвидаціи дворянскихъ имѣній нанесли силѣ этой смертельный ударъ. Огромное предложеніе дворянскихъ земель въ продажу, ставящее въ затрудненіе крестьянскій банкъ, можетъ напомнить всѣмъ, кто это забылъ, что дворянское землевладѣніе въ его прежнемъ величіи доживаетъ послѣдніе дни.

Наряду съ умирающей силой стоитъ сила нарождающаяся, крупная буржуазія. Но пока она еще въ зачаточномъ состояніи. Крупной буржуазіи, въ западномъ смыслѣ, какъ сильнаго, спло-

ченнаго, сознающаго свои интересы и энергично преслѣдующаго ихъ класса, у насъ еще не существуетъ. Отдѣльные элементы этого класса имѣются лишь въ сравнительно немногихъ крупныхъ центрахъ. При томъ они не уяснили еще себѣ своихъ интересовъ и задачъ. Буржуазія въ настоящее время гораздо менѣе сплочена и опредѣленна, чѣмъ дворянство; она колеблется и раскалывается, какъ это показали послѣдніе выборы по первой городской куріи, гдѣ мѣстами прошла оппозиція, а въ другихъ случаяхъ ей не хватило сравнительно незначительнаго числа голосовъ для побѣды. Не даромъ лидеръ „союза 17 октября“ сожалѣлъ о томъ, что „революція недостаточно ушибла городскую буржуазію“ и всѣ свои надежды возлагалъ на единственный „политически зрѣлый элементъ“,—крупныхъ землевладѣльцевъ. Недаромъ и дѣйствующая избирательная система, хотя выдвигаетъ состоятельные городскіе классы изъ общей массы населенія, но оказываетъ имъ гораздо менѣе довѣрія, чѣмъ землевладѣльцамъ. И даже та часть буржуазіи, которая поддерживаетъ реакцію, въ сущности, не особенно надежна. Ея союзъ съ „зубрами“ держится, главнымъ образомъ, еще не улегшимися впечатлѣніями пережитого страха, „краснымъ призракомъ“. Но красный призракъ блѣднѣетъ, а черный вырисовывается во весь ростъ, и быть можетъ скоро для многихъ „реакціонеровъ изъ страха“ станетъ дилемма, связать ли свою судьбу съ неизбѣжнымъ впереди обновленіемъ страны или съ разлагающимися элементами прошлаго, съ умирающимъ классомъ, судорожно пытающимся остановить и повернуть назадъ колесо исторіи.

Во всякомъ случаѣ общественные элементы, играющіе у насъ сейчасъ роль хозяевъ положенія, не могутъ быть никоимъ образомъ поставлены наряду съ тѣми классами, которые дѣлали реакцію на Западѣ. Они не выдерживаютъ этого сравненія, какъ сила экономическая, и еще менѣе, какъ сила культурная. Реакція, восторжествовавшая въ Пруссіи въ 50-хъ годахъ, въ сущности, продолжается тамъ до сихъ поръ. Но независимо отъ самаго характера этой реакціи, о которомъ намъ придется говорить ниже, нельзя забывать объ экономическомъ и культурномъ значеніи тѣхъ слоевъ населенія, которые ее поддержали. Окончательная побѣда прусскаго правительства надъ оппозиціонными элементами была обезпечена между прочимъ поддержкой общественныхъ круговъ, сосредоточивавшихъ и до сихъ поръ сосредоточивающихъ въ себѣ огромную часть,—не только матеріальныхъ, но и духовныхъ силъ страны.

То ли видимъ мы въ Россіи? Здѣсь, напротивъ, станъ „ликующихъ“, не имѣя столь же прочной экономической опоры, какъ консервативные классы на Западѣ, въ то же время поражаетъ скудостью культурныхъ силъ. Почти всѣ эти силы, имѣющіяся въ странѣ, находятся въ противоположномъ лагерѣ.

Надо сказать, кромѣ того, что и вообще вся теорія, объясняющая политическій строй исключительно однимъ только соотношеніемъ силъ борющихся общественныхъ классовъ, страдаетъ чрезмѣрной отвлеченностью и схематичностью, которая особенно наглядно обнаруживается при примѣненіи ея къ Россіи.

У насъ огромное большинство населенія, слагающееся изъ лицъ, принадлежащихъ по своему экономическому положенію къ различнымъ классамъ, конечно, ощущаетъ и сознаетъ въ конкретныхъ случаяхъ свои классовые интересы, но не вырабатываетъ на основѣ ихъ опредѣленной политической программы. Эта безпартійная масса, способная въ извѣстные моменты на политическій энтузіазмъ, но въ то же время легко впадающая и въ противоположное настроеніе, склонная слѣдовать за успѣхомъ, и увеличивать собой удѣльный вѣсъ торжествующихъ партій, эта масса, которая и рѣшаетъ дѣло въ критическіе моменты, у насъ въ Россіи играетъ несравненно большую роль, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ населеніе болѣе дифференцировано и болѣе организовано. И побѣда реакціонныхъ элементовъ объясняется не тѣмъ, что они оказались сильнѣе тѣхъ организованныхъ группъ, которыя съ ними боролись, а именно тѣмъ, что это безпартійное большинство, которое три года тому назадъ послѣдовало за прогрессивными партіями и превратило ихъ первыя выступленія противъ стараго строя въ широкое національное движеніе, что это большинство теперь, утомленное долгой борьбой и партійными раздорами, запуганное эксцессами съ одной стороны, репрессіями съ другой, почувствовавъ неудержимую потребность, если не въ покоѣ, то хотя бы въ передышкѣ, временно отошло отъ политической жизни и вернулось къ своимъ текущимъ, повседневнымъ дѣламъ и интересамъ. Такое настроеніе широкихъ слоевъ населенія,—не только низовъ его, но и интеллигенціи—и составляетъ сейчасъ главную опору и силу реакціи.

Но есть полное основаніе думать, что это психическое состояніе общества не только временное, но и кратковременное. Нельзя забывать, что тѣ реальныя, назрѣвшія нужды страны, которыя вызвали широкое общественное движеніе, всколыхнули народную массу, заставили пробудиться самыхъ равнодушныхъ и лѣнивыхъ, что всѣ

эти нужды, касающіяся всѣхъ классовъ населенія, еще не получили хотя бы даже частичнаго удовлетворенія. „Приказный строй“ фактически остается въ полной силѣ. Дефекты и злоупотребленія бюрократическаго управленія не только не устранены, но во многихъ отношеніяхъ прогрессируютъ. Закономѣрность управленія, по-прежнему, не обезпечена. По-прежнему и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, страна живетъ подъ гнетомъ исключительныхъ законовъ, лишающихъ населеніе элементарныхъ гражданскихъ правъ и разлагающихъ самый административный механизмъ. По-прежнему большая часть правительственныхъ силъ и средствъ и правительственной энергіи обращается исключительно на борьбу съ „внутренними врагами“ и не только на борьбу съ дѣйствіями и поступками, но и на борьбу съ идеями.

По-прежнему, огромное большинство населенія стоитъ на границѣ нищеты и ежегодно на огромныхъ территоріяхъ свирѣпствуетъ голодъ и эпидеміи. Мало того, даже тѣ внѣшніе поверхностные успѣхи, которые когда-то были достигнуты цѣною народнаго обнищанія, свелись почти къ нулю. Искусственный расцвѣтъ крупной промышленности и торговли смѣняется упадкомъ. Кредитъ одного изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ государствъ, обладающаго неисчерпаемыми естественными богатствами, стоитъ ниже кредита маленькихъ, бѣдныхъ странъ. Прежній международный авторитетъ утраченъ и въ близкомъ будущемъ не предвидится его возстановленія. Дума посвящаетъ теперь особое вниманіе вопросамъ иностранной политики и государственной обороны, она стремится подвергнуть эти отрасли управленія своему контролю и расширить по отношенію къ нимъ свою компетенцію. Все это прекрасно, но для всякаго хоть немного знакомаго съ уроками исторіи совершенно ясно, что ни обсужденіе иностранной политики въ думѣ, ни запросы о Финляндіи, ни постройка амурской желѣзной дороги, ни реорганизація морского вѣдомства, сами по себѣ, безъ коренныхъ внутреннихъ реформъ, безъ подъема матеріальнаго благосостоянія и культурнаго уровня всего населенія, не въ силахъ возвратить нашему отечеству утраченной имъ государственной мощи.

Продолженіе этого состоянія обрекало бы государство на разложеніе и гніеніе. Для всякаго, кто признаетъ жизнеспособность русскаго народа,—а послѣдняя доказывается всей его исторіей,—неизбѣжность перелома не можетъ представлять сомнѣній.

4.

Когда, какъ и въ какихъ формахъ пропзойдетъ этотъ переломъ? Это будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ политики всплывшихъ теперь на поверхность общественныхъ элементовъ. Реакція послѣ крупныхъ народныхъ движеній — почти неизбѣжное явленіе. Но есть два сорта реакціи. Бываетъ реакція умная, расчетливая, дальновидная, которая, пользуясь благопріятными условіями, захватываетъ и закрѣпляетъ за извѣстными общественными слоями все, что можно захватить и закрѣпить, не вызывая чрезмѣрнаго раздраженія въ другихъ классахъ населенія и не подвергая опасности разложенія самое государство, реакція, которая идетъ на уступки и заботится объ удовлетвореніи наиболѣе насущныхъ, жгучихъ потребностей народа, хотя и удовлетворяетъ ихъ частями, постепенно, не въ той мѣрѣ и не въ томъ темпѣ, въ какихъ хотятъ это сдѣлать прогрессивныя партіи. Это—прусская реакція, реакція Бисмарка, который сумѣлъ обезпечить правительственной власти господствующее положеніе, подчинить ей парламентъ, сумѣлъ сохранить старое привиллегированное положеніе прусскаго юнкерства въ новыхъ формахъ, — но который въ то же время объединилъ Германію, далъ ей всеобщее избирательное право, ввелъ передовое въ свое время рабочее законодательство. Политика Бисмарка руководилась холоднымъ расчетомъ, она была чужда чувствъ политической мести и, такъ сказать, порывовъ реакціоннаго энтузіазма. Послѣ ожесточенной борьбы, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ не колебался протянуть первый руку вчерашнимъ врагамъ, онъ не стѣснялся вести переговоры и совѣщаться съ Лассалемъ. Бываетъ и другая реакція, близорукая, тупая, не знающая мѣры, прежде всего мстящая своимъ противникамъ за свой прежній испугъ, руководимая не столько опредѣленнымъ разсчитаннымъ впередъ планомъ, сколько смутными классовыми чувствами и вожделѣніями, реакція французскихъ эмигрантовъ эпохи реставраціи, „ничего не забывшихъ и ничему не научившихся“.

На какой изъ этихъ двухъ путей окончательно станетъ реакція у насъ? Повидимому, какъ разъ теперь, она стоитъ на распутьи, и этотъ вопросъ долженъ выясниться въ самомъ близкомъ будущемъ. Еще недавно, въ періодъ выборовъ въ третью

думу, многіе высказывали убѣжденіе, что тѣ общественные элементы, которымъ положеніе 3 іюня обезпечило господствующее положеніе въ нашемъ парламентѣ, пойдутъ по первому пути, сдержанной, умѣренной реакціи, что напряженное политическое положеніе будетъ постепенно, незамѣтно ослаблено частичными уступками, хотя недостаточными для того, чтобы удовлетворить всѣ насущныя потребности страны, но достаточными для того, чтобы ослабить натянутую струну и внести не внѣшнее только, но и нѣкоторое внутреннее успокоеніе. Большія надежды въ этомъ смыслѣ возлагались на „октябристовъ“. Предполагалось, что они у насъ могутъ сыграть роль „буржуазной конституціонной партіи“, роль націоналъ-либераловъ въ Германіи или даже консервативныхъ республиканцевъ во Франціи. Первые шаги новаго думскаго большинства не оправдали этихъ предположеній. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и это большинство до сихъ поръ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго стремленія стать на путь внутреннихъ реформъ, необходимыхъ для обновленія страны. Господствующія въ думѣ партіи удѣляютъ довольно много вниманія иностранной политикѣ, вопросамъ государственной обороны. Въ осторожной, дипломатической формѣ, граничащей подчасъ съ сервилизмомъ, онѣ укрѣпляютъ свое положеніе и даже расширяютъ свои права.

Но о нравахъ и положеніи населенія они до сихъ поръ не заботятся. Даже тѣ проекты частичныхъ улучшеній, которые были внесены министерствомъ во вторую думу, или взяты назадъ и отложены, или перерабатываются въ реакціонномъ духѣ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ именно тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые составляютъ думское большинство.

Главная работа думы сосредоточивается на мелкихъ, текущихъ дѣлахъ, въ сущности, являющихся вопросами управленія, а не законодательства, въ родѣ законопроекта объ учрежденіи должностей двухъ разсыльныхъ при Евлахскомъ полицейскомъ приставѣ. Наиболѣе оживленные моменты парламентской дѣятельности были созданы не принципіальными вопросами, не реформами, а демонстраціями, продиктованными чувствомъ мести за испытанный и еще не вполнѣ исчезнувшій страхъ. Гвоздемъ думской сессіи является бюджетъ, но къ разсмотрѣнію его въ пленарномъ собраніи дума еще не приступала и черезъ 4 мѣсяца со времени ея открытія. И съ другой стороны уже теперь ясно, что разсмотрѣніе и утвержденіе бюджета, которое составитъ главный итогъ парламентской дѣятельности, не внесетъ ничего новаго въ жизнь населенія, не

подвинетъ ни на шагъ нашего внутренняго развитія. И едва ли эта безплодность дѣятельности думскаго большинства зависитъ только отъ отсутствія опыта и знаній.

Причина ея лежитъ, повидимому, глубже. Даже умѣренные и постепенные шаги по пути обновленія страны возможны для парламента лишь при тѣсной связи его съ широкими слоями населенія. Руководящая же думой партія всей своей исторіей обречена искать прежде всего не довѣрія народа, а довѣрія правительства. Поставивъ съ самаго начала глухую стѣну между собой и партіями, отстаивающими нужды народныхъ массъ, она вынуждена дѣйствовать въ союзѣ съ „умѣренными правыми", которые, въ сущности, и играютъ въ думѣ рѣшающую роль. Если ко всему этому прибавить, что наиболѣе важные вопросы, какъ мы уже говорили, собственно рѣшаются внѣ думы, что самые успѣхи ея измѣряются не столько достигнутыми ею реальными результатами, сколько тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ ней правительства, то станетъ ясно, что и существованіе думы, и наличность умѣренно-либеральныхъ стремленій у „лѣвыхъ октябристовъ" не направитъ внутреннюю политику на путь дѣйствительнаго обновленія. Скорѣе, насъ ожидаетъ періодъ застоя, „мертвой точки", но въ современномъ положеніи страны застой почти равносиленъ движенію назадъ.

И если наша внутренняя политика пойдетъ этой дорогой, ее ожидаетъ неизбѣжный и едва ли далекій крахъ, ибо дальнѣйшая задержка реформъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ признанныхъ неотложными, съ продленіемъ дѣйствія исключительныхъ законовъ, не только ставитъ въ невыносимое положеніе населеніе, но угрожаетъ разложеніемъ и самой государственной организаціи.

Реакція должна неизбѣжно упереться въ глухую стѣну, неизбѣжно долженъ наступить моментъ, когда всѣмъ станетъ ясно, что такъ дальше продолжать нельзя, и какъ бы ни было утомлено общество, уже одно чувство государственнаго самосохраненія должно вызвать новый подъемъ общественнаго мнѣнія. Предвидѣть теперь, въ какой формѣ и при какихъ обстоятельствахъ произойдетъ этотъ поворотъ, трудно. Многіе полагаютъ, что продолженіе реакціи вызоветъ, въ концѣ концовъ, новое широкое общенародное движеніе, быть можетъ, болѣе грандіозное, чѣмъ то, свидѣтелями котораго мы были. Возможность такого движенія не исключена, но едва ли его можно ожидать въ скоромъ времени, и едва ли даже можно его желать. Теперь, когда ближайшія задачи и

цѣли неясны не только для широкихъ слоевъ населенія, но и для болѣе сознательной его части, когда общество переживаетъ періодъ дезорганизаціи, когда мѣсто надежды и вѣры въ будущее заняли чувства, разочарованія и непримиримаго, копящагося въ тиши озлобленія, такое движеніе могло бы принять форму стихійныхъ, страстныхъ вспышекъ, съ неизбѣжными эксцессами и съ неизбѣжнымъ ихъ послѣдствіемъ—новой реакціей. Но можно съ большой вѣроятностью предполагать, что поворотъ произойдетъ ранѣе, чѣмъ созрѣетъ широкое народное движеніе и, быть можетъ, даже предупредитъ это послѣднее въ доступномъ предвидѣнію будущемъ, что переломъ произойдетъ безъ стихійныхъ вспышекъ и ожесточенной борьбы. Примѣры подобныхъ поворотовъ и именно послѣ слѣдующей за революціей реакціи можно найти въ исторіи. Въ 1861 году Австрія безъ всякой революціи, безъ всякаго даже широкаго движенія, по иниціативѣ самого правительства круто поворачиваетъ съ пути реакціи и переходитъ на путь конституціонализма. Правда, это случилось послѣ внѣшняго пораженія, обнаружившаго всю гнилость бюрократическаго механизма. Но возьмите Францію около того же времени. Изъ той самой войны, которая принесла Австріи разгромъ, Наполеонъ III вышелъ побѣдителемъ, и тѣмъ не менѣе для него становится яснымъ, что продолжать прежнюю внутреннюю политику невозможно, что необходимо опереться на прогрессивные элементы страны. И начиная съ 1859 года, когда была дана амнистія, рядъ слѣдующихъ одна за другою политическихъ реформъ преобразуетъ „призрачный конституціонализмъ“ первой половины царствованія Наполеона III въ дѣйствительную конституціонную монархію. Правда, это преобразованіе пришло слишкомъ поздно и не спасло второй имперіи отъ разложенія и разгрома. Но фактъ крутого поворота упершейся въ глухую стѣну реакціи остается все-таки знаменательнымъ примѣромъ. Наконецъ, нѣчто подобное имѣло мѣсто и у насъ въ Россіи. Вѣдь, три съ половиной года тому назадъ поворотъ въ отношеніяхъ правительства и общества начался ранѣе, чѣмъ развилось широкое народное движеніе. Онъ ясно обозначился уже осенью 1904 года. Уже съ этого момента начинается рядъ уступокъ, правда недостаточныхъ и несвоевременныхъ, но все же уступокъ, происходитъ отступленіе бюрократіи, не предъ какой-либо реальной физической силой, а лишь передъ напоромъ общественнаго мнѣнія. Нѣтъ ничего невозможнаго, что это явленіе повторится въ близкомъ будущемъ. Какъ именно и когда это

произойдетъ, что послужитъ ближайшимъ поводомъ къ измѣненію положенія, сказать, конечно, невозможно.

Роль такого толчка, который вскроетъ безпочвенность построеннаго нынѣ на пескѣ зданія, можетъ сыграть и измѣненіе въ международномъ положеніи, и состояніе финансовъ и, какъ это иногда бываетъ въ исторіи, какое-либо случайное, само по себѣ не имѣющее большого значенія событіе. Столь же трудно предсказать, въ какой именно формѣ совершится поворотъ. Быть можетъ, думское большинство, не по собственной иниціативѣ, конечно, а подъ давленіемъ обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія, пойдетъ на избирательную реформу, какъ это недавно сдѣлалъ классовый австрійскій рейхсратъ. Быть можетъ, произойдетъ смѣна министерства. Быть можетъ, дума будетъ распущена и послѣ кратковременнаго періода диктатуры возродится въ обновленномъ видѣ. Возможенъ и совершенно иной сейчасъ пикѣмъ не предвидимый ходъ событій, но, во всякомъ случаѣ, многое наводитъ на мысль, что моментъ перелома гораздо ближе, чѣмъ то можетъ показаться съ перваго взгляда, что промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ него, измѣряется не десятилѣтіями, а немногими годами.

5.

Конечно, можно быть различныхъ мнѣній по этому вопросу, но ненужно вовсе безусловной увѣренности въ близости критическаго момента, достаточно лишь признать возможность его наступленія, ясно сознавать неустойчивость настоящаго положенія, чтобы чувствовать повелительную обязанность готовиться къ грядущимъ событіямъ. Пусть мы „не знаемъ ни дня, ни часа, когда придетъ женихъ“, но мы, какъ евангельскія мудрыя дѣвы, должны быть готовы выйти навстрѣчу ему съ зажженными свѣтильниками и не дать этимъ свѣтильникамъ погаснуть въ удушливой мглѣ безвременья. Что, если бы, въ самомъ дѣлѣ, вся эта масса населенія, недавно еще охваченная подъемомъ политическаго самосознанія и теперь снова впавшая во временное оцѣпенѣніе, подъ вліяніемъ неожиданныхъ событій, въ силу инстинкта самосохраненія, опять вышла изъ нынѣшняго пассивнаго состоянія, если бы народъ, въ широкомъ смыслѣ слова, почувствовалъ снова потребность принять участіе въ рѣшеніи своей судьбы,

И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ блюстители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, какъ городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ и въ ту свѣтлѣ бы тьму,—
Что бъ дали мы ему?

Что бъ цали мы ему, въ самомъ дѣлѣ, мы, образованное русское общество, въ нашемъ теперешнемъ настроеніи? То, чѣмъ наполняется теперь внѣдумская общественная жизнь? Отвлеченныя научныя и философскія построенія? Безплодныя пока исканія новыхъ религіозныхъ путей? Мистическій анархизмъ? Стилизованный театръ? Споры о послѣднемъ произведеніи моднаго беллетриста? Разсужденія о проблемахъ пола? Или, можетъ быть, то, вокругъ чего вертится теперь высшая политика? Учрежденіе посольства въ Токіо? Пріамурскую желѣзную дорогу? Запросъ о перевозкѣ архива финляндскаго статсъ-секретаріата изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ? Досрочное освобожденіе изъ тюрьмы по усмотрѣнію администраціи? И только это?

Теперь много говорятъ о крахѣ русской интеллигенціи. Я думаю, краха до сихъ поръ не было. Былъ лишь періодъ „бури и натиска“, который и закончился, какъ заканчиваются всѣ подобные періоды. Дѣйствительный и на этотъ разъ непоправимый крахъ угрожаетъ нашему прогрессивному обществу лишь въ томъ случаѣ, если оно сейчасъ опуститъ руки и не сумѣетъ, воспользовавшись уроками пережитого опыта, твердо и стойко перенести неизбѣжные дни испытанія, подготовить себя и все населеніе къ лучшимъ днямъ. Тогда преемственная связь движенія будетъ порвана, и періодъ застоя и разложенія затянется надолго, до тѣхъ поръ, пока новыя поколѣнія не выдѣлятъ изъ себя свѣжихъ силъ для возрожденія страны. На всѣхъ тѣхъ, въ комъ реакція не поколебала прежнихъ убѣжденій, кто не потерялъ вѣры въ „старыхъ боговъ“, лежитъ обязанность приложить всѣ усилія къ тому, чтобы этого не случилось.

— Что же дѣлать?—спрашиваютъ теперь и тѣ, въ которыхъ не остыла прежняя вѣра и надежда.

Нѣтъ сомнѣнія, что тактика оппозиціи, въ общемъ, при настоящихъ условіяхъ должна быть выжидательная. Положеніе реакціонныхъ партій, овладѣвшихъ теперь парламентомъ и органами мѣстнаго самоуправленія, напоминаетъ отчасти положеніе Наполеона, вступившаго послѣ Бородинскаго сраженія въ Москву.

Оставаться въ бездѣйствіи они не могутъ, но дѣлать имъ собственно нечего, такъ какъ дѣйствительно серьезнымъ дѣломъ въ настоящій моментъ могутъ быть только тѣ внутреннія реформы, къ проведенію которыхъ нынѣшнее думское большинство, повидимому, неспособно и по своей внутренней природѣ, и по своимъ отношеніямъ къ министерству. И если въ Думѣ не произойдетъ новой группировки, которая могла бы внести коренное измѣненіе въ направленіе думской дѣятельности, господствующимъ нынѣ партіямъ грозитъ участь „великой арміи“, которая, войдя въ Москву въ видѣ грозной побѣдоносной силы, черезъ нѣкоторое время безъ всякаго нападенія извнѣ, только въ силу внутренняго разложенія превратилась въ безпорядочную, недисциплинированную толпу, обратившуюся въ бѣгство послѣ перваго случайнаго столкновенія съ противникомъ. И потому положеніе современной оппозиціи должно быть выжидательное, но никоимъ образомъ не пассивное и не бездѣятельное. Нужно копить силы и вырабатывать планъ дѣйствій для будущаго, воспользовавшись результатами пріобрѣтеннаго опыта. Нужно собрать подъ знамена разсѣянные остатки арміи, сплотить разстроенные ряды, дисциплинировать ихъ, воодушевить и, дождавшись благопріятнаго момента, разсчетливо и безъ излишней траты силъ воспользоваться имъ.

Когда говорятъ объ оппозиціи, часто подразумѣваемъ подъ этимъ лишь оппозицію въ Думѣ, сосредоточиваютъ на ней все вниманіе, подаютъ ей совѣты и указанія и еще чаще критикуютъ ея дѣйствія. Безъ сомнѣнія, Дума—весьма важный факторъ въ современной политической конъюнктурѣ. Положеніе оппозиціи въ ней чрезвычайно трудное, и, несмотря на эту трудность, несмотря на естественныя, неизбѣжныя ошибки, она дѣлаетъ тамъ большое и полезное дѣло. Поддержка и указанія общественнаго мнѣнія, конечно, необходимы думской оппозиціи, но было бы ошибочно сосредоточивать на этомъ все вниманіе общества. Наряду съ оппозиціей въ парламентѣ необходима и оппозиція въ странѣ.

Необходимо, поэтому, прежде всего поддержать и укрѣпить существующія партійныя организаціи. Вѣдь, и три года тому назадъ переломъ не наступилъ самъ собой, безъ всякой сознательной, организованной подготовки. Среди людей, мало освѣдомленныхъ, весьма распространенъ взглядъ, что въ освободительномъ движеніи предшествовавшія ему общественныя организаціи не играли значительной роли, что основной причиной этого движенія явилась русско-

японская война, вскрывшая зіяющія раны стараго режима. Многіе, однако, знаютъ, что это было не совсѣмъ такъ.

Движеніе началось гораздо ранѣе войны; комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности были первыми его провозвѣстниками; позднѣе преемниками ихъ явились земскіе съѣзды.

Но и тѣ и другіе были результатомъ подготовительной работы опредѣленныхъ кружковъ и организацій.

Организаціонная работа необходима теперь и, въ сущности, съ внѣшней стороны она легче, хотя труднѣе психологически. Нельзя скрывать отъ себя, что партійныя организаціи на мѣстахъ разбиты и разстроены, но ядро, основа ихъ все же существуетъ и необходимо не жалѣть стараній для ихъ укрѣпленія и расширенія.

Конечно, при настоящихъ условіяхъ политическая, партійная дѣятельность возможна лишь въ узкихъ рамкахъ, въ тѣсныхъ кружкахъ. Фактически нѣтъ возможности привлечь къ ней болѣе широкія массы населенія. Но эти массы также нуждаются въ организаціи и подготовкѣ, и для того нужны иныя, внѣпартійныя и не имѣющія прямой связи съ политикой средства. Всевозможныя, какъ культурно-просвѣтительныя, такъ и общественно-экономическія начинанія и организаціи въ настоящій переходный періодъ должны сыграть огромную роль. Я не хочу вовсе сказать, что цѣлью ихъ должна быть политическая пропаганда. Напротивъ, этимъ можно было бы лишь повредить дѣлу. Но, служа своимъ прямымъ задачамъ, эти учрежденія тѣмъ самымъ организуютъ населеніе, воспитываютъ и подготовляютъ его для будущей политической работы.

Правда, во многихъ мѣстностяхъ и такая внѣпартійная культурная работа совершенно немыслима. Но не подлежитъ сомнѣнію, что причина сравнительно слабой дѣятельности прогрессивной интеллигенціи въ этой области лежитъ все же не только во внѣшнихъ условіяхъ, но и въ ея нынѣшнемъ настроеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуетъ, быть можетъ, и еще одна причина. Наше общество, хотя и отшатнулось отъ политики, но все еще слишкомъ пропитано партійной враждой и нетерпимостью, и именно это мѣшаетъ иногда людямъ работать энергично на томъ поприщѣ, гдѣ по необходимости должны сталкиваться лица различныхъ партій. Но, конечно, давно пора бросить старообрядческую ортодоксальность, которая заставляетъ сторониться людей иного толка, даже на тѣхъ поприщахъ, которыя не связаны непосредственно съ осуществленіемъ партійныхъ политическихъ программъ.

До извѣстной степени такимъ поприщемъ является и область

мѣстнаго самоуправленія. И здѣсь, несмотря на разрушительную работу овладѣвшихъ этими позиціями „зубровъ“ и „черной сотни“, прогрессивные дѣятели не должны брезгливо сторониться отъ неприглядной „гущи жизни“, но терпѣливо и упорно бороться, стремясь къ обратному завоеванію прежнихъ позицій. Наблюдаемый теперь часто абсентеизмъ „лѣвыхъ“ гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ есть въ высшей степени прискорбное явленіе, которое иногда обезпечиваетъ побѣду реакціонерамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ былъ бы возможенъ иной исходъ.

6.

Есть еще одинъ урокъ пережитого опыта, который властно диктуется всѣмъ современнымъ политическимъ положеніемъ, это—необходимость сближенія различныхъ оппозиціонныхъ партій. Отчасти это сближеніе уже совершается въ Думѣ на почвѣ дѣловыхъ компромиссовъ. Потребность въ немъ ощущается и внѣ Думы, во всей странѣ, и сказывается уже теперь въ нѣкоторыхъ попыткахъ въ этомъ направленіи. Намъ кажется, однако, что нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ, задающіяся цѣлью вернуться къ „до-октябрьскому настроенію“, въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. къ безформенному, стихійному единству оппозиціи, стремящіяся поставить крестъ на совершившейся послѣ 17 октября дифференціаціи и создать новое единое теченіе на развалинахъ существующихъ партійныхъ организацій, или, по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ помимо ихъ, черезъ ихъ голову,—становятся на ложную почву. Въ сущности, это своего рода романтизмъ, желаніе вычеркнуть пройденный историческій путь и вернуться къ прошлому. Партійность имѣетъ свои слабыя стороны, и эти слабыя стороны ярко проявились у насъ въ формѣ неразсчетливой, иногда прямо слѣпой и безумной партійной вражды и нетерпимости. Но отказаться отъ этихъ недостатковъ не значитъ отказаться отъ партійности. Партійная дифференціація общества—это признакъ пародившагося политическаго самосознанія, это огромный шагъ, сдѣланный впередъ, драгоцѣнное пріобрѣтеніе, которое оставила намъ въ наслѣдство наша эпоха „бури и натиска“ и которое нужно не уничтожать, а охранять и развивать. Правда, не всѣ партіи имѣютъ одинаковое право на существованіе,—нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою скорѣе небольшіе кружки лицъ, по случайнымъ

или второстепеннымъ причинамъ не вошедшихъ въ болѣе крупныя организаціи или обособившихся отъ нихъ. Партій у насъ, вообще, слишкомъ много, даже и теперь, и сокращеніе ихъ числа было бы возможно и полезно.

Но главныя, основныя теченія политической мысли не могутъ слиться въ одно безформенное цѣлое; они должны быть представлены самостоятельными организаціями. Можно находить крупные недостатки въ этихъ организаціяхъ, можно стремиться реформировать ихъ, но стремленіе къ ихъ уничтоженію было бы непонятнымъ и ничѣмъ не обоснованнымъ шагомъ назадъ. Оно не достигло бы и своей цѣли. Вѣдь различіе въ политическомъ міросозерцаніи все равно останется, и безформенное единство не будетъ прочно. Оно будетъ держаться лишь отрицательной работой, общей обороной противъ приступовъ реакціи, но при первомъ положительномъ успѣхѣ трудный и болѣзненный процессъ дифференціаціи долженъ будетъ опять повториться.

Я думаю поэтому, что объединеніе оппозиціи не должно вести къ стиранію партійныхъ границъ. Основой его должны служить междупартійныя соглашенія, которыя, конечно, легче всего могутъ осуществиться въ Думѣ. И самая наличность такихъ соглашеній, сознаніе, что прежняя партійная нетерпимость отошла въ область исторіи и что предъ лицомъ общаго противника блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ несогласія, относящіяся къ будущему, этотъ фактъ окажетъ огромное вліяніе на сближеніе людей различныхъ оппозиціонныхъ направленій во всей странѣ.

Нужно признать, конечно, что соглашеніями партійныхъ органовъ цѣль объединенія оппозиціи въ смыслѣ координаціи ея дѣйствій далеко не будетъ достигнута. Огромное большинство оппозиціонно настроеннаго населенія въ данный моментъ не входитъ и не можетъ войти въ партійныя рамки. Организованнымъ группамъ необходимо возобновить оборванныя связи съ этой безпартійной массой. Соглашенія здѣсь, конечно, невозможны, за отсутствіемъ необходимыхъ для этого органовъ. Для того, чтобы расширить координацію дѣйствій за предѣлы партійныхъ организацій, есть только одинъ путь, путь организаціи общественнаго мнѣнія черезъ посредство печати и тѣхъ формъ личнаго общенія, которыя мѣстами еще возможны.

Оппозиціонное настроеніе проявляется сейчасъ слабо въ странѣ не потому, что его нѣтъ, и не только въ силу внѣшнихъ условій, —но главнымъ образомъ потому, что общественное мнѣніе разо-

чаровано неудачами и сбито съ толку партійными распрями. Для него неясны ближайшія задачи настоящаго времени. И если бы было достигнуто единодушіе относительно этихъ задачъ, если бы путь былъ указанъ ясно и опредѣленно, оппозиціонные элементы нашего общества, быть можетъ, проявили бы не менѣе стойкости и упорства на этомъ пути, чѣмъ тѣ партіи Западной Европы, которыя иногда десятки лѣтъ боролись за опредѣленныя реформы.

Въ чемъ же могутъ сойтись различныя оппозиціонныя теченія? На какой общей платформѣ можетъ быть достигнуто ихъ согласное и сосредоточенное дѣйствіе? Партійныя программы складываются изъ двухъ главныхъ частей, чисто-политической и соціальной. Едва ли объединеніе можетъ быть достигнуто въ настоящій моментъ и въ ближайшемъ будущемъ на почвѣ соціальныхъ реформъ. Эта часть программъ именно болѣе всего возбуждаетъ несогласія и обостряетъ партійную вражду. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы и въ этой области соглашеніе различныхъ партій было недостижимо. Даже въ разгаръ освободительнаго движенія, когда предѣлы возможнаго казались гораздо болѣе широкими, компромиссъ на этой почвѣ, если не между всѣми оппозиціонными партіями, то, по крайней мѣрѣ, между нѣкоторыми изъ нихъ представлялся не невѣроятнымъ.

Къ нему вели работы аграрной комиссіи первой думы. Но подобные компромиссы были бы возможны на чисто практической почвѣ законодательной работы, въ томъ случаѣ, если бы прогрессивныя теченія русской общественности снова получили доступъ къ власти, пріобрѣли преобладаніе въ парламентѣ. Сейчасъ они были бы преждевременными и безполезными, если бы даже они были осуществимы. Если только уроки прошлаго не прошли даромъ для русской интеллигенціи, они должны были поселить въ ней твердое убѣжденіе, что коренныя соціальныя преобразованія до коренной политической реформы неизбѣжно должны оставаться въ области иллюзій. Чтобы найти практическую почву для объединенія, не нужно придумывать новыхъ программъ и создавать новыхъ партій, нужно лишь вернуться къ общимъ „старымъ богамъ“, къ тому политическому идеалу, который со времени декабристовъ служитъ путеводной звѣздой для освободительныхъ стремленій русскаго общества, къ идеалу демократической конституціи. На этой платформѣ, единеніе всего русскаго прогрессивнаго общества вполнѣ достижимо безъ всякихъ даже переговоровъ и формальныхъ соглашеній. Въ сущности, и теперь политическія программы оппози-

ціонныхъ партій расходятся между собой или въ вопросахъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, или въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ нѣкоторыя партіи выражаютъ скорѣе свое принципіальное credo, отдаленный идеалъ, чѣмъ требованія, осуществимыя въ доступномъ нашему предвидѣнію будущемъ. Въ остальномъ существенной разницы нѣтъ. Настоящій, а не призрачный только, конституціонный строй и всеобщее избирательное право,—вотъ лозунги, которые могли бы объединить людей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ направленіямъ и оттѣнкамъ политической мысли. Вѣрность имъ должна служить аннибаловой клятвой для всѣхъ, дѣйствительно желающихъ обновленія и возрожденія страны.

Конституціонная идея въ послѣднее время глубоко проникла во всѣ слои русскаго общества, но нельзя сказать, чтобы отношеніе къ этой идеѣ въ широкихъ общественныхъ кругахъ было вполнѣ правильное.

Въ конституціонномъ строѣ слишкомъ часто видятъ лишь средство для практическаго осуществленія извѣстной соціальной программы, иногда даже для проведенія той или иной опредѣленной реформы. И съ этой точки зрѣнія различаютъ иногда конституцію „буржуазную“ и не-буржуазную, хотя, въ сущности, не понятно, въ чемъ заключается это различіе, если „буржуазные“ конституціоналисты стоятъ за демократическое избирательное право. „Вы стоите за демократическую конституцію. Мы тоже. Но позвольте узнать, для чего вамъ нужна эта конституція, какія соціальныя реформы вы собираетесь проводить при помощи всеобщаго избирательнаго права? Вы считаете невозможнымъ націонализацію земли и немедленное введеніе восьмичасового рабочаго дня во всѣхъ производствахъ? Извините, мы тогда не можемъ добиваться вмѣстѣ съ вами свободъ, равноправности всѣхъ гражданъ отвѣтственности министровъ и всеобщаго избирательнаго права, мало того, намъ неудобно даже и разговаривать съ вами. Вы—буржуазные конституціоналисты. Конституція вамъ нужна для укрѣпленія господства капитала“. Кому не приходилось слышать подобныхъ разсужденій, въ высшей степени похожихъ на ссору изъ-за шкуры еще не убитаго медвѣдя. Психологически, конечно, вполнѣ понятно, что въ широкихъ массахъ населенія, приходящихъ къ политическимъ требованіямъ черезъ экономическія, первыя играютъ второстепенную, служебную роль и что неудача въ осуществленіи задачъ, которыя ставились народному представительству, влечетъ за собой охлажденіе и къ самому принципу народнаго представительства. Но совершенно непонятно

такое же отношеніе къ конституціонной идеѣ со стороны тѣхъ общественныхъ круговъ, которые, казалось бы, могли взглянуть на дѣло шире и глубже оцѣнить значеніе правового порядка. Конституція, конечно, не есть самодовлѣющая цѣль, но она не есть также только средство для проведенія тѣхъ или иныхъ соціальныхъ реформъ. Если бы у насъ не существовало остраго крестьянскаго малоземелья, если бы аграрный вопросъ не выдвигался силою обстоятельствъ на первую очередь, переходъ Россіи къ конституціонному строю все-таки былъ бы необходимъ. Для того, чтобы правильно отнестись къ конституціонному принципу, не нужно видѣть въ немъ ни больше, ни меньше того, что онъ представляетъ собой въ дѣйствительности. Конституція, какъ и право вообще, есть, въ концѣ концовъ, лишь внѣшняя форма народной жизни, и каждый народъ вкладываетъ въ эту форму свое особое культурно-соціальное содержаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это—форма жизни, безусловно необходимая для всякаго народа, достигшаго извѣстной ступени культурно-экономическаго развитія.

И въ этомъ лежитъ ея общечеловѣческое, сверхъ-національное и внѣклассовое значеніе. Задаваться вопросомъ, кому именно и для какихъ конкретныхъ цѣлей нуженъ конституціонный строй, такъ же странно, какъ спрашивать, кому именно и для какихъ цѣлей нужны желѣзныя дороги или почтовыя учрежденія. Они нужны для всѣхъ и служатъ для осуществленія самыхъ разнообразныхъ задачъ; безъ нихъ современная культурная жизнь немыслима. И точно также нормальная жизнь современнаго культурнаго народа невозможна внѣ конституціонныхъ формъ. Конституціонный строй нуженъ одинаково и пролетарію, и капиталисту, онъ нуженъ всѣмъ классамъ населенія, ибо только этотъ строй даетъ твердую, легальную почву для мирной борьбы всѣхъ политическихъ и соціальныхъ теченій, существующихъ въ странѣ. И по тѣмъ же причинамъ для современнаго культурнаго государства необходимо и всеобщее избирательное право.

Только оно можетъ смягчить остроту возникающихъ въ наше время соціальныхъ конфликтовъ и перевести ихъ на почву мирной, парламентской борьбы. Только оно можетъ установить прочный внутренній миръ. Я не буду здѣсь касаться другихъ политическихъ и этическихъ основъ всеобщаго голосованія; это завело бы меня слишкомъ далеко. Замѣчу только, что всѣ разсужденія о необходимости знаній и опыта для участія въ политической жизни, о неподготовленности народныхъ массъ къ такому участію, какъ

бы убѣдительны они ни казались, разбиваются о простыя, но мѣткія слова, сказанныя болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ Аристотелемъ въ защиту демократіи: „О достоинствѣ кушанья судитъ не тотъ, кто его готовитъ, а тотъ, кто его ѣстъ“. И тѣ политическіе повара, которые боятся отдать свои произведенія на судъ всего народа, тѣмъ самымъ признаютъ, что ихъ кушанья приготовлены не для народа, а для нихъ самихъ.

И пока у насъ нѣтъ ни дѣйствительной конституціи, ни равноправности, ни гарантій правъ гражданской свободы, ни всеобщаго или, по крайней мѣрѣ, широкаго демократическаго избирательнаго права, сближеніе оппозиціонныхъ партій и круговъ диктуется силой вещей. Только крайняя политическая неопытность можетъ побуждать различные элементы оппозиціи давать другъ другу генеральныя сраженія въ то время, когда нѣтъ арены, нѣтъ почвы для нашихъ сраженій, и они неизбѣжно превращаются въ битвы, происходящія въ воздухѣ. Если бы партійные предразсудки не были еще такъ сильны въ нашемъ обществѣ, то въ стремленіи къ демократической конституціи могли бы сойтись всѣ прогрессивные элементы его, начиная отъ „крайнихъ лѣвыхъ“ и кончая „мирнообновленцами“.

Въ сущности, вѣдь и союзъ прогрессивныхъ партій съ „октябристами“ въ данный моментъ невозможенъ не потому, что „октябристы“ отвергаютъ широкія соціальныя реформы—это не помѣшало бы временному соглашенію,—а потому, что „партія“, поддерживающая исключительные законы, не заботящаяся объ элементарныхъ правахъ гражданской свободы и о гражданскомъ равенствѣ, признающая необходимость нарушеній конституціи и понимающая единеніе правительственной и законодательной власти, какъ подчиненіе парламента правительству,—является конституціонной лишь по имени. Буржуазной конституціонной партіи у насъ, собственно, еще нѣтъ. Союзъ 17 октября только фальсифицированный суррогатъ ея.

То неправильное отношеніе къ конституціонному принципу, о которомъ я говорилъ выше и которое мѣшаетъ сближенію различныхъ прогрессивныхъ партій, въ то же время колеблетъ и прочность конституціонаго правосознанія въ нашемъ обществѣ. И это съ особенной силой сказывается именно теперь, когда твердость въ защитѣ конституціонныхъ принциповъ всего нужнѣе. Когда жизнь обнаружила утопичность нѣкоторыхъ соціальныхъ стремленій, для которыхъ, въ глазахъ многихъ, конституція должна

была быть лишь средствомъ, въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ наступило охлажденіе и къ самой идеѣ правового государства. Не только справа, какъ прежде, но и слѣва указываютъ теперь на кризисъ конституціонализма и парламентаризма на Западѣ,— говорятъ пренебрежительно о „буржуазной“ политической и гражданской свободѣ, какъ объ отжившемъ, устарѣвшемъ идеалѣ, ищутъ новаго слова въ синдикализмѣ, анархизмѣ, въ религіозно-мистическихъ представленіяхъ о совершенной формѣ человѣческаго общежитія.

Переживаетъ ли парламентаризмъ, дѣйствительно, серьезный кризисъ на Западѣ, это вопросъ спорный, котораго я сейчасъ касаться не буду. Но, во всякомъ случаѣ, никакихъ иныхъ формъ общежитія, болѣе соотвѣтствующихъ современному культурному состоянію человѣчества, еще не найдено. Конституціонный строй на Западѣ критикуютъ, безпощадно указываютъ на его слабыя стороны, но все-таки на дѣлѣ охраняютъ, поддерживаютъ и развиваютъ конституціонныя учрежденія. И если тамъ критика конституціонализма и парламентаризма имѣетъ, въ общемъ, до сихъ поръ академическій характеръ, то у насъ она вырождается въ нѣчто уже совершенно оторванное отъ практической жизни. Мы заранѣе страстно критикуемъ то, чего мы, собственно, даже не видали еще вблизи. Французы и англичане могутъ совершенно спокойно и безъ всякой практической опасности для себя критиковать, порицать и осмѣивать конституціонныя учрежденія. Они политически сыты, элементарныя права человѣка и гражданина у нихъ есть, и зная, что никто у нихъ этихъ правъ не отниметъ, они могутъ высокомѣрно говорить о недостаточности этихъ правъ, о необходимости создать на мѣстѣ нынѣшняго строя нѣчто новое, болѣе совершенное. Но когда мы, лишенные этихъ элементарныхъ правъ, поступаемъ также, мы походимъ на человѣка въ рубищѣ, который сталъ бы критиковать покрой выставленнаго за стекломъ магазина готоваго платья, быть можетъ не особенно удобнаго и красиваго, но все же защищающаго отъ холода.

Моя статья, по своему объему, уже вышла за предѣлы подобнаго рода статей, и я спѣшу окончить ее, чтобы не утомить читателей. Я предвижу, что выводы ея во многихъ изъ нихъ могутъ вызвать разочарованіе. Она не указываетъ новаго пути, она только призываетъ вернуться на старый путь, проложенный шагъ за шагомъ работой многихъ поколѣній, и итти по нему

далѣе, какъ бы крутъ и тернистъ онъ ни казался. Это, конечно, не ново. Но мнѣ казалось, что именно теперь среди охлажденія къ политикѣ съ одной стороны и сведенія политики на почву мелкихъ дѣлъ и закулисныхъ интригъ съ другой, болѣе, чѣмъ когда-либо умѣстно напомнить о коренныхъ политическихъ задачахъ, вставшихъ передъ русскимъ обществомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и до его времени не получившихъ осуществленія. Мнѣ хотѣлось указать, что путь, ведущій къ ихъ осуществленію, хотя и труденъ, но не такъ длиненъ, какъ это кажется многимъ. Я былъ бы счастливъ, если бы мнѣ удалось заставить задуматься хоть нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто отворачивается отъ политической дѣятельности и бѣжитъ отъ ня въ другія области жизни. Да, политика—дѣло трудное и неблагодарное, часто скучное, временами требующее тяжелыхъ жертвъ. Но безъ живого участія въ ней всего общества, а не только лицъ, спеціально посвятившихъ себя ей, невозможна здоровая общественная жизнь. Утрата интереса къ политическимъ вопросамъ есть симптомъ серьезнаго недуга общественнаго организма. Общество должно жить не только жизнью мысли и чувства, но и жизнью воли, и эту жизнь воли еще великій политическій мыслитель древности справедливо отождествлялъ съ жизнью политической (Βιος πολιτικός). При политическомъ застоѣ и индиферентизмѣ выродятся и заглохнутъ и другія стороны общественнаго быта. И тѣ цвѣты культуры, которые выростутъ на этой почвѣ, будутъ нездоровые и ядовитые цвѣты.

Ѳ. Кокошкинъ.

Мѣстное самоуправленіе.

1.

Псковскій лѣтописецъ за 1541 годъ отмѣчаетъ: „тоя же зимы бысть жалованіе государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Руси до всей своей Русской земли, млада возрастомъ 11 лѣтъ и старѣйша умомъ: до своей отчины милосердова, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всѣмъ градомъ большимъ, и по пригородамъ и по волостемъ, лихихъ людей обыскивати самимъ крестьяномъ межъ себя по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, и не водя къ намѣстникомъ и къ ихъ тивунамъ лихихъ людей-разбойниковъ и татей. И бысть намѣстникомъ по городамъ нелюбка велика на христіянъ. А Псковичи такову грамоту взяша и начаша Псковскіе цѣловальники и соцкіе судити лихихъ людей на княжи дворѣ въ судницы надъ Великою рѣкою, смертною казнію ихъ казнити. И бысть намѣстникъ на Псковѣ одинъ князь Василей Репнинъ-Оболенской, и была ему нелюбка до Псковичъ велика, что у нихъ, какъ зерцало, государева грамота; и бысть крестьянамъ радость и льгота велика отъ лихихъ людей, и отъ поклепцовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ ихъ недѣльщиковъ, и отъ ѣздоковъ, кои по волостемъ ѣздятъ. И начаша Псковичи за государя Бога молить“.

Лѣтописецъ излагаетъ сущность коренного и по тому времени великаго преобразованія мѣстнаго управленія на Руси, начатаго въ малолѣтство Ивана Грознаго и законченнаго имъ самимъ— передачу всего мѣстнаго управленія изъ рукъ намѣстниковъ самому населенію. Ярко и образно въ строкахъ этихъ сказалось и личное отношеніе лѣтописца къ преобразованію. Онъ раздѣляетъ радость населенія по случаю освобожденія его отъ власти и даже

присутствія кормленщиковъ и не можетъ удержаться отъ остраго слова по ихъ адресу.

Перечисляя тяготы, отъ которыхъ освободилось населеніе, и разсказывая о недовольствѣ реформой безсильныхъ теперь намѣстниковъ, онъ ставитъ ихъ въ одинъ уровень съ „лихими людьми". Прошло 360 лѣтъ,—и мы, современники начала новой и великой эпохи въ русской жизни, безъ всякаго усилія воспринимаемъ настроеніе лѣтописца. Намъ немного надо добавить воображеніемъ, чтобы вполнѣ понять радость населенія Псковской области. Вѣка отдѣляютъ насъ отъ этого момента; мы живемъ среди совершенно иныхъ внѣшнихъ и культурныхъ условій, а, читая эти строки, словно переживаемъ ощущенія псковичей первой половины XVI вѣка. Очевидно, въ условіяхъ жизни за эти періоды есть что-то общее. Это общее проявляется на всемъ протяженіи историческаго періода жизни Руси, отъ появленія въ Новгородской области Юрика-Новосела съ его дружиной до нашихъ дней. Стѣсненіе мѣстной самостоятельности, постепенное подчиненіе всей мѣстной жизни вліянію почти безконтрольныхъ и неотвѣтственныхъ администраторовъ, назначаемыхъ изъ центра, извлеченіе изъ населенія денежныхъ средствъ въ мѣрѣ, превышающей платежныя силы, неправды и обиды, чинимыя населенію какъ администраціей, такъ и представителями командующихъ классовъ, личное безправіе, мѣстное нестроеніе и хозяйственное истощеніе населенія—все это можно встрѣтить во всѣ періоды жизни Руси: измѣнялись только во времени формы проявленія всего этого. Населеніе не оставалось равнодушнымъ къ своему положенію. Гдѣ только представлялась дѣйствительная возможность, оно принимало доступныя ему мѣры къ возстановленію своей самостоятельности въ мѣстномъ управленіи. Но ходъ исторіи былъ таковъ, что земщина, достигшая высшей точки развитія при Иванѣ Грозномъ, начала затѣмъ хирѣть и наконецъ была подчинена, а частью поглощена администраціей и командующими классами. Наши отцы, дѣятели временъ „великихъ реформъ", пользуясь временными благопріятными условіями, сдѣлали удачную попытку возродить земщину, но мы, ихъ дѣти, стоимъ вновь передъ тѣми же задачами, передъ которыми въ области мѣстнаго управленія Русь стояла во всѣ вѣка. Но задача нашего времени и обширнѣе, и сложнѣе, чѣмъ у нашихъ предковъ хотя бы даже XVI вѣка. Тѣ, пользуясь нуждой центральнаго правительства въ наличныхъ деньгахъ, въ челобитныхъ своихъ обезпечивали государевой казнѣ

оклады взамѣнъ „кормленія“ и получали за это „губныя“, а затѣмъ и „уставныя“ грамоты, освобождавшія ихъ не только отъ подчиненія правительственнымъ агентамъ, но и ставившія ихъ почти внѣ контроля центральныхъ учрежденій. Взаимныя отношенія, административныя и судебныя потребности были не сложны и грубы, а средства борьбы съ притѣсненіями были упрощены: населеніе просто разбѣгалось въ разныя стороны. Центръ, заинтересованный въ полученіи денегъ, для удержанія на мѣстахъ населенія долженъ былъ идти на то, чего какъ бы униженно добивалось населеніе въ челобитныхъ. Въ одной изъ такихъ уставныхъ грамотъ со словъ челобитчиковъ говорится: „что намъ били челомъ, а сказывали, что-де у нихъ... на посадѣхъ многіе дворы, а въ станѣхъ и въ волостѣхъ многіе деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ важескихъ намѣстниковъ, и отъ ихъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ, и отъ костарей; а важского-де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормити не мочно, и отъ того-де у нихъ въ станѣхъ и въ волостѣхъ многіе деревни запустѣли и крестьяне-де у нихъ отъ того насильства, и продажи и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и изъ волостей хрестьяне разошлись въ монастыри..., и иные-де посадскіе люди и становые и волостные кой-куда безвѣстно разбрелись порознь“. Все это уже не „слезы“ челобитчиковъ, а угрожающіе факты. „Москва слезамъ не вѣритъ“, говоритъ вѣковой народный опытъ, а тутъ она не только повѣрила, но и сдѣлала все, чего отъ нея требовали, и за ту самую ежегодную плату, которую челобитчики сами какъ-то вычислили по „корму“ и прочимъ намѣстническимъ доходамъ. Мы не можемъ ни разбѣжаться въ разныя стороны, ни купить за ежегодный окладъ свободу въ мѣстномъ управленіи. Намъ приходится идти инымъ путемъ для созданія на мѣстахъ порядковъ, при которыхъ можно было бы спокойно работать и быть человѣкомъ-гражданиномъ.

Описаніе современнаго положенія на мѣстахъ могло бы дать документъ, оставляющій далеко позади челобитныя стародавнихъ временъ: впечатлѣніе получилось бы потрясающее. Такое описаніе не входитъ въ нашу задачу. Мы должны ограничиться самымъ немногимъ и безспорнымъ въ силу общеизвѣстности. Тутъ на первый планъ выдвигается повальный произволъ, охватившій всѣ стороны мѣстной жизни. Люди изъ всѣхъ слоевъ населенія удо-

стовѣряютъ, что грубая физическая сила и деньги являются господствующими факторами жизни; уваженіе къ чужой личности, къ чужимъ правамъ отсутствуетъ. Это проявляется одинаково, какъ во взаимныхъ отношеніяхъ населенія, такъ и въ отношеніяхъ его къ администраціи и обратно. „Жить нельзя стало“,—въ одинъ голосъ говорятъ землевладѣльцы, земледѣльцы, торговцы, рабочіе, промышленники и даже представители мѣстной администраціи. И дѣйствительно, такъ жить нельзя, ибо это уже даже не царство произвола, а начало распада общества. Борьба съ этимъ явленіемъ, путемъ физической силы и устрашенія, тѣмъ, что иногда называютъ „усиленіемъ власти“, приводитъ къ обратнымъ результатамъ: съ каждымъ разомъ приходится все болѣе и болѣе усиливать мѣры воздѣйствія... Два съ половиной вѣка насилія человѣка надъ человѣкомъ сдѣлали свое дѣло. Если власть надъ себѣ подобнымъ въ формѣ рабства развращаетъ и раба, и рабовладѣльца, то рабская власть надъ человѣкомъ одного племени, культуры и даже иногда происхожденія вноситъ въ общество уже начало разложенія. Рабство, какъ институтъ, было наконецъ уничтожено, но бывшіе рабы не стали отъ этого полноправными гражданами; они были обособлены и подчинены во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ ограниченіямъ и бывшимъ „господамъ“, занявшимъ мѣста ихъ начальниковъ и опекуновъ. Просвѣщеніе и забота о подъемѣ благосостоянія удѣлялись имъ самой скудной мѣрой. Сорокъ лѣтъ такого образа дѣйствія принесли свои плоды. Людей, которыхъ не считали способными пользоваться общегражданской свободой, безъ предварительной подготовки поставили въ условія, убѣдившія ихъ, что деньги и сила—главное въ жизни, такъ какъ даже законъ и справедливость отступаютъ передъ ними. Присущая массѣ идея „правды“ попиралась чуть не ежедневно, постоянно задѣвалось чувство собственнаго достоинства, а рядомъ съ этимъ росло сознаніе своей человѣческой личности и правъ. Подчиненіе произволу стало, наконецъ, для многихъ непереносимымъ. Произволъ одной стороны сталъ порождать произволъ и съ другой. Бороться съ такимъ положеніемъ вещей можно только однимъ способомъ,—уничтоженіемъ произвола во всѣхъ его видахъ. Власть, пользующаяся довѣріемъ населенія, созданіе условій, при которыхъ невозможно господство однихъ надъ другими, истинная законность, т. е. живая, а не бумажная—вотъ основныя условія для развитія началъ правды, таящихся въ массахъ.

Идея необходимости жертвовать мѣстными и частными инте-

ресами ради мощи и единства государства, искаженная и доведенная въ примѣненіи до крайности, явилась другимъ источникомъ дѣлавшимъ мѣстную жизнь тяжелой, а подчасъ и невыносимой. Проявленіе общественной самодѣятельности, всякое живое общественное начинаніе подавлялись, а иногда и преслѣдовались, какъ обстоятельства, угрожающія государственнымъ интересамъ; живое слово и даже просто несогласіе со взглядами администраціи разсматривались, какъ проявленіе преступной воли. Соотвѣтственно этому и вся область мѣстнаго управленія была прямо или косвенно подчинена администраціи, въ свою очередь, и по служебному положенію, и по объему правъ, цѣликомъ зависимой отъ центральной власти. Полное подавленіе общественной жизни и безусловное подчиненіе вопросовъ мѣстнаго управленія центральной власти при законодательствѣ, не считавшемся съ мѣстными интересами, и при отсутствіи правильныхъ путей для выраженія общественнаго мнѣнія— повели за собой замираніе общественной жизни, упраздненіе чувства солидарности и понизили силу сопротивленія общества явленіямъ, вреднымъ для самого общества. Сдѣлайте изъ обывателей гражданъ, объедините ихъ на почвѣ разнообразныхъ общечеловѣческихъ и общественныхъ интересовъ, создайте дѣйствительную децентрализацію мѣстнаго управленія, дайте въ немъ исходъ тѣмъ мѣстнымъ силамъ, которыя всегда въ обиліи на-лицо, и вы создадите сильное мѣстное управленіе и сплоченное и правомѣрное общество, среди котораго будутъ немыслимы массовые разбои, грабежи и убійства, но немыслимо будетъ и проявленіе произвола.

Когда мы говоримъ о возможности улучшенія условій жизни на мѣстахъ, то предполагаемъ наступленіе болѣе или менѣе нормальныхъ общихъ условій. Несомнѣнно, что безъ устраненія законодательнымъ путемъ земельной нужды, земельнаго утѣсненія, безъ установленія дѣйствительныхъ „свободъ“ ни мѣстная, ни государственная жизнь не могутъ идти правильно. Тотъ, кто думаетъ, что чрезвычайная охрана, военный судъ и все, что связано съ ними, должны попрежнему быть единственными средствами водворенія и охраны, такъ называемыхъ, успокоенія и спокойствія, конечно, не станетъ безпокоиться о томъ, что на мѣстахъ жизнь сдѣлалась трудно выносимой. Распадъ, наблюдаемый въ настоящее время,— явленіе переходнаго времени. Внимательный наблюдатель и теперь уже можетъ открыть признаки того, что рядомъ съ явленіями распада въ массѣ идетъ созидательный процессъ. И не такъ уже далеко время, когда должны будутъ наступить новыя условія жизни.

Итакъ, при новомъ мѣстномъ укладѣ власти должны пользоваться полнымъ довѣріемъ населенія; никто не долженъ имѣть возможности господствовать надъ себѣ подобнымъ, ни отдѣльное лицо, ни классъ, ни сословіе; все мѣстное населеніе должно быть равноправно; проявленія общественной самодѣятельности и почина должны быть свободны; всѣ отрасли мѣстной жизни не могутъ быть подчинены центральной власти; мѣстныя силы должны найти себѣ примѣненіе въ мѣстномъ управленіи; населенію должна быть обезпечена истинная законность. Прежде всего и легче всего назвать все это утопіей. Затѣмъ, если это возраженіе будетъ устранено приведеніемъ фактовъ изъ прошлаго и настоящаго, прійдется ссылаться на наши „исконныя начала“, которымъ-де противорѣчитъ такой порядокъ, ссылаться на обычную въ такихъ случаяхъ отговорку о неподготовленности народа къ преобразованію. Если удастся выбить и изъ этой позиціи, то наготовѣ будетъ заявленіе, что все это безпочвенно и разлетится въ прахъ при первой попыткѣ набросать хотя бы основныя черты реформы. На этотъ случай можетъ быть представленъ проектъ основаній такой реформы, выработанный совмѣстными усиліями общественныхъ дѣятелей и бывшихъ администраторовъ, далекихъ отъ мечтаній и безпочвенности. Остается послѣднее возраженіе, что при современныхъ условіяхъ нѣтъ надежды на проведеніе такого проекта законодательнымъ путемъ. Возраженіе чрезвычайно вѣское, но не обезкураживающее. Многое, что вчера считалось недостижимымъ, какъ луна,—сегодня оказывается не только вполнѣ возможнымъ, но и всѣми одобряемымъ. Жизнь создаетъ такія неожиданности, передъ которыми проведеніе общественной реформы, задуманной на правильныхъ и жизненныхъ основахъ, является сравнительно легкой задачей. Важно, чтобы основы реформы соотвѣтствовали духу времени, потребностямъ массъ и ихъ представленію о правдѣ и справедливости.

2.

Защитники существующаго, защитники жизненнаго застоя въ борьбѣ съ преобразованіями, въ попыткахъ остановить жизнь прибѣгаютъ обычно къ ссылкѣ на освященные вѣками обычаи, на исконныя начала русскаго народа. Исконныя начала въ области внутренняго управленія, несомнѣнно, существуютъ, но реакція для преобразованій въ этой области какъ-то не склонна ссылаться на

эти начала и частенько черпаетъ основанія для измѣненій въ мѣстномъ управленіи изъ иностраннаго законодательства, далекаго отъ русскихъ исконныхъ началъ.

Мы не въ состояніи дать точную и полную картину внутренняго управленія на Руси въ различны періоды ея жизни. Такой картины не даетъ даже современная исторія русскаго права, такъ какъ документальныхъ данныхъ для этого недостаточно. Мы были бы удовлетворены, если бы въ краткомъ наброскѣ сумѣли дать ясно понять то общее, что у насъ есть въ области этихъ вопросовъ со взглядами поколѣній, отдѣленныхъ отъ насъ вѣками и тысячелѣтіями. Когда мы говоримъ о внутреннемъ управленіи въ древности, то разумѣемъ подъ этимъ по содержанію, конечно, нѣчто иное, чѣмъ въ наше время. Государственныя и общественныя потребности были въ древности иныя, иныя были отношенія къ жизни, обычаи, нравы, вообще культура. Да и на протяженіи всей жизни Россіи объемъ предметовъ, входившихъ въ область внутренняго управленія, не оставался одинъ и тотъ же, а измѣнялся во времени вмѣстѣ съ потребностями и развитіемъ населенія. Какъ на примѣръ, можно указать на развившіяся на нашей памяти совершенно новыя отрасли внутренняго управленія: земскую медицину, земскія агрономію и статистику. Письменные памятники древности останавливаютъ свое вниманіе не на всѣхъ отрасляхъ внутренняго управленія, а лишь на самыхъ главныхъ для населенія даннаго времени. Умолчаніе объ остальныхъ отрасляхъ не значитъ, конечно, что у населенія не было въ этой области другихъ задачъ. Это означаетъ только, что или они были незначительны и не обращали на себя вниманіе сторонняго наблюдателя—или выполнялись самимъ населеніемъ по обычаямъ, настолько общеизвѣстнымъ, что не приходило даже на мысль ихъ описывать.

Въ тревожныя времена, которыя приходилось переживать въ древности, населеніе было озабочено главнымъ образомъ охраной жизни и имущества. Поэтому все его вниманіе было обращено на то, что теперь составляетъ отрасли полиціи безопасности, судебной полиціи и суда. Судъ и управленіе въ древности были нераздѣльны. Письменные памятники касаются почти исключительно этихъ частей управленія. Если обратиться къ временамъ, предшествовавшимъ княжескому періоду на Руси, то относительно внутренняго управленія найдемъ лишь отрывочныя указанія. Но подойти къ вопросу можно, исходя изъ общности нѣкоторыхъ

началъ всему древнему славянству. До насъ дошелъ отъ конца XV вѣка сборникъ обычныхъ и законодательныхъ постановленій „Полицкой“ общины, которая существовала на берегахъ Адріатическаго моря, въ теперешней Далмаціи, и долго жила по изстариннымъ обычаямъ и уставамъ замѣчательной древности. Община эта была исключительно сельская, такъ какъ городская община тамъ совершенно не развилась до того, что статутъ даже запрещалъ учрежденіе „градовъ“, какъ новшество, опасное для общины.

Эта славянская община, волость, или „жупа“, какъ она называлась у полицкихъ славянъ, состояла изъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ; во главѣ каждой изъ нихъ стояло общинное собраніе—вѣче и отдѣльныя выборныя должностныя лица—старшины. Въ лицѣ этихъ органовъ каждая община пользовалась полной самостоятельностью—судебной, административной и даже законодательной. Дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ въ совокупности, вѣдались „большимъ вѣчемъ“, состоявшимъ изъ „всѣхъ поличанъ“. До появленія князя верховная власть принадлежитъ этому большому вѣчу и народной администраціи („господа“, „поглавица“). Эта послѣдняя заключала въ себѣ совѣтъ, или „малое вѣче“—собраніе выборныхъ (главарей) отъ отдѣльныхъ общинъ. Во главѣ совѣта стоялъ выбираемый всѣмъ народомъ „жупанъ“. Жупанъ трижды въ году дѣлалъ объѣздъ съ цѣлымъ дворомъ и судьями и судилъ въ общинахъ дѣла, не подлежавшія суду органовъ отдѣльныхъ общинъ. Дѣла разбирались на общинныхъ сходкахъ. Судьи были тоже выборные. Все остальное въ отдѣльныхъ общинахъ вѣдалось ими самими. Въ предѣлахъ каждой общины старшина по своему значенію соотвѣтствовалъ общеполицкому жупану.

У балтійскихъ славянъ въ докняжескій періодъ существовало такое же устройство. Все общественное управленіе было у нихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ древнѣйшую эпоху славянской жизни вообще. Они распадались на отдѣльные союзы деревень—жупы, составлявшія каждая отдѣльное общество. Но здѣсь, какъ и на Руси, во главѣ жупы (у насъ—волости) стоялъ городъ, съ которымъ отдѣльныя мелкія общины составляли одно цѣлое. И здѣсь общій совѣтъ (вѣче)—во главѣ всѣхъ отдѣльныхъ общинъ въ городѣ. Каждая отдѣльная община вѣдалась сама, рѣшая дѣла на сходкѣ народа.

Такого же рода строй имѣлъ мѣсто и на Руси въ докняжескій періодъ. Если мы не имѣемъ подробныхъ описаній этого строя,

то имѣемъ рядъ неполныхъ указаній и много данныхъ изъ послѣдующаго періода, указывающихъ на существованіе болѣе древняго обычая и уклада. Эти указанія относятся главнымъ образомъ къ Новгороду и Пскову. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ отдѣльныхъ общинахъ существовали свои выборные сотскіе и десятскіе, которые вѣдали всю хозяйственную и полицейскую дѣятельность общины того времени. Они были и органами суда, принадлежавшаго общинѣ по отношенію къ отдѣльнымъ ея членамъ. Представленіе о полной самостоятельности общины въ области суда и расправы было настолько крѣпко въ правовомъ сознаніи населенія, что такой судъ и расправа сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преимущественно западной Руси до XVIII столѣтія, хотя въ послѣднемъ уже были запрещены закономъ. Въ нѣсколькихъ судебныхъ дѣлахъ, относящихся къ XVI, XVII, XVIII столѣтіямъ, имѣются описанія судовъ, состоявшихъ изъ собранія сельскихъ общинъ, и всей слѣдственной и судебной процедурой почти ничѣмъ не отличавшихся отъ порядковъ, указанныхъ въ „Русской Правдѣ“. На основаніи этихъ данныхъ можно сказать, что описанный для Полицкой общины строй былъ строемъ нашихъ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ, который и застали на Руси уже вполнѣ готовымъ князья Рюриковичи. Въ началѣ князья совершенно не тронули этотъ строй: они заботились только о сборѣ дани и военныхъ походахъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ своей власти, они не уничтожили, а пользовались имъ для цѣлей государственныхъ, приспособляя его къ новымъ потребностямъ и условіямъ государства.—Развитіе правительственной княжеской организаціи длилось около восьми вѣковъ. Соотвѣтственно этому измѣненіе и вырожденіе исконнаго общиннаго строя шло медленными шагами и къ концу періода всетаки не умерло. Исторія роста княжеской администраціи есть исторія видоизмѣненія общины и ея самостоятельности. Всѣ изслѣдователи старины въ послѣднее время не отрицаютъ существованія въ нашей древней исторіи, именно до XVI вѣка, рядомъ съ княжескимъ управленіемъ самоуправленія общинъ. Такъ, за отдѣльными общинами остались судъ и расправа по дѣламъ членовъ общины, участіе черезъ выборныхъ въ судѣ князя и его чиновниковъ, раскладка сборовъ на постройку городовъ, кремлей и мостовыхъ, избраніе приходскаго духовенства, установленіе праздничнаго отдыха и т. п. Остатки стараго общиннаго строя пережили даже татарское иго. Такова была жизненная сила исконнаго русскаго народнаго строя. Обломки старой общин-

ной жизни возводятся даже въ законъ новой жизни. Судебникъ Ивана III обязательнымъ для всей Руси закономъ освящаетъ участіе земскихъ „добрыхъ людей“ въ судахъ княжескихъ судей.

XVI вѣкъ былъ вѣкомъ расцвѣта земщины. Именно теперь, въ царствованіе Ивана Грознаго, поборника идеи неограниченной монархической власти и въ теоріи, и на практикѣ, населеніе получило въ свои руки все внутреннее управленіе съ упраздненіемъ на мѣстахъ всякаго рода представителей государственной власти, начиная отъ намѣстниковъ. Это преобразованіе, которое по нынѣшнимъ временамъ назвали бы великой реформой, было произведено не сразу и не на основаніи какихъ-либо теоретическихъ соображеній. Для насъ, отыскивающихъ исконныя народныя начала, важно, что преобразованіе это произошло не по усмотрѣнію сверху, а по указанію снизу, отъ самого населенія. Указанія эти назывались челобитными. Подавались они царю лично представителями населенія. По содержанію это были акты народнаго законодательнаго творчества, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что въ самыхъ челобитныхъ заранѣе указывался тотъ мѣстный строй, о которомъ били челомъ, тотъ органическій уставъ, которымъ напредки должно было руководствоваться въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Въ виду непрестанныхъ жалобъ населенія на разоренія и неправды со стороны царскихъ намѣстниковъ правительству уже въ малолѣтство Ивана Грознаго въ отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ челобитныя убѣждали, что той или иной мѣстности вслѣдствіе административныхъ пріемовъ грозитъ не только разореніе, но и полное обезлюдѣніе, пришлось согласиться на мѣры, указываемыя челобитчиками. На первое время дѣло ограничивалось, такъ называемыми, губными грамотами, которыми рядомъ съ намѣстникомъ учреждались самостоятельныя выборныя лица и учрежденія, которымъ предоставлялись судъ и расправа и поимка лихихъ людей безъ всякаго участія намѣстника. Вызвано это было тѣмъ, что число преступленій, особенно разбоевъ, возросло непомѣрно. Но по мѣрѣ того, какъ челобитныя раскрывали дѣйствительную картину намѣстническаго управленія, Московскому правительству приходилось убѣдиться, что одной борьбой съ преступленіями не обойдешься, и что для сохраненія населенія и поддержанія его платежныхъ силъ необходимо, какъ указывало само населеніе, передать ему самому все дѣло внутренняго управленія, поручивъ ему и собираніе государевыхъ доходовъ и освободивъ его отъ присутствія намѣстниковъ. Съ этого времени начинаются уже не

губныя, а уставныя земскія грамоты. Съ увѣренностью можно утверждать, что новое земское управленіе съ устраненіемъ представителей правительственной администраціи къ 1556 году было введено повсемѣстно за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ окраинныхъ мѣстъ, гдѣ по соображеніямъ оборонительнымъ сохранены были воеводы. На введеніе такого строя верховная власть давала согласіе тѣмъ охотнѣе, что нуждалась въ наличныхъ деньгахъ, которыя населеніе обязывалось вносить бездоимочно въ царскую казну. Это обстоятельство было чрезвычайно важно, такъ какъ намѣстники-кормленщики и въ отношеніи сбора и доставленія въ Москву всѣхъ „кормовъ“ (сборы натурой), пошлинъ и штрафовъ оказались незаслуживающими никакого довѣрія.

Предѣлы вѣдомства новой земщины обнимали всѣ отрасли управленія. Земскими властями были: излюбленные головы, впослѣдствіи называвшіеся старостами, земскіе дьяки и лучшіе люди, или цѣловальники. Затѣмъ въ каждой общинѣ были сотскіе, пятидесятскіе. Образцомъ уставныхъ грамотъ можетъ служить „важская грамота“, данная въ 1552 году. По челобитью царь пожаловалъ челобитчиковъ „важскому намѣстнику и... важскаго намѣстника тіуну и его пошлиннымъ людемъ въ станѣхъ и въ волостяхъ впередъ быти не велѣлъ,—а велѣлъ есми у нихъ быти... излюбленнымъ головамъ“. И имъ, излюбленнымъ головамъ, повелѣлъ „на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ... межъ себя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ“. На излюбленныхъ людей возлагается сборъ оброка и привозъ его въ Москву прямо царскимъ казначеямъ. На нихъ же прямо возлагается сборъ и доставленіе всѣхъ прочихъ прямыхъ налоговъ того времени. Властямъ этимъ даются всѣ права губныхъ учрежденій, причемъ въ грамотѣ опредѣляется весь уголовный процессъ. Имъ же передается и судъ гражданскій. Внутри общинъ раскладка оброка должна была производиться ими самими. На земскихъ выборныхъ людей возлагались заботы и о заселеніи края: „на пустыя мѣста дворовые... въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища хрестьянъ называть“. Выборнымъ ввѣрялась и полиція: охраненіе уѣзда отъ воровства, разбоя, всякихъ лихихъ людей, ябедниковъ и подписчиковъ, („кто учнетъ руки подписывати“); преслѣдованіе азартныхъ игоръ (или костари учнутъ воровати, зернью играти“); преслѣдованіе корчемства, надзоръ за домашнимъ винокуреніемъ („которымъ людемъ лучится къ празднику канунъ сварити,“ или родители помянути, или на крестины, или на родины, и тѣ люди

докладываютъ о томъ излюбленныхъ головъ... и тѣ... тѣмъ людемъ освобождаютъ питья варити и пити дни на три, или на четыре, или на пять...“). На выборныхъ возлагается забота о томъ, чтобы никто не причинялъ населенію обидъ и не бралъ съ него разнаго рода поборовъ. Въ грамотѣ не былъ указанъ ни порядокъ выборовъ, ни внутренняя организація общинъ. Но характернымъ является указаніе въ самой челобитной, что населеніе уже выбрало себѣ излюбленныхъ людей; они поименно перечислены въ грамотѣ и принимаются ею, какъ тѣ лица, которымъ поручается управленіе. Это несомнѣнно указываетъ, что выборы, внутренняя организація общинъ, составъ выборныхъ должностныхъ лицъ—были обстоятельства, до того всѣмъ извѣстныя и безспорныя, основанныя на изстариныхъ обычаяхъ, что о нихъ и говорить не слѣдовало. Въ этомъ вновь встрѣчаемся съ остатками старинаго начала полной самостоятельности общины въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Новый земскій строй распространился такъ быстро по всей Руси, потому что былъ выработанъ по соглашенію между отдѣльными мѣстностями и основывался на сохранившихся въ населеніи остаткахъ былой самостоятельности. На предварительное соглашеніе указываютъ челобитныя, приносимыя сразу отъ нѣсколькихъ мѣстностей. Несомнѣнно, что составленіе такихъ челобитныхъ требовало предварительныхъ соглашеній и подписи челобитныхъ по разнымъ городамъ. Обсылка городовъ письмами по разнымъ дѣламъ не была рѣдкостью. Такія же обсылки происходили и въ смутное время. Можно думать, что общественная жизнь и самодѣятельность были въ этотъ періодъ значительно развиты, что и дало достаточный контингентъ для исполнительныхъ органовъ и создало благопріятныя условія къ развитію земскаго мѣстнаго управленія. Широкое развитіе земщины явилось въ свою очередь благопріятнымъ обстоятельствомъ для возрожденія государства въ смутное время силами этой самой земщины.

Въ послѣдующіе періоды земское управленіе начинаетъ постепенно замѣняться воеводскимъ управленіемъ, подчиняться ему и превращаться въ простое орудіе приказнаго строя: но совершается это постепенно и медленно, и долго еще въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ оно продолжаетъ дѣйствовать на основаніи мѣстныхъ уставныхъ грамотъ, подтверждаемыхъ послѣдующими царями. Такое подтвержденіе грамотъ продолжалось въ отдѣльныхъ случаяхъ до Петра Великаго. Да и, вообще, можно сказать, что земское начало никогда не уничтожалось совершенно и въ послѣдующее время;

но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не могло получить широкаго развитія, такъ какъ для этого должна была существовать среда и условія, благопріятныя для сплоченія общественныхъ элементовъ. На самомъ дѣлѣ государственная политика, экономическія условія, развитіе сословнаго начала и выдвиганіе впередъ командующаго класса, а главное—развитіе личнаго рабства вмѣсто общественной свободы способствовали только разъединенію всего добраго. Во всякомъ случаѣ кромѣ сословныхъ управленій остаткомъ земщины Грознаго были и управленія крестьянъ, не попавшихъ въ крѣпостную зависимость. Не слѣдуетъ забывать, что въ половинѣ прошлаго вѣка около трети всѣхъ крестьянъ числились государственными; мѣстами на сѣверѣ они сплошь заселяли огромныя пространства. При Петрѣ I они сохранили свою организацію въ неприкосновенности. При дальнѣйшихъ преобразованіяхъ о нихъ словно забыли, и лишь при Павлѣ эта организація закрѣплена закономъ. Если вы просмотрите наказы депутатамъ Екатерининской комиссіи, наказы депутатамъ отъ крестьянъ въ государственную думу, то должны будете признать, что исконное русское начало сохранилось въ сознаніи народа, который неустанно продолжаетъ настаивать на предоставленіи ему самостоятельности въ мѣстномъ управленіи и устраненіи отъ этого дѣла администраціи. Русскія челобитныя всѣхъ временъ въ этомъ одинаковы; онѣ отличаются, въ зависимости отъ эпохи, только характеромъ приводимыхъ въ нихъ общественныхъ явленій, языкомъ, образностью и силой изложенія.

Эти примѣры изъ исторіи даютъ полное право утверждать, что основныя положенія устройства мѣстнаго управленія, выставленныя нами, — не утопичны, такъ какъ примѣнялись въ свое время на дѣлѣ, и вполнѣ соотвѣтствуютъ исконнымъ нашимъ началамъ. Мы далеки отъ того, чтобы выставлять старину, какъ что-то идеальное, подлежащее возврату: мы смотримъ на все это, какъ на жизненный опытъ, результатами котораго мы можемъ воспользоваться, сохранивъ все, что оказалось здоровымъ и жизненнымъ, и откинувъ все непригодное. Мы живемъ совершенно въ иныхъ условіяхъ, общественныя потребности и отношенія у насъ также иныя, мы должны считаться и съ научными данными и положеніями и принимать во вниманіе многое, что было неизвѣстно въ старину. Но все это не дѣлаетъ примѣненіе основныхъ положеній невозможнымъ. По крайней мѣрѣ на примѣрѣ одной изъ наиболѣе культурныхъ странъ, Англіи, мы можемъ видѣть, что примѣненіе этихъ самыхъ основъ въ мѣстномъ

управленіи ведетъ къ укрѣпленію государства и процвѣтанію населенія, и вполнѣ примѣнимо при современныхъ культурныхъ условіяхъ.

3.

Когда говорятъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіяхъ, многіе до сихъ поръ склонны думать, что рѣчь идетъ о мѣстныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ мѣстныя хозяйственныя или свои особыя мѣстныя нужды. Такое воззрѣніе на эти учрежденія долгое время поддерживали сознательно или безсознательно даже наиболѣе горячіе ихъ приверженцы, черпая въ такомъ опредѣленіи земства основанія для приданія ему полной самостоятельности въ его дѣйствіяхъ. На дѣлѣ земскія и городскія общественныя управленія являются государственными органами для мѣстнаго управленія. Если присмотрѣться къ дѣятельности этихъ учрежденій, то придется признать, что дѣятельность ихъ далека отъ такъ называемой хозяйственной, что въ сущности эти учрежденія призваны завѣдывать и регулировать цѣлые отдѣлы управленія, имѣющіе государственное значеніе. Нельзя также признать вѣрнымъ опредѣленіе, что эти учрежденія вѣдаютъ исключительно мѣстныя пользы и нужды. Такая точка зрѣнія, проводимая даже въ законодательствѣ объ этихъ учрежденіяхъ, должна быть признана искусственной. Можно даже думать, что она проведена въ законодательствѣ исключительно съ цѣлью какъ можно дольше удержать эти учрежденія отъ проявленія инициативы въ области государственнаго законодательства, удержать отъ „челобитныхъ“, отъ представленія „ходатайствъ“ о разныхъ преобразованіяхъ въ области государственнаго управленія. Въ дѣйствительности нельзя почти указать ни одной области государственнаго управленія, которая не затрагивала бы мѣстныя пользы и нужды; съ другой стороны почти всякое удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ является удовлетвореніемъ государственныхъ потребностей. Каждый разъ, когда земскія и городскія учрежденія затрагивали вопросы, по мысли центральнаго правительства запретные, на сцену появлялись „мѣстныя пользы и нужды“, и объявлялось, что предѣлы вѣдомства нарушены. Такое положеніе было удобно для правящей бюрократіи, ревниво охранявшей власть въ своихъ рукахъ, но всегда на практикѣ оспаривалось общественными учре-

жденіями. Сама жизнь показала, что опредѣленіе это невѣрно: сошлемся въ этомъ отношеніи на рядъ представленій земствъ о коренныхъ реформахъ въ области государственнаго управленія и устройства, признанныхъ правильными верховной властью, укажемъ наконецъ, на привлеченіе общественныхъ учрежденій самимъ центральнымъ правительствомъ къ участію въ мѣропріятіяхъ въ родѣ переселенія, имѣющихъ несомнѣнно государственный характеръ.

При опредѣленіи мѣста земскихъ и городскихъ учрежденій въ ряду другихъ органовъ управленія надо окончательно оставить взглядъ на нихъ, какъ на органы исключительно общественные. Надо признать ихъ органами государственными, какими они повсюду являются и по существу. Называйте ихъ органами мѣстнаго управленія, или самоуправленія,—истинное значеніе ихъ отъ этого измѣниться не можетъ. Самый терминъ—„самоуправленіе“ мы оставляемъ очень охотно, такъ какъ общество къ нему привыкло и соединяетъ съ нимъ опредѣленное представленіе о такихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ проявляется общественная самодѣятельность и инціатива. Но во всѣхъ случаяхъ, когда мы будемъ употреблять его, мы будемъ разумѣть нѣчто иное, чѣмъ современныя земскія, городскія и сословныя учрежденія. Мы будемъ подразумѣвать управленіе, которое находится въ рукахъ союзовъ гражданъ, принадлежащихъ къ какой-либо строго ограниченной мѣстности, и притомъ управленіе, въ которомъ эти союзы выполняютъ для этой мѣстности порученія и осуществляютъ правомочія, предоставленныя имъ верховной властью въ законодательномъ порядкѣ. Правомочія и порученія эти должны относиться къ той области дѣятельности государства, которая обращена во внутрь и направлена къ поддержанію порядка, къ защитѣ и развитію всѣхъ интересовъ общественной жизни народа, т. е. къ той области, которую принято называть внутреннимъ управленіемъ. Короче—самоуправленіемъ мы будемъ называть осуществленіе мѣстными союзами гражданъ внутренняго государственнаго управленія въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ закономъ.

Наиболѣе совершеннымъ видомъ такого мѣстнаго самоуправленія мы, лично, считаемъ самоуправленіе, вѣдающее всѣ отрасли внутренняго управленія на мѣстахъ. Именно такая форма существуетъ въ настоящее время въ Англіи, гдѣ государство въ качествѣ центральной верховной власти можетъ управлять на мѣстахъ лишь черезъ посредство союзовъ мѣстныхъ гражданъ, а

не черезъ свои органы. Такая организація представляетъ жизненный элементъ англійскаго правопорядка. Если вспомнить земщину временъ Ивана Грознаго, то придется сказать, что совершенно такая же организація существовала и у насъ на Руси И основа этой организаціи—самодѣятельность гражданъ для заботы объ общественныхъ интересахъ—является исконной русской основой, проходящей рѣзкой чертой черезъ всю жизнь Руси отъ доисторическихъ временъ до нашихъ дней. Это основное народное начало, какъ оказывается, прекрасно уживалось со всѣми формами государственной власти, начиная отъ чистаго типа народоправства и кончая неограниченною властью Грознаго, при которомъ оно достигло даже наивысшаго развитія и силы. При немъ въ провинціи были упразднены всѣ представители центральной власти, и ихъ смѣнили лица по выбору самого населенія. Такое положеніе для современныхъ условій было бы равносильно замѣнѣ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ до губернатора включительно властями выборными. Мы настаиваемъ на томъ, что примѣненіе этихъ исконныхъ русскихъ началъ къ внутреннему управленію есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для спасенія страны отъ распада и неурядицы, въ которыхъ она находится. Весь вопросъ сводится къ размѣрамъ и практическимъ способамъ осуществленія такого громадной важности преобразованія.

Основнымъ, исходнымъ для преобразованія является положеніе, что внутреннее управленіе въ странѣ осуществляется на мѣстахъ союзами гражданъ. Отсюда вытекаетъ прежде всего, что мѣстныя власти, на которыя возлагается все внутреннее управленіе, не могутъ зависѣть отъ центральнаго правительства, а должны быть назначаемы союзами мѣстныхъ гражданъ путемъ выборовъ или прямого назначенія. При практическомъ осуществленіи реформы придется, конечно, точно опредѣлить, какія функціи управленія должны быть отнесены къ области внутренняго управленія и переданы въ самостоятельное завѣдываніе самоуправленій, или мѣстныхъ союзовъ гражданъ. Предѣлы такого расширенія правъ самоуправленій должны быть опредѣлены съ точки зрѣнія государственной пользы. Во всякомъ случаѣ все, что относится къ дѣятельному (активному) управленію, должно быть передано органамъ самоуправленія, за исключеніемъ самаго небольшаго числа предметовъ, коренньмъ образомъ затрагивающихъ государственный интересъ и имѣющихъ преимущественно значеніе общегосударственное. Такимъ образомъ въ первый періодъ реформы, на которомъ мы

и останавливаемся, не предполагается полная замѣна на мѣстахъ чиновниковъ по назначенію отъ правительства лицами по выбору союзовъ гражданъ. Въ первый періодъ и въ губернскомъ, и уѣздномъ управленіи остаются и чины правительственной администраціи, но они должны быть поставлены совершенно въ иное положеніе по отношенію ко всему мѣстному населенію. Практически это сводится къ оставленію на мѣстахъ органовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія, дѣйствующихъ на мѣстахъ (казенная палата, податныя присутствія, казначейства и т. п.), къ упраздненію губернскихъ правленій, ряда губернскихъ присутствій и къ созданію изъ должности губернатора органа дѣйствительной охраны общегосударственныхъ интересовъ и надзора за неуклоннымъ исполненіемъ законовъ должностными лицами, правительственными учрежденіями административнаго вѣдомства и органами самоуправленія. Для предоставленія возможности губернаторамъ на дѣлѣ выполнять всѣ связанныя съ этимъ обязанности при губернаторѣ должны существовать помощники его и даже, если практика покажетъ необходимость, инспектора на мѣстахъ, въ уѣздахъ... За немногими исключеніями всѣ предметы активнаго управленія передаются мѣстнымъ самоуправленіямъ. Изданіе обязательныхъ постановленій остается исключительно за мѣстными самоуправленіями. За губернаторомъ вмѣстѣ съ его помощниками, образующими по болѣе важнымъ дѣламъ совѣтъ, остаются нѣкоторыя функціи губернскихъ правленій и дѣйствительное руководство въ отрасляхъ, особо затрагивающихъ государственный интересъ.

Для того, чтобы надзоръ за законностью дѣйствій правительственныхъ и общественныхъ властей приводилъ къ дѣйствительному установленію законности на мѣстахъ и не обращался въ то же время въ орудіе усмотрѣнія губернаторовъ и въ средство превращенія органовъ самоуправленія въ подчиненныя губернатору учрежденія, въ существующее въ этомъ отношеніи положеніе должно быть внесено коренное измѣненіе. Соблюденіе законности всѣми учрежденіями должно быть обезпечено въ равной мѣрѣ, независимо отъ того, къ какой сферѣ управленія данное правонарушеніе относится и кѣмъ усматривается незаконность, частнымъ лицомъ, властью правительственной или общественной. Въ виду этого всѣ вопросы и споры о законности дѣйствій мѣстныхъ должностныхъ лицъ и установленій должны разсматриваться въ одномъ и томъ же учрежденіи, совершенно независимомъ отъ мѣстной правительственной и обще-

ственной власти. Учрежденіе это, вполнѣ сходное по своимъ задачамъ съ судомъ, правильнѣе всего будетъ построить по типу судебнаго мѣста и включить въ составъ окружнаго суда. Это отдѣленіе суда явится органомъ административной юстиціи и будетъ имѣть своей задачей устраненіе административной неправды. Включеніе этого отдѣленія въ составъ окружнаго суда поставитъ его дѣятельность подъ охрану традицій, созданныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, которыя, несмотря на все, что въ нихъ произошло въ послѣднее время, являются среди другихъ учрежденій всѣмъ послѣдними носителями идеи законности. Дѣла административной неправды не могутъ быть переданы въ существующія отдѣленія судовъ: вопросы объ обезпеченіи законности управленія и возстановленія нарушенныхъ публичныхъ правъ гражданъ являются такою же спеціальной областью, какъ и вопросы уголовнаго и гражданскаго права. Но существующіе суды и безъ того завалены дѣлами, и все равно прійдется увеличивать и число судовъ, и число отдѣленій въ нихъ. Введеніе въ судъ новыхъ административныхъ отдѣленій не противорѣчитъ духу нашего права: въ высшемъ судебномъ учрежденіи, Сенатѣ, такое соединеніе суда уголовнаго, гражданскаго и административнаго уже осуществлено.

Административный судъ будетъ приступать къ разсмотрѣнію дѣлъ по протестамъ губернатора и по жалобамъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Въ административномъ судѣ губернаторъ, за которымъ остается широкое право надзора, долженъ представлять собой только одну изъ тяжущихся сторонъ. Весь процессъ въ административныхъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ долженъ, въ видахъ обезпеченія дѣйствительной законности и довѣрія населенія, идти въ состязательномъ порядкѣ и публично; 2-ой инстанціей для этихъ отдѣленій долженъ являться 1-ый департаментъ сената, гдѣ производство должно быть также публично и въ состязательномъ порядкѣ. Сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ административной юстиціи въ особыхъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и объединеніе ихъ въ одной высшей инстанціи способно создать устойчивую судебную практику по дѣламъ административнымъ, упорядочить наше административное право и обезпечить соблюденіе законности въ управленіи.

Приведенная нами краткая схема устройства мѣстнаго управленія устанавливаетъ рядъ условій, способныхъ создать довѣріе къ власти. Прежде всего власть, съ которой населенію чаще всего прійдется сталкиваться, будетъ властью общественной, созданной

самимъ населеніемъ и отвѣтственной не только передъ закономъ, но и передъ самимъ населеніемъ. Несомнѣнно, что такая власть можетъ пользоваться довѣріемъ населенія, если она будетъ близка къ нему, и если самостоятельность и законность ея дѣйствія будутъ обезпечены. Что касается до власти правительственной, то и по отношенію къ ней довѣріе населенія можетъ быстро возстановиться. При новомъ порядкѣ случаи административной неправды будутъ не часты, такъ какъ область дѣятельнаго управленія этихъ властей будетъ не велика, а случаи незакономѣрности дѣйствій сдѣлаются болѣе рѣдкими вслѣдствіе доступности населенію административнаго суда; подъ вліяніемъ живого и дѣятельнаго надзора со стороны населенія, въ видѣ жалобъ, и со стороны суда, въ видѣ рѣшеній, возстановляющихъ нарушенную правду и предающихъ суду нарушителей, нравы административныхъ учрежденій и лицъ могутъ быстро измѣниться. Однимъ изъ существеннѣйшихъ условій для созданія иныхъ административныхъ нравовъ является подчиненіе полиціи безопасности самоуправленіямъ и созданіе отдѣльной судебной полиціи.

Съ установленіемъ надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ дѣйствительнаго надзора за законностью его дѣйствій со стороны губернаторской власти и административныхъ отдѣленій суда, можно будетъ считать законность въ дѣлѣ внутренняго управленія обезпеченной. Самостоятельность мѣстныхъ самоуправленій отъ администраціи будетъ обезпечена упраздненіемъ правительственнаго надзора за дѣйствіями самоуправленія съ точки зрѣнія цѣлесообразности и правомъ самоуправленій приносить жалобы въ административный и независимый судъ на всѣ дѣйствія администраціи, превышающія предоставленныя ей по отношенію къ самоуправленію права. Для приданія самоуправленію окончательно авторитета въ глазахъ населенія необходимо только установить такую организацію самоуправленія, при которой населеніе было бы обезпечено отъ преобладанія среди него отдѣльныхъ классовъ и группъ и была бы создана близость органовъ самоуправленія къ населенію и дѣйствительная ихъ отвѣтственность передъ нимъ. Этими двумя требованіями опредѣляются основныя положенія системы выборовъ, предопредѣляется будущая роль сословныхъ учрежденій въ управленіи и разрѣшается въ основѣ вопросъ о созданіи мѣстныхъ мелкихъ самоуправленій.

Право участвовать въ избраніи тѣхъ органовъ самоуправленія, которые будутъ установлены по закону, должно принадлежать

всѣмъ мѣстнымъ гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста. Ограниченіе этого права требованіемъ наличности какого-либо имущества или платежемъ какихъ-либо прямыхъ налоговъ не можетъ быть оправдываемо ни цѣлесообразностью, ни справедливостью. Такое ограниченіе прежде всего вноситъ въ населеніе неравноправность, т. е. одно изъ условій для созданія господства однѣхъ группъ надъ другими. Не слѣдуетъ забывать, что самоуправленіе не коммерческое учрежденіе, даже не хозяйственное товарищество, гдѣ мѣриломъ правъ является имущественное участіе каждаго, а органъ государственнаго управленія, предназначенный для мѣстнаго управленія. Всѣ мѣстные жители одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы мѣстное управленіе было поставлено хорошо, и нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что человѣкъ неимущій менѣе разуменъ, менѣе способенъ къ общественному дѣлу. Требованіе для полученія права участвовать въ выборахъ извѣстной продолжительности пребыванія въ мѣстности еще имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе: предполагается, что для плодотворнаго участія въ *мѣстномъ* управленіи человѣкъ долженъ узнать условія мѣстности, ея особыя потребности, нѣсколько сродниться съ нею; наконецъ, такое требованіе обезпечиваетъ отъ созданія искусственныхъ условій выборовъ наплывомъ избирателей едва не наканунѣ для проведенія на нихъ той или иной группы. Совсѣмъ иное дѣло — требованіе имущественнаго или платежнаго ценза.

Всякій цензъ вводится обыкновенно подъ благовиднымъ и приличнымъ предлогомъ, но въ основѣ всякаго ценза—подчинить часть населенія другой, создать новый или поддержать прежній командующій классъ. Въ этомъ отношеніи вредъ и опасность ценза дѣлаются еще болѣе сильными, если онъ сопровождается установленіемъ выборовъ по группамъ, характеризуемымъ принадлежностью къ опредѣленному сословію, однородностью занятій или размѣрами и характеромъ ценза. Такъ, напримѣръ, защита цензовой и классовой системы выборовъ строится теперь представителями командующихъ классовъ на томъ, что предоставленіе равноправія и упраздненіе ценза имущественнаго или налоговаго устранитъ-де отъ дѣйствительнаго участія въ управленіи слои, наиболѣе подготовленные къ нему—землевладѣльцевъ и торгово-промышленниковъ, и поведетъ къ непомѣрному обложенію имущихъ на пользу неимущихъ. Какъ будто и цѣлесообразно, и справедливо,—а въ сущности дѣло идетъ о закрѣпленіи за теперешними командующими классами ихъ господствующаго положенія. На дѣлѣ

такая система совершенно устраняетъ отъ мѣстнаго управленія наиболѣе для этого пригодные элементы безцензовой сельской и городской интеллигенціи, искусственно сокращаетъ число представителей земледѣльцевъ и мелкихъ собственниковъ, чѣмъ и способствуетъ развитію господства человѣка надъ человѣкомъ, что, мы знаемъ, и привело страну въ настоящее состояніе распада и противорѣчитъ исконному народному началу равенства. Рѣшая такіе вопросы, надо бы всегда имѣть передъ собой слова великаго мыслителя: „Всякій человѣкъ униженъ, хотя онъ можетъ этого не сознавать, когда другіе, не посовѣтовавшись съ нимъ, присваиваютъ себѣ неограниченную власть распоряжаться его судьбой. Даже при гораздо болѣе развитой умственной культурѣ, чѣмъ какой достигало до сихъ поръ человѣчество, нельзя ожидать одинаково справедливаго отношенія къ тѣмъ, судьбою которыхъ такъ распоряжаются, и къ тѣмъ, которые имѣютъ право голоса. Правители и правящіе классы поставлены въ необходимость считаться съ интересами и желаніями лицъ, пользующихся правомъ голоса; но по отношенію къ тѣмъ, которые лишены его, ничто не обязываетъ ихъ къ этому; и какъ бы честно они ни были настроены, они обыкновенно слишкомъ обременены дѣлами, которыя входятъ въ кругъ ихъ непосредственныхъ обязанностей, чтобы заботиться о томъ, что они безнаказанно могутъ пропускать безъ вниманія. Вотъ почему никакая избирательная система не можетъ дѣйствовать долго исправно, если въ ней какое-нибудь лицо или классъ совершенно исключены, и если избирательное право не будетъ доступно всѣмъ совершеннолѣтнимъ, желающимъ получить его“.

У насъ, къ сожалѣнію, такая однобокая система дѣйствуетъ сорокъ лѣтъ и привела къ тому, что населеніе не знаетъ своихъ общественныхъ учрежденій и не вѣритъ имъ. Тѣмъ, кто дѣйствительно озабоченъ возможностью излишняго обремененія плательщиковъ налогами, слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ этой возможностью надо бороться подъемомъ культуры и общаго благосостоянія, установленіемъ правильной налоговой системы и организаціей такъ называемаго представительства меньшинства, а не созданіемъ, по прежнему, господства для имущихъ и власть имущихъ, приведшее, какъ мы видимъ изъ современнаго положенія вещей, къ податному истощенію подчиненныхъ трудовыхъ слоевъ, которыми на дѣлѣ держится все государство. Если мы дѣйствительно желаемъ, чтобы власть имѣла силу и значеніе, основанныя не на

физической силѣ, а на довѣріи населенія, то мы должны покончить съ началомъ неравноправія на выборахъ.

5.

Приближеніе самоуправленія къ населенію вызывается не только какъ условіе, способствующее установленію довѣрія къ власти, но и другими, чисто-практическими соображеніями. Съ упраздненіемъ крестьянскихъ сословныхъ управленій и съ передачей самоуправленію цѣлаго ряда отраслей мѣстнаго управленія потребность въ болѣе мелкой единицѣ, чѣмъ уѣздное земство, сдѣлается совершенно неустранимой. Но такого приближенія еще мало; участковое или волостное земство будетъ обслуживать интересы населенія цѣлаго большого участка, но въ нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ селеніяхъ или въ поселкахъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, въ прифабричныхъ и пристанціонныхъ, можетъ явиться потребность образовать свое поселковое управленіе. Навязывать такое управленіе всѣмъ поселеніямъ и давать для нихъ одну обязательную форму нѣтъ основанія: это значило бы во многихъ случаяхъ обрекать такое управленіе на бумажное существованіе. Возникновеніе такихъ управленій надо предоставить иниціативѣ самого мѣстнаго населенія. Если на мѣстахъ окажется достаточно самодѣятельныхъ элементовъ, то они вызовутъ къ жизни такія поселенныя управленія.

Такимъ образомъ провинція будетъ покрыта сѣтью органовъ самоуправленія. Населеніе будетъ видѣть ихъ постоянно рядомъ съ собой, присутствовать при ихъ дѣятельности, доступной общему наблюденію, и знать, что органы эти созданы имъ самимъ для него самого и могутъ быть при неудовлетворительности работы замѣнены органами въ другомъ составѣ при перезбраніи черезъ короткій срокъ. При такомъ положеніи несомнѣнно можетъ быть создано довѣріе къ мѣстной власти. Такая организація самоуправленія будетъ соотвѣтствовать вмѣстѣ съ тѣмъ исконному народному началу, по которому всякая община, всякій союзъ гражданъ, живущихъ совмѣстно, долженъ управляться въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ самостоятельно. Долженъ, по выраженію одной уставной земской грамоты: „...межь себя управа чинити во всякихъ дѣлѣхъ земскихъ“.

Созданіе мелкой участковой или волостной единицы при широкой постановкѣ этого дѣла, при созданіи правильной налоговой

системы и установленіи дѣйствительныхъ гражданскихъ „свободъ“ совершенно измѣнитъ провинціальную глушь. Въ каждомъ относительно небольшомъ округѣ будетъ созданъ новый административный и культурный центръ, съ которымъ невидимыми, но живыми и неразрушимыми связями будетъ соединено все населеніе. Теперешній уѣздный городъ не можетъ быть поставленъ ни въ какое сравненіе съ центромъ, который образуется въ селеніи съ участковымъ земскимъ управленіемъ. Вѣдь тамъ одновременно будетъ находиться рѣшительно все, что только можетъ потребоваться жителю деревни, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, и все это будетъ свое, знакомое, доступное и привѣтливое и нерѣдко въ разстояніи какихъ-нибудь 5—10 верстъ отъ дома. Тутъ будетъ прежде всего земская управа, завѣдующая всѣми отраслями управленія, больница съ докторами, складъ сѣмянъ и сельскихъ орудій, агрономъ, подчасъ мировой судья, нотаріусъ, ипотечное отдѣленіе, юридическая консультація, казначейство, почта, представитель полиціи своей земской и судебной и все это въ громадномъ большинствѣ изъ-лицъ, которыхъ населеніе чуть не вчера еще брало изъ себя; тутъ затѣмъ будетъ школа повышеннаго типа, замѣняющая теперешнюю гимназію или реальное училище, книжный складъ, библіотека, мѣстное кооперативное кредитное учрежденіе, торговые склады кооперативные и частные, пріемка тѣхъ продуктовъ и произведеній, производство которыхъ составляетъ господствующій въ мѣстности промыселъ. Селеніе это превратится въ промышленный, торговый и умственный центръ данной мѣстности. Обиліе культурныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ, несомнѣнно вызоветъ созданіе періодической театральной сцены, музыкальныхъ исполненій и просвѣтительныхъ чтеній. Если мѣстность густо населена, то возникнетъ и своя газета. Если кто-либо, прочтя это, вспомнитъ блаженной памяти Манилова, мы посовѣтуемъ ему обратить свой взоръ на западныхъ сосѣдей и на Америку, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить такіе мѣстные центры. Мы не знаемъ, почему народъ, къ которому мы принадлежимъ, поставленный въ благопріятныя условія, не можетъ жить тоже по-человѣчески. Не вѣрить въ возможность этого значитъ не вѣрить въ себя, не вѣрить въ свой народъ, не вѣрить въ будущность Россіи.

Намъ почти не приходится останавливаться на значеніи сословій въ мѣстномъ управленіи. Даже самые крайніе защитники сословнаго начала не рѣшаются открыто проводить мысль о необходимости отвести дѣятельную роль сословіямъ. Сословія, кото-

рыя сохранятъ свою особую организацію, не должны, какъ сословіе, имѣть какое-нибудь активное участіе въ мѣстномъ управленіи Никакая обособленность не должна быть допускаема въ такомъ общемъ дѣлѣ, такъ какъ это послужило бы не къ сплоченію общества, а къ его разъединенію, противъ чего именно и направляется все преобразованіе. Не можетъ быть допускаемо также главенство среди населенія представителей одного какого-нибудь сословія, такъ какъ этимъ нарушалось бы одно изъ главнѣйшихъ основаній преобразованія.

Практическое выполненіе всѣхъ отдѣльныхъ преобразованій, входящихъ въ составъ этой общей реформы мѣстнаго управленія, представляетъ извѣстныя трудности. Такъ, весьма сложной и трудной задачей явится точное разграниченіе предѣловъ вѣдомства между отдѣльными органами самоуправленія и опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній въ смыслѣ ихъ внутренней связи и соподчиненія; не менѣе сложенъ вопросъ о распредѣленіи между ними денежныхъ средствъ; но все это затрудненія техническія, устранимыя при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Рѣшеніе этихъ задачъ облегчается еще и тѣмъ, что реформа можетъ быть осуществлена проведеніемъ въ извѣстной послѣдовательности ряда законовъ, планомѣрно ее развивающихъ. Дѣло облегчается и тѣмъ, что все населеніе, безъ различія пола и состоянія, будетъ призвано на помощь государству въ этомъ истинномъ государственномъ строительствѣ.

Мы не будемъ излагать во всѣхъ подробностяхъ тѣ преобразованія, которыя необходимо провести для установленія описаннаго строя. Трудно убѣдить тѣхъ, кто желаетъ во что бы то ни стало сомнѣваться въ практической возможности создать на практикѣ описанные порядки, но тѣмъ изъ сомнѣвающихся, кто подходитъ къ предмету безъ предвзятой мысли, мы предложили бы ознакомиться по спеціальнымъ источникамъ съ аналогичными порядками въ современной Англіи и съ рядомъ статей и законодательныхъ предположеній, развивающихъ приведенныя нами основныя положенія въ видѣ болѣе или менѣе подробно разработанныхъ проектовъ въ примѣненіи къ нашимъ современнымъ русскимъ условіямъ [1]).

---

[1]) Для лицъ, желающихъ подробно ознакомиться съ этими вопросами, мы можемъ указать: 1) на соч. Іосифа Редлиха „Англійское мѣстное управленіе“. Первый томъ имѣется въ русскомъ переводѣ (Спб. тип. Альтшулера, 1907 г.). 2) На статьи въ журн. „Самоуправленіе“ за 1907 годъ, въ №№ 12—23 и въ книгѣ „Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы 1905—1907 г.г.“ стр. стр. 130—242. Спб. Тип. „Общ. Польза“. 1907 г.

Мы готовы признать, что при дальнѣйшей практической разработкѣ многія подробности примутъ, быть можетъ, не тотъ видъ, какъ это предполагается теперь, — важно, чтобы выставленныя нами основныя положенія были строго проведены. Далѣе сама жизнь и населеніе, въ рукахъ котораго будетъ находиться все дѣло, постепенно разовьютъ и приспособятъ все достаточно выработанное и сгладятъ все, что будетъ представлять на практикѣ извѣстныя шероховатости.

Попытка приступить къ практическому осуществленію подобной реформы, конечно, вызоветъ сопротивленіе со стороны правящаго чиновничества и господствующихъ классовъ. Современный мѣстный строй такъ удобенъ и выгоденъ для многихъ, что съ нимъ не пожелаютъ такъ-то легко разстаться. Можно ожидать медленной и упорной борьбы прежде, чѣмъ удастся, быть можетъ, осуществить все, что для этого необходимо. Но такова судьба всѣхъ великихъ преобразованій, построенныхъ на самыхъ правильныхъ и общественно справедливыхъ основаніяхъ. Кто-то сказалъ, что для достиженія всеобщаго избирательнаго права надо, чтобы оно стало вопросомъ желудка, и за него принялись со страстностью голода. Совершенно также стоитъ дѣло и въ отношеніи преобразованія мѣстнаго управленія и превращенія его въ то, что мы называемъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Мы добьемся его, когда необходимость и неизбѣжность его будутъ поняты и признаны массами, а командующимъ слоямъ сдѣлается яснымъ, что дальнѣйшая отсрочка этого дѣла повредитъ ихъ эгоистическимъ интересамъ. Командующіе слои въ своемъ большинствѣ начинаютъ понимать, что безъ такого преобразованія мощь, процвѣтаніе и культурное развитіе Россіи невозможны, но борьба тѣмъ не менѣе продолжается: одни останавливаются и останавливаютъ другихъ передъ непонятной и страшной имъ новизной дѣла, другіе, не заботясь о будущемъ страны, руководствуются себялюбивымъ правиломъ: „хоть день,— да мой“, а значительная часть, въ слѣпомъ увлеченіи властью и личными интересами, не желаетъ ни разстаться съ господствомъ, ни считаться съ тѣмъ, что именно въ упорствѣ лежитъ основаніе для гибели ихъ, какъ класса. Эти люди разсчитываютъ на свойство массъ, прекрасно выраженное въ Американской декларацiи независимости (4 іюля 1776 г.): „опытъ всѣхъ временъ также показываетъ, что люди болѣе расположены переносить бѣдствія, пока они не сдѣлаются нестерпимыми, чѣмъ... разрушить привычныя имъ формы жизни“. Борьба, которую встрѣтитъ реформа, не новость въ исторіи

Россіи, какъ древней, такъ и современной. Отзвукъ подобной же борьбы слышится въ приведенныхъ уже словахъ Псковскаго лѣтописца о крайнемъ недовольствѣ намѣстниковъ реформой временъ Грознаго. Мы совершенно понимаемъ, что „бысть намѣстникомъ нелюбка велика на христіянъ“ и что Псковскому намѣстнику Василію Репнину-Оболенскому была „нелюбка до Псковичъ велика, что у нихъ, какъ зерцало, государева грамота“... Такая же борьба извѣстна намъ во времена царя Алексѣя относительно попытки Ордина-Нащекина, этого выдающагося русскаго государственнаго человѣка, ввести самоуправленіе въ томъ же Псковѣ,—попытки, заглушенной боярствомъ, недовольнымъ такимъ умаленіемъ его власти. Мы знакомы съ борьбой противъ упраздненія рабства, противъ введенія судебныхъ уставовъ Александра II и земскихъ учрежденій; мы присутствуемъ, наконецъ, при гигантской борьбѣ съ новымъ строемъ, пришедшимъ на смѣну чиновничьей неправды, и съ назрѣвшей и неотложной потребностью обезпечить земледѣльцамъ возможность примѣнять къ землѣ ихъ трудъ и пользоваться плодами этого труда. Противъ всѣхъ такихъ великихъ преобразованій обычно приводятся два даже не довода, а возгласа: „потрясеніе основъ“ и неподготовленность населенія къ реформѣ. Въ отношеніи реформы мѣстнаго самоуправленія, къ нашему счастью, эти возгласы не подходятъ. Несомнѣнно, что проектируемое преобразованіе не потрясаетъ священныхъ основъ, а, наоборотъ, построено на самыхъ исконныхъ, самыхъ издревнихъ и самыхъ наирусскихъ началахъ. На неподготовленность народа тоже неудобно ссылаться, когда именно такая форма внутренняго управленія осуществлялась народомъ во всѣ времена, а подготовленность и способность народа къ этой формѣ выразились и въ законодательномъ творчествѣ въ этой области, подтверждаемой содержаніемъ старинныхъ челобитныхъ, и той общественной сплоченностью, которой одной обязана Россія своимъ спасеніемъ и возрожденіемъ въ мощное государство въ смутное время, и блестящими результатами опыта съ земскими учрежденіями нашего времени, пока они не сдѣлались ареной реакціи, охватившей командующій слой. Культура Россіи настолько ниже, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей, съ которыми ей приходится тягаться на всѣхъ поприщахъ, что мы должны принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы въ самый короткій срокъ сгладить это неравенство, если не хотимъ занять въ ряду культурныхъ народовъ второстепенное положеніе. И вотъ тутъ призывъ всего населенія къ непосредственному

управленію на мѣстахъ является однимъ изъ могущественныхъ орудій подъема культуры. Населеніе, подчиненное во всѣхъ своихъ общественныхъ начинаніяхъ самому подозрительному и придирчивому надзору, быстро теряетъ охоту подвергаться непріятностямъ изъ-за дѣла, которое оно еще не привыкло считать своимъ собственнымъ, и обращается исключительно къ своимъ личнымъ дѣламъ, имѣющимъ цѣлью увеличеніе матеріальныхъ благъ. Общества въ истинномъ значеніи этого слова не будетъ существовать при такихъ условіяхъ, что мы и видимъ на Руси. Участіе въ общественныхъ дѣлахъ напротивъ отрываетъ человѣка отъ его рутинныхъ занятій, направляемыхъ почти исключительно эгоистическими побужденіями, и вводитъ его въ общеніе съ болѣе широкимъ кругомъ идей и съ людьми, болѣе его развитыми. Все это, какъ показываетъ ежедневный опытъ, быстро развиваетъ человѣка, а если кругъ общественныхъ обязанностей значителенъ, то въ концѣ концовъ человѣкъ совершенно перевоспитывается. Создавая среди населенія самоуправленіе, въ которомъ такъ или иначе будутъ принимать участіе всѣ сколько-нибудь живые люди, вы создаете условія для быстраго возрожденія націи. И только этимъ путемъ наряду съ общенароднымъ представительствомъ создадутся тѣ условія настоящаго удовлетворенія и спокойнаго развитія, безъ которыхъ немыслимо процвѣтаніе и самое существованіе многострадальной Россіи.

Н. Щепкинъ.

Москва,
3 марта 1908 г.

Нужды деревни и Государственная Дума.

1.

Свою оцѣнку новой Думы деревня произвела еще задолго до начала ея работъ. „Была дума народная, теперь стала дума господская“. Этими словами, совершенно независимо другъ отъ друга, встрѣтили извѣстіе о новыхъ избирательныхъ порядкахъ 3 іюня крестьяне въ различныхъ мѣстностяхъ. И все-таки къ выборамъ въ третью думу деревня не отнеслась равнодушно. Напротивъ, поведеніе крестьянъ во время третьей избирательной кампаніи въ большинствѣ случаевъ само по себѣ было болѣе сознательнымъ, чѣмъ въ первыя двѣ. И даже послѣ постигшей ихъ неудачи въ послѣдней стадіи выборовъ крестьяне все же ждутъ какихъ-то результатовъ отъ думской работы, предъявляютъ извѣстныя требованія своимъ немногочисленнымъ представителямъ въ думѣ,—но требованія и ожиданія эти уже не имѣютъ той яркости, опредѣленности и всеобщности, какъ въ первые дни жизни русскаго представительства.

Мы не только не видимъ на ступеняхъ Таврическаго дворца и въ его важныхъ залахъ памятныхъ фигуръ загорѣлыхъ ходоковъ изъ отдаленныхъ угловъ Россіи съ котомками за плечами, въ лаптяхъ и войлочныхъ шляпахъ; намъ даже трудно представить себѣ вторичное появленіе тамъ этихъ живыхъ представителей деревни и ея чаяній. Груды крестьянскихъ прошеній и приговоровъ, которые тысячами стеклись въ государственную думу, сданы въ архивъ, и эти отраженія вопіющихъ деревенскихъ нуждъ становятся достояніемъ будущаго историка, а не современнаго законодателя. Нѣтъ рѣчи о тѣхъ наказахъ депутатамъ, въ которыхъ въ свое время сотнями тысячъ подписей скрѣплены были настоятельныя требованія твердо стоять за народные права и интересы.

Время ходоковъ и наказовъ миновало. Когда-то голосъ народа объединялся на немногихъ общихъ требованіяхъ и находилъ себѣ доступъ всюду. Теперь жизнь стала сложнѣе. На сценѣ появились новыя дѣйствующія силы, съ которыми приходится считаться. Какъ во всѣхъ областяхъ жизни, такъ и въ сферѣ деревенскихъ запросовъ приходится думать не только объ общихъ цѣляхъ, а о ближайшихъ практическихъ шагахъ ихъ постепеннаго осуществленія при данной реальной обстановкѣ.

Выясненіе очередныхъ задачъ требуетъ новыхъ пріемовъ разработки, а самая политическая работа—новыхъ способовъ дѣйствія.

Конечно, работа пробудившейся деревенской мысли не замерла. Но слишкомъ общія въ однихъ случаяхъ или слишкомъ ужъ частичныя и индивидуальныя въ другихъ требованія народа натолкнулись на неизбѣжныя практическія препятствія и мысль разбилась на разныя теченія. Деревня, поэтому, пока молчитъ и ищетъ новыхъ путей разрѣшенія своихъ задачъ. Ей приходится совершить тяжелый трудъ приспособленія къ новымъ условіямъ жизни, къ которымъ такъ мало подготовила ее вся предшествующая исторія.

Полное несоотвѣтствіе окружающей обстановки тѣмъ новымъ требованіямъ, которыя возникли и упрочились въ народномъ сознаніи, вызвало при этомъ два совершенно различныхъ ряда явленій. Съ одной стороны, мы наблюдаемъ, какъ естественное послѣдствіе разрушенія прежнихъ авторитетовъ и привычныхъ сдержекъ, проявленія крайняго распада, самые дикіе случаи озвѣрѣнія и необузданнаго произвола, а съ другой—многочисленные факты, свидѣтельствуютъ о возникшемъ стремленіи къ расширенію познаній, о попыткахъ создать новыя формы кооперативной дѣятельности, объ усиленіи работы по улучшенію своего хозяйства.

На каждомъ шагу приходится здѣсь считаться съ препятствіями всевозможнаго рода. И деревня ясно видитъ, что дума сама по себѣ не дастъ готоваго разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ. Объ этомъ можно было когда-то мечтать. Теперь ясно, что народное представительство лишь одна изъ дѣйствующихъ силъ въ многосложной жизни. Приходится отказаться отъ надежды на барина, который все устроитъ, а приняться за непосредственную работу улучшенія своей судьбы.

И тѣмъ не менѣе вліяніе общихъ условій государственной жизни, въ созданіи которыхъ участвуетъ дума, огромно, и это хорошо сознается деревней. Дума не можетъ создать новыя силы

въ странѣ, не она въ конечномъ счетѣ опредѣлитъ исходъ ихъ столкновенія, но она окажетъ значительное воздѣйствіе на то или другое направленіе естественной эволюціи жизни и на ту обстановку, въ которой жизнь протекаетъ.

Спрашивается только, въ какую сторону будетъ вліять дума на ходъ деревенской жизни и какъ использовать это вліяніе въ желательную сторону?

2.

Не менѣе деревни измѣнилась и государственная дума. Тамъ также и въ поминѣ нѣтъ былой простой и ясной постановки вопросовъ. Въ противность прежнему, когда замѣчалось стремленіе вылить свои задачи въ выпуклую и опредѣленную, для всего народа понятную форму, въ работѣ теперешняго думскаго большинства не видно никакой опредѣленной системы и трудно сказать, къ чему оно стремится. Думская работа производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто большинство безпомощно топчется на мѣстѣ, не будучи въ силахъ освоиться съ неожиданно выпавшей ему на долю отвѣтственной задачей государственной законодательной работы. Запутавшись въ массѣ комиссій, дума разсматриваетъ въ причудливомъ порядкѣ разнообразные вопросы, какъ бы случайно выбрасываемые изъ нихъ на ея обсужденіе. Изъ-за этой внѣшней случайности занятій не видно опредѣленнаго содержанія, которое накладывало бы общую печать на всю работу думы. Крикливыя націоналистическія ноты, чаще всего всплывающія на поверхности, едва ли могутъ характеризовать дѣйствительныя стремленія думы. Они скорѣе маскируетъ отсутствіе сколько-нибудь опредѣлившагося взгляда на свои основныя задачи. Во всякомъ случаѣ судить о вѣроятной тенденціи всей дѣятельности думы не такъ-то легко. Вмѣсто ясныхъ заявленій или непреложныхъ фактовъ, здѣсь приходится имѣть дѣло съ предположеніями, основанными на естественныхъ тенденціяхъ даннаго состава думы. Однако, несмотря на гадательный характеръ этихъ предположеній, ими приходится серьезно заняться. Необходимо дать себѣ по возможности ясный отчетъ въ томъ, чего можно ждать отъ думы и въ зависимости отъ этого установить программу тѣхъ улучшеній, какія могутъ быть въ этой господской думѣ добыты для деревни.

Правда, возможна и такая точка зрѣнія, при которой подобная

работа окажется безполезной. Можно вовсе выкинуть думу изъ всѣхъ политическихъ разсчетовъ, возлагая на другіе пути, совсѣмъ отъ нея независимые, надежду на обновленіе всей нашей жизни, въ томъ числѣ и жизни деревни. Мы, однако, съ такой точкой зрѣнія согласиться не можемъ. Въ думѣ отражается сумма добытыхъ народомъ правъ, и въ ней происходитъ подсчетъ тѣхъ реальныхъ готовыхъ къ немедленному дѣйственному проявленію въ жизни силъ, какія имѣются въ странѣ. И какъ ни кажется малой эта сумма добытаго, и какъ ни трудно мириться съ реальнымъ подсчетомъ силъ послѣ чарующихъ перспективъ немедленной и полной ихъ перестановки, самое добросовѣстное использованіе всѣхъ позицій парламентской борьбы представляется наиболѣе насущнымъ дѣломъ для русскаго общества, если только оно желаетъ перейти отъ политическихъ мечтаній къ политической работѣ.

Было время, когда общество и народъ вдругъ повѣрили, что отъ думы можно ждать сразу исцѣленія всѣхъ наболѣвшихъ ранъ. Разочаровавшись въ своей наивной вѣрѣ, нѣкоторые склонны теперь снова поставить большой крестъ надъ думой и ждать разрѣшенія всѣхъ вопросовъ отъ какихъ-то грядущихъ новыхъ событій. Эта пессимистическая по отношенію къ думѣ точка зрѣнія столь же ошибочна, какъ былая оптимистическая. Обѣ онѣ исходятъ изъ нашей привычки ждать чудесъ въ области политики, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на результаты неустаннаго труда въ одномъ и томъ же направленіи.

3.

На свѣжаго наблюдателя третья дума производитъ сразу ошеломляющее впечатлѣніе чего-то безнадежно дикаго. Собраніе озлобленныхъ помѣщиковъ, преслѣдующихъ свои классовые интересы самыми некультурными пріемами, вотъ какъ можно опредѣлить это впечатлѣніе. Избирательные порядки, установленные 3 іюня, конечно, и были направлены къ полному господству въ думѣ землевладѣльческаго класса. Въ 32-хъ изъ 53-ти губерній, съ выборами по общему положенію, число выборщиковъ отъ землевладѣльческой куріи составляетъ не менѣе половины всего числа членовъ избирательнаго собранія, а присчитывая къ нимъ выборщиковъ отъ первой городской домовладѣльческой куріи получается за этимъ блокомъ, во всѣхъ, безъ единаго исключенія, 53 губерніяхъ абсолют-

ное большинство. Но такъ какъ число выборщиковъ отъ первой городской куріи значительно уступаетъ числу выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ, то львиная доля при дѣлежѣ общей добычи, конечно, предназначалась представителямъ земельнаго ценза. На дѣлѣ составъ думы, однако, не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому исключительно-льготному положенію, въ которое были поставлены и указомъ 3 іюня и административной практикой его примѣненія наши имущіе классы.

Дума разбивается по партійной группировкѣ своихъ членовъ на три почти равныхъ части: октябристскій центръ—154 члена, правое крыло—146 членовъ (въ томъ числѣ: крайнихъ правыхъ—50, національная группа—26, умѣренныхъ правыхъ—70) и лѣвое крыло—141 членъ (въ томъ числѣ прогрессистовъ и мирнообновленцевъ—28, польско-литовско-бѣлорусская группа—7, польское коло—11, мусульманская группа—8, партія народной свободы—54, трудовиковъ—13, соціалъ-демократовъ—20). Октябристы, вмѣстѣ съ умѣренными правыми составляютъ абсолютное большинство въ думѣ—224 изъ 442, и такимъ образомъ господство этого праваго центра какъ будто является обезпеченнымъ и его политика рѣшающей. А двѣ эти союзныя группы мы привыкли разсматривать, какъ воплощеніе интересовъ дворянскаго землевладѣнія и крупной буржуазіи.

Однако, хорошо извѣстна неопредѣленность подлинной партійной сущности нашихъ правыхъ партій. Здѣсь мы имѣемъ часто дѣло скорѣе съ настроеніемъ, съ классовыми инстинктами различной напряженности и съ личными случайными обстоятельствами отдѣльныхъ членовъ, чѣмъ съ выработанными политическими программами и твердыми убѣжденіями. Если разсмотрѣть личный составъ большинства не по партійной записи, а по соціальному положенію членовъ, то обнаруживается картина довольно неожиданная. Изъ 224 депутатовъ большинства настоящихъ землевладѣльцевъ насчитывается всего 73, купцовъ и промышленниковъ 24, а съ присоединеніемъ къ этимъ двумъ группамъ еще 5 нѣмецкихъ представителей, близко къ нимъ примыкающихъ, получается всего только 102 голоса, т. е. менѣе половины двухъ партій. Кромѣ нихъ, въ составъ ея входятъ 25 чиновниковъ, 23 священника, 21 представитель интеллигентныхъ профессій (врачи, профессора, адвокаты и инженеры) и 53 представителя демократическихъ элементовъ: крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ. Даже съ присоединеніемъ сюда и двухъ крайнихъ правыхъ группъ число землевладѣльцевъ составитъ

всего 96, купцовъ и промышленниковъ—26, буржуазныхъ нѣмецкихъ представителей—5, а всего въ землевладѣльческо-промышленной группѣ—127, въ группѣ интеллигентнаго труда—109 (въ томъ числѣ 43 чиновника и 41 духовное лицо), и въ группѣ крестьянъ и мѣщанъ 64.

Правда, среди второй группы (интеллигентнаго труда) есть не мало лицъ, особенно среди чиновниковъ, а также и адвокатовъ, и профессоровъ, которые кровными узами связаны съ землевладѣльческими интересами; правда, что и среди крестьянъ есть довольно крупные земельные собственники, но все же, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, въ думѣ не удалось бы составить прочнаго большинства, готоваго защищать спеціальные интересы землевладѣнія и привилегированныхъ классовъ вообще, если бы наряду съ большимъ числомъ дворянъ-землевладѣльцевъ не было въ ней такъ много элементовъ, считающихъ необходимымъ всячески ладить съ правительствомъ или, попросту говоря, не ссориться съ начальствомъ.

Въ ходѣ русскаго реакціоннаго движенія вообще весьма трудно бываетъ разобраться, гдѣ кончается первенствующая роль дворянства и гдѣ начинается его подчиненіе видамъ правительства. Кто тутъ играетъ первую скрипку, а кто подыгрываетъ, не всегда ясно. Но во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были источники связи дворянства съ бюрократіей, въ данный моментъ, по ряду очередныхъ вопросовъ, эти два элемента защищаютъ общія позиціи, и безъ рѣшимости спорить съ начальствомъ часто не приходится бороться со стремленіями землевладѣльческой группы въ думѣ. А какой ожидать рѣшимости съ кѣмъ бы то ни было изъ облеченныхъ властью бороться со стороны чиновниковъ, со стороны нынѣшнихъ членовъ думы изъ духовенства и со стороны крестьянъ, выбранныхъ въ думу помѣщиками?

Въ сущности дума, по своимъ отличительнымъ чертамъ, не столько „господская“, сколько „законопослушная“, какъ ее назвалъ Набоковъ въ своей рѣчи на процессѣ депутатовъ первой думы съ довольно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, неяснымъ различеніемъ закона и приказанія начальства.

Поэтому весьма существеннымъ факторомъ въ направленіи будущей дѣятельности думы приходится признать политику правительства. Въ многомъ дума будетъ считаться съ его направленіемъ и настоятельными требованіями, а требованія эти наперекоръ кровнымъ интересамъ землевладѣльческаго класса не пойдутъ.

Но парламентская дѣятельность всегда будитъ нѣкоторую само-

стоятельность и стремленіе къ политическому вліянію даже среди элементовъ, мало проявляющихъ внутреннія силы. Да и интересы различныхъ соціальныхъ группъ, составляющихъ большинство, по существу столь различны, что по многимъ вопросамъ сохранить полное единство или, по крайней мѣрѣ, всецѣло подчинить его интересамъ землевладѣльческаго меньшинства немыслимо. Поэтому лѣвая оппозиція могла бы разсчитывать во многихъ случаяхъ на поддержку со стороны болѣе демократическихъ элементовъ, сидящихъ на правыхъ скамьяхъ думы, а присоединивъ къ себѣ голоса крестьянъ, части духовенства и интеллигенціи изъ правыхъ партій, лѣвая оппозиція, насчитывающая въ своихъ рядахъ всего 141 голосъ, могла бы превратиться въ большинство.

На столько ли, однако, однородна и сильна внутренно сама оппозиція, чтобы признать вѣроятной ея хотя бы частичную побѣду при такихъ условіяхъ? Въ общей формѣ на этотъ вопросъ необходимо дать безусловно отрицательный отвѣтъ. Разбитая на 7 группъ съ весьма различными тенденціями, подчасъ весьма трудно между собой примиримыми, оппозиція только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ, пока дѣло не сводится къ простой защитѣ отъ насилій или самыхъ грубыхъ реакціонныхъ поползновеній большинства. И только въ результатѣ очень длительной работы или же въ единичныхъ вопросахъ, гдѣ особенно ярко проявится различіе интересовъ отдѣльныхъ составныхъ частей правой части думы можно ожидать со стороны оппозиціи успѣшныхъ наступательныхъ дѣйствій, опирающихся на родственные элементы, входящіе формально въ составъ большинства.

Охарактеризовавъ относительную силу трехъ главныхъ факторовъ думской работы: большинства, оппозиціи и министерства, мы можемъ теперь же подвести нѣкоторые общіе итоги. По кореннымъ вопросамъ общей политики трудно ожидать отъ этой думы значительныхъ пріобрѣтеній для демократическихъ элементовъ вообще и для деревенскаго населенія въ частности. Но по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ дѣло не такъ безнадежно.

Чтобы конкретнѣе пояснить нашу мысль, придется коснуться нѣкоторыхъ частностей.

4.

Нужды нашей деревни еще такъ примитивны, что въ первомъ ряду ихъ приходится поставить простую борьбу съ голодной смертью и съ полнымъ разореніемъ хозяйства.

Въ дѣлѣ продовольственной помощи всего осязательнѣе уже сказались для деревни выгоды новаго порядка вещей. Никто конечно, не станетъ утверждать, чтобы борьба съ голодовками была поставлена правильно, никакого общаго плана здѣсь не видно; слишкомъ свѣжи въ памяти и слишкомъ общеизвѣстны многочисленные общіе недостатки и постоянныя оплошности въ закупкѣ, передвиженіи и раздачѣ сѣмянъ и продовольственнаго хлѣба. Но во всякомъ случаѣ прежняя политика систематическихъ урѣзываній и постояннаго запаздыванія теперь уступила мѣсто другой, болѣе благожелательной и широкой. Въ числѣ первыхъ законодательныхъ актовъ всѣхъ трехъ составовъ думы оказалось разрѣшеніе значительныхъ ассигновокъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. И всякій разъ здѣсь проявлялось стремленіе не урѣзать, а расширить помощь и побудить министерство поспѣшить съ ней. И третья дума обнаруживаетъ готовность накормить на казенный счетъ голоднаго и охотно эту готовность выставляетъ на видъ, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ при сытомъ населеніи спокойнѣе живется, а платить за это приходится не много. Къ тому же расходы на продовольствіе относятся къ чрезвычайному бюджету, такъ что покроются они займомъ и не затруднятъ сведенія росписи обыкновенныхъ расходовъ.

Совсѣмъ противоположное отношеніе встрѣтитъ къ себѣ всякая попытка сколько нибудь широкаго разрѣшенія другого вопроса, по существу такъ неразрывно связаннаго съ продовольственнымъ— вопроса аграрнаго.

Въ первой думѣ признаніе недопустимымъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель встрѣтило единодушный отпоръ всѣхъ направленій и краснорѣчивый отвѣтъ крестьянской души, въ чисто библейскихъ образахъ праваго депутата Лосева изобразившей то отчаяніе, какое вноситъ въ сознаніе деревни отказъ осуществленія въ завѣтныхъ упованій. Во второй думѣ споръ сводился для большинства депутатовъ къ вопросу о размѣрахъ и условіяхъ отчужденія. Правда возможность практическаго проведенія реформы въ жизнь возбуждала уже тогда весьма сильныя сомнѣнія, но всѣ препятствія лежали *внѣ* думы. А *внутри* ея нельзя было съ полной увѣренностью предсказать исходъ спора только между сторонниками отчужденія „по справедливой оцѣнкѣ“ и отчужденія, приближающагося къ конфискаціи.

Третья дума несомнѣнно сама представляетъ изъ себя въ цѣломъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, средство борьбы

противъ всякой попытки провести принципъ принудительнаго отчужденія въ какомъ бы то ни было видѣ. Конечно, нельзя ни въ какомъ случаѣ ручаться, что въ той или другой формѣ вопросъ о передачѣ земли въ руки трудящихся не выплыветъ и въ третьей думѣ и не будетъ поставленъ въ довольно радикальной формѣ. Жизнь сильнѣе всякихъ рогатокъ и неудержимо стучится во всѣ двери. Среди самыхъ правыхъ элементовъ, не принадлежащихъ къ землевладѣльческому классу, мысль о землѣ для народа слишкомъ заложена и получаетъ сильный толчекъ при всякомъ соприкосновеніи депутатовъ съ массовымъ избирателемъ. Но бюрократическіе и помѣщичьи элементы при теперешнихъ обстоятельствахъ всегда съумѣютъ обезпечить себѣ по аграрному вопросу значительное большинство и придадутъ всей аграрной политикѣ думы специфическій характеръ борьбы съ стремленіемъ къ коренному разрѣшенію земельнаго вопроса въ пользу трудящихся массъ. Не говоря уже о простомъ провалѣ всякаго предложенія, непосредственно наносящаго ударъ крупному землевладѣнію, вся переселенческая политика и урегулированіе крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія насквозь проникнута мыслью о борьбѣ съ краснымъ призракомъ.

Въ области непосредственныхъ результатовъ оппозиція должна будетъ занять оборонительное положеніе, направивъ свои усилія на защиту права крестьянскаго большинства свободно распоряжаться своимъ земельнымъ достояніемъ, на отстаиваніе внутренней жизни общинъ отъ пагубной казенной регламентаціи и отъ насильственнаго разрушенія, грозящаго водворить въ деревенскихъ отношеніяхъ глубокую междуусобицу и разложеніе.

Конечно, и коренной вопросъ о крестьянскомъ малоземельи долженъ быть освѣщенъ въ думѣ во всю ширь своего дѣйствительнаго значенія.

Центральный статистическій комитетъ и отдѣлъ экономіи и статистики поспѣшили подъ вліяніемъ грозныхъ событій наскоро подсчитать и опубликовать кое какія данныя по землевладѣнію. Правда, данныя эти явно недостаточны, и странно читать жалобы представителей правительственныхъ органовъ на поразительное отсутствіе средствъ на изслѣдованіе, которое бы соотвѣтствовало важности предмета. Но нѣкоторыя черты общей картины мы можемъ выписать и изъ этихъ данныхъ. Правительственная статистика считаетъ совершенно лишенными земли 15% крестьянскихъ дворовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Изъ числа

13½ милліоновъ дворовъ, имѣющихъ землю, около одной четверти (23,8%) входитъ въ составъ селеній, въ которыхъ *на дворъ* въ среднемъ приходится менѣе 5 десятинъ надѣльной земли. Всѣ 5.734.000 дворовъ б. помѣщичьихъ крестьянъ имѣютъ надѣльной земли по 6,7 десятины въ среднемъ на дворъ, между тѣмъ какъ для сколько нибудь достаточнаго обезпеченія землей требовалось бы это количество увеличить по крайней мѣрѣ въ полтора раза. Одно сопоставленіе дѣйствительныхъ размѣровъ крестьянскаго малоземелья съ тѣми мѣрами, которыми правительство разсчитываетъ съ нимъ бороться, обнаруживаютъ все ничтожество послѣднихъ.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи вся дѣятельность главнаго управленія земледѣлія и землеустройства. Казалось бы, его заботы должны бы направиться прежде всего на массовое улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣло, интенсификація хозяйства стоитъ въ ряду важнѣйшихъ задачъ дня. Что же мы наблюдаемъ на дѣлѣ? Подчиняясь главной директивѣ правящихъ сферъ, вѣдомство это всецѣло поглощено проблеммой переселенія и разселенія, имѣющей безспорно важное, но совершенно частичное значеніе, а на заботы объ улучшеніи хозяйства въ цѣломъ не остается ни силъ, ни времени, ни средствъ. Бюджетъ главнаго управленія растетъ богатырски. 35½ милліоновъ въ 1906 году обращается въ 59 милліоновъ въ 1908 г., но вся эта колоссальная сумма новыхъ затратъ цѣликомъ уходитъ на двѣ статьи: землеустройство (т. е. содержаніе землеустроительныхъ комиссій и разселеніе)— 10½ милліоновъ и переселеніе—болѣе 12 милліоновъ ежегодно. А на всякаго рода средства улучшенія хозяйства расходная смѣта на 1908 годъ даетъ увеличеніе на 231 тысячу рублей. На поддержку кустарной промышленности (еще недавно столь модный вопросъ!) изъ году въ годъ вносится все одна и та же смѣшная по своей ничтожности сумма—158 тыс. рублей, а стоимость однихъ общихъ расходовъ по управленію за одинъ годъ предполагается повысить почти на милліонъ. Чрезвычайно характерно, что на нужды мелліоративнаго кредита средства предполагается уменьшить такъ какъ ассигнованныя раньше остаются еще неиспользованными. На мѣры къ поднятію скотоводства, на работы по осушенію и обводненію, по улучшенію техники хозяйства назначаются гроши и никакихъ законодательныхъ предположеній мы въ этой области не находимъ, за то переселеніе, хутора и выдѣлъ земельныхъ участковъ изъ общины вызываютъ усиленныя заботы и все новые

расходы, которымъ не предвидится конца. Къ этимъ пунктамъ сводится аграрная политика, очевидно диктуемая не дѣйствительными потребностями всѣхъ 13 милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ, а лишь стремленіемъ парализовать опасныя для 130.000 сосѣдей помѣщиковъ тенденціи крестьянской массы. И не смотря на то, что по существу большинство членовъ думы едва ли съ такой постановкой дѣла согласны, рѣшенія ея, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не пойдутъ въ разрѣзъ съ такимъ направленіемъ.

Едва ли можно разсчитывать на реальный успѣхъ отъ попытокъ внести какія либо законодательныя ограниченія и въ область арендныхъ отношеній и въ сферу охраны интересовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. На все это не станетъ доброй воли большинства, которое будетъ втянуто въ выполненіе выработаннаго правительствомъ плана оборонительной аграрной политики, вплоть до того момента, когда обнаружится вся ея призрачность. Во всякомъ случаѣ на оппозиціи лежитъ долгъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы призрачность эта была обнаружена въ стѣнахъ самой думы и притомъ, насколько вообще можно говорить о своевременности по столь запущенному дѣлу, не слишкомъ поздно.

5.

На первый взглядъ дѣло широкой мѣстной реформы находится сравнительно съ аграрнымъ вопросомъ въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи. Жизнь давно уже поставила на очередь упраздненіе сословнаго начала въ качествѣ основы всей системы мѣстныхъ органовъ и выдвинула необходимость созданія на мѣстахъ такихъ близкихъ населенію судебныхъ и земскихъ учрежденій, которыя бы обезпечивали общественную организацію деревни и судебную защиту ея жителямъ. Къ этому пришли, наконецъ, всѣ, и само министерство въ томъ числѣ. Въ признаніи своевременности коренныхъ преобразованій въ этой области сошлись представители весьма различныхъ направленій, не исключая и октябристовъ. Да и сама деревня особенно настоятельно выдвигаетъ неотложность этой своей нужды. Особенно ясно это отражается въ требованіяхъ крестьянскихъ депутатовъ въ Думѣ. Слишкомъ ясна несправедливость обременительнаго обложенія на волостное управленіе однихъ крестьянъ, съ освобожденіемъ отъ

него всѣхъ остальныхъ. Подчиненіе власти земскихъ начальниковъ не вяжется съ самыми скромными представленіями о свободѣ и равноправности. Недостатки волостного суда настоятельно даютъ себя знать въ массѣ повседневныхъ дѣлъ, затрогивающихъ важныя имущественные интересы населенія. Наконецъ, когда земскими сборами со всего населенія распоряжаются люди, которыхъ огромное большинство не можетъ признать своими представителями, само земство не является въ глазахъ крестьянъ органомъ самоуправленія, а вслѣдствіе этого его распоряженія и налоги встрѣчаютъ естественное неудовольствіе и отпоръ.

И всѣ эти завѣдомо пережившіе самихъ себя органы, чувствуя себя обреченными на сломъ, пока принуждены регулировать всѣ отправленія жизни деревни. Окончательно утративъ всякій авторитетъ, волостные суды и волостныя правленія дѣйствуютъ особенно неудовлетворительно, стараясь наверстать на послѣдяхъ всѣ выгоды своего положенія, которому предвидится скорый конецъ.

И не смотря на всю очевидную настоятельность реформы мѣстныхъ учрежденій и на очевидность того направленія, въ которомъ она должна быть произведена, едва ли Государственная Дума въ скоромъ времени справится съ выпавшей здѣсь на ея долю задачей.

Деревня, жизнь которой предстоитъ урегулировать, съ точки зрѣнія руководителей думскаго большинства населена опасными врагами, противъ которыхъ необходимы особыя мѣры предосторожности. Для обезпеченія своего положенія на мѣстахъ надо сохранить твердыя позиціи въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, не выпуская изъ рукъ ни одной частицы власти.

А для защиты исключительныхъ выгодъ помѣстнаго дворянства въ государствѣ, какъ это ясно показалъ пережитый только что опытъ, огромную роль играютъ еще дворянскія сословныя учрежденія, раздражать которыя опасно и невыгодно въ интересахъ сохраненія своего преобладающаго положенія именно при новыхъ условіяхъ государственной жизни.

Какъ при этомъ съ легкимъ сердцемъ идти на реформу, подрѣзывающую сословное начало въ земскомъ представительствѣ? Какъ согласиться на введеніе мелкой земской единицы, гдѣ во всякомъ случаѣ придется столкнуться на равныхъ правахъ немногимъ дворянскимъ единицамъ съ десятками недворянъ? И можно ли такому волостному собранію предоставить право облагать волостными сборами дворянскія имущества.

Трудно лишить себя и всѣхъ выгодъ обладанія властью и окладами, присвоенными земскимъ начальникамъ. Конечно, къ штату земскихъ начальниковъ можно присоединить еще штатъ мировыхъ судей, избираемыхъ земскими собраніями, гдѣ преобладаетъ свой же братъ дворянинъ, и передать дѣла волостного суда такимъ мировымъ возможно.

Приходится выработать и положеніе о мелкой земской единицѣ, но съ тѣмъ, чтобы вопросъ о введеніи ея въ той или другой мѣстности зависѣлъ отъ усмотрѣнія благонадежныхъ земскихъ учрежденій. Слѣдуетъ также нѣсколько видоизмѣнить порядокъ избранія земскихъ гласныхъ, но такъ, чтобы обезпечить въ нихъ преобладаніе помѣстнаго класса. Вотъ тѣ разсужденія, которыя естественны для нынѣшнихъ господъ положенія.

Обезпечивающая преобладаніе помѣщиковъ въ земскихъ собраніяхъ избирательная система, съ допущеніемъ въ нее, болѣе чѣмъ теперь, значительнаго числа крестьянъ, съ которыми въ концѣ концовъ надо же установить извѣстный modus vivendi на мѣстахъ, „факультативная“ земская волость, мировые судьи съ имущественнымъ цензомъ по избранію земскихъ собраніемъ, земскіе начальники, какъ нибудь измѣнившіе свою видимость (напр. участковые коммисары правительственнаго проекта), и на ряду съ этимъ—сохраненіе значенія предводителей дворянства, и, можетъ быть нѣкоторыя изъ мѣръ, обезпечивающихъ большую самостоятельность земскихъ органовъ отъ вмѣшательства администраціи, съ предоставленіемъ, однако, послѣдней права устранять нежелательные элементы.

Таковъ слѣдовательно тотъ мѣстный строй, къ которому будутъ стремиться преобладающія въ Думѣ партіи.

Сохранитъ, ли однако, большинство свою сплоченность на этомъ вопросѣ? Не потребуютъ ли гораздо болѣе демократической реформы многіе члены Думы, пока послушно шествующіе въ рядахъ октябристовъ и правыхъ, но не принадлежащіе къ дворянскимъ землевладѣльческимъ элементамъ.

Тутъ многое зависитъ отъ поведенія оппозиціи, тактика которой въ высшей степени затруднена будетъ тѣмъ, что та болѣе демократическая система мѣстнаго управленія, которая имѣетъ хоть какіе либо шансы на проведеніе въ жизнь и можетъ собрать вокругъ себя довольно численную рать защитниковъ, безконечно далека отъ тѣхъ принципіальныхъ требованій, какія всѣ демократическія партіи предъявляютъ къ мѣстнымъ органамъ.

Оппозиціи предстоитъ разрѣшить трудную задачу при выборѣ надлежащей линіи поведенія въ данномъ случаѣ. Демонстрировать ли ей во что бы то ни стало свою приверженность къ идеалу (въ чемъ едва ли кто либо сомнѣвается) и этимъ ограничиться, или же на ряду съ этимъ поставить себѣ ближайшія практическія цѣли существенной хотя и частичной демократизаціи мѣстнаго строя и сдѣлать попытку добиться своего при помощи работы въ Думѣ?

Едва ли можно сомнѣваться, что въ томъ случаѣ, если оппозиція не выставитъ такого проекта, на которомъ могли бы сойтись и менѣе послѣдовательные, но несомнѣнно демократическіе элементы Думы, цѣликомъ пройдетъ правительственно-дворянскій проектъ мѣстной реформы.

Конечно, и онъ внесетъ нѣкоторыя новыя условія въ мѣстную жизнь, но все же завоевывать новыя позиціи въ деревнѣ придется при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ только путемъ продолжительныхъ и тяжелыхъ усилій вопреки массѣ ограниченій и препятствій.

Платежныя и покупныя средства деревни подорваны. И вопреки наивной твердости щедринскаго Разуваева, увѣровавшаго, что опасаться за мужичью платежеспособнось нечего, потому что „йёнъ доста-а-нетъ“, не смотря также на, казалось бы, компетентный отзывъ министра финансовъ Коковцева, во второй Думѣ, что пора бы оставить эти старыя рѣчи о *послѣдней народной копѣйкѣ*, которую яко-бы отбираетъ казна, необезпеченность массы деревенскаго населенія является одной изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашего промышленнаго развитія и государственныхъ финансовъ. Она же является весьма существеннымъ тормазомъ процесса деревни.

Крестьянское населеніе черезъ двѣ недѣли послѣ манифеста 17 октября 1905 года было освобождено отъ огромной суммы выкупныхъ платежей, т. е. податная тягота деревни уменьшилась съ 1 января 1907 года на 90 милліоновъ рублей въ годъ. Несомнѣнно весь деревенскій обиходъ нѣсколько улучшился отъ этой скидки $^2/_3$ всѣхъ прямыхъ налоговъ, совпавшей съ ростомъ сознанія своихъ правъ на человѣческое существованіе. Но цѣлый рядъ новыхъ налоговыхъ ставокъ—прямыхъ и косвенныхъ—уменьшилъ сумму средствъ, которыми можетъ свободно располагать крестьянинъ, и по прежнему преобладающее ощущенье деревенскаго домохозяина сводится къ тому, что „нечѣмъ взяться“

за улучшенье своего хозяйства: приходится везти на базаръ необходимое, продавать не во-время, и подати попрежнему выколачиваются, если не путемъ тѣлесной расправы, то путемъ насильственной продажи скота и предметовъ скуднаго хозяйскаго обихода. А главное—почти весь образовавшійся плюсъ въ крестьянскомъ бюджетѣ уравновѣшивается минусомъ отъ огромнаго повышенія цѣнъ на предметы необходимаго потребленія. И потребительная емкость деревни остается въ высшей степени ограниченной. Сравнивая свое положеніе съ положеніемъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, крестьяне сознаютъ, какъ мало они выиграли сравнительно съ послѣдними, все же нѣсколько поднявшими заработную плату; они учитываютъ процентное повышеніе этой платы и процентъ повышенія стоимости товаровъ—и замѣчаютъ, что имъ приходится не только оплатить весь придатокъ къ заработной платѣ рабочаго, а и еще какой-то лишній процентъ въ пользу фабриканта или торговца... И сознавая свое безсиліе бороться съ этими высокими цѣнами, деревня обращаетъ вниманіе на цѣну тѣхъ предметовъ первой необходимости, стоимость которыхъ зависитъ отъ таможенныхъ пошлинъ или акциза. „Хоть бы сахаръ на копѣечку Дума удешевила“ формулируютъ крестьяне свои желанія отъ обманувшей прежнія великія надежды Думы.

Дѣло конечно не въ копѣечкѣ. Все направленіе финансовой политики государства отражается на деревенскомъ обиходѣ, и повернуть эту политику хотя бы до нѣкоторой степени на пользу деревни составляетъ важную и не совсѣмъ безнадежную задачу.

Возможное сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ и возможно справедливое распредѣленіе налоговой тяготы—вотъ въ чемъ заключается требованіе деревни, и требованіе это, конечно, вполнѣ совпадаетъ съ естественными задачами всякаго народнаго представительства, каковъ бы ни былъ его составъ. Борьба съ непроизводительными расходами въ интересахъ равно всѣхъ плательщиковъ. Податное обремененіе, разорительное для той или другой части населенія, отражается гибельно на всемъ хозяйственномъ организмѣ страны. Грубо кулацкая и равнодушно приказная точка зрѣнія одинаково непріемлемы для сознанія народнаго представительства, которое ясно ощущаетъ на всемъ своемъ житейскомъ обиходѣ гибельныя послѣдствія неправильной финансовой политики государства. А разъ поставленъ вопросъ о справедливомъ и уравнительномъ обложеніи, то безспорнымъ первымъ кандидатомъ на облегченіе является крестьянинъ. Здѣсь такимъ

образомъ нѣтъ непримиримаго противорѣчія между естественными тенденціями думскаго большинства и деревенской нуждой, а какъ разъ напротивъ, открывается рядъ важныхъ очередныхъ задачъ, къ которымъ не можетъ Дума отнестись равнодушно. Ихъ удовлетворительное разрѣшеніе было бы и въ интересахъ даже наиболѣе консервативныхъ элементовъ Думы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныя мѣры въ этомъ направленіи создали бы для нея возможность сколько нибудь поднять свой престижъ въ странѣ. И неправильно было бы думать, что она совсѣмъ къ этой сторонѣ дѣла равнодушна.

Однако, легко сказать—сохранить или выбросить изъ смѣты непроизводительные расходы и бороться съ непосильными тратами. За каждымъ смѣтнымъ назначеніемъ есть длинная исторія, а за каждымъ ассигнованіемъ—могучій защитникъ, иногда тѣмъ болѣе мощный, чѣмъ безполезнѣе предполагаемая затрата. Не говоримъ уже о крѣпкой бронѣ упоминаемыхъ въ „Правилахъ о составленіи росписи“ „дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховоаго управленія послѣдовавшихъ“.

Да и не говоря объ отдѣльныхъ расходныхъ статьяхъ, можно сказать вообще, что въ области финасовой политики чѣмъ лучше критика, тѣмъ подчасъ хуже ея результаты.

Бюджетъ отражаетъ на себѣ всю внѣшнюю и внутреннюю политику правительства за много десятилѣтій, на немъ тяготѣютъ послѣдствія всѣхъ совершенныхъ ошибокъ и, вполнѣ ясно сознавая несоотвѣтствіе его съ нуждами народа и непосильную тяготу, все же въ высшей степени трудно снять съ него всѣ наложенныя временемъ изъяны. А къ тому еще главный плательщикъ и идеальная цѣль попеченій государственной власти молчитъ и организованнаго давленія на исходъ рѣшенія вопросовъ не оказываетъ, а совсѣмъ не молчатъ защитники интересовъ иного рода. Какъ при такихъ условіяхъ безошибочно взвѣсить степень производительности расходовъ и посильности платежей. Одна половина задачи по установленію болѣе равномѣрной системы обложенія, впрочемъ, навѣрное будетъ въ той или другой формѣ достигнута Думой: правительство, исходя изъ своихъ финансовыхъ затрудненій, потребуетъ увеличенія податнаго обложенія болѣе состоятельныхъ элементовъ, и Дума принуждена будетъ на это пойти. Всего важнѣе здѣсь поставленные на очередь министерствомъ подоходный налогъ и реорганизація наслѣдственныхъ пошлинъ. Гораздо

труднѣе предугадать, какъ подойдетъ Дума ко второй части задачи: съумѣетъ ли она наряду съ повышеніемъ податного бремени болѣе состоятельныхъ плательщиковъ прійти на помощь менѣе состоятельнымъ и путемъ пониженія акцизныхъ и таможенныхъ ставокъ удешевить и сдѣлать болѣе доступными такіе предметы широкаго потребленія, какъ чай, сахаръ, керосинъ, желѣзо и хлопокъ. Достигнуть здѣсь какихъ либо существенныхъ результатовъ составляло бы важную и благодарную задачу, которая, при умѣломъ проведеніи, не отразилось бы особенно тяжело и на бюджетномъ равновѣсіи, такъ какъ потребленіе, при условіи реформъ въ другихъ областяхъ, естественно возрастетъ, и разумная политика могла бы открыть путь къ дальнѣйшимъ шагамъ въ этомъ направленіи.

Условіями успѣха во всѣхъ начинаніяхъ въ этой области являются умѣлое распоряженіе государственнымъ хозяйствомъ и стойкая борьба съ ростомъ расходовъ, и насколько думское большинство окажется на это способнымъ,—пока трудно предсказать. Но разумно понятые собственные интересы этого большинства говорятъ не противъ, а за широкую политику въ этомъ направленіи. А при такомъ положеніи вещей роль оппозиціи пріобрѣтаетъ въ области бюджета и финансовыхъ вопросовъ немаловажное значеніе.

Въ связи съ финансовой реформой выдвигается вопросъ о мѣрахъ къ повышенію производительности народнаго труда. Разсматривая теперешній нашъ государственный бюджетъ среди сотенъ милліоновъ рублей расхода трудно отыскать отдѣльныя незначительныя ассигнованія подобнаго характера. Но необходимость позаботиться объ этой сторонѣ дѣла непремѣнно предстанетъ передъ думой и найдетъ себѣ частичное осуществленіе хотя бы въ видѣ расширенія средствъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

Конечно, заботы о подъемѣ производительности страны нельзя уложить въ рамки чисто бюджетнаго вопроса. Здѣсь между прочимъ выдвигается вопросъ о мелкомъ кредитѣ, доступномъ для деревни. Его постановка еще разъ подчеркиваетъ зависимость всякаго улучшенія въ положеніи деревни отъ общихъ условій общественной самодѣятельности и отъ роста просвѣщенія. Однако, необходимо было бы безотлагательно обезпечить за деревней кредитъ хотя бы въ размѣрѣ приливающихъ оттуда вкладовъ въ сберегательныя кассы, и такое предложеніе съ принципіальной стороны едва ли встрѣтитъ въ думѣ возраженія.

Какой стороны жизни деревни ни коснуться, всюду мы подой-

демъ къ вопіющей нуждѣ ея въ просвѣщеніи. И дума въ своей работѣ непремѣнно должна будетъ поставить этотъ вопросъ во всемъ его значеніи и такъ или иначе на него отвѣтить. Въ періоды внѣшняго политическаго затишья всякій разъ общественная мысль направляется на борьбу съ невѣжествомъ народныхъ массъ, справедливо усматривая въ немъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ осуществленію политическихъ и соціальныхъ преобразованій. Но и помимо всякихъ преобразованій мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такой нуждой, устраненіе которой повелительно диктуется самыми жизненными потребностями государственнаго бытія и финансовой мощи. Культурная наша отсталость никѣмъ не оспаривается и даетъ себя знать на всѣхъ поприщахъ хозяйственной жизни.

Противъ этихъ азбучныхъ истинъ не выскажется, конечно, ни большинство, ни сколько нибудь значительное меньшинство государственной думы. Казалось бы, деревня хотя бы по части просвѣщенія можетъ съ увѣренностью ожидать немедленнаго наступленія болѣе свѣтлой полосы. И это особенно важно въ виду того, что всѣ свѣдѣнія, приходящія изъ деревни, дружно свидѣтельствуютъ объ охватившей значительную часть населенія неудержимой жаждѣ знанія. Повторяется тоже явленіе, которое замѣчалось и въ 1861 году. Тогда точно также немедленно вслѣдъ за переломомъ въ своей жизни народъ бросился открывать школы и всюду искалъ путей къ просвѣщенію. Тогда это движеніе въ концѣ концовъ не удалось поддержать, и оно вскорѣ пало. Что то найдетъ народъ въ своихъ исканіяхъ теперь?

Надо думать, что число школъ дѣйствительно удастся значительно увеличить путемъ ассигнованія на этотъ предметъ государственныхъ средствъ, но большой еще вопросъ, насколько эти ассигнованія близко подойдутъ къ размѣрамъ дѣйствительной потребности. Министерство народнаго просвѣщенія исчисляетъ сумму ежегоднаго дополнительнаго ассигнованія на одно только содержаніе училищъ для достиженія всеобщаго обученія въ 103 милліона рублей. Лига образованія, включая въ свои разсчеты и значительную часть расходовъ на постройку зданій, считаетъ необходимой довести цифру ежегодныхъ ассигнованій на начальное обученіе со стороны государства до 148 милліоновъ рублей въ годъ.

Министерскія практическія предположенія и проекты большинства думы пока строятся по совсѣмъ иному масштабу. И можно опасаться, что общія финансовыя затрудненія и система затяжекъ

и полумѣръ сведутъ великую государственную задачу на грошовыя безсистемныя подачки. Расходы государства на полицію за 3 года съ 1905 по 1908 гг. возросли у насъ вдвое, поднявшись съ 30—33 милліоновъ рублей до 67,5 милліоновъ. У распорядителей государственнымъ хозяйствомъ было ясное сознаніе жизненной для нихъ потребности расхода, и они нашли средства въ самое тяжелое для государства время. Будетъ ли у думскаго большинства столь же ясное сознаніе неотложности достаточныхъ ассигнованій на дѣло просвѣщенія и съумѣетъ ли оно провести въ жизнь широкія мѣры въ этомъ направленіи? Во всякомъ случаѣ здѣсь возможны значительные результаты, и на эту сторону думской работы должно быть направлено особое вниманіе и прогрессивныхъ элементовъ въ думѣ и всего общества.

Правда вопросъ о поднятіи культурнаго уровня деревни не можетъ быть сведенъ на однѣ только школы, особенно же на наши школы, которыя можно назвать простыми школами грамоты. Только въ извѣстной атмосферѣ сообщаемыя въ школѣ знанія могутъ принести въ деревнѣ должныя плоды. Главная причина народнаго невѣжества заключается въ искусственномъ разъединеніи народной массы и вскормленнаго ея трудомъ образованнаго общества. Деревню тщательно окружаютъ строгимъ кордономъ съ цѣлью полнаго разобщенія отъ остального міра, и всякія дѣйствія по ту или другую сторону кордона съ цѣлью установленія болѣе живого общенія между общественной мыслью центровъ и народной массой почитаются за вражескія операціи, подлежащія карѣ и пресѣченью. Только со спеціальнаго разрѣшенія начальства открывается свободный пропускъ, и всякая мѣра, пытающаяся ослабить строгости этого режима, быстро парализуется административными распоряженіями или новыми узаконеніями, на дѣлѣ сводящими на нѣтъ возможность свободнаго развитія деревенской мысли.

Ростъ расходовъ на сельскую полицію опережаетъ ростъ расходовъ на школу, и главнымъ изъ общихъ признаковъ порядка въ деревнѣ признается отсутствіе газетъ, книгъ и мыслей безъ особаго правительственнаго ярлыка на нихъ.

Пожелаетъ ли дума, открывая новыя школы, ослабить эти главные тормазы просвѣщенія деревни? Устранитъ ли она тѣ условія, при которыхъ не ведущія своего происхожденія отъ начальства книги и газеты для деревни и въ деревнѣ признаются предметами, подлежащими возможному сокращенію или полному упраздненію? Станутъ ли возможны въ русской деревнѣ лекціи и курсы для

взрослыхъ, или же по прежнему уровень доступнаго деревнѣ просвѣщенія будетъ опредѣляться простой грамотностью, использовать которую будутъ имѣть оффиціальное право лишь составители субсидируемыхъ брошюръ и издающихся на казенныя деньги газетъ?

Конечно, всѣ эти безсмысленныя стѣсненія исчезнутъ только тогда, когда устранено будетъ изъ жизни начало крестьянской обособленности въ области личныхъ правъ и государственныхъ учрежденій. Но и значительные успѣхи въ болѣе узкихъ рамкахъ просвѣтительной дѣятельности представляютъ огромное значеніе для подъема благосостоянія деревни и для опредѣленія ея окончательной роли въ складывающихся новыхъ общественныхъ отношеніяхъ. Въ значительной мѣрѣ отъ степени просвѣщенности деревни будетъ зависѣть, придется ли ей играть роль слѣпой матеріальной силы въ чужихъ рукахъ или же она сознательнымъ вліяніемъ на ходъ исторической эволюціи опредѣлитъ свое самостоятельное мѣсто въ предстоящей перестановкѣ созданныхъ факторовъ въ странѣ.

6.

Мы перебрали тѣ главныя задачи, разрѣшенія которыхъ деревня можетъ ждать отъ Государственной Думы въ цѣляхъ борьбы со своими исконными недугами: голодовками и малоземеліемъ, безправіемъ и неурядицей, нищетой и невѣжествомъ. Въ наши цѣли не входило дѣлать предсказаніе. Мы хотѣли напротивъ выяснить, какъ трудно съ увѣренностью предугадать, во что въ концѣ концовъ выльется работа Думы, не смотря на ея характеръ, на первый взглядъ вполнѣ обезпечивающій торжество реакціоннымъ элементамъ.

Конечно, предаваться оптимистическимъ надеждамъ нѣтъ основанія. При настоящей конъюнктурѣ отъ Думы можно ожидать въ интересахъ улучшенія условій деревенской жизни пожалуй даже меньшаго, чѣмъ это въ глубинѣ души многимъ еще кажется. Разрѣшенія въ желательномъ направленіи коренныхъ вопросовъ ждать отъ нея нельзя. Но во многихъ случаяхъ между жизненными потребностями деревни и тенденціями подлиннаго большинства Думы непримиримаго противорѣчія не существуетъ, а положеніе деревни такъ тяжело, что всякой представляющейся возможностью для его улучшенья необходимо воспользоваться, возлагая, конечно, главныя

надежды не на исходящія отъ Думы преобразованья, а на глубокіе жизненные процессы, для того или другого исхода которыхъ, однако, не безразличны тѣ общія условія, которыя создаются и думской работой.

Съ этой точки зрѣнія и тѣмъ немногимъ полезнымъ, что Дума можетъ дать деревнѣ, пренебрегать не слѣдуетъ. Но размѣры успѣха зависятъ здѣсь прежде всего отъ того, насколько сумѣетъ деревня, не смотря на внутреннія затрудненія и внѣшнія препоны, формулировать отчетливо свои нужды и возвысить свой голосъ съ требованіемъ ихъ удовлетворенія. И если не ставить себѣ гордаго не не особенно умѣстнаго въ политикѣ девиза: „или все, или ничего“, то оппозиціи въ Думѣ открывается довольно обширное поле дѣятельности въ борьбѣ съ застарѣлыми причинами крестьянской нужды.

Кн. Дм. Шаховской.

Еврейскій вопросъ и обновленіе Россіи.

...Неразрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи является серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ обновленія нашей родины.

Гр. *И. И. Толстой.*
(Антисемитизмъ въ Россіи).

Евреи связали свою судьбу съ судьбой русскаго освободительнаго движенія. Это—связь органическая. Всякому непредвзятому изслѣдователю ясно, что такъ называемый еврейскій вопросъ является лишь частью обще-русскаго вопроса, освобожденіе евреевъ изъ подъ тяготѣющаго надъ ними гнета—одна изъ сторонъ раскрѣпощенія русскаго народа отъ административнаго произвола.

Необходимость реформы гражданскаго быта евреевъ стоитъ, какъ принято говорить, на очереди уже свыше полувѣка. Сколько разъ въ эти нѣсколько десятковъ лѣтъ расцвѣтали надежды гонимаго племени вмѣстѣ съ упованіями лучшихъ русскихъ людей,—и всякій разъ темныя силы человѣконенавистничества и узкаго себялюбія праздновали побѣду надъ лучшими завѣтами человѣчности и просвѣщенными стремленіями истинной государственности. Безпристрастные государственные люди пришли уже къ убѣжденію, что русское законодательство о евреяхъ принесло правительству огромный и болѣзненно ощутимый вредъ, а пользу приноситъ лишь наихудшимъ элементамъ русской администраціи, „тѣмъ любителямъ ловли рыбы въ мутной водѣ, которые существовали на Руси гораздо ранѣе возникновенія еврейскаго вопроса и которые нашли обильную пищу для своихъ низменныхъ инстинктовъ въ болотѣ еврейскаго безправія, въ трясинѣ исключительнаго о нихъ законодательства“ [1]).

[1]) Гр. И. И. Толстой и Ю. Гессенъ. Факты и Мысли стр. 201, Спб.-1907 г.

И эти худшіе элементы русской администраціи въ борьбѣ за сохраненіе стараго еврейскаго безправія всегда взывали къ низменнымъ инстинктамъ безсознательной толпы, разжигая въ ней страсти или направляя ихъ по отводному каналу антисемитизма. „Когда-то евреевъ били за то, что они эксплоатируютъ коренное населеніе. Теперь ихъ убиваютъ за то, что они выступаютъ подъ красными флагами...“

Ужъ самъ по себѣ этотъ размахъ амплитуды—между двумя противоположными полюсами—краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываетъ, что истинная причина „еврейскаго вопроса“ лежитъ внѣ національныхъ особенностей [1]).

Въ зависимости отъ требованія дня на сцену выдвигается то вопросъ объ эксплоатаціи евреями русскаго населенія, то о вносимомъ евреями революціонномъ броженіи въ среду русскаго общества. Но какъ къ первопричинѣ обращаются обыкновенно къ содержанію еврейскаго вѣроученія, именуемаго, не примѣръ прочимъ, прямо и откровенно лжеученіемъ [2]). Оставляя въ сторонѣ религіозное и нравственное содержаніе Моисеева закона и допуская даже плетворное вліяніе іудейскаго вѣроученія, приходится выразить свое удивленіе по поводу того, что лица, не избавившіяся отъ этого пагубнаго вліянія въ теченіе долгихъ годовъ, почитаются всецѣло сбросившими съ себя ветхаго человѣка на слѣдующій день послѣ пріобщенія къ христіанству, причемъ степень ихъ гражданской пригодности находится въ зависимости отъ того, къ какой изъ христіанскихъ религій они пріобщаются. Еще менѣе понятнымъ является установленіе заранѣе опредѣленныхъ категорій лицъ, менѣе зараженныхъ предразсудками іудейскаго вѣроученія: такъ напримѣръ, купцы 1-й гильдіи—по сравненію съ болѣе мелкими торговцами; дѣти, получившія на испытаніяхъ изъ латинскаго и ариѳметики по пяти, оказываются носителями болѣе высокихъ нравственныхъ началъ по сравненію съ тѣми, кто получилъ лишь четверки.

Врядъ ли слѣдуетъ останавливаться на серьезномъ опроверженіи подобныхъ воззрѣній и доказывать не только съ точки зрѣнія общечеловѣческой, но и государственно-правовой нелѣпость огульнаго отверженія всѣхъ лицъ, исповѣдующихъ то или другое

---

[1]) Накануне пробужденія. Сборникъ статей І. Гессена, М. Раткера и Л. Штернберга, Спб., 1906, стр. I, Ср. мою статью: еврейскій вопросъ и народная свобода въ предисл. къ русск. перев. *Ломброзо*, Антисемитизмъ.

[2]) Толстой н. с. стр153.

вѣроученіе, ограниченія въ личныхъ правахъ, въ правѣ передвиженія—цѣлаго народа...

Вопросъ этотъ неоднократно освѣщался съ точки зрѣнія и общечеловѣческой справедливости и съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія — экономической и политической. Мнѣ хотѣлось бы въ предстоящихъ строкахъ подчеркнуть по возможности ярко не общую только, а конкретную связь реформы гражданскаго быта евреевъ съ предстоящими работами по обновленію строя русской государственной и общественной жизни и показать, что связь эта настолько жизненна и крѣпка, что никакое улучшеніе нашей внутренней жизни невозможно безъ одновременнаго освобожденія евреевъ отъ тяготѣющаго надъ ними безправія, какъ невозможно возстановить въ организмѣ свободное и здоровое кровообращеніе, снявши тугія повязки съ одной части тѣла и оставивъ ихъ на другой...

Широкимъ слоямъ общества быть можетъ остается неизвѣстнымъ, что вопросъ объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ коренными русскими подданными разрѣшенъ уже въ положительномъ смыслѣ болѣе полувѣка тому назадъ. А между тѣмъ это такъ. Еще въ мартѣ 1856 г. было Высочайше повелѣно пересмотрѣть постановленія о евреяхъ въ видахъ сліянія этого народа съ коренными жителями имперіи. Единственное ограниченіе, внесенное въ Высочайше утвержденный журналъ учрежденнаго съ этой цѣлью комитета, заключалось лишь въ томъ, чтобы уравненіе это совершалось постепенно [1]).

Достойно вниманія, что вопросъ объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ получилъ положительное разрѣшеніе при господствѣ крѣпостного права, расцвѣтѣ откупной системы, способной стать обильнымъ источникомъ эксплоатаціи, дѣйствіи старыхъ судебныхъучрежденій, существованіи тѣлесныхъ наказаній, отсутствіи городского и земскаго самоуправленія, всеобщей воинской повинности и т. д. Точно не жаль было уравнивать евреевъ съ безправнымъ народомъ, но страшно стало приравнять условія ихъ существованія къ условіямъ жизни коренного населенія, по мѣрѣ улучшенія быта и бытія этого послѣдняго. Составители вышеприведенной записки совершенно справедливо замѣ-

---

[1]) Ср. Записка о равноправіи евреевъ Н. А. Неклюдова и К. Д. Карпова (1880 г.), Спб., 1907, стр. 1.

чали, что существенное отличіе еврейскаго вопроса отъ другихъ соціальныхъ вопросовъ того (1880 г.) времени заключалось въ томъ, что онъ возникъ и развился не на почвѣ матеріальныхъ и экономическихъ отношеній, вошедшихъ въ плоть и кровь современнаго общества, какъ крестьянскій вопросъ, а на почвѣ чисто нравственной; что поэтому при разрѣшеніи вопроса объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ прочими подданными имперіи не приходится принимать въ разсчетъ юридическія и экономическія отношенія, лежащія въ основѣ общественнаго строя, а лишь исключительно требованія нравственности и справедливости, и что, такъ какъ эмансипаціею евреевъ не нарушаются нисколько права прочихъ подданныхъ и не наносится ущерба ничьимъ матеріальнымъ интересамъ,—то и предоставленіе евреямъ общихъ гражданскихъ правъ не можетъ вызвать ни малѣйшаго потрясенія въ государственномъ строѣ имперіи и является простымъ актомъ справедливости [1]).

Эта мысль совершенно вѣрна, но въ ней истина отразилась односторонне. Уравненіе евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, конечно, не вызываетъ потрясенія государственной и общественной жизни, но сохраненіе еврейскаго безправія способно въ корнѣ уничтожить благодѣтельное значеніе всѣхъ попытокъ обновленія государственной жизни.

Наличность въ государствѣ огромнаго числа людей, возрастающаго къ тому же съ каждымъ годомъ,—людей, которые по условіямъ своего *рожденія*, а не *дѣятельности* объявлены внѣ закона, въ корнѣ подрываетъ здоровыя начала права и законности, только естественное развитіе которыхъ обезпечиваетъ государству жизнь и процвѣтаніе. Чѣмъ число евреевъ больше, тѣмъ ярче выступаетъ и сильнѣе проявляется начало безправія, все глубже и глубже проникая въ общественную жизнь и въ дѣло государственнаго управленія. Общество и правительство воспитываются на началахъ беззаконія, а беззаконіе — плохой базисъ для государственнаго строительства. Всякому извѣстно, какъ развращаются на нашихъ безправныхъ окраинахъ даже лучшіе представители административной власти. Одновременное существованіе полноправныхъ и безправныхъ элементовъ ведетъ неизбѣжно къ разложенію—это истина старая, особенно ярко подтвержденная исторіей паденія всѣхъ государствъ, въ которыхъ пышно расцвѣло рабство.

[1]) Тамъ же, стр. 2.

Для честныхъ наблюдателей жизни сдѣланнаго указанія на постепенное развращеніе государственнаго и общественнаго дѣла продолжающимся безправіемъ цѣлой народности совершенно достаточно. Но независимо отъ общаго разлагающаго вліянія отъ введенія въ систему жизни двухъ справедливостей и двухъ нормъ закона—одной для евреевъ и другой для неевреевъ,—законодательство о евреяхъ конкретно препятствуетъ развитію общественной жизни въ желательномъ направленіи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ надо же считаться съ фактомъ существованія евреевъ въ предѣлахъ Россіи и участія ихъ въ русской государственной жизни. Пусть они и не органическая даже, а лишь механически придѣланная къ общему тѣлу часть. Но, вѣдь, часть эта придѣлана. Оторвать ее нельзя, какъ бы ни была близка сердцу нѣкоторыхъ идея новой Варѳоломеевой ночи. Если группа предметовъ, прочно связанныхъ, должна совершать движеніе въ опредѣленномъ направленіи и съ извѣстной скоростью, то замедленіе каждой отдѣльной части вызываетъ замедленіе и общаго тѣла, а безпорядочные толчки, испытываемые отдѣльными частями, способны видоизмѣнить основное направленіе движенія. Эта обычная истина механики находитъ себѣ полное примѣненіе и въ области соціальныхъ явленій. Если для ясности нужны конкретные примѣры, то за ними ходить недалеко. Возможна ли отмѣна паспортной системы для коренного населенія имперіи при сохраненіи еврейской черты осѣдлости? Возможна ли правильная постановка воспитанія (не въ смыслѣ формальнаго только прохожденія программнаго курса) при ограниченіяхъ евреевъ? и проч.

Можо, пожалуй, устранить извѣстную группу населенія отъ пользованія политическими правами безъ *немедленнаго* проявленія вреда отъ такого устраненія, а отъ пользованія нѣкоторыми видами служебныхъ правъ даже, быть можетъ, и вовсе безъ ощутительнаго вреда, но не то въ области гражданскихъ правъ.

Права гражданскія, говорятъ составители записки [1]), принадлежатъ каждому человѣку по рожденію,—таковы, напр., право собственности, право торговли, право промысловъ и занятій, право локомоціи, т. е. свободы передвиженія. Вслѣдствіе сего лишеніе гражданскихъ правъ можетъ имѣть мѣсто только за преступленіе.

Отвергать это общепризнанное начало—значитъ колебать основы всего гражданскаго быта, ибо этотъ послѣдній зиждется бе-

[1]) Тамъ же, стр., 6.

зусловно и прежде всего на собственности, трудѣ и свободѣ передвиженія. Эти три права—три главные устоя гражданскаго быта; пошатнувъ одинъ изъ нихъ, пошатнешь и остальные, пошатнешь и самый гражданскій бытъ. Лишеніе кого-либо права повсемѣстнаго жительства опредѣляется во всѣхъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ, лишь въ видѣ наказанія за нѣкоторыя уголовныя преступленія, но и въ этомъ случаѣ оно заключается лишь въ воспрещеніи жительства только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и притомъ не вѣчно, а лишь въ теченіе указаннаго въ судебномъ приговорѣ срока; разсудокъ не допускаетъ такихъ соображеній, которыя оправдывали бы поставленіе многомилліоннаго народа еврейскаго въ тѣ же самыя рамки, въ которыя законъ ставитъ уголовнаго преступника, и тѣмъ болѣе въ рамки худшія, въ какихъ находится оно нынѣ, будучи вѣчно прикрѣплено къ извѣстному мѣсту [1]).

Эти простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокія мысли, долженствовавшія лечь въ основу работъ комиссіи, не воплотились въ жизнь. Это былъ канунъ 1881 года. Наступили условія, неблагопріятныя для какого бы то ни было движенія впередъ, а всего менѣе—для правового и справедливаго разрѣшенія еврейскаго вопроса. Уже вторая половина царствованія Александра II, ознаменовавшаяся пріостановленіемъ намѣченныхъ реформъ, затушевала еврейскій вопросъ, безъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго немыслимо было обновленіе страны. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ отъ пріостановки перешли къ движенію вспять, то язвы еврейскаго безправія опять удалось временно вогнать во внутрь государственнаго тѣла. Наступило время, которое поэтъ-гражданинъ (Жемчужниковъ) остроумно опредѣлилъ словами—„европейское окошко закрывается ужъ ставнемъ“. Наступила тьма и тишина, нарушавшаяся только криками избиваемыхъ евреевъ, на которыхъ разрѣшалось населенію излить запасъ накапливавшейся желчи и нароставшаго негодованія.

Въ постепенно возвращавшемся безправіи коренного населенія ступевывался ужасъ и все ухудшалось положеніе еврейскаго народа. Стушевывался, конечно, лишь объективно для сторонняго наблюдателя. Евреи же съ особенной остротой и болью почувствовали

---

[1]) Тамъ же, стр., 41.

все болѣе и болѣе замыкавшійся кругъ ограниченій, не пощадившихъ и самаго святого, самаго законнаго стремленія—къ свѣту образованія. Въ туго затянутой петлѣ, концы которой были отданы въ руки администраціи, стала задыхаться и трепетно биться жизнь еврейскаго народа. Вражда закона порождаетъ вражду къ закону. Кто сѣетъ вѣтеръ жнетъ бурю. Въ душѣ еврейскаго народа росла гроза. „Здравая политика государства, говорили не разъ уже приведенные авторы записки [1]), требуетъ не сѣять, не раздувать недовольство, а устранять его въ самомъ корнѣ. Нельзя не замѣтить, что оставленіе на будущее время въ силѣ ограничительныхъ законовъ и стѣснительныхъ мѣръ для евреевъ заставляетъ опасаться, что всякое политическое затрудненіе, могущее выпасть на долю Россіи, будетъ возбуждать въ нихъ надежду на улучшеніе ихъ соціальнаго положенія и вызывать сочувствіе ихъ всякой, враждебной русскому государству, дѣятельности“.

„Не только требованія справедливости и соображенія экономическаго свойства, но и простая политическая предусмотрительность вызываетъ необходимость удовлетворенія законныхъ и справедливыхъ ожиданій еврейскаго населенія“. Пророчество не замедлило оправдаться. Усиливавшійся гнетъ пробудилъ дремавшій въ народѣ инстинктъ самосохраненія. „Если во всѣхъ рѣшительно слояхъ русскаго населенія глубоко разлито было недовольство существовавшимъ строемъ, то на общемъ фонѣ этой безотрадной картины настроеніе евреевъ выдѣлялось особенно мрачными красками. Оно и понятно. Экономическое разстройство, политическое безправіе, національный гнетъ, отсутствіе элементарныхъ требованій человѣческой свободы усиливается здѣсь давленіемъ безпримѣрнаго безправія въ обширной области простыхъ общечеловѣческихъ правъ. Въ процессѣ повседневной борьбы, тяжкой и унизительной, за свое „право жить“—только жить!—и самый некультурный еврей невольно и стихійно сталкивается съ проблемой власти, ея границъ и ея законныхъ предѣловъ“ [2]).

Хочется думать, что прошлое отошло безвозвратно въ исторію. Если надежды на быструю смѣну стараго новымъ оказались увлеченіями, то все же глубокій разрывъ со старыми навыками власти

---

[1]) Тамъ же, стр., 36.
[2]) Наканунѣ пробужденія, стр., 135, 136.

и управленія—фактъ непреложный, и не изсякла вѣра, что небывалый подъемъ общественнаго протеста 1905 года все же заставилъ насъ пройти первый этапъ, правда долгаго еще, пути обновленія Россіи. Огромный размахъ жизненной силы пронесъ маховое колесо русской исторіи чрезъ мертвую точку. Быстро ли, медленно ли, или съ остановками, станетъ оно двигать впередъ правду жизни,— не знаю, но вѣрю, что гобратно оно не повернется. La verité est en marche, rien ne l'arrétera.

И снова встаетъ на пути къ гражданской свободѣ и политическому освобожденію еврейскій вопросъ. Обойти его нельзя. Онъ стоитъ во всю ширину пути. Онъ захватываетъ всѣ сферы законодательства, всѣ стороны политической и соціальной жизни, самыя сокровенныя нѣдра нравственнаго сознанія. Какъ политическій и гражданскій факторъ, онъ вліяетъ на направленіе и содержаніе нормировки политической и гражданской жизни; какъ экономическій моментъ, онъ проникаетъ всѣ стороны экономической жизни и вліяетъ даже на далекое на первый взглядъ отъ него упорядоченіе земельныхъ отношеній—эту первооснову нашего возрожденія. Не надо быть экономистомъ, чтобы понимать, что черта осѣдлости вліяетъ на отношеніе евреевъ въ торговлѣ продуктами земли, а это послѣднее способно непосредственно вліять на положеніе земледѣльца; интенсификація хозяйства обусловливается высокой заработной платой и низкимъ процентомъ на капиталъ; что денежный рынокъ въ прямой зависимости отъ гражданскаго равноправія евреевъ и т. д.

Широкой грядой камней стоитъ еврейскій вопросъ на пути теченія новой русской гражданственности. Вокругъ этой гряды постоянно пѣнится потокъ жизни. Чѣмъ быстрѣе его теченіе, тѣмъ бурливѣе пѣна, тѣмъ быстрѣе водовороты. И если въ весеннее половодіе высоко поднимется вода и покроетъ зубчатыя вершины камней, и заиграетъ зеркальною гладью поверхность широкаго разлива рѣки жизни, то все же по ней не пройти глубоко сидящему государственному кораблю, движеніе котораго остановятъ подводные камни...

Caveant consules...

О. Пергаментъ.

Имперское единство и національный вопросъ.

Россійская имперія, создавшаяся на территоріи и силами великорусскаго племени русскаго народа, по составу своего населенія, являетъ такую пестроту, которая неизвѣстна современнымъ европейскимъ государствомъ. Даже пресловутая многоязычная и многоплеменная Австрія рядомъ съ Россіей кажется однотонной, и въ ней, по справедливому замѣчанію австрійскаго соціолога Гумпловича, „сравнительно съ Россіей смѣшеніе народовъ и языковъ такъ же не сложно, какъ таблица умноженія“.

Нѣсколько цифръ для иллюстраціи. По переписи 1897 года, въ Россіи на 129 мил. всего населенія (съ Финляндіей) числилось великороссовъ—55,7 мил.; малороссовъ (украинцевъ)—22,4, кромѣ того, пятнадцать народностей численностью отъ 1 до 6 мил., свыше десяти—отъ 100 тыс. до милліона; всего „языковъ“, на которыхъ говорило населеніе имперіи въ 1897 году, перепись называетъ—100 [1]).

Но не одно только этнографическое разнообразіе имперскаго населенія обусловливаетъ чрезвычайную пестроту національной структуры Россійскаго государства. На огромной имперской территоріи, равной шестой части всего континента, волею исторіи встрѣтились для общаго сожительства національности самаго разнообразнаго происхожденія, разнообразныхъ степеней культуры, религіи, соціальнаго распредѣленія, историческихъ и правовыхъ традицій. Къ тому же границы распредѣленія имперскихъ національностей оказались крайне сложными и переплетенными между собою,

[1]) Данныя переписи о національномъ распредѣленіи населенія Россіи весьма спорны и подлежатъ тщательной провѣркѣ, но результаты критическаго ея обслѣдованія способны измѣнить лишь процентное отношеніе между національностями, а не пестроту состава имперскаго населенія.

и эта сложность характеризуетъ значительныя по населенію и по пространству территоріи. Далѣе; въ составъ имперіи вошли и такія области, гдѣ распредѣленіе по національностямъ совпадаетъ съ классовымъ разслоеніямъ; гдѣ подавляющее большинство населенія находится въ открытой экономической зависимости отъ скромнаго меньшинства, причемъ большинство и меньшинство—разнонаціональныя; гдѣ, наконецъ, все это осложняется еще и тѣмъ, что въ области въ перемежку живетъ нѣсколько національностей такъ, что ни одна изъ нихъ не достигаетъ превалирующаго значенія.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ національный вопросъ въ Россіи не является въ чистомъ его видѣ, а обычно осложняется моментами соціальнаго и экономическаго, иногда политическаго характера, что до чрезвычайности затрудняетъ не только рѣшеніе его, хотя бы только теоретическое, но и самую постановку этого вопроса, и препятствуетъ даже спокойному сужденію о немъ и ясному пониманію его сколько нибудь широкими кругами имперскаго общества.

Къ тому же вела и неосвѣдомленность русскаго общества въ національныхъ вопросахъ и полная невозможность этой освѣдомленности до самаго послѣдняго времени. До 1905 года, когда опубликованы данныя по языкамъ переписи 1897 года, національной статистики въ Россіи не существовало вовсе; цифры населенія по національностямъ даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ приводились фантастическія, границы разселенія указывались гадательныя, самый фактъ существованія нѣкоторыхъ народностей иногда подвергался сомнѣнію. Внутренвихъ побужденій интересоваться національнымъ вопросомъ у русскаго (собственно великорусскаго) общества не было, ибо оно, испытавъ на протяженіи своей исторіи всѣ формы политическаго угнетенія, національнаго гнета не знало вовсе; литература же по національному вопросу, созданная недержавными народностями Россіи, не могла способствовать широкой освѣдомленности русскаго общества уже потому, что обычно почиталась государственными властями преступной и влачила, если и не всегда жалкое, то все же, главнымъ образомъ, подпольное существованіе. Наконецъ, сама жизнь, которая учитъ лучше книгъ и пропагандируетъ лучше всякихъ агитаторовъ, за рѣдкими исключеніями, мало и не въ достаточной полнотѣ демонстрировала національный вопросъ передъ русскими зрителями. Зрители эти неотрывно слѣдили зоркими глазами за безпрестанно возникавшими проблемами политическаго и соціальнаго характера,

и національные вопросы казались имъ часто лишь досадными и ненужными тѣнями на ясномъ и чистомъ горизонтѣ соціальныхъ и политическихъ построеній.

Этимъ должно объяснить то обстоятельство, что въ русской наукѣ и даже въ публицистикѣ національной проблемѣ посвящено и до нынѣ самое скромное вниманіе, а въ программахъ почти всѣхъ имперскихъ прогрессивныхъ партій постановка національнаго вопроса отличается крайней неотчетливостью и отсутствіемъ положительныхъ національныхъ сужденій. Въ сложной гаммѣ этихъ программъ, отъ мирнаго обновленія и до соціалъ-демократіи включительно, безполезно искать сколько нибудь удовлетворительной постановки вопроса о недержавныхъ народностяхъ Россіи. Всѣ указанныя программы не идутъ далѣе гражданскаго политическаго равноправія всѣхъ національностей,—что само собою логически вытекаетъ изъ понятія гражданской и политической свободы вообще,—и права каждой націи на самоопредѣленія, не вливая въ это послѣднее слово какого либо точнаго содержанія. Объ автономномъ вопросѣ программы этихъ партій либо умалчиваютъ, либо говорятъ мало вразумительно, смѣшивая понятія автономій областной и національной, и пр. Только въ программѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ брошенъ намекъ на федералистическое пониманіе междунаціональныхъ отношеній въ будущей Россіи, но этотъ намекъ съ программой не слитъ и кажется въ ней какимъ то случайнымъ осколкомъ. Доброй воли разрѣшить національный вопросъ не недоставало у прогрессивныхъ партій, особенно у лѣваго ихъ крыла, но для разрѣшенія этого вопроса мало было того теоретическаго и практическаго накопленія знаній въ соціальной и политической плоскостяхъ, которое обнаружили эти партіи въ моментъ своего открытаго выступленія; необходимы были еще и знанія въ плоскости чисто національной, чего не было, и потому національный вопросъ оказался внѣ поля ихъ зрѣнія и программно опредѣленъ ими лишь постолько, посколько онъ соприкасается съ общими политическими построеніями [1]).

Особнякомъ среди имперскихъ прогрессивныхъ партій стоитъ въ этомъ вопросѣ партія народной свободы, вобравшая въ себя политическое наслѣдіе земскихъ съѣздовъ, изъ коихъ нѣкоторые происходили въ присутствіи представителей недержавныхъ народ-

[1]) Объ этомъ, а также о національной структурѣ Россіи вообще подробнѣе говорится въ моей статьѣ „Національная структура Россіи и великороссы“ въ сборникѣ „Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ“.

ностей имперіи. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно сказалось на постановкѣ національнаго вопроса въ партійной программѣ. Не декретируя какого-либо одного положительнаго рѣшенія этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицая ни одного изъ нихъ, партія подходитъ къ національному вопросу съ дѣловитой осторожностью, продиктованной предвидѣніемъ реальной политики. Утвердивъ за національностями право на полноту равноправія и на культурное самоопредѣленіе, причемъ послѣднему понятію дано болѣе или менѣе точное содержаніе, программа партіи народной свободы дальнѣйшее пріобрѣтеніе національныхъ правъ ставитъ въ связь съ развитіемъ конституціоннаго строя въ Россіи, ограничивая движеніе національныхъ пріобрѣтеній суверенитетомъ общеимперскаго народнаго представительства [1]). Такая постановка національнаго вопроса, устраняющая обсужденіе maximum'овъ программъ національныхъ партій и утверждающая ихъ minimum'ы, дала партіи народной свободы на выборахъ въ Государственную Думу поддержку національныхъ организацій имперіи, каковая поддержка остается за партіей и понынѣ.

Иной характеръ носитъ постановка національнаго вопроса въ программахъ многочисленныхъ имперскихъ консервативныхъ и реакціонныхъ партій. Въ то время, какъ въ программахъ прогрессивныхъ партій замѣтно исканіе новыхъ путей въ національныхъ сужденіяхъ, партіи консервативныя и реакціонныя новыхъ путей не ищутъ и довольствуются торной дорогой, проложенной имперскимъ правительствомъ въ теченіе вѣковъ. Самая лѣвая изъ правыхъ партій—союзъ 17 октября—одно время, казалось, была въ нерѣшительности относительно своего пути, но нерѣшительность длилась недолго. Программныя заявленія представителей этой партіи въ третьей думѣ и думскіе ихъ вотумы показали, что практика союза 17 октября далеко отстоитъ вправо отъ собственной колеблющейся программы, въ которой все же говорится и о равноправіи національностей и даже о чемъ-то въ родѣ національнаго самоопредѣленія. Въ знаменитомъ вопросѣ о „гражданахъ второй степени“ октябристы слили себя со своими правыми сосѣдями, въ томъ числѣ и съ союзомъ русскаго народа, поддержавъ всѣми своими силами полный комплексъ принциповъ традиціонной національной политики имперскаго правительства.

Принципы имперской національной политики имѣютъ за собою вѣковое прошлое, а практика, родившая ихъ, восходитъ къ московскому періоду русской исторіи. Если нужна дата, то, совершая

[1]) §§ 11, 12, 24, 25 и 26 программы партіи народной свободы.

нѣкоторую ошибку, можно пріурочить начало этой практики къ половинѣ XVII вѣка, т. е. ко времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Это было первое крупное пріобрѣтеніе московскаго государства на западъ отъ этнографическихъ границъ великорусскаго племени, и первая встрѣча менѣе культурнаго центра нынѣшней Россіи съ болѣе культурной окраиной, съ явно выраженнымъ отличнымъ національнымъ типомъ населенія, съ отличнымъ правовымъ укладомъ и историческими традиціями. На отношеніяхъ къ Малороссіи и выработались пріемы той практики имперской національной политики, черты которой мало въ чемъ измѣнились къ нашему времени. Екатерина II формулируетъ пріемы этой политики въ слѣдующихъ словахъ: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было; однако-жъ, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на таковомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью, глупость. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу“. Имперское правительство, за случайными исключеніями, ни до ни послѣ Екатерины II не отступало отъ этихъ пріемовъ.

Малороссія первая и наиболѣе полно испытала практику обрусѣнія, завѣщаннаго великой императрицей. Сначала нарушались ея автономныя права, затѣмъ мало-по-малу упразднено было самое автономное устройство, потомъ послѣдовала замѣна мѣстныхъ исторически сложившихся учрежденій общеимперскими институтами съ одновременною ломкой мѣстнаго и введеніемъ общеимперскаго правового и даже классового и соціальнаго уклада, вплоть до насажденія несуществовавшаго тамъ дворянства и крѣпостного права; наконецъ, въ видѣ апофеоза послѣдовательной политики денаціонализаціи появляется воспрещеніе литературы и оффиціальное отрицаніе самого факта существованія языка, а слѣдовательно и народа. „Не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого малороссійскаго языка“.—аргументировалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, родоначальникъ системы жестокихъ цензурныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ полному искорененію украинскаго языка и литературы, мѣропріятій, отпавшихъ лишь съ 17 октября 1905 года и просуществовавшихъ свыше сорока лѣтъ.

Подобную же послѣдовательность національной политики, кромѣ Малороссіи, имперское правительство проявило и къ Бѣлоруссіи,

*

и фактъ значительнаго успѣха, достигнутаго въ этомъ направленіи, породилъ особый видъ оффиціальной панрусской теоріи о единомъ русскомъ народѣ, съ единымъ языкомъ, исторіей, едиными традиціями, единымъ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ, причемъ подъ словомъ „русскій“ понимается „великорусскій“; теорія эта составною частью входитъ въ государственную идеологію всѣхъ консервативныхъ и реакціонныхъ имперскихъ партій.

По отношенію къ другимъ западнымъ окраинамъ имперіи, населеннымъ національностями не русскаго корня, имперская національная политика къ 17 октября 1905 г. не достигла той полноты и законченности, какая наблюдается по отношенію къ Малороссіи и Бѣлороссіи. Произошло это частью оттого, что эти окраины позже аннексированы; частью оттого, что по отношенію къ нимъ труднѣе было подмѣнить понятіе политическаго единства понятіемъ единства національнаго, какъ это сдѣлано въ панрусской теоріи; частью, наконецъ, по разнымъ случайнымъ причинамъ, въ видѣ даже личныхъ симпатій круговъ, дѣлающихъ дождь и погоду во внутренней политикѣ. Въ Литвѣ движеніе имперской національной политики подошло къ порогу отождествленія литовскаго народа съ русскимъ, въ Польшѣ, пройдя всѣ предшествующія фазы, оно остановилось на грубыхъ попыткахъ „располяченія“ Польши, въ Финляндіи—на первыхъ пробахъ нарушенія автономныхъ правъ и вмѣшательства во внутреннее самоуправленіе, и т. д.

Среди національностей западныхъ окраинъ Россіи есть, однако, народъ, исторія котораго не знаетъ національныхъ аналогій: это—евреи. По отношенію къ евреямъ движеніе имперской національной политики опредѣлялось даже не денаціонализаціей и отождествленіемъ, а прямымъ искорененіемъ народа, вплоть до физическаго значенія этого слова. Иначе нельзя охарактеризовать всѣмъ извѣстный комплексъ имперскихъ мѣропріятій направленныхъ на еврейскій народъ.

На востокѣ отъ этнографической границы великорусскаго племени, за немногими исключеніями, имперская политика не подымала національнаго вопроса въ чистомъ его видѣ; правительственныя мѣропріятія не выходили тамъ изъ стадіи первичнаго колоніальнаго хозяйничанья, основаннаго на безотказномъ взыманіи всякаго рода поборовъ и на безудержной, хищнической эксплоатаціи мѣстнаго населенія всякаго рода пришлыми людьми. Послѣдній образецъ такого хозяйничанья въ „Желтороссіи“ произошелъ на нашихъ глазахъ, вызвавши всѣмъ извѣстныя послѣдствія.

Вѣковое движеніе имперской національной политики не при-

вело къ тѣмъ результатамъ, на которые оно было разсчитано. Задачи обрусить національности имперіи, нивеллировать ихъ, стереть безъ остатка всѣ мѣстныя, областныя и національныя особенности и тяготѣнія оказались не подъ силу имперскому правительству. Слишкомъ велики и компактны были національныя массы присоединяемыхъ областей и слишкомъ мало было культурныхъ средствъ въ распоряженіи имперскаго правительства. Національныя движенія были задавливаемы, но не искореняемы, централистическія излишества вызывали ростъ центробѣжныхъ стремленій; обрусительныя тенденціи, проводимыя въ жизнь, порождали чувство отъединенія отъ всего русскаго и вражду къ нему; смѣшеніе единства политическаго съ единствомъ національнымъ, возведенное имперскимъ правительствомъ въ принципъ, по закону антитезы уготовляло почву для возникновенія противоположнаго и враждебнаго ему смѣшенія самобытности національной съ самобытностью политической. Имперскія отношенія оказались насыщенными національной враждой, и эта вражда все болѣе и болѣе отравляла междунаціональныя отношенія. Ненависть народовъ имперіи къ правительственной системѣ готова была перейти въ ненависть къ главенствующему въ Россіи великорусскому народу. Въ вѣковой дѣятельности имперскаго правительства не оказалось самаго малаго творческаго зерна, не нашлось среди его орудій ничего, при помощи чего можно было спаять, скрѣпить и сцементировать народы Россіи. Оно умѣло сѣять лишь начала розни и національной вражды, и этой рознью и враждою питалось большинство имперскаго населенія. Единственнымъ результатомъ, котораго безошибочно достигала повсюду въ западныхъ окраинахъ имперская національная политика, было культурное паденіе западныхъ національностей имперіи, выразившееся въ уменьшеніи школъ [1]). Другимъ результатомъ этой политики было значительное развитіе центробѣжныхъ стремленій среди недержавныхъ народностей имперіи; въ программахъ національныхъ партій появились пункты о политической независимости.

Насталъ знаменательный во всѣхъ отношеніяхъ 1905 годъ. Народныя движенія на всѣхъ окраинахъ имперіи окрасились въ національныя цвѣта. Національное сознаніе съ отчетливой силой проявилось даже тамъ, гдѣ его возможность и не предполагалась оффиціальной Россіей. О національныхъ правахъ заговорили не

---

[1]) Фактъ этотъ для украинской территоріи констатированъ проф. Грушевскимъ, для Польши—деп. отъ Варшавы Дмовскимъ, для Прибалтійскихъ губ.—журналомъ комитета министровъ отъ 10 мая 1905 года.

только поляки, украинцы, латыши, литовцы, евреи и др., но и приполярные якуты, и закаспійскіе сарты, и закавказскіе адербенджейцы. Робкіе люди ожидали распаденія Россіи на составныя національныя части, и все прошлое, казалось, диктовало эти ожиданія.

Случилось, однако, нѣчто противоположное. Національности въ моментъ самаго высокаго подъема революціоннаго движенія, оказались солидарны въ одномъ: въ желаніи сохранить единство имперіи. Особенно рельефно это сказалось на съѣздѣ представителей четырнадцати недержавныхъ народностей въ концѣ 1905 г. въ С.-Петербургѣ [1]). „Мы чувствовали ненависть ко всему русскому“,—говорилъ тамъ адербенджейскій турокъ, описывая картину національныхъ репрессій надъ роднымъ его народомъ,—но, заключаетъ онъ свою рѣчь, „наша страна должна составлять нераздѣльную часть русскаго государства“. „Мы хотимъ мирно трудиться въ обновляющейся Россіи“,—говорилъ латышъ, и эти слова, въ иной постановкѣ и въ иныхъ выраженіяхъ, повторяются и представителями другихъ недержавныхъ народностей. Видѣніе обновляющейся Россіи витало надъ участниками съѣзда недержавныхъ народностей, останавливая крутой поворотъ центробѣжныхъ стремленій и возвращая имъ тяготѣніе къ центру. Тотъ же характеръ носилъ и послѣдующіе съѣздъ учителей недержавныхъ народностей и даже съѣздъ представителей національно-соціалистическихъ партій имперіи.

Та же солидарность въ необходимости сохраненія единства имперіи подтверждается и программами національныхъ партій. Лишь незначительная часть невліятельныхъ національныхъ организацій сохранили донынѣ въ своихъ программахъ стремленіе къ политической независимости; подавляющее же большинство ихъ, въ томъ числѣ и всѣ сколько-нибудь могущественныя въ политическомъ отношеніи національныя группы отказались отъ этого стремленія, рожденнаго обычно въ духотѣ вынужденнаго подполья, какъ вынужденная антитеза всеподавляющему централизму. По послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ даже самая непримиримая изъ національныхъ организацій имперіи—польская соціалистическая партія (P. P. S.) отказалась отъ параграфа своей программы, въ которомъ говорилось о независимости Польши, и ограничила

[1]) На съѣздѣ, неопубликованные протоколы котораго здѣсь частично использованы, присутствовали представители украинцевъ, поляковъ, армянъ, грузинъ, бѣлоруссовъ, эстонцевъ, евреевъ, татаръ, литовцевъ, адербенджейцевъ, киргизовъ, латышей, финновъ и сартовъ.

свои desiderata требованіемъ автономіи. „За два года надежды и вѣры въ свободу,—отмѣчаетъ это явленіе въ рѣчи въ третьей думѣ деп. Бобянскій,—гораздо болѣе объединились всѣ народы, нежели за сто лѣтъ репрессій. Борьба за общую политическую свободу объединила народы, и эту связь уже уничтожить нельзя".

Имперское освободительное движеніе прошло подъ знакомъ національнаго разнообразія и государственнаго единства. Формула движенія національнаго вопроса была найдена и утверждена въ процессѣ общей борьбы зо „вашу и нашу свободу"; изъ программъ имперскихъ прогрессивныхъ партій наиболѣе полное выраженіе свое эта формула, какъ выше было отмѣчено, нашла въ программѣ партіи народной свободы. Въ minimum'ѣ этой формулы стоитъ признаніе права на всю полноту національнаго самоопредѣленія, движеніе maximum'а ограничиваетчя незыблемостью общеимперскаго суверенитета. По этой формулѣ развертывалось движеніе національнаго вопроса во всѣхъ трехъ думахъ.

Въ первой думѣ пренія по національному вопросу носили декларативный характеръ; единогласно дума включила въ отвѣтный адресъ монарху слѣдующій фрагментъ:

„Государственная дума считаетъ необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ".

Правые въ думѣ не возражали противъ этого фрагмента адреса, устанавливающаго новыя начала имперской національной политики [1]); имперское правительство въ отвѣтной декларацiи умолчало о національномъ вопросѣ, уклонившись отъ защиты своихъ традиціонныхъ принциповъ: централизма и обрусѣнія. Союзу автономистовъ-федералистовъ, который образовался въ думѣ, какъ результатъ и слѣдствіе съѣзда недержавныхъ народностей, нечего было дѣлать въ первой думѣ; центробѣжныя стремленія, породившія его, замѣтно ослабѣли въ свободолюбивой и полной терпимости атмос-

[1]) Нельзя считать возраженіемъ нелѣпую выходку волынскаго депутата свящ. Концевича, которая по единогласному рѣшенію думы не была даже поставлена на обсужденіе.

ферѣ первой думы, исключавшей опасность національныхъ репрессій и централистическихъ излишествъ. Во второй думѣ союзъ этотъ еще дальше ушелъ отъ центробѣжныхъ тяготѣній: изъ союза автономистовъ-федералистовъ онъ сталъ лишь союзомъ автономистовъ.

Во второй думѣ декларируютъ не лѣвые, которые продолжаютъ поддерживать формулировку національнаго вопроса, выраженную въ отвѣтномъ адресѣ, а правые, не высказавшіеся дотолѣ. Въ многочисленныхъ рѣчахъ они развиваютъ всѣ принципы традиціонной имперской политики, а въ отдѣльныхъ случаяхъ идутъ гораздо дальше, вплоть до пожеланій полнаго искорененія и обезземеленія недержавныхъ народностей, согласно тому образцу, который въ самое послѣднее время данъ прусскимъ ландтагомъ въ извѣстномъ законѣ объ отчужденіи польскихъ земель, но въ болѣе крупныхъ размѣрахъ [1]).

Въ правительственной декларації, прочитанной во второй думѣ, находится также фрагментъ, посвященный, правда, еще неувѣренной, защитѣ принциповъ традиціонной имперской политики въ національномъ вопросѣ.

Въ третьей думѣ по національному вопросу декларируютъ не правые или лѣвые, а имперское правительство. Въ выраженіяхъ ясныхъ и не допускающихъ двухъ толкованій, глава имперскаго правительства въ своей декларапіи и въ рѣчахъ, посвященныхъ ея защитѣ, отвергъ полноту національнаго равноправія народовъ имперіи. „Сплотитесь сначала общенаціональнымъ цементомъ и тогда требуйте отъ насъ децентрализаціи“, сказалъ предсѣдатель совѣта министровъ, обращаясь въ третьей думѣ къ представителямъ недержавныхъ народностей, и этой рѣчью, которая предопредѣляетъ и на будущее существованіе гражданъ различныхъ степеней въ одномъ государствѣ, торжественно принялъ на себя все наслѣдіе традиціонной политики и всю отвѣтственность за проведеніе ея принциповъ въ будущемъ. Правая третьей думы, безъ критики и сужденій, покрыла правительственную декларацію всѣмъ своимъ авторитетомъ; лѣвая — встала на защиту недержавныхъ народностей. Самая замѣчательная рѣчь произнесена была депут. Милюковымъ, который на этотъ разъ явился не столько лидеромъ партіи народной свободы, сколько лидеромъ всей думской оппозиціи. Тради-

[1]) Самая примѣчательная въ этомъ отношеніи рѣчь сказана деп. Келеповскимъ въ 20-мъ засѣданіи 2 думы, въ которой онъ разсматриваетъ территоріи завоеванныхъ Россіей областей, какъ запасный земельный фондъ, при посредствѣ котораго правительство въ любой моментъ и безъ затратъ можетъ удовлетворить земельную нужду русскаго крестьянства.

ціонную имперскую національную политику деп. Милюковъ охарактеризовалъ, какъ „политику вражды“ и противопоставилъ ей „политику, основанную на чувствѣ солидарности, на извѣстной совокупности стремленій, идей“; патріотизму „великорусскому“ онъ противопоставилъ патріотизмъ „россійскій“. „Если вы,—сказалъ депутатъ, обращаясь къ правительству и къ правой,—на мѣсто этого россійскаго государственнаго патріотизма хотите поставить вашъ великорусскій, то вмѣсто органическаго единства, къ которому мы стремимся, вы можете получить только механическій аггломератъ центробѣжныхъ стремленій, которыя вамъ придется насильственно, искусственно сдерживать, и вы придете къ результату, противоположному вашимъ намѣреніямъ, вы изъ великой имперіи сдѣлаете колосса на глиняныхъ ногахъ. Это политика ассирійская, это политика не наша. Мы по этому пути съ вами не пойдемъ“.

Правительство и правыя партіи въ національномъ вопросѣ дружно пошли по привычному для нихъ пути ассирійской политики. Правительственная декларація отбросила движеніе національнаго вопроса къ его первоначальному этапу. Но словесными заявленіями, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они не исходили, движеніе жизненныхъ явленій не останавливаются, ибо эти явленія имѣютъ свою тенденцію движенія, основанную на законахъ гораздо болѣе авторитетныхъ, чѣмъ тѣ, появленію которыхъ можетъ содѣйствовать глава имперскаго правительства,—на законахъ природы, а эти законы не знаютъ гражданъ разныхъ степеней.

Положеніе національнаго вопроса съ внѣшней стороны стало вновь такимъ, какое было до 17 октября 1905 года, но во внутреннемъ его строеніи должно констатировать существенную разницу. Великіе дни освободительной эпохи прошли не безслѣдно для національностей имперіи. Движеніе національнаго вопроса развертывается отнынѣ не въ сторону государственнаго распада, а въ направленіи къ имперскому единству. Измѣненію подлежитъ не содержаніе національнаго вопроса, а характеръ его. Въ моментъ общеимперскаго политическаго подъема недержавныя народности готовились къ широкимъ реформамъ въ междунаціональныхъ отношеніяхъ, теперь эти реформы отодвинулись, борьба за нихъ потребуетъ работы, быть можетъ, не одного поколѣнія, но видѣніе „обновляющейся Россіи“ не исчезло съ видимаго политическаго горизонта. То, что не взято сразу дружнымъ боемъ, станетъ предметомъ постепенно развертывающейся кампаніи. Съ очевидностью очерчиваются грани движенія національнаго вопроса. Это будетъ борьба за пріобрѣтеніе первичныхъ національныхъ правъ, посте-

пенное завоеваніе того, что принято называть національнымъ самоопредѣленіемъ, и что опредѣляется утвержденіемъ права отдѣльныхъ языковъ въ школѣ, въ церкви, въ собраніяхъ, въ культурныхъ институтахъ, въ публичныхъ, мѣстныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, въ созданіи различныхъ національныхъ союзовъ и организацій, посвященныхъ защитѣ культурныхъ и національныхъ правъ и особенностей, и т. д. Наряду съ этимъ будетъ выдвигаться, расти и укрѣпляться и вопросъ о національзаціи мѣстнаго самоуправленія. Ясно опредѣляются и ряды борцовъ за этотъ minimum національныхъ требованій: въ рядахъ противниковъ стоятъ имперскія консервативныя и реакціонныя партіи и имперское правительство; въ рядахъ защитниковъ—недержавныя народности и имперскія прогрессивныя партіи. Противники и защитники этого minimum'а уже теперь образуютъ своего рода политическія концентраціи, если не оформленныя съ внѣшней стороны, то фактически согласныя между собою, и кривая будущаго движенія національнаго вопроса въ значительной, если не во всей мѣрѣ опредѣлится соотношеніемъ политическаго вѣса этихъ двухъ концентрацій.

Неясны ближайшія колебанія кривой, но ея направленіе внѣ сомнѣнія. Всякому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ природой національнаго вопроса и съ его историческимъ движеніемъ хотя бы только въ Австріи, совершенно ясна невозможность для правительства удержаться на высотѣ декларативныхъ его выступленій въ третьей думѣ. Болѣе того; невозможность эта уже сказалась въ ходѣ законодательной работы въ той же третьей думѣ. Правительство уже оказалось вынужденнымъ защищать противъ своихъ же союзниковъ—правыхъ партій—частичныя уступки національнымъ требованіямъ по вопросу о языкѣ школьнаго преподаванія. Дальнѣйшее движеніе законодательной дѣятельности государственной думы несомнѣнно вскроетъ эту невозможность гораздо рѣзче и выразительнѣе. Имперскому правительству предстоитъ такимъ образомъ путь непрерывныхъ отреченій отъ своихъ торжественныхъ заявленій подъ напоромъ требованій жизни.

Труднѣе этотъ путь для недержавныхъ народностей имперіи. но для нихъ это путь на отреченій, а пріобрѣтеній.

М. Славинскій.

IV.

„Не на своей точкѣ“—А. ПЕТРИЩЕВА.

Не на своей точкѣ.

1.

— „Крѣпостное право было опорой традиціонной государственности, и, отмѣнивъ крѣпостное право, традиціонная государственность вырвала у себя изъ-подъ ногъ почву“...

Эти слова, или—вѣрнѣе—эти мысли, повторялись много разъ съ 1861 г. и въ связи съ реформами 60-хъ годовъ. Сначала въ нихъ звучала надежда на близкое „завершеніе незавершеннаго“, на быстрое „увѣнчаніе неувѣнчаннаго“. Но шли годы. Новыя учрежденія продолжали существовать, не вызывая къ жизни „общероссійскаго представительства земскихъ силъ“. Незавершенное не завершалось. Неувѣнчанное не увѣнчивалось. И мысль, что „россійскій абсолютизмъ отмѣною крѣпостного права вырвалъ у себя изъ-подъ ногъ почву“, стала вызывать скептическія улыбки. Пожалуй, скептики не сомнѣвались, что это мысль во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, теоретически правильная, научно обоснованная. Но жизнь складывалась вопреки теоріи, наперекоръ наукѣ. Послѣ кратковременныхъ колебаній во времена лорисъ-меликовской „диктатуры сердца“ антинаучныя позиціи, теоретически не оправдаваемыя, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, становились все грознѣе, все неприступнѣе, неумолимѣе...

— Это абсурдъ. Нельзя существовать, вырвавъ у себя изъ-подъ ногъ почву. Нельзя держаться въ воздухѣ, не имѣя точки опоры...

— Да, но это фактъ. Точки опоры нѣтъ. И по теоріи, и просто по здравому смыслу, казалось бы, самого себя за волосы на воздухѣ не удержишь. А вотъ смотрите,—не падаетъ...

Фактъ непреложенъ. Но это не значитъ, что ошибочна теорія. Отмѣною крѣпостного права, дѣйствительно, открывалась

дорога къ новымъ формамъ общественной жизни. Больше того,— отмѣна крѣпостного права выталкивала народъ изъ старыхъ, привычныхъ традиціонныхъ формъ жизни, которыя такъ естественно и логично завершались византійско-нѣмецкимъ государственнымъ строемъ. И недаромъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ „распалась цѣпь великая, распалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику“, понеслись жалобы, что „въ народѣ развратъ пошелъ“.

„Развратъ пошелъ“ въ разныхъ направленіяхъ и проникъ въ глубину многихъ „первоосновъ“. „Пошатнулась вѣра“,—та самая православная вѣра, которую справедливо считали и считаютъ однимъ изъ трехъ китовъ, на коихъ зиждется традиціонная государственность. „Затрещала семья“,—старая русская патріархальная семья, съ ея абсолютнымъ родительскимъ авторитетомъ, съ ея деспотическою властью старшаго надъ всѣми младшими; затрещала первичная ячейка былой россійской общественности, бывшая какъ бы микрокомсомъ самодержавія,—той клѣточкой, изъ совокупности которыхъ естественно слагалась, органически выростала данная форма государственной власти. „Народъ избаловался“, „народъ въ озорство впалъ“... За короткое сравнительно время исчезла вдругъ характерная черта народной психологіи, олицетворяемая и воплощаемая слугами-рабами, которые умѣли до того срастаться съ своимъ бариномъ, до того входить въ барскій интересъ, что у нихъ прямо-таки не оставалось мѣста для личныхъ интересовъ и личной жизни (вспомните, напр., обломовскаго Захара у Гончарова). Уже одно это свидѣтельствуетъ, что изъ сложной цѣпи народныхъ міровоззрѣній, народной психологіи выпалъ звенья, страшно нужныя въ цѣляхъ устойчивости „существующаго строя“.

И одновременно съ тѣмъ, какъ изъ народнаго характера исчезали черты капитальной важности, частью рождались, частью крѣпли черты новыя, не менѣе важныя, но рѣзко противорѣчащія данному „строю“.

Мы часто слышали жалобы на мужицкое озорство и мужицкую непочтительность. И много было этихъ жалобъ Безъ сомнѣнія, тутъ не обошлось безъ тенденціознаго сгущенія красокъ и безъ обычной стариковской воркотни: „то ли дѣло въ старину, а теперь—глаза бы не глядѣли“. Но во всякомъ случаѣ глубокихъ перемѣнъ въ народной жизни и въ народной психологіи никто не скрывалъ. Онѣ чутко отмѣчались прогрессивной литературой,—достаточно напомнить о Г. И. Успенскомъ. Необходимо, однако, отмѣтить характерную черту:

довольное долгое время на эти перемѣны наиболѣе страстно указывали, ихъ всего настойчивѣе подчеркивали не „западники“, не „сторонники конституціи“, а реакціонеры, нестолько преданные самодержавію, сколько мечтавшіе о возстановленіи его основы — крѣпостного права. Съ особенною страстностью они кричали: „страха нѣтъ“, „развратъ пошелъ“, „семейные устои рушатся“, „вѣра шатается“. И съ ихъ стороны это было понятно, ибо за всѣми этими криками само собою подразумѣвалось:

— А отчего? А оттого, что дворянской крѣпкой власти надъ народомъ нѣтъ...

Впрочемъ, выводъ этотъ не всегда подразумѣвался, — иногда онъ высказывался напрямки, категорически, какъ истина очевидная и не подлежащая сомнѣнію. И это была дѣйствительно истина. Быстрыя и глубокія перемѣны въ народной жизни ближайше обусловливались именно упраздненіемъ „дворянской крѣпкой власти“. Быть можетъ, отчасти по этой причинѣ порою люди, вовсе не реакціонно настроенные, останавливаясь передъ новообразованіями народной жизни, чувствовали не то растерянность, не то смущенное опасеніе:

— Факты, молъ, того... колючіе... Какъ бы и въ самомъ дѣлѣ подобныя обстоятельства не послужили для правительства поводомъ къ повороту политики въ сторону ликвидаціи „великихъ реформъ“.

Къ новымъ „колючимъ“ фактамъ народной жизни установилось такое же отношеніе, какое наблюдается теперь, когда рѣчь заходитъ о необыкновенно сложномъ процессѣ, переживаемомъ учащейся молодежью. Многіе факты, свидѣтельствующіе о чемъ-то большомъ и важномъ, что назрѣваетъ и формируется вмѣстѣ съ новымъ подростающимъ поколѣніемъ, нынѣшніе „отцы часто склонны опѣнивать, лишь какъ „порчу нравовъ“.

То же было (да отчасти и теперь продолжается) и съ новообразованіями народной жизни...

„Ростъ личности“... На сколько я понимаю, этимъ терминомъ довольно точно характеризуется то общее направленіе, по которому самоопредѣлялась и продолжаетъ самоопредѣляться народная жизнь на протяженіи нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій. Самоопредѣлялась и продолжаетъ самоопредѣляться въ процессѣ непрестанной борьбы, непрерывнаго столкновенія противорѣчій. Эту сторону — борьбу и столкновеніе противорѣчій — намъ теперь же надо под-

черкнуть. И необходимость иллюстрировать ее вынуждаетъ меня остановиться на конкретномъ примѣрѣ.

Лѣтъ 5 назадъ въ Екатеринославѣ возлѣ губернской земской больницы мнѣ пришлось натолкнуться на любопытную сценку. Мой знакомый, мѣщанинъ—назову его Степаномъ Петровичемъ—человѣкъ пожилой и богобоязненный, неистово ругался, размахивая руками и указывая на какую-то дѣвушку, торопливо уходившую отъ больничныхъ воротъ, возлѣ которыхъ помѣщался ящикъ для подкидышей.

— Ахъ ты!..—кричалъ онъ.—Выплеснула и бросила... Нѣтъ, ты погоди,—не уйдешь...

Онъ пустился было въ догонку.

— Степанъ Петровичъ!—схватилъ я его за руку, и, признаюсь, чтоды сдержать этого, повидимому, искренно возмущеннаго человѣка, мнѣ потребовалось нѣкоторое усиліе. — Чего вы волнуетесь?.. Вамъ-то какое дѣло?... Родственница что-ль она ваша?..

— Пусть ей чортъ будетъ родственникомъ!.. Ящики, вишь, для ихней подлости поставили!.. Да можно ли такой развратъ допускать!..

Торопливые шаги дѣвушки, ея низко опущенная головка и старательно закутанное платкомъ лицо,—все это вовсе не обнаруживало, что она чувствуетъ себя въ полномъ своемъ правѣ. Или, по крайней мѣрѣ, это не обнаруживало увѣренности, что среда, въ лицѣ хотя бы случайно проходившаго мимо богобоязненнаго мѣщанина Степана Петровича, не вторгнется въ чужую жизнь и не станетъ грубо ковырять грязными пальцами исключительно нѣжныя струны женскаго и материнскаго сердца. И правильно, что увѣренности въ этомъ не было. Случайно на сторонѣ дѣвушки оказалось превосходство реальнаго соотношенія бытовыхъ силъ. И она ушла восвояси безнаказанно. Но точно также случайно превосходство реальнаго соотношенія бытовыхъ силъ могло оказаться на сторонѣ Степана Петровича.

Нѣтъ, борьба далеко не кончена. И далеко не однотонна обывательская среда, найдутся еще защитники даже для завѣдомобезнадежныхъ бытовыхъ позицій, хотя я лично очень затруднился бы назвать нынѣшнихъ защитниковъ старины вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію. Присматривался я къ нимъ. И вотъ что могу, въ видѣ примѣра, сказать о томъ же хотя бы Степанѣ Петровичѣ. Я нѣсколько зналъ этого человѣка. И не разъ бесѣ-

довалъ съ нимъ „по душамъ“. Защитникъ-то онъ, пожалуй, безспорный, но во многомъ тронутъ и попорченъ новыми вѣяніями. Онъ требовалъ вѣжливаго обращенія съ собою. У него были далеко не старинные взгляды на дворянъ и чиновниковъ. Онъ, между прочимъ, собственнымъ умомъ дошелъ до мысли о полной безполезности знаковъ отличія. И его забавныя выходки по поводу медалей, станиславскихъ, анненскихъ и андреевскихъ орденскихъ знаковъ могли бы доставить истинное наслажденіе любителю разбираться въ тѣхъ идейныхъ наслоеніяхъ, которыя Богъ вѣсть какимъ путемъ попадаютъ въ рядовую обывательскую голову и Богъ вѣсть по какой причинѣ живутъ тамъ. Степанъ Петровичъ невольно напрашивался на сравненіе съ мартовскимъ снѣгомъ. Конечно, это снѣгъ, но такіе ли бываютъ настоящіе снѣга, январьскіе или декабрьскіе,—сыпучіе, искристые, жгучіе, сухіе, скрипучіе!.. Какъ защитникъ старины, Степанъ Петровичъ былъ именно „Ѳедотъ, да не тотъ“. По сравненію съ своими отцами, онъ, несомнѣнно, представлялъ „выросшую личность“. Правда, онъ тѣмъ не менѣе готовъ былъ кулаками обуздывать молодежь, ушедшую дальше него въ томъ же направленіи. Но это лишь значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, необыкновенно сложнымъ; крайне прихотливо переплелись здѣсь бытовыя силы; кровное и органическое родство есть между ними даже тогда, когда онѣ сталкиваются и враждуютъ. И нельзя, подходя къ явленію столь исключительной сложности, строить прямолинейныя схемы.

2.

„День прибавился“... „Съ крышъ каплетъ“... „Появились проталины“. По этимъ вѣхамъ мы судимъ объ общемъ направленіи метеорологическихъ явленій... „Къ веснѣ пошло“. И чтобы понять къ чему пошло—къ веснѣ или къ зимѣ, необходимо умѣнье выдѣлить именно вѣхи изъ крайне пестрыхъ и крайне капризныхъ перемѣнъ погоды, олицетворенныхъ въ видѣ борьбы Даждь-Бога съ Мореною. Утромъ капель, вечеромъ тридцатиградусный морозъ. Нынче проталина, завтра на ихъ мѣстѣ свѣже-наметенныя сугробы. Измѣнчиво счастье войны. И не умѣя схватить существенные моменты въ борьбѣ стихій, дѣйствительно, рискуешь не разобрать,—къ Рождеству идетъ дѣло или къ великому дню. Но останавливаясь на существенномъ, необходимо помнить, что это лишь отдѣльные штрихи

но не картина, лишь вѣхи, которыя обозначаютъ дорогу, но не самая дорога. Иначе легко очутиться въ положеніи анекдотическаго цыгана, который, понадѣявшись на прибавку дня, продалъ передъ Рождествомъ шубу и едва не замерзъ въ крещенскіе морозы.

Смыслъ и значеніе бытовыхъ переворотовъ тоже, конечно, приходится учитывать по отдѣльнымъ вѣхамъ, по нѣкоторымъ уже безспорно достигнутымъ результатамъ. Но подорожныя вѣхи... Быстро скользитъ по нимъ взглядъ. И цѣною большихъ усилій и жертвъ завоевывается каждая пядь дороги, богатой, какъ и подобаетъ русскимъ дорогамъ, ухабами и рытвинами, головоломными скатами и предательскими зажорами. Сосредоточивая все вниманіе на результатахъ, необыкновенно легко забыть прошлое и переоцѣнить настоящее. Въ ясный весенній день какъ-то не вѣрится, что вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ зеленѣетъ молодая тривка и пестрѣютъ ранніе полевые цвѣты, тонули въ сугробахъ и мерзли люди, выли отъ адской стужи голодные волки. И какъ-то не представляемъ себѣ, что хоть и ликуетъ сейчасъ свѣтлый Даждь-Богъ, но не исчезла и Морена; что, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ злая старуха снова дохнетъ мятелью и ударитъ по цвѣтамъ и еле распускающейся листвѣ весенними заморозками. Точно также, быть можетъ съ трудомъ повѣритъ подростающее поколѣніе въ существованіе свадебнаго обряда съ „рукобитьями“, свахами, дружками, съ обязанностью послѣднихъ руководить новобрачными въ ихъ „первую ночь“, а на „первое утро“ „обнародовать“ вещественныя доказательства, что новобрачная свято сохраняла невинность до опредѣленнаго обычаемъ момента. Да что подростающее поколѣніе! Я въ дѣтствѣ лично видѣлъ этотъ обрядъ, который отводилъ главное мѣсто старшимъ членамъ причастныхъ къ свадьбѣ семей, а жениха и невѣсту обрекалъ на чисто пассивную роль. Но, признаюсь, даже мнѣ, очевидцу, оно кажется порою сномъ, кошмаромъ. А между тѣмъ, на этомъ мѣстѣ, дѣйствительно, тонули въ сугробахъ и мерзли люди. Тутъ, дѣйствительно, стояла адская стужа, отъ которой порою выли даже двуногіе, надѣленные отъ природы волчьею ухваткой. Тутъ жениха женили, невѣсту выдавали замужъ. Тутъ воля старшихъ принималась почти безпрекословно, какъ законъ. Тутъ обычай разрѣшалъ „дѣтямъ“ лишь поплакать, если не любо имъ „отцовское“ рѣшеніе. А такъ какъ оно рѣдко бывало „любо“ то неплачущая невѣста считалась исключеніемъ, даже неприличнымъ исключеніемъ:

— Мыслимое ли дѣло,—тебя замужъ выдаютъ, а ты хоть бы слезинку уронила. Нешто это порядокъ? Пореви, дура. Хоть для прилику пореви.

Потомъ „повернуло солнце на лѣто, побѣжали съ горъ ручьи“... Не плакать стала молодежь, а прекословить... „Хочу невѣсту по сердцу“... „Хочу жениха по сердцу“... Въ этомъ пунктѣ происходила (и, конечно, происходитъ) ожесточенная борьба между „отцами“ и „дѣтьми“. Въ концѣ концовъ „отцамъ“ пришлось признать, что женихъ и невѣста далеко не пассивный элементъ въ „свадебной мистеріи“, что у нихъ есть право выбора, что у нихъ гораздо болѣе развитое, чѣмъ прежде бывало, чувство стыдливости, что въ ихъ интимную жизнь неловко залѣзать не только „дружку“, но и отцу съ матерью. И вѣками освященный свадебный обрядъ сталъ исчезать, вмѣстѣ съ условіями, благодаря которымъ онъ родился и жилъ.

Результатъ безспоренъ. Но я бы затруднился отдѣльные эпизоды борьбы, обусловившей переходъ отъ суровой зимы къ нѣкоторому подобію ранней весны, пріурочить къ той или иной календарной датѣ. И тѣмъ болѣе затруднился бы, что борьба между старшимъ и младшимъ поколѣніями на почвѣ заключенія браковъ,— дѣло многовѣковое. И лишь въ силу какихъ-то особыхъ причинъ именно въ ближайшее къ намъ „пореформенное“ время „дѣти“ стали энергичнѣе отстаивать свои права, а „отцы“ сдѣлались уступчивѣе и принуждены капитулировать. Однѣ изъ этихъ причинъ совершенно ясны. Развитіе новыхъ производственныхъ отношеній, ростъ отхожихъ промысловъ и заработковъ, фабрики, заводы, постепенный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, — все это дѣлало дѣтей матеріально независимѣе отъ семьи, и все это ставило отцовъ въ положеніе, для нихъ непривычное, заставляло до извѣстной степени подчиняться руководству младшаго поколѣнія, болѣе грамотнаго, болѣе гибкаго, а во многихъ случаяхъ и лучше зарабатывающаго. Жизнь такъ повернулась, что, дѣйствительно, „яйцамъ пришлось учить куръ“. Значеніе экономическаго фактора, повторяю, очевидно и едва ли можетъ быть оспариваемо. Сложнѣе и отчасти спорнѣе роль моральнаго фактора, роль идейныхъ вліяній, разжижавшихъ упорство „отцовъ“, закалявшихъ и обострявшихъ настойчивость „дѣтей“. Я лично знаю семьи, гдѣ борьба завершалась побѣдой „дѣтей“, хотя они были въ полной матеріальной зависимости отъ „отцовъ“. И для меня лично не подлежитъ сомнѣнію, что моральные факторы

дѣйствовали параллельно съ экономическими, а иногда и наперекоръ имъ. Но тутъ мы входимъ въ сложную и спорную область вопросовъ о происхожденіи моральныхъ факторовъ, объ ихъ связи и даже зависимости отъ „экономическихъ основъ“. Подымать этотъ старый споръ здѣсь не мѣсто. Да и нѣтъ надобности. Для насъ достаточно лишь подчеркнуть, что эмансипація „дѣтей“, несомнѣнно, стоитъ въ причинной зависимости отъ реформы 1861 г. Эта хронологическая дата въ данномъ случаѣ знаменуетъ собою нѣчто вродѣ поворота солнца съ зимы на лѣто, отъ патріархальной семьи къ новому семейному укладу.

Въ патріархальной, не эмансипированной семьѣ, „сынъ вѣрилъ по отцу“. Старшій членъ православной семьи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неподкупнымъ стражемъ святѣйшаго синода. Онъ святоблюлъ незыблемость традицій, строго слѣдилъ за соблюденіемъ постовъ, гналъ младшихъ въ церковь. Я лично еще засталъ семьи, гдѣ отецъ или мать зорко слѣдили, чтобъ сынъ и невѣстка не совершали „супружескаго грѣха“ въ „неустановленные святыми отцами дни“. Это не значитъ, конечно, что „патріархъ семьи“ не впадалъ въ снохачество и во всякія другіе естественные и противоестественные грѣхи и пороки. Грѣховъ и пороковъ было черезчуръ. Но внѣшняя, обрядовая сторона соблюдалась тщательно. И отъ нея младшему поколѣнію не было возможности отвертѣться. Затѣмъ пошли діалоги и стычки:

— Ты чего въ церковь не идешь?

— А не хочется .. Чего я тамъ не видѣлъ?

— Срамникъ!.. Если людей не стыдишься, то хоть Бога-то побойся... Грѣхъ, вѣдь...

— Грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ...

— Безстыдникъ,—Петровскій постъ, чай, нынче. А ты скоромятину жрешь...

— А ты въ Евангеліи прочти, — не входящее въ уста, а исходящее оскверняетъ. Такъ-то... А, сверхъ того, въ книгахъ написано,—отъ этихъ самыхъ постовъ куриная слѣпота бываетъ...

Этотъ семейный разладъ какъ-то незамѣтно перешелъ на улицу, создалъ совершенно новые, принципіально недопустимые, съ точки зрѣнія традицій, „факты общественной жизни“. Помню, въ уѣздномъ городѣ, гдѣ я провелъ дѣтство, первая мясная лавка, открывшая торговлю великимъ постомъ, произвела сенсацію. Объ этомъ говорили съ ужасомъ. На лавку ходили смотрѣть. А, смотря на нее, старики съ омерзѣніемъ плевали... Черезъ нѣсколько лѣтъ не менѣе

половины городскихъ мясниковъ торговали великимъ постомъ. И старики не ужасались, не плевали. Они безсильно махнули рукой:

— Идетъ развратъ... Ничего не подѣлаешь. Время такое,— нынче попы, и тѣ въ Петровки молоко жрутъ.

— Да что молоко! Бывало подъ праздникъ скрозь городъ пройди,—нигдѣ пѣсни не услышишь... А нынѣшній народъ какой!.. Иной, прости Господи, лба никогда не перекреститъ. Такъ и живетъ, не крестясь...

„Нынче не то, что подъ воскресенья, а и подъ господскій праздникъ дѣвки на улицѣ пѣсни поютъ... „Въ церквахъ ко всенощной звонятъ, а онъ на гармоніи наяриваетъ... И хоть бы спрятался куда, а то сѣлъ возлѣ воротъ, и при всемъ честномъ народѣ „Барыню“ жаритъ. Да, такъ-то!.. Люди добрые въ церковь идутъ, а онъ „Барыню“... Мѣняла свою физіономію семья.

„Бывало съ мужемъ и то стыдишься подъ ручку ходить, а нынче“.

Соотвѣтственно измѣнялся и обликъ улицы. Шумнѣе становилась улица, бойчѣе, независимѣе отъ церковныхъ колоколовъ и отъ многаго другого, что сковывало её. Измѣнялся характеръ людскихъ отношеній. Помните, какъ гоголевскій Осипъ разсуждаетъ о „питерскомъ житьѣ“!

— Жизнь тонкая и политичная... Разговариваемъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ. Пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!“... Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь; всякой тебѣ говоритъ *вы*.

Нѣсколько поколѣній смѣялось надъ этимъ „галантерейнымъ обхожденіемъ“. И нѣсколько поколѣній проглядѣло сквозь комизмъ отдѣльныхъ словъ вовсе не комическую жажду болѣе культурныхъ, болѣе „тонкихъ и политичныхъ“ формъ жизни. Пока надъ Осипомъ смѣялись, „галантерейное обхожденіе“, какъ зараза, проникало во всѣ уголки и закоулки Россіи. Постепенно не только въ уѣздныхъ городахъ, но и на сельскихъ базарахъ торговцы научились, подобно петербуржцамъ Щукина рынка, кричать: „Почтенный“. Какъ-то само собою случилось, что на мѣщанскихъ вечеринкахъ въ захолустныхъ мѣстечкахъ, взамѣнъ прежнихъ: „Ванька“, „Митька“, „Аксютка, пойдемъ въ хороводъ“, появились: „мерси васъ, Иванъ Миколаичъ“, „пожалуйте закусить, Митрій Трохимычъ“, „Позвольте васъ пригласить на лянсе, Аксинья Ликсандровна“... Сперваначалу это производило комическое

впечатлѣніе, ибо „Иванъ Миколаичъ“, „Митрій Трохимычъ“ и „Аксинья Ликсандровна“ росли вмѣстѣ на одной улицѣ, играли въ бабки, пускали кубаря, и въ дѣтствѣ частенько таскали другъ друга за волосы. И никакой видимой надобности переходить къ „разговору на тонкой деликатности“ у нихъ, казалось бы, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе „тонкія и политичныя“ формы обращенія укоренились, побѣдили насмѣшку и вошли въ народный обиходъ.

Новыя, небывалыя слова, новыя, небывалые обороты рѣчи появились въ этомъ обиходѣ. Новыя позы, новые покрои одеждъ... „Развратъ“, несомнѣнно, шелъ сверху, гдѣ задолго до 1861 г. рухнула патріархальная семья, гдѣ еще во времена Екатерины поколебались церковные устои, гдѣ еще при Елизаветѣ отдавался преферансъ „галантерейному обхожденію“. Поскольку рѣчь идетъ о внѣшности, низы многое просто заимствовали, многому просто подражали. Но „развратъ“ шелъ и захватывалъ все болѣе и болѣе широкіе круги.

И разумѣется, столкновеніе между новыми бытовыми условіями и правительственной машиною произошло не только на этой почвѣ. Оно всесторонне и всеобъемлюще. Новыя бытовыя и экономическія условія наростали въ сторону широкой личной инціативы. Правительственная машина построена на принципѣ административной опеки. Новыя бытовыя условія, освобождая личность отъ ига традицій, требовали общественнаго контроля, какъ корректива, какъ гарантіи, что освобожденіе отъ обязательствъ, налагаемыхъ традиціями, не поведетъ къ произволу, къ безудержному нарушенію и отрицанію общественныхъ интересовъ. Правительственная машина въ принципѣ отрицаетъ почти всѣ элементы, изъ которыхъ можетъ сложиться сколько-нибудь дѣйствительный, сколько-нибудь цѣлесообразный общественный контроль.

Простое перечисленіе такихъ противорѣчій заняло бы слишкомъ много мѣста. Конечно, государственная власть вынуждена была дѣлать частичныя уступки „духу времени“. Но, въ общемъ, Россія уподобилась машинѣ, гдѣ колеса приводятся въ движеніе двумя двигателями, работающими въ противоположныхъ направленіяхъ. И, вмѣсто полезной работы, государственная машина дала безконечный рядъ треній, столкновеній, поломокъ и частичныхъ катастрофъ, которыя угрожаютъ завершиться катастрофой общей, роковой и непоправимой [1]).

[1]) Подробнѣе объ этихъ противорѣчіяхъ мнѣ приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ и по разнымъ поводамъ. См. мои статьи: „О бытовой ре-

3.

Еще разъ повторяю: подходя къ сложнымъ жизненнымъ явленіямъ, надо избѣгать и бояться прямолинейныхъ схемъ. Проще всего, казалось бы, разсудить, примѣрно, такъ:

— Есть народъ, который по причинѣ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, обладающихъ почти космическою силой, усвоилъ взгляды и образъ жизни соотвѣтственно правовому государственному строю. И есть группа лицъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ правительственнаго механизма; она имѣетъ другіе взгляды; у нея другой образъ жизни; она—„врагъ народа“ не только по своимъ цѣлямъ, но и по всему складу и своихъ убѣжденій, и своего быта.

На первый взглядъ схема: „народъ“ и „враги народа“, крайне проста и понятна. Въ дѣйствительности, она не столько объясняетъ, сколько затемняетъ и искажаетъ значеніе фактовъ. Я вотъ упомянулъ выше о своемъ екатеринославскомъ знакомомъ Степанѣ Петровичѣ. Едва ли его можно назвать врагомъ народа. И во всякомъ случаѣ ступени правительственной лѣстницы на его мѣсто. Да и относительно тѣхъ, кто стоитъ на этихъ самыхъ ступеняхъ, дѣло не такъ ужъ просто. За послѣднее время въ газетахъ появились свѣдѣнія о довольно-таки горькой участи нѣкоторыхъ священниковъ, примкнувшихъ къ союзу русскаго народа. Изъ боязни насилія со стороны прихожанъ, кое-гдѣ при церквахъ учреждены спеціальныя охраны причта. И стражники — какъ христіане, такъ и кавказскіе магометане—охраняютъ священника даже въ алтарѣ, во время церковной службы. Рядомъ съ этими стражниками въ алтаряхъ можно бы поставить значки союза русскаго народа, водружаемые, съ благословенія архіереевъ, въ церквахъ наравнѣ съ хоругвями. И стражники и значки одинаково знаменуютъ, что среди самого духовенства окрѣпло такое же отношеніе къ церковнымъ святынямъ, какъ и среди молодого поколѣнія страны, ушедшаго изъ-подъ ферулы традицій. „Духъ времени“ властно сказался—увы!—не только въ пасомыхъ, но и въ пастыряхъ, не только въ управляемыхъ низахъ, но и въ правящихъ верхахъ. Эту общую мысль можно бы иллюстрировать множествомъ примѣровъ. Но для нашей цѣли, полагаю, достаточно простого напоминанія, что въ верхахъ патріархальный семейный

волюціи“, „Отлученные и озлобленные“, „На разныхъ языкахъ“ („Русское Богатство“, 1906 г.); „Передъ кризисомъ“, „Изъ области щекотливыхъ вопросовъ“, „Успокоеніе“ (Тамъ же, 1907 г.).

бытъ рухнулъ гораздо раньше, чѣмъ внизу, и „червь свободомыслія“ протачивалъ себѣ дорогу не снизу вверхъ, а сверху внизъ.

Въ томъ и бѣда правительственной машины, что у нея нигдѣ нѣтъ реальныхъ корней, и что даже сами машинисты живутъ и дѣйствуютъ наперекоръ ея конструкціи.

При обсужденіи адреса третьей Государственной Думы крайніе правые депутаты стали на довольно характерную точку зрѣнія: они высказывались за полное самодержавіе, потому что „такъ хочетъ народъ“. Печать своевременно отмѣтила эту странную аргументацію. И дѣйствительно аргументація, по меньшей мѣрѣ, рискованная. Посылка: „такъ хочетъ народъ“ съ одной стороны опрокидываетъ желательный крайнимъ правымъ выводъ, а съ другой—обязываетъ къ принципіальному согласію на полное народовластіе. Но значитъ ли это, что правые депутаты третьей Думы, апеллировавшіе къ народной волѣ, понимали чудовищную несообразность собственной аргументаціи? Развѣ у насъ нѣтъ людей, которые искренно и горячо настаиваютъ одновременно и на отмѣнѣ обязательной паспортной системы, и на сохраненіи закона о еврейской чертѣ осѣдлости, требующаго сохраненія обязательныхъ для всѣхъ паспортовъ? И развѣ не такой же логическій и политическій абсурдъ представляетъ собою вся дѣятельность верховной управы союза русскаго народа, той самой „управы“, которая, чтобъ отстоять государственный строй, совершенно исключающій всякій намекъ на партійное самоопредѣленіе, старается организовать крайнюю правую партію? Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, убѣдить верховную управу, что, организуя крайнюю правую, она тѣмъ самымъ вынуждаетъ самоопредѣляться и „центръ“, и „лѣвую“, идетъ по пути партійной борьбы, въ корнѣ противорѣчащему основнымъ положеніямъ программы союза русскаго народа. Боюсь, что „верховная управа“ ничего не пойметъ въ этой азбукѣ, какъ въ свое время не понималъ Плеве. Онъ тоже стоялъ за самодержавіе и тоже былъ однимъ изъ организаторовъ „Русскаго Собранія“.

Такія несообразности вообще возможны. А въ Россіи, странѣ образцово безграмотной, онѣ прямо-таки неизбѣжны. И я бы не рѣшился утверждать, что ихъ не было въ головахъ первѣйшихъ министровъ. Надо полагать, былъ вполнѣ искрененъ и безкорыстенъ тотъ московскій купецъ, который кричалъ на одномъ банкетѣ въ 1904 г.: „противъ самодержавія никто не смѣй, а что власть должна быть выборная—это вѣрно“. Недоразумѣнія на вершинахъ правящихъ круговъ, быть можетъ, не столь безкорыстны.

По мѣрѣ того, какъ росло и выяснялось непримиримое противорѣчіе между правительственной машиной и всѣмъ пореформеннымъ укладомъ русской жизни, историческая власть теряла всякую возможность привлечь къ дѣламъ управленія такихъ людей, какъ Сперанскіе или Милютины. Образовательный цензъ правящихъ слоевъ долженъ былъ понижаться. Типъ россійскаго государственнаго дѣятеля долженъ былъ мельчать, до болѣе или менѣе полнаго приближенія къ такимъ характернымъ фигурамъ, какъ ялтинскій генералъ Думбадзе. И, сообразно пониженію образовательнаго и качественнаго уровня правительственныхъ дѣятелей, ихъ работа фатально обрекалась на то, чтобъ выигрывать въ энергичности, въ стремительности, но отнюдь не въ пониманіи, что къ чему ведетъ, и что къ чему обязываетъ.

Относительно результатовъ, достигнутыхъ правительственною машиною путемъ почти полувѣкового энергическаго игнорированія новыхъ бытовыхъ условій, едва ли могутъ возникнуть большіе споры. Сложнѣе и спорнѣе дѣло обстоитъ съ результатами, достигнутыми народомъ.

Тутъ прежде него необходимо сдѣлать отводъ противъ слишкомъ широкаго истолкованія словъ: „бытовой переворотъ“, „новый бытъ“. Мы говоримъ: преданность къ церковному обряду пала. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что народная масса ушла въ свободомысліе или въ „духовное христіанство“. Анализъ сектантскаго движенія, особенно за послѣднія 40—50 лѣтъ, безъ сомнѣнія, помогъ бы уложить общее направленіе, по которому пошли элементы населенія, наиболѣе чуткіе къ вопросамъ религіознымъ. Но сектантскія искамія „града вышняго“ сами по себѣ лишь исканія. Что въ нихъ обусловлено чисто религіозными мотивами, и что создалось вслѣдствіе общеполитическихъ неурядицъ и общеполитическаго протеста,—опредѣлить мудрено. Даже чисто ариѳметическое, процентное отношеніе элементовъ, ушедшихъ въ сектантство, къ общей массѣ „православныхъ“ есть нѣчто гадательное и спорное. Ростъ сектантства приходится учитывать, какъ симптомъ, очень важный, очень значительный. Но это еще не доказательство, что „православная“ масса въ ея нынѣшнемъ большинствѣ переросла церковное представленіе о вѣрѣ и церковныя формы удовлетворенія религіознаго чувства. Трудно судить, какъ самоопредѣлилось бы теперь въ церковномъ смыслѣ населеніе, записанное въ православныя метрики, будь у насъ свобода совѣсти. Возможно, однако, что оно въ большинствѣ не такъ ужъ далеко

ушло бы отъ православнаго существа, отбросивъ лишь несоотвѣтственныя даннымъ историческимъ условіямъ крайности. Передъ нами пока чисто отрицательныя величины: „стараго нѣтъ“, „новое не сложилось въ опредѣленныя формы“, и благодаря, между прочимъ, дѣятельной работѣ правительственнаго механизма ничего устойчиваго и опредѣленнаго не могло сложиться. Отрицанію снизу было противопоставлено отрицаніе сверху. Было столкновеніе двухъ началъ, нигилистическихъ по своимъ ближайшимъ цѣлямъ. Борьба между ними до сихъ поръ не окончена. И подставлять на мѣсто отрицательныхъ величинъ нѣчто опредѣленное и положительное было бы произволомъ.

Мы говоримъ также: въ народѣ измѣнился взглядъ на дѣвическую „невинность“, на гражданское сожительство. Само собою понятно, что это не могло не отразиться на отношеніяхъ между мужемъ и женою и на всемъ складѣ семейной жизни. Въ частности, сдѣланы или, по крайней мѣрѣ, намѣчены нѣкоторые шаги отъ жены-рабы къ женѣ-человѣку, отъ мужа-властелина къ мужу-товарищу. Получились кое-какія данныя, чтобы брачное сожительство, прежде подневольное, приблизилось къ браку-договору, хоть сколько-нибудь основанному на обоюдной симпатіи. Не надо, однако, забывать, что въ семейной жизни многое регулируется и закономъ, и обычаемъ. Но законъ, русскій законъ, разсчитанъ на патріархальную семью, онъ даже не признаетъ „раздѣльнаго жительства супруговъ“. Обычай—старый выросъ также изъ патріархальной семьи, а новый—гдѣ онъ? Мы имѣемъ дѣло съ перемѣнами взглядовъ и нравовъ, очень важными, какъ стимулъ къ разрушенію старой семьи и къ созданію новыхъ семейственныхъ отношеній. Но эти новыя отношенія приходилось налаживать безъ плана въ процессѣ совмѣстной жизни съ ея столкновеніями, противорѣчіями интересовъ и съ ея интимными связями. Планировку старой семьи мы знаемъ. Люди вставали, умывались, молились Богу; за обѣдомъ старшій командовалъ, что кушать и какъ кушать, какую очередь соблюдать; послѣобѣденный сонъ; ужинъ; молитвы на ночь... Мы знаемъ даже мелочи,—какъ былъ обязанъ каждый членъ семьи класть за обѣдомъ ложку, какъ кусать хлѣбъ. Но что такое нынѣшняя семья? Она тоже встаетъ, ложится спать, обѣдаетъ... Но молится или не молится? Какъ обѣдаетъ? Мы знаемъ, что прежде, если старшій членъ семьи любилъ кушать солоно, то вся семья должна была къ этимъ мириться. А теперь? Кто солитъ щи въ чашкѣ? По чьему вкусу? Въ одной семьѣ это

дѣлается такъ, въ другой иначе. Нынѣшняя семья стала страшно разнокалиберна, до нельзя индивидуалистична. У нея нѣтъ готовыхъ, общепризнанныхъ формъ жизни. Ея внутренній строй опредѣляется почти исключительно реальнымъ соотношеніемъ силъ. Нѣмецкій супругъ знаетъ, на что обычай обязываетъ его жену, хотя бы и принесшую большое приданое. Возвратившись въ свой домъ съ прогулки или съ работы, онъ увѣреннымъ и властнымъ жестомъ передаетъ женѣ палку и шляпу, а жена почтительно беретъ, чтобъ положить на мѣсто, вовсе не думая о томъ, что эта общепринятая форма семейныхъ отношеній унизительна. Въ нынѣшней русской семьѣ этотъ властный супружескій жестъ легко можетъ быть перенесенъ на почву личнаго оскорбленія и стать поводомъ для крупныхъ стычекъ.

Въ какомъ-либо мѣстечкѣ Жирятинѣ, Орловской губ., бывшія Аксютки и Ваньки обмѣниваются любезностями: „Позвольте васъ на кадрель, Аксинья Ликсандровна“, „Мерси васъ, Иванъ Масеичъ“. Ведутъ они этотъ галантный разговоръ съ тѣмъ комическимъ самодовольствіемъ и даже самолюбованіемъ, съ какимъ почтмейстерскія и исправницкія дочки, обучавшіяся въ пансіонахъ, щеголяютъ на публикѣ французскимъ діалектомъ. И для Ваньки съ Аксюткой эти „позвольте васъ“ и „мерси васъ“ представляютъ, дѣйствительно, нѣчто вродѣ французскаго діалекта. Ванька съ Аксюткою тоже стараются перещеголять другъ друга изысканностью выраженій и благородствомъ обхожденія. Но вотъ на ту же вечеринку, гдѣ Иваны Масеичи и Аксиньи Ликсандровны взаимно свидѣтельствуютъ другъ передъ другомъ свою образованность и благородство своихъ чувствъ, вваливается Митька, — особо близкое почему-либо къ земскому начальнику лицо. И съ необыкновеннымъ самодовольствомъ человѣка, который можетъ „подражать“ барскому обращенію съ мужиками, онъ кричитъ:

— Эй ты, Аксютка... Ахъ, ты, дрянь... Развѣ не видишь, кто съ тобою разговариваетъ?..

Конечно, Аксюткинъ кавалеръ Иванъ Масеичъ очень возмущенъ такой невѣжливостью. Но погодите, онъ завтра, быть можетъ, запишется въ стражники. И, встрѣчаясь съ дочерью урядника, онъ самого себя превзойдетъ галантностью обращенія, а, попавъ на мужицкую вечеринку, съ апломбомъ, не хуже Митьки „докажетъ свое дворянство“.

Въ томъ-то и горе, что Ванькина психологія постоянно ломается, какъ голосъ подростка. Появились могучія басовыя ноты.

А сквозь нихъ то и дѣло прорывается дискантовый писк. И общее состояніе организма таково, что голосовыя связки стали совершенно непригодны для дискантовыхъ нотъ, но и не могутъ окрѣпнуть настолько, чтобъ пѣть басомъ. У насъ появились лишь условія, предрѣшающія новыя формы быта. То, что мы называемъ „новымъ бытомъ“, есть не болѣе, какъ возможность, хотя и вполнѣ реально опредѣлившаяся. Пока онъ ясенъ и безспоренъ, лишь какъ ростъ личности, какъ отрицаніе старыхъ бытовыхъ формъ. Но то положительное, что должно было сложиться и даже отчасти складывалось и продолжаетъ складываться, систематически терпѣло катастрофы: ибо при наличныхъ условіяхъ такъ же не могъ окрѣпнуть бытъ, основанный на признаніи правъ личности, какъ не можетъ распуститься листва въ крещенскіе морозы.

Я сказалъ: „постоянно ломается психологія“, которая, судя по всему, должна лечь въ основу новаго быта, но не только стражниками, урядниками, земскими начальниками и министрами производились эти поломки. Безспорная истина, что съ отмѣною крѣпостного права традиціонная государственность лишилась своей естественной опоры. Но люди, ждавшіе, что соотвѣтственные эффекты получаются скоро, черезъ нѣсколько лѣтъ, упускали изъ виду очень существенное обстоятельство: реформа жизни вовсе не совпадаетъ съ реформою мысли; предразсудки порою гораздо болѣе живучи, чѣмъ реальности; обаяніе традиціонныхъ формулъ и традиціонныхъ словъ не теряетъ силы даже тогда, когда человѣкъ живетъ вопреки этимъ формуламъ и наперекоръ этимъ словамъ. Можно быть свободомыслящимъ, порвать всякія связи съ церковью, и тѣмъ не менѣе блѣднѣть, когда за столомъ сидитъ 13 человѣкъ, или на столѣ горитъ 3 свѣчи. Даже поскольку дѣло касается спеціально политики, объ этихъ противорѣчіяхъ надо помнить и значеніе ихъ надо учитывать. Развѣ не такое парадоксальное на первый взглядъ явленіе представляютъ собою, напр., астраханскіе союзники русскаго народа, которые, съ одной стороны, готовы горло перервать крамольникамъ, а съ другой . . . . требуютъ націонализаціи рыбныхъ водъ на началахъ уравнительнаго пользованія. И таковы не только астраханскіе союзники. Союзникъ—дитя своего времени. Къ патріархальному семейному быту онъ не приспособленъ. Объ его преданности православію можно судить по чисто кощунственному обращенію союзниковъ съ церковными святынями. Губернаторовъ и даже министровъ онъ третируетъ. Реальныхъ основъ, на которыхъ стоялъ традиціонный

государственный строй, здѣсь нѣтъ. Человѣческій матеріалъ, собранный союзомъ, слишкомъ мало подходящъ для того, чтобъ на немъ можно было основать государственность.

Пусть союзники — элементъ, притянутый къ опредѣленной дѣятельности или за плату, или по недоразумѣнію. Но я не даромъ упомянулъ выше о московскомъ купцѣ, кричавшемъ: „самодержавіе не тронь, а власть должна быть выборной“. Обаяніе формулъ и словъ жило не только въ союзной, но и въ обыкновенной обывательской душѣ. Обыватель росъ, какъ личность, ниспровергалъ „реальныя основы“, истреблялъ фундаментъ существующаго строя, реформировалъ жизнь. У него, обывателя, на это были свои, личные, резоны, а вовсе не желаніе ниспровергнуть традиціонную государственность. Наоборотъ, онъ нерѣдко готовъ былъ гордиться этой государственностью и всячески защищать ее отъ крамольниковъ. Гоголевскій Осипъ, настаивая на преимуществахъ тонкаго и деликатнаго обхожденія, навѣрное, не предполагалъ, что онъ въ сущности затрагиваетъ одну изъ коренныхъ основъ политическаго строя, какъ не предполагалъ этого цензоръ „Ревизора“, какъ не предполагалъ, быть можетъ и самъ Гоголь.

Этотъ ирраціонализмъ, повторяю, сыгралъ большую роль, въ смыслѣ сохраненія даннаго политическаго строя. Въ сферѣ собственно бытовыхъ отношеній онъ, быть можетъ, не меньше правительства не позволялъ новшествамъ оформиться и окрѣпнуть.

— Отцы наши жили вонъ какъ. Мы иначе. А почему иначе? Съ какой стати? Можетъ, оно и вправду грѣхъ? Ежели по настоящему разсудить, оно въ старину было лучше...

Обывательская душа находилась какъ бы въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. „Сынокъ сталъ жить своимъ умомъ“, родительскаго авторитета не признаетъ, наперекоръ отцу и матери поступаетъ. И по логикѣ противорѣчія готовъ идти гораздо дальше, чѣмъ ему нужно. Но вотъ онъ споткнулся, надѣлалъ глупостей. Отецъ и мать торжествуютъ:

— А что, видно своя воля, паря, не болѣ. Говорили мы тебѣ... Видишь теперь, къ чему непослушаніе-то приводитъ...

Сынокъ смущенъ. Онъ чувствуетъ раскаяніе. Онъ готовъ откаяться отъ сомнѣній въ превосходствѣ старины. На него находитъ полоса послушанія. Онъ насилуетъ себя, слушается отца съ матерью, всячески сдерживаетъ горечь и раздраженія. А для горечи и раздраженія причины на каждомъ шагу, ибо стариковскій укладъ слишкомъ не соотвѣтствуетъ новымъ вкусамъ и новымъ потреб-

ностямъ. И, какъ водится, горечь и раздраженіе, изрядно накопившись, прорываются наружу по самому, казалось бы, ничтожному поводу. Въ результатѣ болѣе или менѣе дикая семейная сцена... И опять сынокъ „пошелъ чертить“, „отцу съ матерью прекословить“...

Я уже не говорю, какъ благодарна эта почва для эксцессовъ и бунтарскихъ, въ бытовомъ смыслѣ этого слова, излишествъ. Для нашихъ цѣлей вполнѣ достаточно лишь иллюстрировать то положеніе, которое довольно мѣтко охарактеризовано народнымъ афоризмомъ: „туда-сюда мечешься, а на свою точку никакъ не попадешь“.

Для насъ въ данное время едва ли есть необходимость подробно выяснять, какъ отражался этотъ разладъ сердца и ума на всѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ. Достаточно общаго указанія, что онъ страшно спутывалъ и осложнялъ ихъ. Новая жизнь рождалась не только въ мукахъ противорѣчій, но и во тьмѣ. И эта тьма висѣла надъ всей страной жила въ обывательской душѣ. И если общественное движеніе послѣднихъ лѣтъ сыграло огромную роль, то не только потому, что оно частью смело, частью пошатнуло многія реальности. Его заслуга не только въ томъ, что оно двинуло впередъ реформу жизни. Оно сумѣло также двинуть впередъ и реформу мысли.

4.

Быть можетъ, послѣднія слова вызовутъ у читателя прежде всего предоставленіе объ агитаціи и пропагандѣ:

— Въ народъ съ небывалой силою потокомъ хлынули идеи, завѣщанныя человѣчеству великими борцами за свободу и право. Милліоны брошюръ. Газеты. Листки. Рѣчи депутатовъ въ Думѣ. Три избирательныя компаніи. Митинги. Агитаторы. Пропагандисты...

Все это, безъ сомнѣнія, очень важно. Все это, безъ сомнѣнія, сыграло огромную роль. Но я бы опасался придавать словесной пропагандѣ рѣшающее значеніе. И думаю, что мы неосновательно умалимъ заслуги дѣятелей освободительнаго движенія, ихъ вліяніе на реформу умовъ, если будемъ помнить только о словесной пропагандѣ.

9 января... Правительственная декларація въ первой Думѣ

13 мая... Избирательный законъ 3 іюня... Я называю первыя пришедшія на память даты. Можно спорить, почему правительство поступило въ эти дни такъ, а не иначе. Одни склонны настаивать, что оно могло поступить только такъ, какъ поступило, ибо за всякимъ другимъ ходомъ слѣдовалъ бы не только „шахъ", но и „шахъ и матъ". По мнѣнію другихъ, правительство могло поступить иначе, а если избрало этотъ ходъ, то лишь потому, что оно плохой игрокъ. Но во всякомъ случаѣ, этотъ ходъ вынужденъ,—и не словами, а дѣлами. Въ игрѣ, обусловившей его, люди выступали не только, какъ пропагандисты или агитаторы, но и какъ политическіе дѣятели. А одинъ такой фактъ, какъ напр., избирательный законъ 3 іюня даетъ обывательской головѣ такую работу, такъ заставляетъ заново переоцѣнивать привычныя цѣнности, какъ не могли бы заставить тысячи брошюръ и десятки пропагандистовъ. Обывательскія головы къ тому же разныя бываютъ. Есть и такія, отъ которыхъ, какъ горохъ отъ стѣны, отскакиваетъ какая угодно пропаганда, какая угодно брошюра. Но передъ новыми воротами, говорятъ, даже баранъ останавливается и начинаетъ критически мыслить,—правильную онъ дорогу избралъ или неправильную.

Русскій мужикъ продѣлывалъ бытовую революцію, создавалъ новую пѣсню, свидѣтельствующую о потрясеніи реальныхъ основъ существующаго строя; и вообще, по скольку дѣло касалось ниспроверженія реальныхъ основъ, мужикъ не церемонился. Но свои мечты о земелькѣ онъ координировалъ съ опредѣленнымъ государственно-правовымъ явленіемъ; онъ видѣлъ причинную связь между этимъ явленіемъ и земелькой; и эту мозговую мужицкую линію не могли поколебать не только слова „соціалистовъ", но и слова власти: „не жди земли—не будетъ".

Но вотъ такія дѣла, какъ горемыкинская декларація, какъ роспускъ первой Думы, какъ многое другое, чѣмъ ознаменовало правительство свою борьбу съ „принципомъ принудительнаго отчужденія"... Передъ столь живописными новыми воротами даже баранъ остановится и станетъ критически мыслить.

На ряду съ этими предметными уроками, прямо вызванными освободительнымъ движеніемъ, можно бы поставить множество другихъ предметныхъ уроковъ, которые явились передъ страной, какъ производное. Достаточно напомнить хотя бы только слѣдующее. Всякая революція производитъ среди населенія пертурбацію, во многомъ подобную геологическому сдвигу. Самъ по себѣ вихрь

революціоннаго подъема разбрасываетъ близкихъ людей въ разныя стороны. Но у насъ, кромѣ этого вихря, есть сугубая безработица и непрестанныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ голодовки; есть также безудержный пароксизмъ контръ-революціи: аресты, заточенія, необходимость спасаться бѣгствомъ отъ того или иного начальства, необходимость перейти на нелегальное положеніе... Все это, вмѣстѣ взятое, создало, между прочимъ, сотни тысячъ разбитыхъ семей, сотни тысячъ поводовъ идти навстрѣчу новымъ интимнымъ связямъ, безъ которыхъ трудно прожить и заброшенному въ Нарымскій или иной край мужу и оставленной на произволъ судебъ женѣ. Разрушеніе въ теченіе одного-двухъ лѣтъ сотни тысячъ семей есть катастрофа. Усугубляя эту катастрофу безпримѣрными по размаху административными ссылками и другими карами, правительство, какъ бы само о себѣ свидѣтельствуетъ, какихъ взглядовъ оно держится на „святость семейныхъ узъ“. Я понимаю, конечно, что взгляды эти демонстрированы сверху безсознательно, въ силу потребностей борьбы, какъ безсознательно, въ силу потребностей жизни, разрушались исподволь формы старой семьи снизу. Но едва ли есть возможность безсознательно пережить катастрофу. Едва ли можетъ спать чей бы то ни былъ умъ, когда создается необходимость въ массовой перетасовкѣ интимныхъ связей. Все таки подумаешь:

— А что такое, въ самомъ дѣлѣ, церковный бракъ? Почему онъ святѣе гражданскаго сожительства? Вотъ сослали парня изъ нашей деревни. Молодка его съ другимъ сошлась. И ничего, — живутъ ладно. Съ одной стороны, какъ будто нехорошо, грѣхъ. Вернется, въ случаѣ чего, мужъ изъ ссылки—каково ему будетъ? Да и теперь, — не сладко, чай, сердечному. И отъ начальства претерпѣлъ. И жена не пощадила. Однако, и такъ надо разсудить,—дѣло-то ея женское, молодое... Суббота для человѣка или человѣкъ для субботы?

Полагаю, что передъ такими фактами не только мужикъ, но и нашъ братъ-интеллигентъ остановится и подумаетъ. Они и нашего брата-интеллигента рѣзнутъ по сердцу, которое, повторяю, не такъ ужъ отрѣшилось отъ идейныхъ переживаній и не такъ ужъ далеко ушло отъ того, чтобъ послать „молодкѣ“ сосланнаго парня жестокій укоръ. А мы, казалось бы, чужды „предразсудковъ“ и готовы всячески привѣтствовать реформу бытового строя на началахъ свободнаго самоопредѣленія личности. Вотъ потому-то и велика роль освободительнаго движенія, что оно какъ бы вынуждаетъ

завершить реформу жизни логической переоцѣнкой всѣхъ привычныхъ цѣнностей, реформой мысли, которой трудно было очиститься отъ преклоненія передъ традиціонными формулами и словами.

Не въ томъ лишь суть, что реформа мысли есть разрушеніе послѣдняго устоя несоотвѣтствующихъ жизни государственныхъ формъ. Какъ ни бѣдственно для страны это несоотвѣтствіе, но судьба устарѣвшихъ формъ рѣшена. И весь интересъ лишь въ томъ, какъ скоро исторія подпишетъ и скрѣпитъ это свое рѣшеніе.

И не въ томъ лишь суть, что, благодаря освободительному движенію, передъ народомъ конкретно выясняется, какая связь между бытовыми мелочами и общегосударственными учрежденіями. Это, безъ сомнѣнія, очень важно. Но есть нѣчто не менѣе важное, это — чтобы мысль народа хоть сколько-нибудь приблизилась къ уровню его потребностей, чтобы между нею и стихійно складывающимися формами быта не было роковыхъ противорѣчій. Безъ этого условія отрицаніе стараго не можетъ претвориться въ планомѣрное творчество новаго, и новая народная психологія, доселѣ ниспровергавшая реальныя основы прошлаго, не станетъ оплотомъ, на которомъ зиждутся реальныя основы будущаго. Пока не реформирована обывательская мысль внизу, все будетъ ломаться наша психологія, какъ голосъ подростка, и не сумѣемъ мы попасть на свою точку.

А. Петрищевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СБОРНИКА.

	стр.
„Свадьба". Разсказъ А. Куприна	1
„Весною", изъ тюремныхъ преданій. А. Яблоновскаго	19
„Тетя Ларя". Разсказъ В. Башкина	29
„Амнистія". Разсказъ В. Тана	67
Стихотворенія. Н. Морозова	105
„ И. Бунина	106
„ А. Рославлева	113
„ Д. Цензора	118
„Горизонты будущаго и грани прошлаго". Д. Овсянико-Куликовскаго	3
„Замѣтки о современной литературѣ". А. Горнфельда	21
„Въ ожиданіи церковнаго собора". А. Карташева	49
„Третья дума". И. Петрункевича	67
„Дни испытаній". Ф. Кокошкина	74
„Мѣстное самоуправленіе". Н. Щепкина	103
„Нужды деревни и Государственная Дума". Кн. Д. Шаховского	130
„Еврейскій вопросъ и обновленіе Россіи". О. Пергамента	151
„Имперское единство и національный вопросъ". М. Славинскаго	159
„Не на своей точкѣ". А. Петрищева	173

Сборники „ЗАРНИЦЫ“.

Въ дальнѣйшемъ сборники „ЗАРНИЦЫ“ будутъ выходить непериодически подъ общей редакціей **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, К. М. Панкѣева, М. А. Славинскаго, кн. Д. И. Шаховского, Ф. А. Щербины и А. А. Яблоновскаго.**

Содержаніе сборниковъ: I. Беллетристика и стихотворенія. II. Художественная критика. III. Статьи по соціальнымъ, политическимъ, экономическимъ и философскимъ вопросамъ.

Для слѣдующихъ сборниковъ: кромѣ участвующихъ въ № 1 авторовъ, обѣщали сотрудничество: К. К. Арсеньевъ, Д. И. Багалѣй, Н. М. Винаверъ, В. В. Водовозовъ, Н. А. Гредескулъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, М. М. Ковалевскій, А. А. Корниловъ, В. П. Краснихфельдъ, П. Н. Милюковъ, В. П. Обнинскій, Ф. И. Родичевъ, кн. С. Д. Урусовъ, А. А. Шингаревъ и др.

За справками и съ предложеніями редакціоннаго характера обращаться къ М. А. Славинскому (С.-Петербургъ, Пушкинская, 19, кв. 11. Тел. 87—26).

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ въ книжномъ складѣ „**ЗЕРНО**“, Невскій 110. Тел. 259—15.